

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор Б.Г. ВЕБЕР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»
А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Французские историки эпохи Реставрации

В развитии европейской исторической науки период между падением наполеоновской империи и революционными бурями 1848 г. занимает совершенно особое место. Правда, и XVIII век прошел далеко не бесследно в развитии исторической мысли — достаточно назвать имена Вико, Монтескье, Вольтера, Мабли, Кондорсе, Гердера, Юма, Гиббона. Но подъем исторической науки после 1815 г. был неизмеримо более значительным: наряду с гегелевским «Разумом в истории» эта эпоха выдвигает таких историков, как О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж.-Ш. Сисмонди, Ф. Минье, Ж. Мишле, Э. Кине, Л. Ранке, Ф. Шлоссер, Т. Маколей, Т. Карлейль, К. Ботта, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев. «Я испытал счастье, — писал в 30-х годах О. Тьерри, — увидеть то, о чем я больше всего мечтал — исторические труды завоевали себе наибольшую популярность в общественном мнении; ими занялись самые первоклассные писатели. Существовало мнение, тогда казавшееся вполне обоснованным, что именно история наложит свой отпечаток на XIX в., что она даст ему имя, как философия дала свое имя XVIII в.»¹

Этот небывалый интерес к истории после 1815 г. был совершенно понятен. В течение целой четверти века, с 1789 по 1815 г., Европа жила необыкновенно бурной жизнью: рушились троны, с небывалой быстротой перекраивались границы, возникали и исчезали государства, бой барабанов почти непрерывно слышался на огромной территории от Мадрида до Москвы. За всепоглощающим смерчем Великой французской революции и коротким торжеством свободы метеором промчался Наполеон. «Пусть каждый мыслящий человек, — писал тот же Огюстен Тьерри, — ...проверит по собственным воспоминаниям то, что он читал или слышал о событиях прошлого, и он тотчас же почувствует жизнь под пылью прошедших веков. Среди

¹ *Thierry Aug. Dix ans d'études historiques. 5 éd. Paris, 1836. p. XX—XXI.*

нас, людей XIX в., нет ни одного, кто не знал бы больше Велли и Мабли, больше самого Вольтера о восстаниях и завоеваниях, распаде империй, падении и реставрации династий, демократических революциях и сменяющей их реакции»².

Перед лицом феерической смены событий нельзя было не задуматься над смыслом истории. Эпоха научила многому: она обострила видение историков, дала им возможность в новом свете понять события самых ранних веков европейской истории, протянуть от них нити к современности, подойти к пониманию подлинных движущих сил истории.

Основные сдвиги в исторической науке произошли, совершенно естественно, прежде всего во Франции. Здесь в годы Реставрации выступила новая школа историков, оставившая яркий след в развитии науки и оказавшая, по заявлениям Маркса и Энгельса, несомненное влияние на формирование их взглядов. Историю этой школы следует начинать с Огюстена Тьерри, «отца классовой борьбы во французской историографии», по очень точному определению Маркса³.

Какую роль сыграл в формировании этих новых воззрений Сен-Симон, с которым О. Тьерри в 1814—1817 гг. был весьма близко связан, остается до сих пор недостаточно выясненным. В том, что это влияние было исключительно велико и плодотворно, не приходится сомневаться, несмотря на очень быстро наступивший между ними разрыв. Не случайно, задумываясь в 30-х годах над изданием своих сочинений, О. Тьерри хотел предпослать двум томам «*Mélanges historiques*», «*Mélanges politiques et littéraires*» статью «Мои отношения с Сен-Симоном»⁴. Плеханов был прав, когда, высоко оценивая исторические воззрения Сен-Симона, утверждал: «Насколько новы и широки были его взгляды, видно из того, что его ученик Огюстен Тьерри мог совершить чуть ли не целый переворот в разработке французской истории. Сен-Симон дер-

жался того мнения, что и Гизо заимствовал у него свои взгляды»⁵.

О. Тьерри начал излагать свою новую точку зрения на историю Франции в 1817 г., когда этот «приемный сын» Сен-Симона уже порвал со своим учителем. Статьи Тьерри появились на столбцах журнала «*Le Censeur européen*»⁶, а когда издание этого органа прекратилось, он стал сотрудничать в «*Courcier français*», где в 1820 г. опубликовал десять «Писем об истории Франции». Уже в первом из них (13 июля 1820 г.), которое сам Тьерри позднее назвал своим манифестом, он с необыкновенной убежденностью доказывал необходимость полностью обновить изучение истории Франции.

² *Thierry Aug.* Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1836, p. V.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 28, с. 321.

Thierry A. Augustin. Augustin Thierry, d'après sa correspondance et ses papiers de famille. Paris, 1922, p. 143; см. также: *Bernstein S.* Saint-Simon's Philosophy of History. — Science and Society, New York, 1948, vol. XII; *Кучеренко Г. С.* Сенсимонизм в общественной мысли XIX века. М., 1975 (гл. III. Сен-Симон и Тьерри).

⁵ *Плеханов Г. В.* Соч., т. VII, с. 87; см. также очень интересную статью, написанную им в 1895 г. к 100-летию со дня рождения О. Тьерри, «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории» (Там же, т. VIII).

⁶ Эти статьи он позднее переиздал в сборнике (*Thierry Aug.* Dix ans d'études historiques. Paris, 1834), с предисловием — своего рода исповедью.

«История Франции, как ее до сих пор излагали,— писал Тьерри,— не является ни подлинной историей страны, ни национальной, ни народной историей... Лучшая часть наших анналов, самая трудная, самая поучительная, должна быть еще написана; нам еще не хватает истории граждан, истории поданных, *истории народа* (курсив наш.— В. Д.). Историческую авансцену занимает только кучка привилегированных лиц, только о ней нам рассказывают; а между тем... прогресс народных масс в сторону свободы и благосостояния кажется нам гораздо более важным, чем действия завоевателей, и их несчастья куда более трогательными, чем бедствия королей, лишившихся своей короны... Я глубоко убежден в том, что у нас до сих пор нет истории Франции... Если бы только нашлось достойное перо для того, чтобы ее написать!»⁷ Уже тогда Тьерри определил свое подлинное призвание: «Водрузить во Франции XIX в. знамя исторической реформы»⁸.

По мнению Тьерри, «история до сих пор служит врагам наших отцов». Он стремился показать связь между тем, что пережила Франция в годы революции, и борьбой, заполнявшей страницы истории Франции в ранние века ее развития, связь, которую так упорно отказывались видеть предшествовавшие ему историки. «Нет, не вчера,— утверждал он в той же программной статье 1820 г.,— Франция впервые увидела, как ее люди напрягают все свое мужество и душевные силы, чтобы создать для себя и для своих детей свободное существование. Они имеют очень давних предшественников: это крепостные, оставившие земли 700 лет назад и восстановившие стены и цивилизацию древних галльских городов. Мы, являющиеся их потомками, верим, что они чего-то стоили, что самая многочисленная и самая забытая часть нации заслуживает того, чтобы вновь жить в истории» (курсив наш.— В. Д.)⁹.

Тьерри этих первых лет — хотя уже и порвавший с Сен-Симоном, но глубоко проникнутый его идеями — действительно близок к определению, которое дал ему в 1895 г. Брюнетьер — «самый демократический» из всех французских историков. Именно тогда он пишет знаменитую статью «Истинная история Жака Простака» — призыв

создать историю французского крестьянства¹⁰. В «Письмах об изучении истории Франции» Тьерри категорически возражал тем, кто связывал распад империи Карла Великого исключительно с ошибками королей, его преемников. «Все было делом национального духа и того импульса, который исходит от масс и которому ничто не может противостоять. Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе точного отчета в том, что ими движет... При поверхностном рассмотрении может показаться, что они слепо следуют за каким-нибудь вождем, чье имя только и сохраняет история»¹¹. Но это представление глубоко ошибочно — оно игнорирует большинство (*le grand nombre*) и его определяющую роль.

Правда, позднее Огюстен Тьерри все больше становится, по правильному определению Р. Ю. Виппера, историком французской буржуазии¹². Но, как бы то ни было, водрузив первым знамя «исторической реформы», Тьерри внес во французскую историческую науку совершенно новый дух¹³.

Две основные темы привлекали в дальнейшем главное внимание Тьерри, и обе были связаны с его новыми историческими воззрениями. Одна из них — это роль завоевания в истории Англии и Франции, другая — революция

¹⁰ *Thierry Aug. Histoire véritable de Jacques Bonhomme.*— In: *Thierry Aug. Dix ans...*, p. 255—264.

¹¹ *Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France*, p. 213.

¹² См. вступительную статью Р. Ю. Виппера к русскому изданию: *Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия во Франции.* М., 1899, с. 31. О взглядах Тьерри и всей школы историков эпохи Реставрации см. также: *Бузескул В. II. Французские историки 30-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г.*— Изв. АН СССР. Сер. гуманитар. наук, 1931, № 7, и введение О. Л. Вайнштейна к Избранным сочинениям О. Тьерри (М., 1937). Отметим содержательную монографию о французских историках 20—30-х годов XIX столетия: *Резвов В. Г. Французская романтическая историография.* Л., 1956. Однако объединение таких совершенно разнородных историков, как Барант, Тьерри, Гизо, Минье, Тьер, Кине, Мишле и даже Кузен, в единое «романтическое» направление представляется нам неубедительным.

¹³ В предисловии к своим «Письмам об истории Франции» Тьерри отмечал, что он опубликовал первые десять писем, когда «еще не было „Истории французов“ Сисмонди, „Опытов по истории Франции“ Гизо, „Истории бургундских герцогов“ Баранта... произведений, явившихся подлинной революцией в своем подходе к написанию истории Франции» (*Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France*, p. 111).

⁷ *Thierry Aug. Dix ans...*, p. 275—276.

⁸ *Ibid.*, p. XII.

⁹ *Ibid.*, p. 279.

французских коммун в XI—XII вв. и их последующее развитие¹⁴.

Одна из первых статей Тьерри, посвященных истории Франции, была озаглавлена «О враждебности рас, которая разделяет французскую нацию»¹⁵. Свой крупнейший труд, написанный в первой половине 20-х годов (напряженной работой над ним оказалась для Тьерри роковой — он почти лишился зрения ко времени его завершения и окончательно ослеп к концу 20-х годов), — «Завоевание Англии норманнами» Тьерри посвятил выяснению основного, по его мнению, конфликта в истории Англии — конфликта между двумя расами: победителей — норманнов и побежденных — англосаксов. Английскую революцию XVII в. Тьерри склонен был тогда рассматривать как завершение этого многовекового конфликта. В подобном расовом конфликте Тьерри еще в 30-х годах видел как бы ключ к пониманию средневековой истории Франции, по крайней мере в период первых двух династий. В предисловии к своим «Рассказам из меровингских времен», вышедшим уже в 1840 г., Тьерри по-прежнему утверждал, что «оригинальный характер» этой эпохи состоит в «антагонизме рас»¹⁶. За несколько месяцев до смерти, готовя новое издание «Завоевания Англии», Тьерри упорно не хотел отказаться от объяснения конфликта Томаса Бекета с Генрихом II англосаксонским происхождением первого, хотя к тому времени было уже точно установлено, что Бекет сам принадлежал к норманнам¹⁷.

Но, несмотря на все это, было бы совершенно неправильно относить Тьерри к сторонникам расовой теории, хотя такой упрек еще в 30-х годах XIX в. делал ему Жюль Мишле. Вся теория завоевания, подчеркивание расового

конфликта служили Тьерри только гипотезой, попыткой объяснения происхождения классов. В истории завоевания он искал корни образования классов. «Высшие и низшие классы, — писал Тьерри в своем «Завоевании Англии», — которые с таким недоверием следят друг за другом... являются не чем иным, как народами-победителями и народами, побежденными в предшествующие эпохи»¹⁸. Когда, захлопнув книгу Юма об истории Англии, Тьерри, по собственному рассказу, воскликнул: «Все это имеет своим началом завоевание», — он имел в виду генезис классового общества. Он исходил при этом из формулы Сен-Симона: «Собственники являются потомками франков, фермеры — потомками галлов». И в Англии, и во Франции, по мнению Тьерри, «высшие классы, привилегированные — это победители и их потомки; побежденные, лишенные собственной земли и свободы, живущие не оружием, а трудом... это — горожане и сервы. Серваж — это великая несправедливость прошедших веков, результат вторжения, завоевания одной расы другой»¹⁹. Своей задачей он ставил написать «эпопею побежденных».

Эти взгляды Тьерри, как небо от земли, были далеки от расовой теории Гобино, обосновавшего в 1853 г. извечное превосходство белой расы над всеми остальными. В истории завоеваний, в столкновении рас Тьерри искал только объяснение глубокого классового конфликта, раздирающего общество в его историческом развитии. Ход истории приводит к постепенному преодолению этого первоначального конфликта: английская революция XVII в. и французская революция XVIII столетия были окончательным реваншем «побежденных». Такое представление о роли завоевания и расовых конфликтов для объяснения возникновения классов было, конечно, глубоко ошибочным — и именно это Маркс имел в виду, когда писал в 1852 г. Вейдемейеру, что в отличие от своих предшественников он показал, что «существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства...»²⁰. Но как ни велики были эти ошибки

¹⁴ «Были две проблемы, которые являлись как бы стержнем, вокруг которого вращалась теория нашей древней истории... Это вопрос о социальных последствиях вторжения франков в Галлию и о происхождении средневековых коммун. Первый доминирует над всей историей французского общества, второй — над всей историей третьего сословия... В начале моих исторических занятий какой-то инстинкт привлек меня к этим двум основным вопросам; им посвящено большинство моих работ в течение всей моей жизни» (*Thierry Aug. Considérations sur l'histoire de France. — Oeuvres*, Paris, 1851, vol. VII, p. 177—178).

¹⁵ *Thierry Aug. Sur l'antipathie de race qui divise la nation française. — Censeur Européen*, 1820, 2 avr. (перепечатана в кн.: *Thierry Aug. Dix ans...*).

¹⁶ *Thierry Aug. Récits des temps mérovingiens. Préface*, p. II.

¹⁷ *Thierry A. Augustin. Op. cit.*

¹⁸ *Thierry Aug. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*, Paris, 1830, vol. I, p. V.

¹⁹ *Ibid.*, p. IX—X; см. также у Гизо: «Франки и галлы, сеньеры и крестьяне, дворяне и разночинцы» (*Pouthis Ch.-A. Guizot pendant la Restauration. Préparation de l'homme d'Etat*, 1814—1830, Paris, 1923, p. 268).

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 28, с. 427.

Тьерри, они были только неудачным применением той новой теории о роли классов, которую он пытался обосновать.

Зато во всем блеске предстает отец «классовой борьбы во французской историографии» в освещении другой темы, которая, по признанию самого Тьерри, с самого начала его деятельности как историка «влекла к себе неотразимо»²¹ и в которой проявились все его «плебейские симпатии»²² — история борьбы французских коммун в XI—XII вв. за свое освобождение от сеньориальной зависимости. Это освобождение коммун было, по мнению Тьерри, «подлинной социальной революцией, прелюдией всех тех, которые постепенно возвысили третье сословие»²³; оно являлось «самым крупным социальным движением между установлением христианства и французской революцией»²⁴. Эти свои труды Тьерри рассматривал как «долг сыновней почтительности, рассказ о бурной жизни предшественников французской буржуазии (курсив наш. — В. Д.)... Я добивался... своего рода реабилитации для средних и низших классов, для предков третьего сословия, забытых нашими современными историками... Разночинец (roturier) по происхождению, я требовал, чтобы разночинцам была возвращена их доля славы в нашей истории»²⁵.

Тьерри настойчиво подчеркивал эту идею о дремлющей ответственности между буржуазией XVIII в., совершившей революцию, и буржуазией XI—XII вв., отвоевавшей независимость коммун: «Средний класс, или народные классы родились не вчера... Не хотят признавать всего того великого и благородного, что было в восстаниях, которые между XI и XIII вв. покрыли всю Францию коммунами, в буржуазных восстаниях и даже (? — В. Д.) в жакериях XIV в.»²⁶.

Для О. Тьерри 20-х годов — ранней и наиболее яркой полосы его творчества, когда сильнее всего сказывалось влияние Сен-Симона, — очень характерно подчеркивание того, что освобождение коммун явилось результатом инициативы снизу, результатом буржуазных восстаний, а не вмешательства королевской власти. «Наши исто-

рики, — подчеркивал он в своих «Письмах об истории Франции», — приписывают результаты народных восстаний политике королей и превращают в административную реформу одно из наиболее бурных движений в демократическом духе»²⁷. Понять сущность происходившего в XI—XII вв. могут только те, кто, «как мы», были свидетелями «устрашающего возрождения этого духа восстания против существующего порядка... В том великом движении, из которого вышли коммуны, или средневековые республики, все — и мысль и ее осуществление — было делом купцов и ремесленников, составлявших население городов»²⁸. «Открытая сила (force ouverte), а не вмешательство королевской власти» явилась решающим фактором в освобождении коммун от сеньориальной зависимости. Этот тезис тогда же, в 1820 г., встретил критику Ф. Гизо, а позднее одобрение Маркса.

Истории освобождения коммун и формирования буржуазии посвящены лучшие работы Тьерри — большая часть этюдов, вошедших в его сборники «Десять лет» и «Письма об истории Франции», его завершающий труд «История происхождения и успехов третьего сословия», вышедший за три года до смерти. Человек огромного таланта, поразительной силы исторического воображения, Тьерри, этот, по мнению Чернышевского, «гениальный писатель»²⁹, произвел сильное впечатление на всю Европу³⁰. «Читая „Историю завоевания Англии норманнами“ Огюстена Тьерри, как его же „Рассказы о временах меровингских“, — восторженно писал Белинский, — думаешь, что читаешь роман Вальтера Скотта; а между тем в этих сочинениях знаменитого историка французского нет ни одной черты, которая не основывалась бы на фактах и не подтверждалась бы хрониками; но и те, которым коротко и ученым образом знакомы были эти хроники, в творениях Тьерри впервые познакомились с той и другой эпохой, удивляясь, что в этих творениях могло оказаться столько

²⁷ Ibid., p. 224.

²⁸ Ibid., p. 230.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Соч., М., 1947, т. III, с. 737.

³⁰ «Письма об истории Франции» были манифестом целого нового направления в истории. Вслед за ними появилась «История завоевания Англии норманнами», составившая эпоху не только во французской, но и во всей европейской историографии» (Петров М. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861, с. 270).

²¹ Thierry Aug. Dix ans..., p. XXIV—XXV.

²² Ibid., p. IV.

²³ Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France, p. 111.

²⁴ Thierry Aug. Dix ans..., p. XIII.

²⁵ Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France, p. 6.

²⁶ Ibid.

жизни, поэзии и разумности»³¹. Не только пылкий Белинский, но и гораздо более сдержанный и несвободный от зависти Леопольд Ранке в 1886 г. уже в ореоле славы вспоминал: «Я признаю, что первые книги Огюстена Тьерри своей формой вызвали мое восхищение. Я говорил себе: мы не способны дать что-либо подобное». Но не менее яркое и еще более глубокое впечатление произвели на современников труды и других французских историков, выступивших вслед за Тьерри, и прежде всего Франсуа Гизо.

О. Тьерри опубликовал первую серию своих «Писем об истории Франции» в 1820 г. А уже в 1821 г. Сисмонди выпускает первый том своей «Истории французов». В 1822—1823 гг. появляются «Опыты по истории Франции» Гизо (вышедшие сперва как приложение к переизданию Мабли) и первый том истории французской революции А. Тьера. В 1824 г. выходит «История бургундских герцогов» Баранта — произведение, имевшее в те годы крупнейший успех, и «История французской революции» Франсуа Минье. В 1825 г. появляется «История завоевания Англии норманнами» О. Тьерри. В 1826 г. Гизо публикует первые два тома своей истории английской революции. В 1827 г. Тьерри издает «Письма об истории Франции», а Тьер заканчивает выпуск своей четырехтомной истории революции. В 1828 г. Гизо возобновляет преподавание в Сорбонне, в результате чего появляются его знаменитые книги «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции». Редко случается, чтобы на протяжении одного десятилетия выступила сразу такая блестящая плеяда историков. Для развития исторической науки это были «такие десять лет, каких Франция раньше никогда не знала», — так оценивал их О. Тьерри в 1840 г.³²

Нет никаких сомнений в том, что из всей этой плеяды наибольшее влияние на развитие исторической мысли в Европе, и в частности в России, оказал Франсуа Гизо. В судьбах орлеанской монархии он сыграл очень злоеущую роль, и его политика на посту министра иностранных дел и премьер-министра была одним из немаловажных факторов, обусловивших падение трона Луи-Филиппа. Далеко не всякий великий историк, как язвительно писал Сент-Бев, оказывается великим политиком. Но историком Гизо был очень одаренным, и на протяжении нескольких десятилетий его влияние было исключительно велико. Не слишком эмоциональный человек Михаил Петрович Погодин писал в 1831 г. Шевыреву: «Это время я все писал сказки и читал Гизо, с которым должна начаться новая эра в истории... со светильником Гизо как удобно теперь рассматривать всякую историю... Читал Гизо, и от его прикосновения электричество пробегает по моим членам»³³. В 1848 г. еще более восторженно отзывался о Гизо Н. Г. Чернышевский. «Читал „Цивилизацию Франции“ Гизо, — записывает он в дневнике, 12 августа. — Превосходно! Великий человек! Я много о нем и судьбе его думаю»³⁴. Под сильнейшим впечатлением «Истории цивилизации во Франции» он делает запись: «Я дочитал историю (3-й том) Гизо... Великий человек, он... решительно убедил меня в своих мнениях, которые излагает там, — человек гениальный решительно, что за светлость ума и взгляда, что за сила в мыслях, что за логика в доказательствах... Рок увлек этого человека! Но я верю в совершенную чистоту его»³⁵. Десятки записей о Гизо содержит дневник Чернышевского за этот год. В них встречаются и глубокие критические замечания, но чаще всего при чтении все новых произведений Гизо повторяется та же оценка: «Прекрасно, так что увлекаюсь, и видно, что писатель велик, как и мыслитель велик»³⁶.

³¹ Белинский В. Г. Соч., т. 12, с. 402. В личной библиотеке Белинского были «Histoire de la conquête de l'Angleterre» и «Dix ans d'études historiques» (изд. 1835 г.) (см. Литературное наследство, т. 55, с. 568). Большое влияние оказал Тьерри и на Т. Н. Грановского. С. М. Соловьев в студенческие годы перевел первый том «Завоевания Англии» на русский язык.

³² Thierry Aug. Considérations sur l'histoire de France. — In: Thierry Aug. Oeuvres. Paris, 1851, vol. VII, p. 157; см. Tronchon H. Les études historiques et la philosophie de l'histoire aux alentours de 1830. — Revue de synthèse historique, 1922, t. XXXIV; см. также направленные против Полевого «Записки москвича», опубликованные в 1829—1830 гг.: «В громе спора беспрестанно

раздавались голоса: какое новое поколение... Гизо! Тьерри! Минье! Нибур! Барант! Кузен, Шлегель» (Нечаева В. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». М., 1954, с. 426).

³³ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, кн. 3, с. 255; см. также превосходную статью Г. В. Плеханова «М. П. Погодин и борьба классов» (Плеханов Г. В. Соч., т. XXIII, с. 58).

³⁴ Чернышевский Н. Г. Соч., М., 1939, т. I, с. 84.

³⁵ Там же, с. 161—162.

³⁶ Там же, с. 155.

Поистине огромное влияние оказал Гизо на крупнейшего русского историка XIX в. С. М. Соловьева. «Из всех представителей европейской историографии никого не ставил он так высоко, как Гизо», — вспоминал ближайший ученик Соловьева В. О. Ключевский³⁷. Но и на самого Ключевского сильнейшее впечатление произвела «История цивилизации в Европе» Гизо, и именно эту книгу он, по собственному признанию, считал одним из источников своего «социально-исторического прозрения»³⁸.

Почти одновременно с Чернышевским «Историю цивилизации в Европе» читал и Ипполит Тэн. Чтение ее было для Тэна подлинным откровением. Он писал: «Я начал поиски общих законов в истории»³⁹. Десять лет спустя та же книга находит еще одного восторженного читателя в лице будущего виднейшего русского историка И. В. Лучицкого. В ранней юности он увлекался математикой, но в седьмом классе, судя по его автобиографическим записям, использованным Е. Тарле, «в руки Ивана Васильевича попали книги Гизо («История цивилизации в Европе») и Шлоссера («История XVIII века»). Эти книги произвели в его умственной жизни полный переворот»⁴⁰.

Тэн не случайно, прочтя Гизо, начал искать «общие законы в истории». В своих лекциях в Сорбонне в начале 20-х годов Гизо подчеркивал: «Если старые хроники вновь обрели в наших глазах свою прелесть, то *широкие конструкции философии истории остаются настойчивой потребностью нашего ума*» (курсив наш. — В. Д.). Сила влияния Гизо определялась прежде всего именно тем, что он пытался создать такую «конструкцию философии истории». Как историк Гизо безусловно во многом уступал О. Тьерри — у него не было той «дивинации», той огромной силы исторического воображения, которая так пленяла Белинского. В «живости исторической фантазии у

него (Гизо. — В. Д.) положительный недостаток», — с полным основанием констатировал в 1861 г. М. Петров⁴¹.

Но Гизо превосходил в 20-х годах всех своих современников способностью к историческим обобщениям, хотя он и предостерегал всех, в том числе и себя, от «стремления к поспешному обобщению» (*généralisation précipitée*). Превосходную характеристику дал ему В. О. Ключевский: «Гизо — это был громадный ум, умевший чутко в организме жизни схватывать ее костяк, скелетный строй, т. е. тот скрытый остов, запас основных идей, чувств и интересов, на котором держится весь изменчивый порядок общежития. Это историк-анатом... У него были X-лучи в уме»⁴².

Убеденный пуританин, искренне уверенный в силе божественного провидения, Гизо не испытывал ни малейших сомнений в целесообразности всего всемирно-исторического развития. Именно эта убежденность помогала Гизо бесстрашно, со всей силой его холодного, аналитического ума, вскрывать диалектику развития отдельных исторических эпох, преодолевать слабости даже наиболее одаренных представителей «морализирующей истории», отвергавших во имя нравственных критериев какое бы то ни было значение и смысл целых периодов, несколько ближе других подойти к пониманию закономерностей исторического развития.

За несколько недель до июльской революции 1830 г. Гизо писал своей второй жене: «Когда установились мои взгляды, я стал думать главным образом об общем целом, о судьбе человечества, о... законах, цели его развития». Эти судьбы не внушали ему ни малейших опасений: «Я вижу присутствие бога в законах, управляющих прогрессом человеческого рода, столь же несомненное, столь же очевидное, по-моему, даже более очевидное, чем в законах, определяющих восход и заход солнца...; с истории человечества есть для меня пробелы, огромные и обелы, но тайн для меня нет. Я многого не знаю, но понимаю все: миллионы событий мне неизвестны, но ни один из них меня не

³⁷ Ключевский В. Соч., М., 1959, т. 7, с. 131.

³⁸ См.: Винер Р. Ю. Памяти великого ученого. — Русские ведомости, 1911, 17 мая; см. также Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского. — Исторические записки, 1961, т. 69, с. 182; См. также нашу статью «Ф. Гизо и развитие русской исторической мысли» в кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970.

³⁹ Mathiez A. Taine historien. — Revue d'histoire moderne, Paris, 1907, t. VIII, № 4, p. 267; см. также: Taine H. Vie et correspondance. Paris, 1902, t. I, p. 22.

⁴⁰ Тарле Е. В. И. В. Лучицкий. — Голос минувшего, 1914, № 1, с. 44.

⁴¹ Петров М. Указ. соч., с. 262.

⁴² Рукописный отдел ГБЛ, ф. 131 (В. О. Ключевский го), л. 14/28. Выдержки из этой записи впервые опубликованы в работе: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, с. 208.

удивляет» (курсив наш.— В. Д.)⁴³. Конечно, в этой фразе очень много чрезвычайно характерного для Гизо претенциозного самомнения. Он глубоко заблуждался: тайн и для него оставалось еще очень много, и история предуготовила ему огромное количество неожиданностей. Но только эта твердая убежденность позволила Гизо создать «конструкцию философии истории», своей ясностью и логичностью пленявшую крупнейших историков на протяжении нескольких десятилетий⁴⁴.

⁴³ De Witt, née Guizot. Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis. Paris, 1880, p. 117; см. также: Реузов В. Г. Указ. соч., с. 183.

⁴⁴ Эта чрезмерная «логичность» вызывала ироническую критику Сент-Бева: «История, рассматриваемая издали, подвергается поразительной метаморфозе; она создает самую опасную из всех иллюзий — что история рациональна. Неудачи, борьба самолюбий, тысяча странных случайностей, которые и составляют ее, исчезают. Каждый случай превращается в необходимость. История Гизо слишком логична, чтобы быть истинной. Чтобы напомнить себе подлинный характер событий, нужно взять Ретца» (*Sainte-Beuve. Causeries de lundi*, p. 182). Сент-Бев имеет в виду «Мемуары кардинала Ретца», характеризующие Францию эпохи Фронды. Кстати, эти мемуары были в библиотеке Маркса.

«Идея прогресса, развития кажется мне основной идеей, содержащейся в понятии цивилизация», — утверждал Гизо в «Истории цивилизации в Европе»⁴⁵. «Когда знакомишься с европейской цивилизацией в целом, она оказывается неизмеримо богаче любой другой. Вот уже 15 столетий как она развивается и все еще находится в состоянии *непрерывного прогресса*» (курсив наш.— В. Д.)⁴⁶. В истории человечества не было ни одной случайной или бессмысленной эпохи, не было ничего излишнего. «Феодальный строй в X в. был необходимым и единственно возможным общественным состоянием»⁴⁷. «Чем был феодализм, тем он и должен был быть; то, что он сделал, он должен был сделать»⁴⁸. Такое слепое признание целесообразности каждого шага в истории вызвало позднее у Чернышевского, когда он освободился от первоначального восхищения Гизо, резкий протест. Но эта глубокая убежденность в наличии закономерностей истории, в присущей ей логике развития, это утверждение, что «общество никогда не распадается прежде, чем в его среде не создается новое»⁴⁹, не могли не импонировать читателям Гизо. «Приятно находиться на корабле в бурю, когда знаешь, что не погибнешь», — это заявление Гизо охотно цитировал Г. В. Плеханов.

Признание исторической закономерности — его отстаивал в конце 20-х годов очень близкий к Гизо известный эклектик Виктор Кузен, испытывший на себе сильнейшее влияние Гегеля, — было далеко не единственной чертой, определявшей особенности Гизо как историка⁵⁰. Вслед за Тьерри он признавал необходимость изучения «гражданской истории», общественных отношений. Изучению чисто политической истории должно предшествовать изучение «устройства общества»; «политический строй,

⁴⁵ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la révolution française. Paris, 1863, p. 14.

⁴⁶ Ibid., p. 35.

⁴⁷ Ibid., p. 87.

⁴⁸ Ibid., p. 109.

⁴⁹ Guizot F. Histoire de la civilisation en France, vol. I, p. 314.

⁵⁰ Из работ о Гизо, кроме исследования Путаса, впервые использовавшего богатейший личный архив Гизо (*Pouthas Ch.-A. Guizot pendant la Restauration*. Paris, 1923), см.: O'Connor M. C. The Historical Thought of Fr. Guizot. Washington, 1955; Johnson D. Guizot. Aspects of French History (1787—1874). London; Toronto, 1963.

по необходимости, является выражением, отражением общественного строя»⁵¹. К этой мысли Гизо возвращается неоднократно. «Разумнее изучать прежде всего самое общество, чтобы узнать и понять политические учреждения. Прежде чем стать причиной, учреждения являются следствием; общество создает их прежде, чем они начинают его видоизменять»⁵². Разумеется, для правильной оценки Гизо-историка нужно не забывать, что эти здравые идеи постоянно переплетаются у него с чисто идеалистическим и даже теологическим пониманием истории, неизбежно вытекавшим из всего пуританского мировоззрения Гизо.

Интерес к изучению материальных, и прежде всего экономических, отношений обнаруживается у него очень рано. В 1812 г. Гизо — ему было всего 25 лет — был привлечен впервые к преподаванию в Сорбонне. Уже тогда в письме к своему близкому другу, будущему историку Фориэлю (ставшему и ближайшим другом О. Тьерри), Гизо, отмечая, что «история является главным предметом его занятий», подчеркивал: «В средние века, как и сейчас, была политика, политическая экономия, администрация, земледелие. Они были неизвестны как науки, но они существовали, они определяли судьбы мира; мы должны их изучать сейчас во всеоружии знаний... Я убежден в этом и примусь за их изучение»⁵³. В первые годы Реставрации Гизо был занят государственной деятельностью, но, когда превратности политической жизни вновь вернули его к истории, он снова проявил интерес к экономическим вопросам. В 1820 г., ознакомившись с работами Гюльмана, он писал тому же Фориэлю: «Гюльман стоит большего, чем это Вам кажется. Его взгляды неполны и потому наполовину неверны. Но у него можно научиться и идеям и фактам. Он очень хорошо показал влияние преобладания земледелия (*prédominance du système agricole*) на политический строй и, пользуясь этой нитью, удачно проследил смену (*les vicissitudes*) различных общественных отноше-

ний»⁵⁴. Любопытно, что многочисленными исследованиями Гюльмана интересовался позднее и Маркс⁵⁵.

Особенности своего подхода к истории Гизо формулировал так: «Я говорил о значении моральных факторов... Но есть ряд совершенно противоположных соображений, которыми до сих пор слишком пренебрегали: я имею в виду материальные условия общества... До сих пор недостаточно считались с изменениями, которые вносят крупные кризисы в материальное существование людей... Эти изменения имеют гораздо больше влияния на все общество, чем думали до сих пор... Это все факты, имеющие исключительное значение: простое изменение в материальной жизни мощно воздействует на цивилизацию. Каждая великая революция вносит в общественный строй изменения этого рода, и с ними нужно обязательно считаться»⁵⁶. Можно не сомневаться, что именно эти мысли Гизо (как и Тьерри) имели в виду Маркс и Энгельс, когда писали в «Немецкой идеологии» о том, что «французы и англичане... сделали первые попытки дать историографии материалистическую основу, впервые написав истории гражданского общества, торговли и промышленности»⁵⁷.

В исторических работах Гизо 20-х годов разбросано немало интересных замечаний, свидетельствующих об известном приближении к пониманию роли экономических и социальных факторов в истории. Так, говоря о последствиях крестовых походов, Гизо подчеркивал уменьшение числа небольших доменов и концентрацию собственности: «...в результате крестовых походов формируют-

⁵¹ Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif. Paris, 1822, t. II, p. 290.

⁵² Guizot F. Essais sur l'histoire de la France. Bruxelles, t. I. 1837, p. 87.

⁵³ Guizot F. Lettres à Fauriel. Publiées par A. et K. Glachant. — La Nouvelle revue, 1901, t. XII, N 52, p. 349. Пугас отмечает интерес Гизо к экономическим явлениям еще в 1808 г., когда он готовил издание книги Грббона. См.: Pouthas Ch. La jeunesse de Guizot. Paris, 1936, p. 359.

⁵⁴ Guizot F. Lettres à Fauriel. — La Nouvelle revue, 1901, t. XII, N 52, p. 353. Возможно, что Гизо читал исследование Гюльмана (Hüllman K. D. Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland. Berlin, 1806—1808. Bd. 1—2). Основную мысль Гюльмана харьковский историк М. Н. Петров излагал так: «Так как господствующее промышленное занятие народа усиливает обыкновенно его общественное устройство, то не удивительно, что в древней Германии оно развивалось под влиянием заметного преобладания сельскохозяйственного быта над промышленным и городским. Оттого устройство это было там только подражанием, в больших размерах и в более развитых и сложных формах, устройству обыкновенного сельского хозяйства или имения. Все выводы опираются на добросовестное изучение источников» (Петров М. Указ. соч., с. 69). Гюльмана изучал также С. М. Соловьев.

⁵⁵ См.: Далин В. М., Непомнящая Н. И. Исторические книги в библиотеке Маркса. — В кн.: Маркс-историк. М., 1968.

⁵⁶ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 91.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 27.

ся и увеличиваются крупные феодалы». Рост крупных городов также связан был с тем, что крестовые походы сильно подтолкнули мировую торговлю⁵⁸. Крестовый поход против альбигойцев во главе с Симоном Монфором в начале XIII в. Гизо рассматривал как «борьбу феодалов севера против попытки демократической организации юга». Его важнейшим социальным последствием явилось восстановление на юге Франции феодального строя.

Рассматривая историю английской революции, Гизо в 20-х годах — позднее он резко изменил свою позицию — отводил известное место анализу социальных сил, действовавших в Англии XVII в. Он отмечал чрезвычайно быстрый торговый расцвет Англии, а с другой стороны, поразительный рост количества новых земельных собственников из среды мелкого дворянства («джентри») и буржуазии. Палата лордов (т. е. высшее дворянство) в начале XVII в., по мнению Гизо, была гораздо менее богатой, чем палата общин. Одновременно происходили развитие промышленности и крупнейшие перемещения среди земельных собственников. По словам известного английского историка К. Хилла, в работах Гизо по истории английской революции проявилось «больше понимания классовых сил в революции, чем в трудах большинства современных английских историков»⁵⁹.

Гизо вслед за Тьерри рассматривал муниципальные революции XII в. как важнейшее звено в истории формирования французской буржуазии. Правда, уже в 1820 г., сейчас же после опубликования первых «Писем» Тьерри в «*Courrier français*», выявились разногласия в вопросе об отношении к королевской власти и «муниципальным революциям». Тьерри, как мы помним, отводил главную роль в завоевании независимости коммун действиям самой буржуазии, ее борьбе; королевская власть, по его мнению, выступала как союзница коммун только в отдельных случаях, движимая исключительно соображениями расчета. Гизо — и в этом, конечно, сказались его

ограниченные классовые и политические симпатии — очень настороженно отнесся к этому выводу. «Почему г. Тьерри,— писал он Клоду Фориэлю 25 октября 1820 г.,— в своей последней статье настаивает на том, что короли не имели отношения к освобождению коммун и, подобно сеньорам, только уступали силе... Я мог бы привести много фактов из прошлого, которые, по моему мнению, противоречат мнению Тьерри... Но факты более близкие, история парламентов и установления абсолютной власти на развалинах власти и прерогатив аристократии, говорят в пользу существования длительного союза между королями и третьим сословием. Оно ошибалось, когда, чтобы спастись от аристократии, поддерживало королевскую власть в надежде, что короли сохранят ему свободу. XVII и XVIII века обнаружили эту ошибку. Но и короли ошиблись, предположив, что после того, как они окажут содействие развитию третьего сословия и его освобождению от крупных сеньоров, они станут навсегда неограниченными хозяевами. Революция показала им это»⁶⁰. В этом споре Гизо-политик, Гизо — защитник и апологет конституционной монархии явно превалирует над Гизо-историком; политика диктует историку точку зрения.

Эта стычка уже тогда, в 1820 г., обнаружила противоречия, присущие школе историков эпохи Реставрации. Но тогда это разногласие (позднее Тьерри приблизился к точке зрения Гизо) оказалось мимоходом. В «Истории цивилизации в Европе» Гизо, наоборот, подчеркнул свою солидарность Тьерри именно в вопросе о значении восстаний для освобождения коммун: «Я говорю восстание и делаю это намеренно. Освобождение коммун было результатом восстания, подлинной войны, развязанной населением городов против своих сеньоров... Хотя все оставалось в местных рамках, но благодаря освобождению повсюду возникал новый класс. Образование сильного социального класса буржуазии (*formation d'une grande classe sociale de la bourgeoisie*) было необходимым результатом локального освобождения буржуа... Это был класс европейской буржуазии на первых ступенях его развития»⁶¹. Гизо считал одним из важнейших результатов освобождения коммун «*борьбу классов, борьбу, которая наполняет*

⁵⁸ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 212—213. Один из знатоков экономической истории Франции, Анри Озе, считал, что Гизо в своих лекциях по истории римской Галлии дал одним из первых «образец изучения экономической истории» (Hauser H. L'histoire économique de l'ancienne France.— In: Travailleurs et marchands dans l'ancienne France. Paris, 1923, p. 10—11.)

⁵⁹ Hill Ch. The English Civil War Interpreted by Marx and Engels.— Science and Society, 1948, t. XII, p. 132; см. также: Johnson D. Op. cit., p. 352.

⁶⁰ Guizot F. Lettres à Fauriel.— La Nouvelle revue, 1901, t. XII. Впервые это письмо было опубликовано в 1885 г. Жюлем Симоном (Simon J. Thiers, Guizot, Rémusat. Paris, 1885, p. 24).

⁶¹ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 181—182.

всю новую историю. Новая Европа родилась из борьбы общественных классов» (курсив наш.— В. Д.)⁶².

Маркс недаром даже в 1850 г., когда Гизо как политический деятель успел уже вызвать всеобщее негодование, критикуя его работу «Почему удалась английская революция?», относил Гизо к числу самых умных людей старого порядка, к числу тех, «кому ни в коем случае нельзя отказать в своего рода таланте историка»⁶³.

Несомненно, что Марксу уже в 40-х годах были хорошо известны основные труды Гизо (они были в его парижской библиотеке⁶⁴), и он изучал их с большим интересом. К мнениям, неоднократно высказанным Марксом в печати, к его высказываниям в переписке, к факту наличия книг Гизо в библиотеке Маркса можно добавить также авторитетное свидетельство Г. В. Плеханова: «Пишущий эти строки из личных бесед с Энгельсом знает, что как сам Энгельс, так и Маркс считали себя во многом обязанными научным трудам того же Гизо и других французских историков времен Реставрации» (курсив наш.— В. Д.)⁶⁵.

Школа французских историков эпохи Реставрации не могла, разумеется, не коснуться и Великой французской революции, вокруг оценки которой шла тогда ожесточеннейшая схватка и идей, и совершенно реальных, материальных интересов. Н. И. Кареев был прав, когда указывал, что только в годы Реставрации «начинается настоящая научная разработка прошлого Франции, в которой нашло свое место и изучение французской революции»⁶⁶. Оно связано прежде всего с именами А. Тьера и Ф. Минье, хотя нужно признать, что в книге Ф. Буонарроти «Заговор во имя равенства», вышедшей в 1828 г., содержался великолепный очерк истории революции, который высоко оценил позднее А. Матвез.

Успех четырехтомной работы Тьера в первое десятилетие после ее опубликования был очень велик. Но ее научные недостатки, вследствие которых она в отличие от его же «Истории консульства и империи» очень скоро была предана забвению, довольно быстро были замечены уже

современниками. Томас Карлейль очень язвительно отметил, что Тьер если он и делает какие-нибудь ссылки, то только на целые книги; он никогда не снисходит до указания не только страниц, но даже глав. По мнению Карлейля, книги Тьера могли быть полезны только для людей, ничего не знающих об истории революции⁶⁷. «Тьер в смысле исторической достоверности и даже правильности оценки,— писал Энгельс в 1851 г.,— ни на волос не выше даже жалкого тори Саути»...⁶⁸ Чрезвычайно мягкий в своих суждениях Н. И. Кареев считал, что «исторический оппортунизм доведен Тьером до крайних пределов... Если одерживалась победа, значит, так и надо было: победителей не судят, тому же, что потерпело поражение, туда и дорога»⁶⁹.

Другой оценки заслуживает в исторической перспективе труд Минье. «Из буржуазных историков,— писал Энгельс Домеле Ньювенгейсу в 1886 г., больше чем через 60 лет после появления книги,— я по-прежнему предпочитаю Минье»⁷⁰. И это не случайно. В изложении фактов и исторических подробностей Минье неизмеримо более скуп, чем Тьер. Но уже Тьерри считал главным достоинством Минье как историка то, что он «наделен поразительным талантом обобщения фактов»⁷¹.

Значительно уступая Тьерри в отношении живости исторического воображения, а Гизо — в глубине исторического анализа, Минье создал все же очень цельную, ясную, хоть и краткую, историю революции, проникнутую глубокой убежденностью в закономерности всего хода событий. Это вызвало у критиков Минье (и еще больше у критиков Тьера) обвинение в своеобразном фатализме.

⁶⁷ См.: Gooch G. P. History and Historians in the XIX Century. 3rd ed. London, 1952, p. 191.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 188.

⁶⁹ Кареев Н. И. Указ. соч., т. 1, с. 120.

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 370. В архиве ИМЛ сохранился экземпляр труда Минье с отчеркиваниями и замечаниями Энгельса.

⁷¹ Thierry Aug. Dix ans..., p. XXIII. М. Петров также отмечал у Минье «редкий систематический ум и... искусство группировать события. По этим качествам он стоит в одном ряду с Гизо, тем более что и слог его, трезвый, точный, математический, напоминает автора „Истории французской цивилизации“» (Петров М. Указ. соч., с. 283). Гуч также говорит, что Минье пользовался репутацией «французского Ранке», оспаривавшего у Гизо «титул крупнейшего французского историка первой половины XIX в.» (Gooch G. P. Op. cit., p. 188).

⁶² Ibid., p. 183.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 218.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 385.

⁶⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. VIII, с. 91, прим. 1.

⁶⁶ Кареев Н. И. Историки французской революции, т. 1. Французские историки первой половины XIX века. Л., 1924, с. 96.

Уже в первой своей исторической работе «О феодализме, учреждениях при святом Людовике и влиянии законодательства этого государя» (1822) Минье утверждал, что с самого начала существования французской монархии «люди меньше управляли вещами (les choses), чем вещи — людьми», «вещи действуют с последовательностью, по необходимости и пользуются людьми как средством и со-бытием как поводом»⁷².

Эту точку зрения Минье последовательно развивал и в своей «Истории французской революции», вышедшей двумя годами позднее. Во введении, которое Альбер Сорель считал одним из шедевров исторической литературы⁷³, он определил так задачи своего исследования: «Я хочу начертить вкратце историю французской революции, начавшей для Европы новую эру... Эта революция изменила не только политическую власть, она изменила все внутреннее состояние нации... Цель была достигнута. Вопреки анархии и вопреки деспотизму, старое общество было разрушено во время революции, а новое утвердилось при империи»⁷⁴. В этом же введении Минье формулировал свое ставшее знаменитым положение: «Было бы смело утверждать, что ход вещей не мог оказаться иным, но совершенно верно, что революция, с причинами, ее вызвавшими, и страстями, ей помогавшими или ею возбужденными, должна была иметь и этот ход, и этот исход»⁷⁵.

Как все буржуазные историки эпохи Реставрации, в особенности Гизо, в меньшей мере Тьерри в первых работах, Минье крайне отрицательно относился к революционной диктатуре якобинцев, к проявлениям народной инициативы. Однако при всем своем враждебном отношении к «multitude» (термин, заменяющий у него народ) Минье — и это требовало известного мужества в год восшествия на престол Карла X, бывшего графа д'Артуа, закоренелого врага революции, — отстаивал закономерность и историческую оправданность действий якобинцев. Несмотря на все свои симпатии к жирондистам, он все же считал их неспособными справиться с трудностями 1792—1793 гг.: «Как могли бы они победить внешних врагов без фанатиз-

ма, обуздать партии без террора, прокормить народную массу без максимума, содержать армии без реквизиции?»⁷⁶. В первых изданиях своей книги Минье утверждал: «Три года диктатуры были потеряны для свободы, но не для революции»⁷⁷. Этот вывод Минье достаточно сопоставить с заявлением его современника Сент-Бева: «Честный человек не мог быть монтаньяром»⁷⁸.

Далеко не всегда последовательно, конечно, но все же достаточно отчетливо подчеркивал Минье роль классовой борьбы в развитии французской революции. Во введении к XII главе (о Директории), подводя итоги шести лет революции, Минье писал, что каждый класс стремился создать удобное ему правительство: «Привилегированные хотели установить свой порядок против двора и против буржуазии, сохраняя сословия и Генеральные штаты; буржуазия хотела установить свой порядок против привилегированных и против народа (la multitude) посредством конституции 1791 г.; а народ хотел установить свой режим против всех посредством конституции 1793 г. ...»⁷⁹.

В этом признании роли классовой борьбы заключалась сильнейшая сторона французских историков 20-х годов. «Со времени введения крупной промышленности... в Англии ни для кого уже не было тайной, — писал Энгельс в «Людвиге Фейербахе», — что центром всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвращением Бурбонов. *Историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков*» (курсив наш. — В. Д.)⁸⁰.

Борьба классов, однако, явилась ключом к пониманию не только французской истории, но и судеб ее историографии.

В развитии исторической науки редко бывали течения,

⁷² Цит. по: Бузескул В. П. Указ. соч., с. 827.

⁷³ Sorel A. Nouveaux aspects d'histoire et de critique. Paris, 1898, p. 82.

⁷⁴ Mignet F. Histoire de la révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814. Paris, 1861, vol. I, p. 1—2.

⁷⁵ Ibid., p. 3—4.

⁷⁶ Ibid., vol. II, p. 2.

⁷⁷ Mignet F. Histoire de la révolution française, Bruxelles, 1840, vol. II p. 152 (цит. по: Кареев Н. И. Указ. соч., т. 1, с. 106); см. также: Petit E. François Mignet. Paris, 1889, p. 225.

⁷⁸ Sainte-Beuve. Premiers lundis, vol. I, p. 93.

⁷⁹ Mignet F. Histoire de la révolution française, vol. II, p. 170.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 308.

имевшие столь ясное и очевидное классовое направление, как школа французских историков эпохи Реставрации. Гизо определил его совершенно точно, утверждая в одной из своих парламентских речей в 1837 г.: «Я верен политической идее, которая руководила мною всю мою жизнь. Да, сегодня, как и в 1817, как и в 1820, как и в 1830 гг.... я служу всеми своими силами политическому преобладанию средних классов во Франции... окончательному закреплению той великой победы, которую средние классы одержали... между 1789 и 1830 гг.»⁸¹.

Тьерри, Гизо, Минье, Тьер признавали наличие классовой борьбы во Франции между XII и XIX вв. Но смысл всей исторической эволюции они видели именно в том, что эта борьба постепенно уступает место, по словам Гизо, «сосуществованию на законной почве» (*coexistence légale*). В истории «ни один из классов не мог победить или подчинить себе другие... Классы постоянно боролись и презирали друг друга... и тем не менее постепенно они сближались... Во Франции XVII—XVIII вв. социальное и моральное отчуждение классов было еще очень глубоким, однако нет никаких сомнений в том, что слияние с тех пор чрезвычайно ускорилось... возникла подлинная французская нация, которая не является каким-нибудь одним классом, но включает в себя все классы»⁸². Англия дает наиболее яркий образец того, как следует «щадить все интересы, все силы, примирять их». Отличительная черта английской истории заключается в том, что ни одна из борющихся сил не исчезает полностью, ни одна не одерживает окончательной победы. С известным опозданием такая же эволюция происходит и во Франции: «История Франции уже с XI в. обнаруживает тенденцию к объединению всех социальных элементов. Это основной факт истории французской цивилизации»⁸³.

Основным инструментом постепенного сближения классов, даже их слияния Гизо считал конституционную монархию. Уже в XII в.—вспомним полемику Гизо с Тьерри в 1820 г. по вопросу о роли монархии в «освобождении» коммун — она, по мнению Гизо, становилась «великим мировым судьей в стране»⁸⁴. Чем дальше, тем больше именно

она заставляет все элементы общества «действовать совместно, несмотря на их враждебность»⁸⁵. Так смелая, поражающая современников «конструкция философии истории» Гизо приобретает узкую политическую направленность. Путас определил ее вполне точно: «Идея, ради которой он в действительности построил всю свою философию истории, начал свои научные занятия, — поставить всю историю на службу представителю правления, описать всю современную Европу, начиная от ее зарождения, от варварских нашествий, для того, чтобы найти для конституционной монархии вековые права»⁸⁶. Через все бури человечество идет к спасительной гавани представительного правления (конечно, под просвещенным управлением «средних классов»). С этой точки зрения для Гизо июльская революция 1830 г., установление орлеанской монархии и были вступлением в обетованный порт человеческой истории.

Огюстен Тьерри, несмотря на то что в начале 20-х годов явно расходился во взглядах с Гизо⁸⁷, в конце концов приходит к тем же выводам. «Я никогда не рассматривал, — писал он, подводя итоги своего жизненного пути, — революцию 1830 г. как победу одного класса нации над другими классами, но видел в ней завоевание безопасности для всех посредством сохранения и развития конституционного режима»⁸⁸. Никакой попытки классового анализа орлеанской монархии Тьерри не делает — она является для него идеальным государством. По его собственному признанию, он верил, что «с 1830 г. мы вступили в гавань, предугазанную нам шесть столетий назад»⁸⁹. В апреле 1848 г., объясняя свою резко отрицательную по-

⁸⁵ Ibid., p. 257.

⁸⁶ Pouthas Ch. Guizot pendant la Restauration, p. 312.

⁸⁷ В 1834 г., перепечатывая в своем сборнике «Десять лет исторических работ» статью 1819 г., содержавшую резко отрицательную характеристику английской революции 1688 г., Тьерри снабдил ее примечанием, в котором подчеркнул отличие французской революции 1830 г. как «национальной» от революции 1688 г. При этом он оговорился: «Впрочем, если бы я и теперь придерживался тех мнений, которые были у меня в 24-летнем возрасте, я, наверное, перенес бы и на эту революцию и ее политические результаты то же пристрастное и презрительное суждение; возраст сделал меня меньшим энтузиастом в отношении идей и более снисходительным по отношению к фактам» (Thierry Aug. Dix ans..., p. 102, note).

⁸⁸ Thierry A. Augustin. Op. cit., p. 283.

⁸⁹ Ibid., p. 226.

⁸¹ Guizot F. Histoire parlementaire. Paris, 1863, vol. III, p. 74.

⁸² Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 184.

⁸³ Guizot F. Histoire de la civilisation en France, vol. II, p. 67.

См. также: *Резюэ Б. Г.* Указ. соч., с. 208.

⁸⁴ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 236.

зицию по отношению к февральской республике, Тьерри писал, что в 1830 г. осуществились все его «желания и политические мечтания»⁹⁰.

История, однако, меньше всего собиралась задерживаться в «обетованной гавани» Июльскй монархии. Ее установление сопровождалось яростными боями и возникновением новых социальных антагонизмов. Но их прихода даже такому проникательному историку, как Огюстен Тьерри, поразительно ясно вскрывшему социальные противоречия во Франции XII в., была совершенно непонятна. «Я ничего не понимал, — признавал он сам, — в той яростной оппозиции, которую очень умные и патриотически настроенные люди противопоставляли самому разумному и наиболее патриотичному из всех королей, которых когда-либо имела Франция»⁹¹.

В развитии французской исторической школы июльская революция явилась рубежом — закончился период ее «величия» и «блеска»; наступил упадок. Ряд виднейших ее представителей, начиная с Гизо, стали «государственными мужами» новой буржуазной монархии. «И зачем его (Гизо. — В. Д.) понесло в министры, — наивно и укоризненно писал в 1831 г. М. П. Погодин. — Министров во Франции много, а историки там рождаются веками. Мне предосадно было»⁹². Правда, 20 лет спустя, уже после свержения монархии, Гизо вернулся к своей научной деятельности, но это был уже совсем не тот Гизо, и Маркс, при всем своем прежнем к нему уважении как к историку, должен был констатировать, что «des capacités de la bourgeoisie s'en vont»⁹³ (таланты буржуазии уходят). Ушел в «государственную» деятельность и Адольф Тьер. «Я боюсь, что в эту зиму, — писал ему в 1838 г. его ближайший друг Ф. Минье, — политика отнимет тебя у истории. По правде говоря, я даже не представляю себе, что может случиться иначе»⁹⁴. И хотя сам Минье предпочел шаткому министерскому креслу более устойчивую карьеру «непременно-го секретаря» академии «моральных и политических наук»,

ни его многочисленные эрудированные этюды по истории XVI—XVII вв., ни блестящие, но поверхностные «éloges» — «похвальные слова» умершим и вновь избранным академикам — не стали новым словом в развитии исторической науки. В ней навсегда остался только Минье 1824 г., Минье — автор «Истории французской революции»,

Одним из наиболее влиятельных историков во Франции 30-х годов становится Жюль Мишле, опубликовавший в 1833—1843 гг. первые шесть томов «Истории Франции», а в 1847 г. два тома «Истории французской революции». Но взгляды Мишле во многом отличались от взглядов историков эпохи Реставрации, и как раз наиболее сильные стороны их мировоззрения не получили развития в многочисленных работах Мишле.

Свою научную деятельность он начал еще в 20-х годах, когда чрезвычайно увлекся Вико. Июльскую революцию он принял восторженно. Гизо и другие «друзья у власти» обеспечили Мишле и место директора в одной из секций Национального архива, и кафедру в Сорбонне, а потом и в Collège de France. Однако его отношение к этим друзьям — историкам 20-х годов было по существу достаточно критическим. Правда, в 1829 г. он считал «Историю завоевания Англии норманнами» Огюстена Тьерри «самой прекрасной исторической книгой нового времени» и писал ее автору об испытанном им чувстве восхищения: «Вы не нуждаетесь, чтобы неизвестный человек повторил вам то, что утверждает вся Европа»⁹⁵. Но уже тогда он относился очень отрицательно к тому, что он называл «расовой теорией» Тьерри, видя в ней проявление «фатализма». Такое же настороженное отношение проявилось у него к Гизо, многие идеи которого он не понял или не оценил.

В 1872 г., подводя итоги своих исследований по истории Франции, он писал о своих предшественниках: «Я начал писать с конца 1830 г... Я столкнулся с рядом великих историков, которых создала эта плодотворная эпоха. Одни из них — политики, люди дел, как Вильмен, Тьер и Ги-

⁹⁰ Ibid., p. 221 («j'avais arrêté à 1830 tous mes désirs et tous mes rêves politiques»).

⁹¹ Ibid., p. 221.

⁹² Барсуков Н. Указ. соч., кн. 3, с. 255.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 22².

⁹⁴ Petit E. François Mignet. Paris, 1889, p. 154.

⁹⁵ Viallaneix P. La voie royale. Essai sur l'idée du peuple dans l'oeuvre de Michelet. Paris, 1959, p. 189—190 (письмо Мишле — Тьерри от 29 марта 1829 г.). Монография Виаллане является лучшим исследованием о Мишле; автор ее использовал ряд фонов недостаточного или вовсе не изученных наиболее авторитетным из биографов Мишле — Моно.

во; они рассказывали факты, но не искали законов, которые ими управляют (упрек в отношении Гизо явно незаслуженный. — В. Д.). Об этих законах истории заботились только Огюстен-Тьерри и Минье: фатализм рас, фатализм идей и партий... Политические историки казались мне непоследовательными по отношению к своему собственному принципу: свободная игра человеческой деятельности. С другой стороны, Тьерри со своим расовым фатализмом давал объяснение неполное, не видел за расами климат и местные обстоятельства, создающие и видоизменяющие их. Я понимал, что... мне многое придется сделать самому, что я вынужден буду копать до основания»⁹⁶. Эти оценки показывают, что Мишле не понимал сколько-нибудь верно ни Гизо, ни Тьерри.

Его собственная философия истории, изложенная уже в 1831 г. во «Введении к всемирной истории», не отличалась особой глубиной: «Вместе с появлением мира началась война, которая закончится вместе с миром и не раньше: война человека против природы, духа против материи... История только рассказ об этой войне»⁹⁷. В 1871 г. Мишле повторил то же определение истории как «последовательной победы (victoire successive) человеческой свободы над предопределением природы (fatalités de la nature)»⁹⁸.

«История давила на нас как неизбежность, — писал Мишле в 1847 г., — в действительности же историю делаем мы сами, она не является нашим тираном»⁹⁹. Все эти определения делали честь свободолюбию Мишле, ненавидевшему деспотизм с наполеоновских времен, свидетелем которых он был, но они мало чем обогащали научную мысль.

Как раз то, что составляло сильнейшую сторону историков периода Реставрации — признание роли классовой борьбы, — почти полностью отвергалось Мишле, и это особенно наглядно сказалось в его «Истории французской революции». Правда, в ней есть блестящие страницы, которые высоко ценили такие разные люди, как Герцен и Прудон, Жан Жорес и Люсьен Февр. Главное внимание в своей «Истории» Мишле стремился уделить «народу»: «Народ стоял по большей части неизмеримо больше своих вожakov... Самые блестящие ораторы совершенно ошибочно

считаются главными и единственными актерами. Они скорее испытывали влияние, чем оказывали его. Главным актером был народ». Мишле считал, что в истории революции нужно отвести самое скромное место «честолюбивым марионеткам, в действиях которых до сих пор искали смысл скрытой игры истории»¹⁰⁰.

Но в этом «народе» он вовсе не склонен был видеть классовые различия. «Виктор Гюго в истории», автор «лирической эпопеи» Мишле поднимался до подлинного вдохновения, когда описывал те эпизоды, в которых, как ему представлялось, французский народ выступал как единая нация. В предисловии к первому тому своей «Истории революции» Мишле с восторгом писал, что он будет описывать 1789 г., — «священную эпоху, когда вся нация, без различия партий, не зная еще вовсе (или очень мало) классовые противоречия, шествовала под знаменем братства»¹⁰¹.

Мишле упрекал Бюше и Ру, авторов известной «Парламентской истории французской революции», опубликованной в 30-х годах и тщательно изучавшейся позднее Марксом, в том, что они «выдвинули на первый план в истории революции вопросы, которые называют социальными, вечные вопросы, возникающие между собственниками и несобственниками, между богатыми и бедными, вопросы, которые сформулированы сегодня, но которые в революции появляются в других формах, еще смутных и неясных, и занимают второстепенное место» (курсив наш. — В. Д.)¹⁰².

Он отказывается придавать какое-либо самостоятельное значение разгрому мануфактуры Ревельона как выступлению рабочих — «этот класс еще не родился». Авторы «Парламентской истории», по мнению Мишле, не видели главного: «Какой бы голод ни испытывал тогда народ, он подчинил вопросы желудка вопросам идей. Нельзя не заметить, что в самых тяжелых испытаниях революция в принципе была славной умственной революцией, дочерью философии, а не дефицита. У дверей булочных, как и у входа в собрание, гораздо больше говорили о вето, чем о голоде»¹⁰³.

¹⁰⁰ Michelet J. Histoire de la révolution française. Paris, 1847, vol. I, p. XVIII.

¹⁰¹ Ibid., p. XIX.

¹⁰² Ibid., p. 548.

¹⁰³ Ibid., p. 552—554 («...la Révolution était, dans son principe, glorieusement spiritualiste, fille de la philosophie et non pas d'un déficit»).

⁹⁶ Viallaneix P. Op. cit., p. 191.

⁹⁷ Michelet J. Introduction à l'histoire universelle. Paris, 1831, p. 5.

⁹⁸ Viallaneix P. Op. cit., p. 247, note 84.

⁹⁹ Ibid., p. 183.

С точки зрения Мишле, разделение на классы является «неопределенным, временным, во всяком случае пагубным». Энтузиазм вызывает у него ночь 4 августа: «После этой чудесной ночи нет больше классов, а только французы; нет провинций — только одна Франция»; в эту ночь отмирающее (expirante) дворянство дало «великий пример буржуазной аристократии»¹⁰⁴. Между тем еще за полвека до Мишле, сейчас же по следам событий, Бабеф очень трезво и точно определил эту ночь как «мнимую ликвидацию феодализма».

«История французской революции» Мишле — несмотря на блестящие главы о роли парижских секций, на все стремление писать историю революции «снизу», а не как парламентскую историю — мало чем могла содействовать пониманию подлинных социально-экономических, классовых пружин революции, как и всей истории Франции. В этом отношении по сравнению с Гизо и Тьерри он делает значительный шаг назад. Во всяком случае труды Мишле ничего не могли дать для формирования материалистического понимания истории — и не случайно о них не упоминают ни Маркс, ни Энгельс.

Из всей плеяды историков 20-х годов наиболее верным своим взглядам оставался Огюстен Тьерри. Правда, «дружья у власти» не слишком великодушно с ним поступили: Гизо и Тьер были уже министрами, Минье получил пост «шостоянного секретаря» академии, а Тьерри все еще оставался в униженном положении ожидающего очереди. 25 марта 1834 г., почти через четыре года после июльской революции, Шатобриан сочувственно писал ему: «Увы, вы испытываете то, что приходится испытывать всем людям: ваши друзья, обласканные счастьем, стали рассеянными... Но какой позор для Франции, что человек с вашими достоинствами лишен возможности продолжать свои труды, тогда как низких и посредственных людей осыпают золотом, постами и почестями»¹⁰⁵. Был момент, когда глубоко оскорбленный Огюстен Тьерри грозил, что ему придется обратиться к своему брату Амедею Тьерри (тоже историк, сразу после революции назначенному префектом) с просьбой о выдаче «свидетельства о бедности» (certificat

¹⁰⁴ См. новейшее издание: *Michalet J. Episodes de la révolution française*. Paris, 1966, p. 61—64.

¹⁰⁵ *Thierry A. Augustin*. Op. cit., p. 296 (annexes).

d'indigence). Преисполненный горечи, Тьерри писал тогда, что история — это «гнилая лодка, которая потопила своего хозяина»¹⁰⁶.

Дело объяснялось не только слепотой историка: все последующее показало, что он сохранил свой талант и работоспособность. Свидетельством этому явились «Рассказы из меровингских времен», «Размышления об истории Франции» и коронный труд Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия». Доктринер и формалист Гизо считал невозможным допустить Тьерри к преподаванию в высшей школе, поскольку он не прошел некоторых формальностей (не получил agrégation — права на преподавание в высшей школе), хотя тот же Гизо, предлагая Тьерри написать школьный учебник по истории Франции, подчеркивал не без тщеславия: «Между нами, я не знаю никого, кроме вас и меня, кто мог бы хорошо это сделать»¹⁰⁷. В конце концов вопрос был урегулирован. Гизо создал в 1834 г. комиссию по собиранию документов по истории Франции, прежде всего по истории третьего сословия, и Тьерри было поручено заниматься этой его любимой темой. Она отняла у него почти два десятилетия.

Но именно Тьерри, наиболее последовательному из историков, взгляды которых сложились в эпоху Реставрации, пришлось пережить моральную катастрофу: ход исторического развития оказался вовсе не таким, каким он его себе представлял. Буржуазная ограниченность мировоззрения жестоко за себя отомстила. Но у одного Тьерри хватило мужества, как мы сейчас увидим, признать свою неудачу.

Всех историков Реставрации — Гизо, Тьерри, Минье и Тьера — отличала одна общая черта: резко выраженное недоверие к инициативе народных масс, чрезвычайно отрицательное отношение к тому короткому периоду в истории Франции, когда «чернь» диктовала свою волю. Страстные защитники 1789 г., они ненавидели 1793 г. Все они могли объяснить и даже в какой-то мере признать историческое значение этой эпохи, но повторения ее они не хотели ни в коем случае. В предисловии к «Десяти годам исторических работ» Тьерри признавался: «К ненависти по отношению к военному деспотизму... к режиму империи у меня присоединялось глубокое отвращение к ре-

¹⁰⁶ Ibid., p. 131.

¹⁰⁷ Ibid., p. 128.

волюционной тирании» (курсив наш.— В. Д.)¹⁰⁸. Гизо даже в своей лучшей и наиболее либеральной работе «История цивилизации в Европе» требовал «не умалчивать» об «ошибках и тирании... примешавшихся к триумфу человеческого разума в конце прошлого века»¹⁰⁹. В низших классах он видел воплощение «всей человеческой подлости»¹¹⁰.

Вся эта группа историков считала, что установление конституционной монархии в 1830 г. (подобно «славной революции» 1688 г. в Англии) дает возможность навсегда предотвратить какие бы то ни было новые революционные взрывы. Именно в таком настроении спокойно и уверенно работал Тьерри в 30—40-х годах над «Историей происхождения третьего сословия». «С точки зрения нашей национальной истории, как она представлялась в эти годы,— писал позднее, в 1853 г., Тьерри в предисловии к этой книге,— историк, окидывая взором семивековой период и возвращаясь к окружающим явлениям, замечал правильное развитие гражданского и политического прогресса, а на двух концах пройденного пути видел одну и ту же нацию, одну и ту же монархию, связанными между собой, вместе видоизменяющимися, причем последующие изменения, казалось, освещены были новым договором единения. С этой точки зрения история Франции поражала красотой единства и простоты; я живо чувствовал величие подобного зрелища, и под его впечатлением я задумал соединить в одно цельное изложение факты, отмечающие на протяжении веков постепенное развитие третьего сословия, его темное начало, его медленное, но постоянное воздействие на социальную жизнь страны, союз между национальной традицией и признанием свободы. На эту точку зрения, которая была мне указана самим ходом вещей, я и стал в своем труде... веруя, что перед моими глазами открывается провиденциальное завершение труда веков, начиная с XII столетия. Весь отдавшись своему делу...

¹⁰⁸ Thierry Aug. Dix ans..., p. II, VIII.

¹⁰⁹ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 358. И в своих характеристиках населения средневековых городских коммун, и в истории английской революции Гизо неизменно с отвращением подчеркивает «все пороки», свойственные «черни», присущий ей дух «слепоты, разнузданности, жестокости».

¹¹⁰ См.: Бузескул В. П. Указ. соч., с. 808; см. также у Тьера: «...низкая чернь, всегда готовая оскорблять гений, добродетель; беда, когда ее к этому призывают» (Thiers A. Histoire de la révolution française, t. II, p. 293):

я спокойно подходил к эпохе XVIII в., вызвавшей столько споров»¹¹¹. Но тут случилось нечто, совершенно не предвиденное историком, опрокинувшее всю его концепцию исторического развития: «Над нами разразилась катастрофа февраля 1848 г. Я был потрясен ею вдвойне, как гражданин, во-первых, и затем как историк. Силой этой новой революции, исполненной того же настроения и тех же угроз, что и первая в свои худшие моменты, история Франции, казалось, была опрокинута так же, как и сама Франция» (курсив наш.— В. Д.)¹¹².

Тьерри был поражен прежде всего силой классового антагонизма между буржуазией и пролетариатом, так как это противоречило всей схеме его и Гизо о неизбежности сближения прежде враждовавших между собой классов. Он обвинил поэтому «системы» (в первую очередь социалистические), «которые стремятся разделить на взаимно враждебные классы массу нации, ныне единую и однородную»¹¹³.

Крупнейшая, непреходящая заслуга французских историков эпохи Реставрации состояла в том, что они вскрыли антагонизм между буржуазией и феодальным дворянством. Но сделать следующий шаг помешала им буржуазная ограниченность. К социализму бывший ученик Сен-Симона относился с яростной враждебностью, боялся дожить до победы социалистов. «Что касается меня лично,— писал он в апреле 1848 г. своей близкой приятельнице, итальянке княгине Бельджозо,— то я предпочитаю, чтобы господь убрал меня из этого мира хотя бы от руки этих жестоких фанатиков»¹¹⁴.

Потрясенный не предвиденным им ходом событий, О. Тьерри в полном смятении писал в 1850 г. Анри Бодрильону: «Вопрос о судьбах третьего сословия является узловым во всей нашей истории, и он казался мне до последнего времени совершенно ясным и неоспоримым: я разглядел тайну замыслов провидения по отношению к нам. Сейчас, я признаюсь, меня одолевают сомнения... Как с прежней уверенностью продолжать писать историю до 1789 г., историю, которую я довел от XII в. до царствава-

¹¹¹ Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия/ Вступит. ст. Р. Ю. Виппера. М., 1899, с. 33—37.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ La princesse Belgiojoso et Augustin Thierry.— Revue des deux mondes, 1921, p. 371.

ния Людовика XIV... На чем теперь может покоиться уверенность в судьбах Франции, которую я полагал в союзе монархической традиции с принципами свободы, в конституционном правительстве? Вот сомнения, которые все больше меня охватывают и которые сменили мою прежнюю неизблемую веру»¹¹⁵.

Но Тьерри ожидал еще один исторический переворот, который он тяжело перенес, — установление Второй империи. Выросший в обстановке ненависти к деспотизму Наполеона, несмотря на все его триумфы, он относился с величайшим презрением к его жалкому преемнику. Крушение представительного режима он переживал чрезвычайно глубоко. В 1852 г. он писал: «Наконец, конституционная свобода, этот культ всех честных умов... исчез в том же кораблекрушении, что и демократические свободы, анархия и социализм 1848 г.... Я видел, как исчез парламентский режим — эта мечта моей молодости, предмет всех моих желаний как публициста». Как ни радовала Тьерри ликвидация социальной опасности, угрожавшей собственнической Франции, он никак не мог примириться с уничтожением политической свободы: «Я нахожусь в положении человека, жизнь которого спасена, но который чувствует, что он потерял все, что придавало цену его жизни»¹¹⁶.

Подлинным реквиемом, признанием крушения всех его исторических представлений является письмо Тьерри, написанное в октябре 1852 г., накануне провозглашения империи: «Мы приближаемся галопом к империи; нация уже закусила удила. Я не пророк, но на другой день после 24 февраля я сказал, что таков будет исход этого печального и невероятного безумия французской республики. Возможно, что ремесло историка меня обманывает, но я вижу во всем доказательство всемогущества истории по отношению к человеческим судьбам, которые, как многим казалось, управляются чистым разумом и логикой».

Так рушилась вся историческая концепция человека, который 30 лет назад уверенно поднимал знамя «исторической реформы». «Непредвиденная катастрофа (революция 1848 г. — В. Д.) отрезала нас от всей нашей великой истории, истории, длившейся восемь столетий; мы не мог-

ли к ней вернуться... мы пришвартовались к маленькой истории, к истории консульства и империи, и мы зацепились за нее со всем неистовством утопающих... Я могу остаться только таким, каким вы меня видели: приверженцем и плакальщиком по 1830 г.»¹¹⁷ В развитии исторической мысли мы знаем еще только одно такое же потрясающее признание краха всех своих исторических предвидений — Фридриха Майнеке в 1945 г.!

Установление империи привело Тьерри в совершенно подавленное состояние. Он писал княгине Бельджозо, бежавшей от итальянской реакции в Малую Азию: «Вы находитесь в пустыне и вы любите ее с непонятным для меня упорством; у меня пустыня внутри меня самого. В настоящем нет ничего, за что я мог бы уцепиться, и — увя! — ничего в будущем: я с трудом влачу свои дни»¹¹⁸. Тьерри не мог больше продолжать свой труд, он его оборвал и издал незавершенным: «Я приостановил свой труд, — писал он во введении к «Происхождению», — чувствуя упадок духа, который легко понять, и история, доведенная мною до конца царствования Людовика XIV, не пошла дальше»¹¹⁹.

Как раз тогда, когда перо выпало из рук Тьерри, Маркс писал свои знаменитые работы «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В развитии исторической мысли открылась новая блистательная страница. Материалистическое понимание истории нашло замечательное подтверждение в ходе тех самых событий 1848—1851 гг., которые разрушили концепцию историков эпохи Реставрации.

¹¹⁷ Ibid., p. 857—858.

¹¹⁸ Ibid., p. 859.

¹¹⁹ Тьерри О. История происхождения..., с. 37.

Некоторые тематически связанные материалы

Б. Реузов. Французская романтическая историография. 1815-1830
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p110912249.htm>

М. Алпатов. Политические идеи буржуазной историографии XIX в. (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, А. Токвиль, И. Тэн и др.)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81345698.htm>

Работы о Тьерри <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#thierry>

Работы о Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

¹¹⁵ Thierry A. Augustin. Op. cit., p. 226.

¹¹⁶ La princesse Belgiojoso et Augustin Thierry. — Revue des deux mondes, 1925, p. 852—853.

Памяти
Альберта Захаровича МАНФРЕДА

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор *Б.Г. ВЕБЕР*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Токвиль и Вторая империя

(К истории написания «Старого порядка»)

Токвиль как историк и его труд «Старый порядок и революция» вызывают разную оценку. Его чрезвычайно высоко ставил не только Н. И. Кареев, что можно объяснить, в общем, буржуазно-либеральным характером его взглядов, но и блестящий, прогрессивный историк революции в XX в. Жорж Лефевр¹. Наиболее спорный тезис в книге Токвиля о росте мелкой крестьянской собственности до революции поддерживал П. Кропоткин и такой авторитетный советский специалист по аграрной истории Франции, как С. Д. Сказкин. Однако в советской историографии была высказана и противоположная точка зрения. Так, М. А. Алпатов характеризует Токвиля как чисто «дворянского историка», «выразителя чаяний французского дворянства XIX в.». Он считает, что революция, по Токвилю, «принесла Франции тяжелый вред», а ее результаты «были только отрицательные». Вся книга явилась «полным перенесением на историческую почву излюбленных идей Токвиля о дворянстве и буржуазии... В «Старом порядке» дворянские мотивы Токвиля не только сохранились, но еще более усилились»².

Новейшую интерпретацию работы Токвиля дает Франсуа Фюре. Он считает себя последователем Токвиля, «которому он многим обязан»³. Но основную идею Токвиля он видит только в доказательстве преемственности (continuité), непрерывной связи между старым порядком и революцией. «Вовсе не являясь разрывом (rupture), она может быть понята только как историческая непрерывность»⁴. Она только завершает дело монархии: «Французское общество при Луи-Филиппе больше всего напоминает

нам французское общество при Людовике XVI»⁵. В этом и только в этом видит Фюре заслугу Токвиля.

Оспаривать дворянские и роялистские симпатии графа Алексиса де Токвиля было бы совершенно неосновательно. Они устойчиво у него сохранялись и явно видны в «Старом порядке». «Навсегда останется заслуживающим сожаления то обстоятельство, — писал он в главе «Своеобразная свобода, встречавшаяся при старом порядке», — что вместо того, чтобы подчинить дворянство господству законов, совершенно уничтожили его и вырвали с корнем. Этот акт лишил нацию одного из необходимых элементов ее существа и нанес свободу такую рану, которая никогда не заживет. Класс, столько веков шедший во главе общества, в этом продолжительном обладании неоспоримым величием приобрел известную гордость души, естественную уверенность в своих силах и привычку быть предметом общего внимания, — привычку, делавшую его точкой наибольшего сопротивления в общественном организме. Дворянство не только в своей среде воспитывает мужественные нравы, но своим примером усиливает их также в других классах. Его уничтожение обессиливает всех, не исключая и его врагов»⁶. Правда, — и это очень важно — Токвиль тут же добавляет, что «исчезнувшее дворянство... никогда не возродится. Оно может возратить себе титулы и земли, но не души своих предков» — но это, конечно, не умаляет его явно аристократических симпатий.

Достаточно ли этого для столь категорической оценки Токвиля и его труда? Можно ли отрицать значение «Старого порядка» как серьезного исторического исследования? Исчерпывался ли идейный мир Токвиля этими дворянскими симпатиями?

Мы не собираемся давать здесь оценку политических и социальных идей Токвиля — вопрос, вызвавший и вызывающий продолжительную и сложную полемику⁷. Мы ставим перед собой несравненно более узкую и скромную задачу — обрисовать ту обстановку, в которой Токвиль приступил к работе над своей книгой, выяснить ее пред-

¹ Lefebvre G. A propos de Tocqueville. — Annales historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1955, p. 141.

² Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М., 1949, с. 12.

³ Le Nouvel observateur, 1978, N 732, p. 128 (La révolution et ses fantômes. Беседа с Ф. Фюре).

⁴ Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978, p. 29.

⁵ Ibid., p. 41.

Tocqueville A. de. L'Ancien régime et la révolution. Introduction par G. Lefebvre. — In: Tocqueville A. de. Oeuvres complètes/ Sous la direction de J.-P. Mayer. Paris, 1952, т. II. p. 170 (пер.: Токвиль А. Старый порядок и революция. Пр., 1948, с. 94)

⁷ Geiss J. Tocqueville und das Zeitalter der Revolution. München, 1972.

ствуется отзыв, услышанный тогда же, в 1835 г., Александром Тургеневым (братом известного декабриста Николая Тургенева) от самого Талейрана. «Талейран, — писал А. Тургенев в своей «Хронике русского», опубликованной в пушкинском «Современнике» и отредактированной А. С. Пушкиным, — называет его (Токвиля) книгу умнейшей и примечательнейшей книгой нашего времени»⁸. Руайе-Коллар, виднейший французский либерал этой эпохи, прочитав книгу, заявил, что «после Монтескье не появлялось ничего подобного»⁹. Повторяем, мы не собираемся вдаваться в анализ идей Токвиля, изложенных в этой книге, отметим лишь, что он сумел в ней проявить несомненную проницательность и дальновидность.

Об этом можно судить хотя бы по одному его предвидению о предстоящих судьбах России и Соединенных Штатов: «На земле, — писал он, — существуют сейчас два народа, которые, начав по-разному, устремляются сейчас к общей цели: это русские и англо-американцы... Все другие народы как будто бы достигли пределов, которые отвела им природа, и должны только сохраняться, но эти находятся еще на стадии роста; только они легким и быстрым шагом продвигаются на ристалище (*dans une carrière*), границы которого не видны еще глазу... Их отправные точки неодинаковы, их пути различны; тем не менее каждый из них как будто бы призван по тайному замыслу providения держать когда-нибудь в своих руках судьбы половины мира»¹⁰. Такое пророчество в 1835 г., почти полтора века назад, о будущем тогда крепостнической России и рабовладельческих Штатов мог сделать только человек смелой и оригинальной мысли. Достаточно вспомнить, с каким нескрываемым скептицизмом писал об Америке немногим позднее в «Мартине Чезлвите» Чарлз Диккенс, посетивший американский Запад, и то, что писал в 1839 г. о России Николая I маркиз де Кюстин.

варительный план и те соображения, которые его побудили изменить этот план. Эта предыстория «Старого порядка», как нам представляется, имеет важнейшее значение и для понимания идеи книги, и для оценки ее автора.

«Старый порядок», как хорошо известно, не был первым произведением Токвиля. В 1831 г. еще молодой Токвиль вместе со своим другом, графом Гюставом де Бомоном, был направлен в Соединенные Штаты для изучения проведенных там реформ в тюремном режиме (введение отдельных камер). Друзья — Бомон до конца жизни Токвиля оставался его ближайшим другом и политическим единомышленником — пробыли в Штатах всего лишь восемь месяцев, но в результате этого короткого пребывания появилась не только совместная работа о тюремной системе в Америке, но и знаменитая книга Токвиля «О демократии в Америке». Эта книга, вышедшая в 1835 г., сразу принесла 30-летнему Токвилю и широкую известность и избрание членом Академии моральных и политических наук (в 1840 г., после издания второго тома «Демократии», Токвиль стал и членом института). Об успехе книги свидетель-

⁸ Тургенев А. И. Хроника русского: Дневники. М., 1964. с. 73.

⁹ Кареев Н. И. Истории французской революции, т. 2. Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. Л., 1924, с. 9. Умеренный консерватор, но умный человек граф П. А. Валуев, министр внутренних дел, писал в своем дневнике в 1861 г.: «Читаю *oeuvres postumes de Tocqueville* (посмертные произведения Токвиля. — В. Д.). Когда у нас будут так писать? Когда у нас будут свои Токвили?» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961, т. 1, с. 76).

¹⁰ *Tocqueville A. de De la démocratie en Amérique*. 13e éd. Paris, 1850, p. 504—505.

В 1839 г. Токвиль был избран во французский парламент. Но почти десятилетнее его пребывание там вплоть до революции 1848 г. не приумножило его известности: слабый оратор, он почти ничем себя не проявил, кроме речи в январе 1848 г., в которой предсказал приближение революции. После февраля он безраздельно примкнул к контрреволюционному собственническому блоку. В своих «Воспоминаниях» (написанных в 1852 г., но опубликованных, согласно его завещанию, только полвека спустя, в 1893 г.) он писал: «Я все время считал, что движение февральской революции... можно остановить только сражением в Париже...; было жетательно дать это сражение при первом же случае»¹¹.

Все же в июньские дни в его поведении была одна особенность, очень важная для понимания его дальнейшей судьбы, — он голосовал в Учредительном собрании против введения осадного положения. «Я делал это скорее по инстинкту, — объяснял он в «Воспоминаниях», — чем по размышлению. Я по натуре своей отношусь с таким презрением и с таким великим ужасом к военной тирании, что эти чувства вызывают целую бурю в моей душе, когда при мне начинают говорить об осадном положении, — и они подавили даже сознание нависшей опасности»¹². Правда, он писал об этом своем голосовании как об «ошибке, которая, к счастью, нашла мало подражателей».

Как бы то ни было, после июньских дней в позиции Токвиля наступил перелом: «Я, — писал он в «Воспоминаниях», — ненавидевший монтаньяров и не дороживший республикой, но обожавший свободу, на следующий же день после июньской победы стал сильно опасаться за судьбы последней»¹³.

Для изучения его дальнейшего поведения мы располагаем превосходным первоисточником — перепиской между Токвилем и тем же его ближайшим другом Гюставом де Бомоном¹⁴, избранным в Законодательное собрание,

бывшим одно время послом Второй республики в Лондоне, а затем в Вене, целиком разделявшим политические взгляды Токвиля. По этой переписке иногда неделя за неделей можно проследить все перипетии политических столкновений во Франции этого времени и позицию, которую занимал Токвиль.

Еще в августе 1848 г. обстановка казалась Токвилю совершенно ясной — он был убежден, что на предстоящих в декабре президентских выборах республиканский кандидат, июньский победитель генерал Кавеньяк будет избран. «Все предвещают, — писал он Бомону 22 августа 1848 г., — что Кавеньяк будет избран без всяких затруднений»¹⁵. Но уже в сентябре одновременное избрание принца Луи-Наполеона на дополнительных выборах в Париже и в пяти департаментах вселяет в него величайшие опасения: «Луи-Наполеон для нас и для республики стал самой большой и самой постоянной опасностью»¹⁶. Чем дальше, тем сильнее становилась тревога Токвиля. «Что мне кажется самым страшным, это быстрое падение популярности Кавеньяка», — писал он Бомону 24 сентября 1848 г. (61). С присущей ему проницательностью он подчеркивал в письме от 20 октября: «Я должен вам признаться, что считаю избрание Бонапарта весьма возможным» (*extrêmement probable* — 74). «Мне бы не хотелось, — пишет он неделю спустя, 27 октября, — чтобы вы считали меня дурным предсказателем. Но что же вы хотите — это мои подлинные чувства. Я по-прежнему испытываю великую тревогу (*grande peur*), и она увеличивается вместо того, чтобы уменьшаться... Все, включая *растущее увлечение крестьян* (курсив наш. — Токвилю нельзя отказать в трезвой наблюдательности. — В. Д.), дает основания для тревоги» (79—80). «Не нужно заблуждаться, — констатирует он 4 ноября, — кандидатура Луи-Наполеона на чистом французском языке означает „Долой республику“» (86).

«Вы не можете себе представить, — сообщает он 10 ноября в Лондон, где Бомон стал послом, — до какой степени стала не популярна республика за последние три месяца» (92). И даже после того, как частичные выборы в конце ноября оказались благоприятными для республиканцев, пессимизм не оставляет Токвиля. «Несмотря на это, — пишет он 3 декабря, — я придерживаюсь твер-

¹¹ *Tocqueville A. de. Souvenirs.* Paris, 1893 (рус. пер. см. в кн.: Революция 1848 г. во Франции в воспоминаниях современников. М., 1934, с. 494).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ *Correspondance d'Alexis de Tocqueville et de Gustave de Beaumont.* — In: *Tocqueville A. de. Oeuvres complètes.* Paris, 1967, vol. VIII. Том разделен на три части. Переписка за 1848—1851 гг. входит в состав второго выпуска VIII тома, подготовленного Андре Жарденом.

¹⁵ *Ibid.*, vol. 2, p. 31. Дальше указания страниц по этому второму выпуску VIII тома даются в скобках в тексте.

¹⁶ *Tocqueville A. de. Souvenirs...*, p. 229.

до, как скала, той же печальной мысли, что мы потерпим поражение, этой мыслью, впрочем, я ни с кем не делюсь» (114). Через пять дней, 8 декабря, он повторяет свое предсказание: «Как я вам много раз писал, более чем вероятно, что мы очутимся перед лицом президентства принца Луи-Наполеона. Мое намерение в том случае, если это произойдет, уйти в отставку» (115).

Выборы 10 декабря вполне подтвердили этот печальный прогноз. Луи-Наполеон был избран огромным большинством. «Хотя я и ожидал неблагоприятного результата для Кавеньяка,— реагировал на эти выборы Бомон 14 декабря,— я не предполагал, что он окажется столь ошеломительно благоприятным для Луи-Наполеона» (118).

* * *

Токвиль не осуществил, однако, своего намерения уйти в отставку. Более того, 2 июня 1849 г. в кабинет Одилона Барро, который был «первым и последним *парламентским министерством*, созданным Бонапартом»¹⁷, он вошел в качестве министра иностранных дел. Бомон был назначен послом в важнейший тогда центр европейской континентальной политики — в Вену. Кабинет Барро — Токвиля был попыткой компромисса: умеренно-конституционные круги в собрании надеялись удержать Луи-Наполеона в рамках существующего строя, а президент после демонстрации Горы 13 июня не хотел, вероятно, сразу обострять свои отношения с собранием.

Но компромисс длился очень недолго, всего лишь около четырех месяцев, до октября 1849 г. Давая свои объяснения в палате по поводу французской военной интервенции в Риме для защиты папы, правительство, как показалось Луи-Наполеону, оставило его совершенно в тени. Президент ответил на это «маленьким переворотом» — он дал отставку кабинету. Токвиль объяснял этот шаг стремлением Луи-Наполеона создать впечатление, что он сам управляет, и «страхом, что его хотят оставить в тени, с тем чтобы страна постепенно потеряла его из виду» (232).

Отстранение правительства Барро, пользовавшегося полной поддержкой большинства собрания, было, конечно, со стороны президента вызовом, объявлением войны. «Но он вовсе не боится войны с собранием,— объяснял

Токвиль,— он к ней стремится; он ищет случая унизить его и показать всей Франции, что он гораздо сильнее собрания» (234).

Тем не менее Токвиль не ожидал еще немедленных дальнейших шагов Луи-Наполеона к установлению авторитарного режима — империи. В письме к Бомону от 4 ноября 1849 г. он дал очень тонкий психологический портрет Луи-Наполеона (кстати, лично к Токвилю президент относился с большим уважением): «Я достаточно хорошо изучил президента. Это человек с навязчивой идеей, который откажется от мысли об империи только при последнем вздохе; он смел до опрометчивости и безумия, но в то же время он апатичен; он никогда не делает двух усилий сразу. Он тешит свое самолюбие, считая, что унижил собрание и всех руководителей партий и значительно возвысил себя в глазах Франции. Пока что ему этого достаточно. Он этим будет довольствоваться некоторое время, пока не возникнет нового повода для того, чтобы он перепрыгнул через пропасть. Но то, что верно по отношению к нему, неверно по отношению к его окружению. Там только и живут мыслью о выступлении. Если я правильно осведомлен, вокруг него собирают всех людей действия (*hommes de main*), создают новое общество десятого декабря, одним словом, готовятся к войне» (233).

В письме от 28 ноября Токвиль дополняет эту свою характеристику, преисполненную презрения по отношению к Луи-Наполеону. «...Хотя у президента в сердце и в голове есть некоторые не всем присущие черты, это самый жалкий заговорщик, который когда-либо предстал перед лицом нации... После того как ею руководили самые великие люди новейшего времени, мы готовы сейчас броситься в объятия самого слабого и посредственного завоевателя» (252). «Актер явно не подходит к роли, и вокруг него еще более посредственные скоморохи, и тем не менее у него большие возможности для того, чтобы спектакль удался» (251), — таков печальный и полностью сбывшийся прогноз Токвиля в конце 1849 г.

У него не было также никаких иллюзий в отношении большинства и в собрании и в стране. Пусть они и боятся империи, но «еще меньше они любят республику и в особенности боятся дать доступ красным. Чтобы избежать их, они готовы броситься в объятия дьявола» (234).

После своей отставки разочарованный Токвиль, у которого появились первые признаки болезни — туберку-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 157.

лез легких, так рано сведший его в могилу (1859 г.), — на долгие месяцы берет отпуск в палате депутатов и уезжает лечиться в Италию, в Сорренто. Он пишет там свои «Воспоминания», обдумывает другие планы, к которым мы еще вернемся, но в то же время жадно следит за политической обстановкой, за надвигающимся решающим конфликтом между президентом и собранием, конфликтом, приближающим Вторую республику к гибели. Этого он опасается больше всего, хотя и ощущает парадоксальность своей позиции: «Это не слишком соответствует нашим позициям и нашему прошлому; мы превратились в защитников республики после того, как были ею побеждены, мы вынуждены ее защищать против большинства страны, потому что в основе всего сейчас республика, которой угрожает опасность» (116). «Крестьяне (*les cultivateurs*) не верят в республику и боятся ее, — пишет он 9 сентября 1850 г., — средние классы от нее в ужасе, а высшие классы принимают ее только на худой конец (*un pis-aller*) в ожидании лучшего» (295) — этому классовому анализу Токвиля нельзя отказать в ясности.

Все учащающиеся «булавочные» уколы собранию со стороны Луи-Наполеона все больше убеждают Токвиля, что решающий конфликт надвигается: «Отношения между ним и собранием таковы, что они не могут так долго продолжаться, и вскоре появится повод, который побудит его отделаться от собрания». Токвиль, конечно, на стороне собрания, но он ясно видит главную опасность — нарастающую изоляцию собрания: «Вожди парламента впадают в иллюзию по поводу силы своего влияния в стране» (310).

После удаления президентом с поста командующего национальной гвардией генерала Шангарнье, на которого больше всего рассчитывало собрание, Токвиль поддерживает оказанное парламентом сопротивление — «отступить здесь значило погибнуть» (*reculer ici, c'était mourir* — 368). Но он ясно отдает себе отчет во все более меняющемся соотношении сил: «Собрание находит слабую поддержку в стране...; оно многое потеряло... Вот почему я считаю и непрерывно об этом твержу, что шансы на будущее за ним... (Луи-Наполеоном — В. Д.). Общим явлением мне кажется движение нации от свободы в сторону концентрации и постоянства власти... Меня не успокаивает, что претендент заурядный и неполноценный человек. Не он ведет, его несут к власти. Карлик на гребне огромной волны

может достигнуть вершины скалы. Я убежден, что реальная сила, — писал Токвиль 29 января 1851 г., — на стороне президента» (369). Собрание потеряло «моральную силу в стране» (416).

Эта трезвая оценка соотношения сил, ясное понимание опасности все надвигающегося «президентского триумфа» побудили Токвиля выступить в защиту компромисса. В 1852 г. предстояли новые президентские выборы. По конституции 1848 г. переизбрание президента воспрещалось. Но было совершенно очевидно, что Луи-Наполеон и все его окружение, все «общество 10 декабря» ни за что не согласится на добровольный отказ от власти и доходов. Токвиль высказался поэтому за пересмотр конституции с тем, чтобы предусмотреть возможность переизбрания. Он доказывал, что умеренные республиканцы от этого выигрывают: «Президент не усилится от этого продления полномочий, и после нового четырехлетнего срока у него будет еще меньше возможностей, чем теперь, стать императором, между тем население привыкнет к республике» (294—295). Такие аргументы Токвиль выдвинул еще в сентябре 1850 г., но при этом тут же меланхолически заметил: «Увы, не разум, а страсти ведут мир» (250). Токвиль был чужд иллюзиям. Он считал «почти утопическим» возврат Луи-Наполеона к разумной и мирной политике. «Уже давно продолжается авантюристическая политика: она сейчас более ярко выражена, чем когда-либо. Является ли она необратимой? Это точно нельзя сказать, зная характер человека» (393). Но такую попытку апелляции к «разуму» Токвиль считал все же совершенно необходимой.

Он вернулся в Париж и, несмотря на всю свою нелюбовь к парламентским процедурам, вошел в комиссию по вопросу о пересмотре конституции и выступил даже от ее имени с докладом. Предложение о пересмотре собрало большинство, но относительноное, тогда как по конституции решение о ее пересмотре требовало большинства в две трети собрания. Компромисс отпал — конфликт в этих условиях становился неизбежным. Правда, Бомон был настроен более оптимистически. Он предполагал, что произойдут стычки, но «в серьезный кризис никто не верит; все считают, что он отсрочен», в 1851 г. не предвидится «никакого насильственного кризиса» (323). Однако Токвиль, учитывая настроения в стране, смотрел на все гораздо более трезво. «Страх перед красными, с одной сто-

роны, ненависть к Орлеанам — с другой, подталкивают к нему с такой силой, — писал он 22 октября 1851 г., — что в конце концов этот результат станет неизбежным. Я убежден поэтому больше, чем когда-либо, в триумфе президента не благодаря тому, что он делает... а вопреки всему, что бы он ни делал» (417). У Токвиля было чрезвычайно мрачное настроение: «Иногда, когда я разговариваю, мне кажется, что я прогуливаюсь в сумасшедшем доме» (410). Со всей силой убежденности он писал 14 сентября 1851 г. в предвидении неизбежного кризиса: «У меня есть только одно твердое намерение, которому я всегда буду следовать: добиться того, чтобы в результате этого кризиса победили наши свободы или погибнуть вместе с ними. Все остальное имеет только второстепенное значение. Но это вопрос жизни и смерти» (408). Намерениям Токвиля нельзя отказать ни в решительности, ни в благородстве!

* * *

Ждать оставалось недолго. 2 декабря 1851 г. государственный переворот, «18 брюмера Луи-Наполеона», которого так опасался и так ясно предвидел Токвиль уже с зимы 1848 г., произошел.¹⁸ Токвиль был в числе тех депутатов, которые собрались в помещении 11-го округа после роспуска собрания. Вместе с ними он подвергся кратковременному аресту. Вскоре после освобождения он покинул Париж. Он отказался принести присягу, хотя отдавал себе отчет в том, что «это продлится долго». «Зрелище этой страны меня угнетает», — писал он. Все внушает ему «отвращение, презрение, утомление». Он говорит о «внутренней эмиграции»¹⁸. «Наши свободы погибли безвозвратно. Сейчас я в этом убедился, — писал он Бомону 13 января 1852 г. — Меня охватывает такая тоска, что я готов умереть (*je suis triste à mourir*). Я этого опасался уже в 1848 г., сегодня я получил этому последнее доказательство... Нам больше ничего не остается делать... кроме книг»¹⁹.

Это понимание того, что при создающейся политической обстановке, единственное, что остается, — это писать книги, у Токвиля появилось еще зимой 1849/50 г. во время пребывания в Сорренто. Его письмо к Бомону по этому поводу от 26 декабря 1850 г. представляет совершенно

исключительный интерес, и мы приведем его почти дословно: «Уже давно, как вы знаете, я захвачен идеей написать новую книгу. Я сотни раз думал о том, что, если я должен оставить после себя хоть какой-нибудь след в мире, это произойдет благодаря тому, что я напишу, а не тому, что я сделаю. Я все больше и больше чувствую себя в состоянии написать книгу, даже более, чем 15 лет назад»²⁰. Как пишет Токвиль, он начал искать тему, и вот его мысли по этому поводу: «Мне нужен был современный сюжет, который дал бы мне возможность связать факты с идеями, философию истории с самой историей... Я часто думал об Империи, этом поразительном акте драмы, еще не завершенной, имя которой... Революция. Но меня всегда останавливала мысль, что я столкнусь с непреодолимыми препятствиями, а главное, что я повторю уже написанные знаменитые книги». Но после размышлений Токвиль решил, что он может пойти по иному пути — «не нужно писать историю Империи, а нужно попытаться показать и привести к пониманию характера», значения великих событий, образующих главные звенья цепи времени. Задачей книги будет не пересказ фактов, «факты будут твердой основой, на них будут опираться все имеющиеся у меня идеи не только по поводу этой эпохи, но и той, которая ей предшествовала и последовала за ней, по поводу этого необыкновенного человека и направления, которое он дал французской революции, судьбам нации и всей Европы. Можно таким образом написать очень краткую книгу в одном или двух томах, которая представит интерес и не лишена будет величия (*pourrait avoir de la grandeur*)... Но пока что это только облако, которое маячит перед моим воображением»²¹. Читатель, думается, на нас не посетует за эту длинную выдержку — в ней в зародыше (*in puse*) содержится будущая книга, и тот метод, которого будет в ней придерживаться Токвиль, метод, за который особенно ценил его Ж. Лефевр.

Так, уже зимой 1850 г. у Токвиля созрело желание писать. Но намечаемая тема книги была целиком связана с политической обстановкой. Решение стало окончательным после переворота 2 декабря, когда, по словам Бомона, «мы на три четверти оказались погребенными». Вторично повторилась ситуация 18 брюмера, и перед ясным, анали-

¹⁸ *Tocqueville A. de . Correspondance...*, vol. 3 (1852—1859), p. 25, 32, 41.

¹⁹ *Ibid.*, p 14.

²⁰ «Пятнадцать лет назад» — в 1835 г. Токвиль опубликовал первый том «О демократии в Америке».

²¹ *Tocqueville A. de . Correspondance...*, vol. 2, p. 343—344.

тическим умом Токвиля стал острый вопрос, почему же во второй раз революция, начинавшаяся в обстановке энтузиазма и огромного морального подъема, привела все к тому же результату — установлению авторитарного режима с той лишь разницей, что в первом случае на авансцену вышел «необыкновенный человек», а во второй раз — «карлик». В первых же набросках, сделанных еще в Сорренто, он пытается поставить этот вопрос: «Каким образом и почему эта непокорная нация сама устремилась к рабству»²². В этом же наброске он характеризует внутреннюю администрацию империи: «Все гарантии устранены. Все свободы отняты. Деспотизм становится капризным. Удушающая атмосфера. Душевный упадок. Трепет и оцепенение умов. Никакой литературы. Тяжеловесное искусство (arts lourds)...»²³. Вся эта картина напоминает со всей очевидностью Францию 1850 г. и предсказывает ее будущее, если претендент добьется успеха.

В 1852 г. Токвиль покидает Париж, уезжает в свое поместье и летом того же года легко и быстро (вопреки своему обыкновению) пишет две первые главы своего будущего труда о Наполеоне. Они посвящены концу 90-х годов XVIII в. — годам Директории и подготовке 18 брюмера. Главы написаны именно так, как намечал Токвиль в Сорренто — это не описание событий, а их истолкование, не столько история, сколько ее философия. Они как бы «кровоточат» современностью, горьким опытом того, что Франция и Токвиль пережили за четыре года. Это видно уже из заголовка первой главы: «Почему Республика была готова принять господина»²⁴. Вторая глава — «Почему нация, перестав быть республиканской, оставалась революционной» — довольно глубоко, как мы сейчас увидим, освещала социальные проблемы и достижения революции²⁵.

Первая глава посвящена все тому же вопросу — почему Франция, пережившая период такого восторженного энтузиазма в 1789 г., сама устремилась к деспотизму? Нужно при этом подчеркнуть, что в этом описании 1789 г.

²² *Tocqueville A. de. L'Ancien régime et la révolution, vol. 2. Fragments et notes inédites sur la Révolution. Texte établi et annoté par André Jardin. Paris, 1953, p. 301.*

²³ *Ibid.*, p. 303.

²⁴ *Ibid.*, p. 269—282 («Comment la République était prête à recevoir un maître»).

²⁵ *Ibid.*, p. 282—293 («Comment la nation en cessant d'être républicaine était restée révolutionnaire»).

и в тех замечаниях, которые мы находим в «Старом порядке», и в тех главах, которые были подготовлены Токвилем для второго тома его труда, поражает тот восторженный тон, в котором Токвиль говорит о событиях и людях 1789 г.

«У тех французов, которые совершили революцию,— писал Токвиль позднее, в «Старом порядке»,— оставалось... одно чудное верование, недостающее нам, а именно вера в себя. Они не сомневались... в могуществе человека, они страстно воодушевлялись мыслью о его славе, они верили в добродетель. Они обладали гордой уверенностью, нередко ведущей к ошибкам, но без которой народ способен быть только рабом; они ни на минуту не сомневались в своем призвании преобразовать общество и возродить человеческий род. Эти чувства и страсти сделали для них как бы новой религией, которая отрывала этих людей от эгоизма, толкала их на героизм и самопожертвование и делала их как бы нечувствительными ко всем тем маленьким благам, которыми мы так дорожим. Я долго изучал историю и смею утверждать, что не знаю другой революции, с самого начала которой такая масса людей проявила бы подобный искренний патриотизм, столько истинного величия. Здесь нация обнаружила главный недостаток, но в то же время и главное преимущество, присущее молодости, неопытности и великодушию» (курсив наш.— В. Д.)²⁶.

Тон Токвиля, когда он говорит о 1789 г., об этом «моменте морального величия, не имеющем равного в истории»²⁷, почти всегда напоминает Мишле. И тем более потрясающим казался ему моральный переворот, произошедший за десять лет, к 18 брюмера. Конечно, Токвиль при этом напряженно думал о том, что прошло на его глазах от февральских дней 1848 г., полных воодушевления, пусть и на другой классовой основе, до моральной катастрофы 1851 г. «Тем более удивительна,— писал он в 1852 г.,— эта огромная перемена в нравственных настроениях народа: столько эгоизма, следующего вслед за таким самопожертвованием, столько безразличия вслед за такой страстностью, столько боязливости вслед за таким героизмом, столько презрения к тому, что было предметом

²⁶ *Tocqueville A. de. L'Ancien régime..., vol. 2, p. 207—208 (см. рус. пер., с. 129).*

²⁷ *Ibid.*, p. 130—131, note.

столь страстных желаний и так дорого стоило»²⁸. Это падение с высоты «беспредельной гордости 1789» потрясает Токвиля: «Трудно себе представить даже сегодня, в какое состояние апатии, безразличия, презрения ко всем общественным делам впали человеческие души после этого долгого, страшного и тщетного усилия»²⁹. Все эти мысли Токвиль повторил и в окончательном тексте «Старого порядка»: «1789, без сомнения, время неопытности, но вместе с тем великодушия, энтузиазма, мужества и величия, вечно памятное время, к которому взгляды людей будут всегда обращаться с восторгом и почтением, когда его очевидцы и мы сами давно уже исчезнем». Но, когда «это могучее поколение, которое начало революцию, было истреблено или впало в бессилие, как это обычно бывает с каждым поколением, предпринимая таким деяния... растерявшаяся нация начинает как бы ощупью искать себе господина»³⁰. Токвиль почти дословно повторяет то, что он писал еще в 1852 г. Но если Франция к 1799 г. перестает быть республикой, а дух свободы уступает место безразличию и индифферентности, покорному ожиданию прихода «господина» (d'un maître), то это вовсе не значит, что она перестала быть революционной.

Вторая глава, написанная Токвилем в 1852 г., представляет собой интерес, потому что в ней дан ясный анализ того, что революция принесла широким массам и от чего они ни за что не собирались отказываться и что поэтому сохранял Наполеон. Эта глава служит как раз убедительнейшим опровержением упреков Токвилю в том, что будто бы, по его мнению, «революция принесла Франции тяжелый вред», а результаты революции «были только отрицательными». В противоположность этому Токвиль доказывает, что «низшие классы вовсе не пострадали настолько от революции, как пытаются утверждать»³¹. Заметим, что Токвиль говорит здесь о классах, анализирует их позиции. «Мне могут возразить указанием на судьбу отдельных лиц,— отвечал он на возможные упреки уже в окончательном тексте «Старого порядка» — но я говорю о

классов, только ими должна заниматься история» (je parle des classes; elles seules doivent occuper l'histoire. Курсив наш.— В. Д.)³². Можно не сомневаться, что на Токвиля — об этом говорит и Ж. Лефевр — влияли его предшественники, и в частности Гизо (влияние Гизо сказывается и на самом методе построения токвилевского труда). К тому же уроки классовой борьбы во Франции не могли пройти мимо такого внимательного наблюдателя.

Именно о классах и тех «благах», которые принесла революция как раз низшим классам (он уделяет очень мало внимания буржуазии) и говорит во второй главе Токвиль. Любопытно и, пожалуй, неожиданно, что свой анализ он начинает с рабочих (напомним, что появление полвека спустя, в начале XX столетия, исследования Е. В. Тарле о рабочем классе во время французской революции поразило всех новизной темы). Токвиль подчеркивал, что благодаря уходу на войну значительной массы рабочих и уменьшению предложения рабочей силы заработная плата заметно возросла. В этом же направлении действовало уничтожение цехов, «которое должно было увеличить зарплату и привязать к революции массу рабочих»³³. Во второй половине 90-х годов улучшению положения рабочих содействовало и снижение хлебных цен. Во всяком случае рабочие, как и те, кого называют «народ», «нашли большое облегчение среди всех этих бедствий»³⁴. В пометках к этой главе Токвиль подчеркнул необходимость обсудить свои выводы с виднейшими тогда экономистами Ипполитом Пасси и Адольфом Бланки — братом Огюста Бланки.

В еще большей степени изменилось к лучшему положение крестьян, прежде всего благодаря скупке за бесценок (à vil prix) конфискованных земель. В примечаниях к тексту главы Токвиль отмечает, что ему необходимо будет «попытаться установить размеры конфискаций». «Во всяком случае количество конфискованных имуществ было огромным». С каждым годом росло количество приобретателей национальных имуществ и тем самым с каждым же годом росло число «непримиримых врагов старого порядка»³⁵.

²⁸ Ibid., p. 281.

²⁹ Ibid., p. 277.

³⁰ Ibid., vol. 1, p. 247—248 (рус. пер., с. 169). «Его сегования как аристократа отступают на задний план перед лицом той пылкости, которую он проявляет, когда говорит о 1789 г.» (Lefebvre G. A propos de Tocqueville.— ANRF, 1955, p. 141).

³¹ Tocqueville A. de L'Ancien régime..., vol. 2, p. 298.

³² Ibid., vol. 1, p. 179 (рус. пер., с. 102).

³³ Ibid., vol. 2, p. 283, 297, note.

³⁴ Ibid. («... Je crois que le peuple proprement dit... avait trouvé du moins de grands soulagements parmi ses misères»).

³⁵ Ibid., p. 283.

Обогащению крестьян содействовало — мы цитируем Токвиля — и уничтожение всяческих повинностей — церковной десятины, феодальных прав, соляной подати (*gabelle*). дорожной повинности (*la corvée*), подушного налога. Токвиль вспоминает, что, когда в 1831 г. он посетил Канаду, французские поселенцы все еще с ненавистью говорили об этом подушном налоге (*la taille*), «синониме нищеты и бедствий»³⁶. Токвиль и здесь отмечает, что ему нужно будет выяснить, хотя бы приблизительно, размеры этих повинностей (задача, которую ставят и сейчас перед собой историки, в том числе и А. Собыль!).

Положение земледельцев значительно улучшилось и потому, что они оплачивали и свои долги, и арендную плату в ассигнатах, в «мнимых деньгах» (*monnaie fictive*), и вообще почти прекратили уплату и налогов. Деревня богатеет за счет города благодаря повышению цен на хлеб. Токвиль ссылается на Малле дю Пана: «Мешок зерна возмещает фермеру всю вносимую им арендную плату; крестьяне стали расчетливыми скупщиками, они соперничают между собой из-за покупки земель эмигрантов и не платят никаких налогов»³⁷. Токвиль приводит замечание одного немецкого путешественника тех лет, Майстера: «Подлинной аристократией во Франции... стала аристократия фермеров и крестьян»³⁸.

В этой главе содержится и одно замечание, которое позднее подробно было развито в «Старом порядке», — о роли мелкой крестьянской собственности в предреволюционной Франции: «Теперь известно, что во многих провинциях Франции число мелких крестьянских собственников еще до 1789 г. было уже довольно значительным». Токвиль тут же сделал для себя пометку: «Если возможно, выяснить этот вопрос и привести мои доказательства»³⁹. По мнению оппонентов Токвиля, именно это его утверждение свидетельствует о дворянских симпатиях историка, сознательно отрицавшего решающее значение революции для создания во Франции мелкой крестьянской собственности. Но так ли это?

Мы только что убедились в том, что Токвиль превосходно понимал все крупнейшие выгоды, которые принесла революция французской деревне. Констатация более зна-

чительной роли мелкой крестьянской собственности накануне революции продиктована была отнюдь не консервативными политическими взглядами, она вытекала из научного анализа имевшихся в его распоряжении сведений и документов. Именно так оценивал точку зрения Токвиля крупнейший советский знаток аграрной истории Франции С. Д. Сказкин. Он считал, что к этому выводу Токвиля привело внимательное изучение «системы дореволюционных поземельных отношений». В первую очередь А. Токвиль обратил внимание на тот факт, что такие документы революции, как деревенские наказания в Генеральные штаты 1789 г., полны упоминаний о мелких собственниках. Это обстоятельство позволило А. Токвилю утверждать в его работе «Старый порядок и революция» (теперь мы можем добавить, что это сделано было уже в первом варианте 1852 г. — В. Д.), что обычное представление, будто мелкая крестьянская собственность была создана во Франции только Великой революцией, не верно: мелкая крестьянская собственность существовала во Франции и до революции: «... революция не создала, а лишь освободила мелкую собственность»⁴⁰.

Более 120 лет идет спор по вопросу, поставленному Токвилем. Такие авторитетнейшие историки, как И. В. Луцкий, Ж. Лефевр, такие советские специалисты, как Н. М. Лукин и С. Д. Сказкин, считали, что мнение Токвиля было вполне обосновано и нашло свое подтверждение в архивных материалах. Во всяком случае этот вопрос, требующий серьезного научного исследования, вызван отнюдь не политическими симпатиями и вовсе не стремлением умалить историческое значение Великой революции.

Таково было и отношение к позиции Токвиля со стороны П. А. Кропоткина, которого никак уж нельзя заподозрить в консервативных симпатиях. «Если историки великой революции, — писал он, — вполне правы, когда рисуют в самых мрачных красках положение крестьянства, было бы ошибочно утверждать, что другие историки, например Токвиль, ошибаются, когда говорят об улучшении положения деревенского населения. В действительности в деревнях наблюдалось двойное явление — обеднения крестьян

³⁶ Ibid., p. 284.

³⁷ Ibid., p. 286.

³⁸ Ibid., p. 234 и 286.

³⁹ Ibid., p. 285, note B.

⁴⁰ Сказкин С. Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII в. — В кн.: Европа в новое и новейшее время: Памяти Н. М. Лукина. М., 1966, с. 104.

Янской массы и улучшения положения некоторых из крестьян»⁴¹.

Анализ этого первого варианта «Старого порядка» показывает, насколько неосновательно утверждение, будто бы, по мнению Токвиля, ликвидация дворянства была «роковым ударом для страны», «несомненным шагом назад по сравнению с обществом феодальной Франции»⁴².

Токвиль делал в действительности прямо противоположный вывод: «Некоторые умные люди предприняли попытку реабилитации старого порядка... Между тем я вижу, что на протяжении всей этой столь гнетущей и страшной революции ненависть к старому порядку всегда преобладала в сердцах французов над ненавистью ко всему остальному. Страх возвращения к старому порядку в подвижных и динамичных умах всегда подавлял какие бы то ни было другие опасения. Для меня этого достаточно. Для меня испытание уже имело место, и эта система осуждена»⁴³. Это заявление совершенно ясно показывает, что Токвиль, при всех своих семейных традициях и симпатиях, вовсе не был «выразителем чаяний французского дворянства XIX в.».

Из анализа даже этих двух глав — эмбриона будущей книги — явственно видно, что Токвиль начинал свой труд вовсе не из желания принизить значение революции, доказать, что она не принесла никаких положительных результатов. Совсем не так: очевидец и современник катастрофы 1851 г., он ставил перед собой совсем другую задачу: он пытался объяснить трагический исход еще более великой революции, революции 1789 г. и вместе с тем показать, что, перестав быть республиканской, Франция, и как раз крестьянская Франция, цепко продолжала держаться за свои социальные завоевания.

Но именно этого значения труда Токвиля не понимает и не признает Ф. Фюре. Он выражает удивление по поводу того, что вторая книга «Старого порядка» начинается главой о феодальных пережитках во французской деревне и заканчивается тоже описанием «деревенского мира» (гл. XII): «Как будто бы эта тема заслуживает того, чтобы ею

обрамлять весь общий анализ. На этот вопрос я не нахожу ясного ответа»⁴⁴. Но это непонимание естественно вытекает из идеи Фюре — о чем мы еще скажем ниже, — что «старый порядок» фактически уже не существовал во Франции ко времени революции. Именно поэтому Фюре совершенно расходится с Токвилем в определении той роли, которую играли крестьянство и борьба за уничтожение сеньориальных отношений во французской революции. С этим связано обвинение Токвиля в том, что в области экономики он «остается всегда очень поверхностным и распыляемым... все его изображения крестьянской жизни характеризуются полным незнанием технических условий деревенской экономики»⁴⁵. Вообще, по мнению Фюре, экономическая эволюция Франции у Токвиля сводится к «неясным абстракциям... т. е. по существу... игнорируется». Но это мнение Фюре резко расходится с оценкой Лефевра; оно свидетельствует только об односторонности Фюре, о его предвзятом подходе. Он обедняет Токвиля, отрицает его несомненные заслуги в понимании социальной истории французской революции.

* * *

Легко и быстро были написаны только две первые главы. Но мы уже видели, сколько дополнительных исследований намечал для себя Токвиль в одной лишь социально-экономической области. Но столь же много неясного было и в политической области. Токвиль, по его собственному признанию, полагал, что административная централизация Франции была делом Наполеона и империи, но постепенно у него появляются сомнения. Он прерывает свою работу над «Наполеоном», поселяется недалеко от Тура и начинает розыски в архиве Тура, центре департамента Эндр-и-Луары, старого административного округа (*généralité*). Он настолько еще неопытен в архивных исследованиях, что сперва, по воспоминаниям архивиста Шарля Гранмезона, хотел изучить все дела администрации, начиная с Людовика XI⁴⁶, и, только следуя советам опытного архивиста, ограничился одним лишь XVIII в., отдав

⁴¹ Кротошкин П. А. Великая французская революция. М., 1979, с. 18.

⁴² Алпатов М. А. Указ. соч., с. 160—162. Нужно отметить, что книга М. А. Алпатова вышла в 1949 г., и второй том «Старого порядка», вышедший в 1953 г., был ему еще неизвестен.

⁴³ Tocqueville A. de. Ancien régime..., vol. 2, p. 287.

⁴⁴ Furet F. Penser la Révolution française, p. 184.

⁴⁵ Ibid., p. 187, 192.

⁴⁶ Jardin A. Note critique.— In: Tocqueville A. de. L'Ancien régime..., vol. 2, p. 15—16.

себе отчет в том, что и этого достаточно на целую книгу. Для Токвиля становится ясным, что книгу о Наполеоне нельзя начинать с 1799 г., что начинать нужно с французской революции, а чтобы понять ее, следует прежде всего исследовать старый порядок. В декабре 1852 г. он сделал запись: «Я возвращаю в национальную библиотеку мемуары Тибодо о консульстве, не прочитав их; нужно будет ими заняться, когда я вернусь к этому периоду»⁴⁷. В сентябре того же года он писал одной из своих корреспонденток: «Я еще не знаю, какое избрать направление в океане французской революции»⁴⁸. Но когда Токвиль начал работу в Турском архиве, он, по-видимому, уже склонялся к решению отказаться от своего первоначального плана, наводянного подготовкой и осуществлением второго «18 брюмера». В конце 1853 — начале 1854 г. он уже твердо решает писать «Старый порядок».

Но том выходит только в 1856 г. Чрезвычайно требовательный к себе Токвиль собирает обширнейший материал. В книге о «Демократии в Америке» он был еще только «социологом», по определению Лефевра, но в «Старом порядке» Токвиль выступает как «подлинный историк»⁴⁹. Он изучает фонды в Национальном архиве, в Национальной библиотеке. Он не довольствуется архивными фондами Тура, он работает и в других провинциальных архивах. Чтобы разобраться в аграрных отношениях, он изучает труды февдистов XVIII в., в частности Фременвилля, которого когда-то внимательно читал Бабеф. По собственному сообщению Токвиля, он «видел описи сеньорий (terriers) XIV в.»⁵⁰ и сравнивал их с позднейшими описями; он изучал акты о распродаже национальных имуществ, документы провинциальной администрации (в частности, его очень заинтересовала деятельность Тюрго как интенданта). В общем, по мнению Н. Кареева, он был первым из историков революции, который начал поиски «в глубине архивов».

В связи с тем что Токвиль считал необходимым осветить влияние революции на другие европейские страны, он вступает в переписку с Л. Ранке и предпринимает поездку

⁴⁷ Ibid., p. 15.

⁴⁸ Ibid., p. 19, n. 6.

⁴⁹ Lefebvre G. Introduction.— In: Tocqueville A. de. L'Ancien régime..., vol. 1, p. 17.

⁵⁰ Tocqueville A. de L'Ancien régime..., vol. 1, p. 92.

в Бонн⁵¹. Когда он узнает о существовании в Британском музее огромной коллекции брошюр эпохи французской революции (чуть ли не 12 тыс. единиц — позднее их изучал Кропоткин), он отправляется в 1857 г. — меньше чем за два года до своей кончины — в Лондон. Коллекция оказывается неописанной и пользование ею невозможно, но зато в архиве министерства иностранных дел ему как высокопоставленному гостю — бывшему министру иностранных дел соседней державы — дали возможность изучить донесения британских дипломатов за 1789 г. — правда, и они показались Токвилю мало интересными. Когда в 1856 г. появился каталог парижской Национальной библиотеки и ее сокровища стали доступными, Токвиль договаривается о том, что ему будут выдавать на просмотр революционные издания. Ему посылали по 150 брошюр, и «каждые три дня» он «пожирал по 50 брошюр»⁵². В марте 1858 г. — за год до смерти — он приезжает в Париж, изучает там материалы Учредительного собрания, переписку Байи и Лафайета. Он делает множество записей, составляет прилежно досье — он жалуется своему другу Амперу, что «эта гора заметок его подавляет»⁵³. Никак нельзя согласиться с тем, что эта книга была «простым перенесением на историческую почву излюбленных идей Токвиля о дворянстве и буржуазии». Если бы это было так, ему не понадобилось бы столько лет упорного, напряженного труда.

Н. И. Кареев, которому никак нельзя отказать в превосходном знакомстве с трудами историков Великой французской революции, считал, что «появление в середине пятидесятих годов „Старого порядка и революции“ составляет целую эпоху в историографии французской революции: ее прямо можно разделить на дотоквилевский и послетоквилевский периоды»⁵⁴. Возможно и более чем вероятно, что Кареев преувеличивает. Но и такой замечательный историк и глубоко прогрессивный человек, как Жорж Лефевр, ясно видевший все аристократические симпатии Токвиля, постоянно подчеркивавший наличие у

⁵¹ См.: Seidel K. J. Tocqueville's Forschungs Aufenthalt in Bonn, 1854. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte von «L'Ancien régime et la Révolution». — Rheinische Vierteljahrsblätter, 1977, N 41, S. 289—297. (Любезно сообщено С. В. Оболенской.)

⁵² Jardin A. Op. cit., p. 22.

⁵³ Lefebvre G. Introduction.— In: Tocqueville A. de. L'Ancien régime..., vol. 1, p. 19.

⁵⁴ Кареев Н. И. Указ. соч., т. 2, с. 6.

него противоречия между «сердцем», преисполненным дворянскими, семейными связями и традициями, и «разумом», выведившим его за эти классовые рамки, считал книгу Токвиля «самым прекрасным произведением из всех, которые были написаны о французской революции», «синтезом, вызывающим восхищение историка». Думается, что это определение, в чем-то и преувеличенное, все же ближе к истине, чем определение книги Токвиля как «призыва к совместному походу буржуазии и дворянства против общего врага».

К книге Токвиля вполне применимо то, что писал Ф. Энгельс Маргарет Гаркнесс по поводу Бальзака: «Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом. Его великое произведение — нескончаемая элегия по поводу непоправимого разложения высшего общества; все его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание». И все же «Человеческая комедия» вызвала величайшее восхищение Энгельса. В том, что «Бальзак таким образом вынужден был идти против своих собственных классовых симпатий», он видел «одну из величайших побед реализма и одну из величайших черт старого Бальзака»⁵⁵. Конечно, аналогия между Бальзаком и Токвилем является очень условной, но этот энгельсовский подход противоречит одностороннему, явно недостаточному определению Токвиля как «дворянского» историка. Конечно, Алексис де Токвиль был графом, и это всегда на нем сказывалось, но при всей классовой ограниченности он проявил себя как серьезный историк, как глубокий исследователь, и его «Старый порядок» вовсе не был только политическим памфлетом. Но понять историю происхождения этой книги никак нельзя, если не вспомнить обо всем, что происходило во Франции между июнем 1848 г. и 2 декабря 1851 г.

Некоторые тематически связанные материалы

работы о Токвиле и ссылки на его тексты:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#altqv>

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 37,

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор Б.Г. ВЕБЕР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965–1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт» А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Изучение Великой французской революции в СССР*

Великая французская революция с самого начала вызвала живейший интерес в передовых слоях русского общества¹. Целые поколения, целые направления русской общественной мысли росли и формировались, подвергая внимательнейшему анализу опыт великой революции. В 1802 г. граф Ростопчин, бывший министр иностранных дел при Павле I и будущий московский градоначальник в 1812 г., писал князю Воронцову: «Я боюсь адского общества петербургской молодежи. Вы, который ненавидите все, что потрясает общественный порядок, вы были бы ошеломлены, вернувшись в Петербург, от зрелища сотен молодых людей, которые заслуживали бы того, чтобы стать приемными сыновьями Робеспьера или Дантона»². На мировоззрение декабристов, несомненно, влияли идеи французской революции, а в одной из наиболее демократических групп декабристов, в Обществе соединенных славян, изучали «Путешествие Пифагора» Сильвена Марешаля³. В 40-х годах ожесточеннейшие споры о французской революции шли между известным русским историком Т. Н. Грановским, настроенным прожирондистски, и Виссарионом Белинским, со всей страстностью отстаивавшим «маратовскую любовь к человечеству». Высоко ценил якобинцев Герцен мечтавший написать книгу о Ромме. Среди русских народников 60—70-х годов было крыло «якобинцев», история которого до сих пор недостаточно изучена.

* Доклад, представленный международному коллоквиуму в 1974 г., посвященному столетию со дня рождения А. Матьеза и Ж. Лефевра.

¹ См.: Штрэнге М. М. Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг. М., 1956 (есть фр. пер.); Алпатов М. Сибирский журнал — современник французской революции. — В кн.: Французский ежегодник, 1961. М., 1962.

² Архив князя Воронцова. М., 1876, т. VIII, с. 367.

³ См.: Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М., 1926

И однако при всем этом живейшем интересе к истории революции ее изучение в дореформенной царской России было совершенно невозможно. Даже в московской университетской библиотеке, по воспоминаниям студентов, на шкафах, где была литература о революции, висел ярлычок «запрещено». Когда в 1831 г. А. С. Пушкин хотел писать историю революции, он вынужден был обратиться к дочери М. И. Кутузова, графине Е. М. Хитрово, имевшей связи в дипломатических кругах, с просьбой достать ему книги Минье и Тьера — «эти две книги запрещены»⁴.

Только после реформ 60-х годов и принятия несколько более либерального университетского устава проф. Московского университета В. И. Герье (1837—1919) первый в своем курсе и в своих семинарах начал заниматься историей революции. В 70-х годах Герье, на которого оказал большое влияние Токвиль, стоял еще на умеренно-либеральных позициях⁵. Однако с ростом революционного движения в России он все более отходил вправо. К Тэну он сразу отнесся положительно, хотя сперва и несколько критически. Но позднее, в 1907 г., когда он издал свой труд «Французская революция 1789—1795 гг. в освещении Ипполита Тэна», он уже всецело стал на позиции Тэна и резко осудил оларовскую критику. В этот период даже либерально-буржуазная партия кадетов казалась Герье организатором «якобинского заговора» в России. Тем не менее заслуга В. Герье в том, что он первым ввел изучение истории французской революции в университетский мир⁶.

Совершенно иную роль в изучении истории революции сыграл Н. И. Кареев (1850—1931), ученик Герье, которого

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10. Письма. М., 1958, с. 355 («Je prends cette occasion, Madame, pour vous demander une grace: j'ai entrepris une étude de la révolution; je vous supplie de m'envoyer Thiers et Mignet, s'il est possible. Ces deux ouvrages sont défendus. Je n'ai ici que des *Mémoires relatifs à la révolution*»). Через несколько дней Пушкин сообщил: «Merci, Madame, pour la révolution de Mignet, je l'ai reçue» (Там же).

⁵ См.: Герье В. Понятие о власти и о народе в наказах 1789 г. М., 1884 (в 1904 г. эта работа вышла в расширенном издании под названием «Идея народовластия и французская революция 1789 г.»). Герье принадлежала также вышедшая на французском языке работа о Мабли (*Guerrier V. L'abbé Mably moraliste et politique. Etude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit républicain au XVIIIe siècle.* Paris, 1886).

⁶ Курс по истории французской революции позднее читал известный русский историк П. Г. Виноградов. Сохранилось литографированное издание этого интересного курса.

Матвеев в 1925 г. назвал «старейшиной русских историков революции»⁷. Близкий к народническим воззрениям, Кареев одним из первых заинтересовался крестьянским вопросом во Франции XVIII в. Работая ряд лет в Национальном архиве в Париже, Кареев в 1879 г. опубликовал ценный труд «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», защищенный им в качестве магистерской диссертации. Через 20 лет работа эта была опубликована во Франции⁸. Для своего времени это была лучшая работа по аграрной истории, равной которой не было во французской литературе. К. Маркс, которому Кареев переслал эту книгу через М. М. Ковалевского, бывшего с Марксом в дружеских отношениях, охарактеризовал в своем письме эту книгу как «великолепную» (*excellent*). Ф. Энгельс в 1889 г., давая советы К. Каутскому по поводу его работы «Классовые противоречия во французской революции», особенно рекомендовал ему книгу Кареева и сделал для него даже выписки из нее⁹.

В дальнейшем Н. Кареев продолжал внимательно следить за историографией французской революции и опубликовал ряд содержательных обзоров¹⁰. Накануне пер-

⁷ На заседании робеспьеристского общества 9 июля 1925 г. Матвеев заявил: «Разрешите мне выразить свою радость по поводу той значительной поддержки, которую оказал нам в нашей работе старейшина русских историков Николай Кареев, посвятивший всю свою долгую и прекрасную жизнь изучению нашего XVIII в. и нашей революции. Н. Кареев, автор многочисленных трудов, широко известных в его стране, создал вокруг своей кафедры в Ленинградском университете целую плеяду историков, владеющих прекрасными методами и воодушевленных стремлением к точности и истине. Я назову только одного, самого известного из его учеников Евгения Тарле» (*Annales historiques de la Révolution française* (далее — АНРФ), 1925, р. 27). Кареев был избран членом исполнительного комитета (*comité directeur*) общества. В этом же номере журнала была опубликована статья Н. Кареева: *Karëiev N. Les derniers travaux des historiens russes sur la révolution française (1912—1924)*.

⁸ *Karëiev N. Les paysans et la question paysanne en France au dernier quart du XVIIIe siècle.* Paris, 1899.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 286; т. 37, с. 125. — См. также воспоминания А. М. Водена в кн. «К. Маркс в воспоминаниях русских современников» (М., 1969) и наше сообщение «Ф. Энгельс о книге Н. И. Кареева „Крестьянский вопрос...“» (*Французский ежегодник*, 1970. М., 1972).

¹⁰ Кареев Н. Работы русских ученых по истории французской революции. СПб., 1904; *Он же*. Эпоха Французской революции в трудах русских ученых за последнее десятилетие (1902—1912). СПб., 1912; *Он же*. Беглые заметки по экономической истории Франции в эпоху революции. СПб., 1913—1915. Ч. 1, 2.

вой мировой войны под влиянием работ Мелье и Кропоткина он занялся изучением роли парижских секций, работал на эту тему в парижских архивах и напечатал несколько этюдов¹¹. Эти этюды были не свободны от ошибок — так Н. И. Кареев отрицал контрреволюционный характер восстания 13 вандемьера¹². Но все же они были основаны на впервые публикуемых документах. Эта тема о парижских секциях перешла как бы по наследству от Н. И. Кареева к его ученику Я. М. Захеру¹³.

В дело изучения аграрной истории Франции эпохи революции серьезнейший вклад внес другой русский историк, И. В. Лучицкий (1845—1918). Его первые работы — магистерская и докторская диссертации, защищенные в 70-х годах, — были посвящены религиозным войнам во Франции XVI столетия. Но с начала 90-х годов Лучицкий начинает свои исследования аграрных отношений во Франции накануне и в годы революции. В отличие от своих предшественников, считавших важнейшим источником наказы, И. В. Лучицкий предпринял тщательнейшее исследование департаментских архивов, где он работал ежегодно и притом настолько неумоимо, что архивисты отдавали ему свои ключи, зная, что историк приходит раньше и уходит позднее их. Лучицкий обнаружил новые архивные источники, в частности списки налогоплательщиков «двадцатины» (*rôles des vingtièmes*), и впервые подверг их статистической обработке, тем самым явившись как бы пионером применения статистических методов в исторических исследованиях. Его работы, печатавшиеся на протяжении почти 20 лет, были высоко оценены во Франции. Такую оценку трудов и Кареева и Лучицкого дал Жорж Лефевр в своих «Крестьянах Севера». «Мой труд, — писал он, — был предпринят в 1904 г. Его идея была мне подсказана трудами Кареева, Лучицкого, Саньяка, а также ис-

торией революции Жана Жореса, которые... привлекли внимание к значению экономической истории этого периода, и в частности к изменениям в аграрных отношениях»¹⁴.

Однако основным вывод Лучицкого, считавшего, что накануне революции мелкая крестьянская собственность расширилась¹⁵, встретил решительные возражения во Франции со стороны Марселя Мариона, а в России со стороны другого видного знатока социально-экономической истории Франции, М. М. Ковалевского¹⁶. Блестящий ученый, но скорее социолог, чем историк, Ковалевский склонен был считать, что социальное развитие Франции ко времени революции ушло далеко вперед по тому же пути, что и в Англии: «Ничего не дает более ложного представления об экономических и социальных порядках Франции, как определение их именем феодальных». Исходя из этой социологической схемы, Ковалевский оспаривал итоги исследований Лучицкого. Он считал, что «имущественная обеспеченность крестьян не только не возросла в годы, предшествовавшие революции, но значительно пала»¹⁷. Ковалевский отрицал также значение источников, изучавшихся Лучицким, и предпочитал им наказы.

Е. В. Тарле, наиболее известный ученик И. В. Лучицкого, посвятил свои исследования, несомненно под влиянием русской революции 1905 г., в которой такую видную роль сыграл пролетариат, изучению французского рабочего класса в годы революции. Основанная на многочисленных архивных источниках работа Е. В. Тарле яви-

¹⁴ Lefebvre G. Les paysans du Nord. 2e éd. Bari, 1959, p. 11.

¹⁵ См. основные труды Лучицкого, переведенные на французский язык: Лучицкий И. В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции, преимущественно в Лимузене. Киев, 1900 (фр. пер.: Loutchisky I. V. La propriété paysanne en France à la veille de la révolution. Paris. 1912); Он же. Состояние землевладельческих классов во Франции накануне революции и аграрные реформы 1789—1793 гг. (фр. пер.: Loutchisky I. V. L'état des classes agricoles en France à la veille de la révolution. Paris, 1912); см. также: Он же. Крестьянство и крестьянская реформа во Франции в период революции. — В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. М., 1913, т. 3.

¹⁶ Об этой дискуссии см.: Karéiev N. Deux opinions contraires sur l'histoire de la France à l'époque de la Révolution. — La Révolution française, 1913.

¹⁷ См.: Ковалевский М. Происхождение современной демократии. СПб., 1895. т. 1—3; 3-е изд., 1911 (см. фр. пер.: Kovalevsky M. La France économique et sociale à la veille de la révolution. Paris, 1904—1911, t. I. Les campagnes; t. II. Les villes. Paris, 1904—1911).

¹¹ Кареев Н. Парижские секции времен французской революции. СПб., 1911; Он же. Революционные комитеты Парижских секций. СПб., 1913; Он же. Незданные документы парижских секций. СПб., 1912; Karéiev N. La densité de la population des différentes sections de Paris pendant la révolution. Paris, 1912; Он же. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. СПб., 1914; и т. д.

¹² Кареев Н. И. Было ли парижское восстание 13 вандемьера революционным. — В кн.: Сборник в честь В. П. Бузескула. СПб., 1914.

¹³ Markov W. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. Berlin, 1966.

лась капитальным исследованием этой малоизученной темы¹⁸. Важнейшим открытием Тарле было выяснение вопроса о роли деревенской промышленности во Франции, особенно во второй половине XVIII в. Ему, однако, не удалось дать правильное объяснение этого явления. Е. В. Тарле отрицал какое бы то ни было положительное значение политики максимума, положение, которое он сам в своих позднейших, послереволюционных работах признал ошибочным. Продолжая свои исследования по экономической истории Франции, Е. В. Тарле опубликовал два тома «Континентальной блокады», основанных на изысканиях в архивах ряда стран, получивших мировое признание и до сих пор сохранивших свое значение¹⁹.

Несмотря на крупное значение перечисленных выше работ для изучения экономической, а особенно аграрной, истории Франции²⁰, эти исследования имели и свою слабую сторону. Связанные народническими пережитками, представители «русской школы» Н. И. Кареев, И. В. Луцицкий, в значительной мере и Е. В. Тарле стояли на неправильной позиции, доказывая «некапиталистический» характер экономики Франции XVIII в. «Страна мелкого землевладения, мелкой культуры, Франция была до революции страной мелкого предпринимательства, мелкого ремесла, а во второй половине XVIII века — и мелкого кустарного производства. Крупных предприятий здесь

¹⁸ Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции во время революции, СПб., 1909—1911. Т. 1, 2 (перепечатано в кн.: Тарле Е. В. Сочинения М., 1957. Т. II). Этому исследованию предшествовала книга: Тарле Е. В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции. СПб., 1908.

¹⁹ Ограниченные объемом, мы можем упомянуть только наиболее значительные работы, посвященные политической истории Франции — двухтомное исследование довольно консервативного историка П. Н. Ардашева, тоже ученика В. И. Герье, «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка» (СПб., 1900—1906, т. 1—2); второй том вышел и в переводе: Ardasheff P. Les intendants de province sous Louis XVI. Paris, 1909). Наказы в Генеральные Штаты изучал А. М. Ону, ученик Н. И. Кареева (Ону А. М. Выборы 1789 г. во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. СПб., 1908; см. также: Ону А. Les élections de 1789 et les cahiers du tiers état. — La Révolution française, 1909, t. 56, 57).

²⁰ Для Луцицкого крайне характерно, что он долгие годы упорно не хотел знакомиться с Оларом, ставя ему в вину, что он «совсем не интересовался экономической стороной революции» (Кареев Н. И. Памяти двух ученых. — Анналы, Пг., 1922, № 1, с. 171).

не встречается», — писал И. В. Луцицкий²¹. Роль мануфактурной стадии капитализма (и именно с ней связанное распространение промышленности в деревне) была этими историками совершенно не понята, а с этим было связано и неправильное представление о расстановке классовых сил в стране. Первая попытка критики этой концепции «русской школы» была сделана нами еще в 1929 г.; она получила тогда же поддержку Н. М. Лукина и Ф. В. Потемкина²².

М. М. Ковалевский был совершенно прав, упрекая И. В. Луцицкого в недооценке им степени имущественной дифференциации французской деревни. Наконец, сам Н. И. Кареев, отмечая, что «русские исследователи... много сделали для изучения экономического быта», признавал, что они «сравнительно мало занимались событиями и деятелями революции»²³, т. е. самым ходом классовой борьбы в развитии революции. Именно эти слабые стороны «русской школы» и стремилась позднее устранить советская историография французской революции.

Особняком в дореволюционной историографии стояла книга П. А. Кропоткина²⁴. Это была почти единственная в русской литературе попытка осветить весь ход революции «не сверху, а снизу», под углом зрения выяснения роли народных, прежде всего крестьянских, масс в революции. Именно поэтому Ленин высоко ценил эту книгу Кропоткина и уже после революции лично пытался убедить ее автора переиздать книгу в государственном издательстве. Ввиду запрещения Кропоткину проживания во Франции он не мог работать во французских архивах, но он превосходно использовал богатые коллекции Британ-

²¹ Луцицкий И. В. Состояние земледельческих классов во Франции. СПб., 1912, с. 27—28.

²² См.: Далин В. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «русской школы». — Историк-марксист, 1929, т. 14 (перепечатано в кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970).

²³ Кареев Н. И. Историки французской революции. Т. 3. Изучение французской революции вне Франции. Л., 1924, с. 294.

²⁴ Kropotkin P. La Révolution française. Paris, 1909 (одновременно вышла на английском и немецком языках, в 1911 г. — на итальянском; первое русское издание — Лондон, 1914 г.). Новейшее русское издание вышло в 1979 г. в серии «Памятники исторической мысли».

ского музея. Хотя освещению ряда проблем мешали предвзято анархистские взгляды автора, в целом книга Кропоткина и сейчас не утратила своего значения ²⁵.

* * *

Великая Октябрьская революция создала исключительно благоприятные условия для изучения истории революции. Известно, какое громадное значение придавал Ленин Великой французской революции в развитии всемирной истории. В одной из своих речей в 1919 г. он говорил: «Возьмите великую французскую революцию. Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии... Всякий, сознательно относящийся к истории, скажет, что французская революция, хотя ее и разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии... которые были уже неустранимы» ²⁶. В первые же месяцы своего существования Советское государство выразило чувство глубокого уважения к французской революции и ее деятелям. В Петрограде улицу, носившую имя двух императоров, Николаевскую, переименовали в улицу имени Марата, а одной из набережных дали имя Робеспьера ²⁷. В Москве в 1918 г. во исполнение декрета Совнаркома о монументальной пропаганде, принятого по настоянию Ленина, в Александровском саду был открыт первый в мире памятник Робеспьеру.

Для советской исторической науки Великая французская революция была одной из главных тем во всеобщей истории ²⁸. Научно-исследовательская работа в этой области развернулась еще до окончания гражданской войны. Она была облегчена тем, что ряд частных коллекций и собраний (например, Воронцовых, Лихачева, Пассовера

и др.) были объединены в центральных архивохранилищах и библиотеках. С другой стороны, созданный при ближайшем содействии В. И. Ленина Институт Маркса и Энгельса стал собирать и приобретать за рубежом ценнейшие коллекции и архивные фонды, в том числе драгоценнейший фонд Гракха Бабефа. По совету Жоржа Буржена родственники Марка Антуана Жюльена передали его большой архив директору Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанову. Благодаря этому, хотя разрыв Францией дипломатических отношений с Советской Россией и позднейшие трудности при получении виз очень мешали советским исследователям, это в известной мере компенсировалось расширением собственной научно-исследовательской базы в СССР.

Советские историки революции отнюдь не избегали «традиционной» темы старой «русской школы» — аграрной истории, но в подходе к ее изучению они внесли много нового, выдвинув на первый план те проблемы в этой области, которые совершенно недостаточно изучались раньше. Итоги спора между И. В. Лучицким и М. М. Ковалевским были в известной степени подведены С. Д. Сказкиным, начавшим свои исследования аграрной истории Франции еще накануне революции в семинаре известного русского ученого А. Н. Савина, знатока аграрной истории Англии ²⁹. В своих исследованиях С. Д. Сказкин использовал и такой до него мало изучавшийся источник, как труды французских февдистов XVII—XVIII вв. ³⁰ Путем их тонкого анализа ученый сумел доказать, что крестьянская цензива рассматривалась все же как собственность. Анализ этого источника и собственные исследования привели С. Д. Сказкина к выводу, что в основном спорном вопросе И. В. Лучицкий был в общем прав. Но зато марксистский метод исследования в соединении с тщательным анализом источников помог историку установить крупнейшую ошибку И. В. Лучицкого в вопросе о степени дифференциации во французской деревне.

Этому вопросу было посвящено специальное исследование С. Д. Сказкина «Дифференциация крестьянства во

²⁵ См. ниже нашу статью «Кропоткин — историк Великий французской революции».

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 367.

²⁷ См.: Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978, с. 411—412.

²⁸ См.: Газриличев В. А. Великая французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии (1917—1960 гг.): Библ. указатель. Казань, 1961.

²⁹ Сказкин С. Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII в. — В кн.: Европа в новое и новейшее время: Сб. ст. памяти Н. М. Лукина. М., 1966.

³⁰ Сказкин С. Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве. — В кн.: Средние века. М. 1942, вып. 1 (перепечатано в кн.: Сказкин С. Д. Избр. труды по истории. М., 1973).

Франции накануне революции 1789 г. „Пахари“ и „подевшики“ в Шампани в XVIII в.»³¹. В нем на основе многолетнего изучения источников были вскрыты ошибки И. В. Лучицкого в методологии его статистических подсчетов и дана убедительная картина дифференциации деревни на примере Шампани. К таким же выводам для Бретани пришел талантливый исследователь И. П. Завитневич, наблюдения которого во многом предвосхищали позднейшие исследования о причинах вандейских восстаний³².

Это новое понимание классовых отношений внутри деревни давало ключ к изучению классовой борьбы внутри крестьянства и в годы революции. Особую ценность представляли работы Н. М. Лукина, одного из виднейших представителей марксистской школы в советской историо-

³¹ Историк-марксист, 1936, № 2 (перепечатано там же).

³² Завитневич И. Расслоение крестьян в Бретани накануне Великой французской революции: (К вопросу о причинах восстания шуанов). — Историк-марксист, 1929, № 11 (перепечатано в кн.: Классовая борьба во Франции в эпоху революции. М., 1931).

графии революции³³. Еще до революции он получил в Московском университете золотую медаль за дипломное сочинение «Падение Жиронды», в котором он в известной мере предвосхитил Маттеза, доказывая, что в падении Жиронды главную роль играл продовольственный кризис. В 1919 г. Н. М. Лукин (в серии, носившей название «Кому пролетариат ставит памятники») опубликовал первую на русском языке биографию Максимилиана Робеспьера³⁴. В 20-х годах он организовал ряд семинаров по истории революции, из которых вышли серьезные исследователи (С. М. Моносов, С. Д. Кунисский, Н. П. Фрейберг, И. П. Завитневич, Р. А. Авербух и др.). Только в 1927 г. Лукину впервые представилась возможность работы во французских архивах. Темой его исследования был почти совершенно неизученный тогда вопрос «Крестьянство и продовольственная политика революционного правительства». Н. М. Лукин особенно тщательно исследовал в Национальном архиве серии F¹⁰, F¹¹, F¹² и AF¹¹. К сожалению, закончить эту монографию он не успел, но опубликовал в 1930 г. две ценные статьи «Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия второго и третьего максимума» и «Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие» в тот же период³⁵. Н. М. Лукин ярко показал борьбу имущих элементов крестьянства против продовольственной политики Конвента и в то же время известную неудовлетворенность этой политикой и со стороны малоимущих элементов деревни³⁶.

Эти выводы советских историков вполне совпадали с теми, к которым пришел в те же годы Ж. Лефевр в своих исследованиях «Крестьяне Севера во время революции» и «Аграрный вопрос в эпоху террора». Эти работы сразу же

³³ О Н. М. Лукине см.: Манфред А. З. Николай Михайлович Лукин. — В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., 1966; см. также: Гавриличев В. Н. М. Лукин и его роль в развитии советской историографии Великой французской революции. — В кн.: Французский ежегодник, 1964. М., 1965.

³⁴ Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1960, т. 1 (в этом томе собраны все важнейшие работы Н. Лукина по истории революции). В работе «Из истории революционных армий» (М., 1923) большая глава была посвящена Н. М. Лукиным французской армии в годы революции.

³⁵ Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1, с. 230—306.

³⁶ Resende H. N. M. Loukine et le problème de l'égalitarisme agraire dans la Révolution française. — Lendemain. Zeitschrift für Frankreichforschung, 1978, N 12.

получили очень высокую оценку советских историков. На Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов Г. С. Фридлянд (докладчик по вопросу об итогах изучения истории Французской революции в СССР), говоря о книге Лефевра «Крестьяне Севера...», заявил о ее «значительной ценности». Ж. Лефевр «впервые в таком широком разрезе и под таким углом зрения дал нам анализ крестьянства, связал вопрос о перераспределении земельной собственности во французской деревне с процессами внутренней дифференциации крестьянства, показав... роль классов в этой деревне в годы революции»³⁷.

На труд Лефевра «Аграрный вопрос» Н. М. Лукин откликнулся немедленно, выступив с докладом о нем и опубликовав весьма положительную рецензию в «Историк-марксисте». «Впервые публикуемые им документы,— писал Н. М. Лукин,— представляют новый ценнейший материал для марксистского анализа классовой борьбы в деревне в эпоху террора в ее сложном переплете»³⁸.

С той же точки зрения классовой дифференциации в деревне советские исследователи (Н. М. Лукин, С. Д. Кунииский, В. Н. Позняков, Е. Н. Петров) подходили и к вопросу о судьбе общинных земель в годы революции. В частности, Е. Н. Петров, ученик Н. И. Кареева, показал, что раздела общинных земель — опять-таки вопреки мнению И. В. Лучицкого — добивались не всегда имущие элементы деревни, а зачастую как раз беднота³⁹. Эта точка зрения нашла свое подтверждение и при изучении архива Бабефа, когда впервые было установлено, что Бабеф был защитником вожаков крестьянской бедноты в общине Бюль во время их судебного процесса, вызванного пропавшим маломощными жителями коммуны разделом общинных земель вопреки воле имущей верхушки.

³⁷ См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1933, т. 2, с. 86—87.

³⁸ Лукин Н. М. Новая работа по аграрной истории Великой французской революции. — Историк-марксист, 1933, № 6 (перепечатано в кн.: Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1, с. 321).

³⁹ См.: Петров Е. Н. Социальная роль общинного землевладения во Франции перед революцией. — Исторический сборник, Л., 1936, т. 5: Он же. Борьба за уничтожение общинного землевладения во Франции во время революции (1789—1793). — Изв. экон. ф-та Ленингр. политех. ин-та, 1928, вып. 1 (XXV); Он же. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист., 1940, т. 52, вып. 6.

Советских историков вслед за Н. Кареевым и Кропоткиным чрезвычайно интересовал вопрос о роли крестьянских движений в годы революции. Как известно, по этому вопросу во французской литературе существует много локальных этюдов, но до сих пор нет ни одного обобщающего труда. Серьезной заслугой советской историографии революции можно считать то, что именно советскому историку удалось заполнить эту лауну. Около десяти лет тому назад советский историк А. В. Адо, ученик Б. Ф. Поршнева, изучившего, как известно, народные движения во Франции в начале XVII в., взял на себя осуществление этой задачи. После тщательного исследования ряда фондов в Национальном архиве, а отчасти также и в департаментских архивах А. В. Адо опубликовал обширный труд, посвященный крестьянским движениям во Франции в годы революции, весьма положительно оцененный советскими и французскими историками. Дореволюционные русские историки, при всех их заслугах в области изучения аграрной истории Франции, этой задачи перед собой не ставили, тогда как для советской историографии очень характерны постановка и первый удачный опыт освещения именно этой проблемы⁴⁰.

* * *

Как бы много места ни занимали в трудах советских историков проблемы аграрной истории Франции⁴¹, ос-

⁴⁰ Адо А. В. Крестьянское движение во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971. См. отзыв об этой книге А. Соболя (Soboul A. A propos d'une thèse récente sur le mouvement paysan dans la révolution française. — ANRF, 1973, N1).

⁴¹ Мы не имеем здесь возможности остановиться на работах о промышленном развитии Франции, которые, впрочем, занимали сравнительно небольшое место. Уже в конце 20-х годов, в результате критического пересмотра взглядов «русской школы», утвердилось представление, что французская промышленность переживала в XVIII в. мануфактурную стадию развития капитализма (см.: Далин В. М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «русской школы»; Сидорова Н. А. Деревенская промышленность в Шампани накануне революции 1789 г. — Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та, 1941, т. 3). Вопросы промышленного развития Франции XVIII—XIX вв. получили наиболее полное освещение в капитальном труде: Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 1, 2; Он же. Экономический кризис 1787—1789 гг. — Труды Моск. ин-та истории и философии, 1940, т. VI, Финансовая

новное и главное их внимание было сосредоточено на истории якобинского периода революции. Героическая эпоха первых лет Октябрьской революции как бы возрождала в какой-то мере традиции якобинской диктатуры, перекликалась с ней, помогала уяснить ряд ее черт и особенностей. В свою очередь опыт Великой Октябрьской революции оказывал сильнейшее влияние на передовых французских историков, в особенности на Альбера Матьеа, бросая ретроспективный свет на опыт «II года». Морис Домманже хранил в своей ценнейшей личной коллекции экземпляр брошюры Ленина «Об очередных задачах Советской власти», бывший в руках Матьеа. На Матьеа произвела огромное впечатление та высокая оценка, которую Ленин вслед за Марксом и Энгельсом неизменно давал якобинизму. В знаменитой статье, написанной в 1917 г., «Можно ли запугать рабочий класс якобинством?» Ленин чрезвычайно высоко оценил «все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII в., и на поставленный вопрос отвечал так: «Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному, угнетенному классу, ибо в этом суть якобинства...»⁴². Все первые годы революции Ленин многократно возвращался к опыту французской революции, как бы на часах исторического времени отсчитывая, насколько русской революции удастся уйти вперед от 1793 г. В трудные переходные месяцы 1921 г., в момент Кронштадтского мятежа, Ленин, много раз возвращаясь к опыту 1794 г., подчеркивая свою уверенность в том, что социалистическая революция в России избежит «9 термидора», дал в то же время чрезвычайно тонкий анализ причин крушения якобинской диктатуры под давлением разбушевавшейся мелкобуржуазной крестьянской стихии⁴³.

Советские историки, занимавшиеся якобинским периодом, выработали в результате многолетних изысканий

политика революции, естественно привлекавшая к себе внимание в первые годы после Октября, в период падения ценности рубля, освещена была в ценной оригинальной работе: *Фалькнер С. А.* Бумажные деньги французской революции (1789—1793). М., 1919.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 375.

⁴³ См.: *Лукин Н. М.* Ленин и проблема якобинской диктатуры.— Иобр. труды, т. 1; см. также: *Daltne V.* Lénine et le jacobinisme.— *ANRF*, 1971, N 203.

и оживленных дискуссий в общем единую концепцию, несмотря на расхождения в отдельных пунктах. Буржуазная по своим непосредственным задачам, французская революция была по своим движущим силам, несомненно, народной, буржуазно-демократической революцией, и именно решающая роль народа в этой революции и придала ей такую силу и размах, подняла ее над другими буржуазными революциями, сообщила ей те классические черты, которые дали основание называть ее великой. Якобинский период был ее высшим, кульминационным этапом, а отнюдь не периодом «dégagement» («буксование», «скольжение»), как считают некоторые современные французские историки⁴⁴. Якобинцы представляли далеко не только одну буржуазию. Они стояли во главе блока демократической (средней и низшей) буржуазии, крестьянства и городского плебейства, руководили союзом классовых сил, жизненно заинтересованных в победе революции над ее врагами, в доведении главных задач революции до конца. Якобинцы были партией революционного блока, со всеми его сильными сторонами и со всеми присущими ему внутренними, классовыми противоречиями.

Якобинцы развивали инициативу народа, содействовали пробуждению его энергии, поддерживали революционно-демократические органы, созданные народными массами. Революционные комитеты и народные общества, втянувшие в круг своей деятельности сотни тысяч и миллионы, и были той формой власти, через которую осуществлялись революционные мероприятия. Эта широкая демократия сочеталась с централизацией, абсолютно необходимой и неизбежной в условиях ожесточенной войны. Это сочетание широчайшей демократии и централизации являлось, как это было особенно ярко подчеркнуто в работах А. З. Манфреда, выдающегося советского специалиста по истории революции, характернейшей чертой революционно-демократической диктатуры.

Коллизии весны 1794 г. отразили противоречивость, заложенную в самой системе якобинской диктатуры. Прос-

⁴⁴ *Furet F., Richet D.* La révolution française. Paris, 1965, vol. 1. p. 165. Критику этих взглядов см. в статье: *Адо А. В.* Современные споры о Великой французской революции.— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; см. также: *Манфред А. З.* О некоторых спорных и нерешенных вопросах истории Великой французской революции.— В кн.: Французский ежегодник, 1976. М., 1978; *Собуль А.* Классическая историография французской революции.— Там же.

четы и ошибки революционного правительства, несомненно, ослабили диктатуру, но они все же не изменили ее сущность и природу. В основном и существенном якобинская диктатура продолжала оставаться революционно-демократической: якобинцы по-прежнему были, по определению Ленина, «якобинцами с народом». Конфликт между «якобинцами» и «санкюлотами» не был главным и основным конфликтом эпохи, не он привел к катастрофе 9 термидора.

Якобинская диктатура в силу исторических условий не могла остановить рост экономической мощи крупной буржуазии, в частности новой спекулятивной буржуазии. Крестьянство хотело в полной мере и без каких бы то ни было ограничений воспользоваться плодами своих приобретений за годы революции, а этому противодействовала политика «максимума». Именно поворот основных сил буржуазии и собственнического крестьянства, а не конфликт между революционным правительством и санкюлотами имел решающее значение для судеб революции. Революционный блок классовых сил распался, — крушение революционной диктатуры явилось результатом натиска буржуазной и мелкобуржуазной стихии ⁴⁵.

Несмотря на расхождения мнений по ряду вопросов истории революции, советская историография была совершенно единодушна в общей позитивной оценке роли якобинской диктатуры, развивая и дополняя идеи Ленина в этом отношении ⁴⁶. Однако в последние годы появились работы ленинградского историка (не специалиста по истории французской революции) В. Г. Ревуненкова, в которых давалась совершенно противоположная оценка яко-

бинской диктатуры ⁴⁷. По мнению В. Г. Ревуненкова, Маркс и Энгельс изменили после 1848 г. свою оценку якобинизма, а Ленин оставался под влиянием этих первоначальных взглядов. Отказываясь по существу от ленинской оценки классовой базы якобинского Конвента, В. Г. Ревуненков считает «непреложной истиной, что господство в Конвенте принадлежало как раз группировкам, выражающим интересы крупной и средней буржуазии». По его мнению, «Робеспьер отстаивал необходимость террористической буржуазной диктатуры, исключающей всякую демократию, в том числе и демократию для народа».

Насколько односторонен В. Г. Ревуненков в своих оценках, можно судить по тому, что взгляды Марата на управление государством он считает «насквозь» буржуазными. Как бы ни оценивать роль Марата в революции, совершенно несомненно, что эти обвинения Друга народа, все усилия которого были направлены на «политическое просвещение» народных масс, глубоко неверны. Зато чрезвычайно преувеличенную оценку В. Г. Ревуненков дает эбертистам вопреки последним исследованиям таких авторитетных историков, как Жорж Лефевр и Альбер Собоуль.

Позиция В. Г. Ревуненкова не нашла поддержки среди советских специалистов по истории революции, о чем свидетельствовало обсуждение на симпозиуме в Институте всеобщей истории Академии наук СССР ⁴⁸.

Вырабатывая единую концепцию установления, развития и кризиса якобинской диктатуры, советские ученые уделяли большое внимание борьбе классов в этот период, отдельным политическим группировкам, особенно крайне левым, характеристике виднейших деятелей якобинской диктатуры. Максимилиану Робеспьеру был посвящен ряд работ (Н. М. Лукин, А. З. Манфред). Итоги многолетнего изучения А. З. Манфредом биографии Робеспьера подведены в его, вышедшей уже посмертно блестящей кни-

⁴⁵ См.: Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1; Манфред А. З. Великая французская буржуазная революция. М., 1956; *Он же*. О природе якобинской власти. — Вопросы истории, 1969, № 5 (фр. пер.: *Manfred A. Sur la nature du pouvoir jacobin.* — *La Pensée*, 1970, N 150); *Адо А. В.* К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры. — Новая и новейшая история, 1972, № 1; Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962; Проблемы якобинской диктатуры. — В кн.: Французский ежегодник, 1970. М., 1972. Оригинальную постановку вопроса о структуре якобинской диктатуры дал Я. В. Старосельский. См.: *Старосельский Я. В.* Проблемы якобинской диктатуры / предисл. Е. Пашуканиса. М., 1930. К сожалению, дальнейшие исследования Я. В. Старосельского остались неопубликованными.

⁴⁶ См.: Лукин Н. М. Ленин о якобинской диктатуре. — Избр. труды, т. 1; см. также: Вебер Б. Г. Ленин и историческое наследие якобинской диктатуры. — В кн.: Французский ежегодник, 1970.

⁴⁷ См.: Ревуненков В. Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры. Л., 1966; *Он же*. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967; *Он же*. Марат и мелкобуржуазная революционность. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969; *Он же*. Санкюлоты и якобинцы. — Новая и новейшая история, 1969, № 3; *Он же*. Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971.

⁴⁸ См.: Проблемы якобинской диктатуры. — В кн.: Французский ежегодник, 1970.

ге «Три портрета...» (гл. 3. «Максимилиан Робеспьер») ⁴⁹. Впервые на русском языке им был издан трехтомник «Избранных произведений» Робеспьера ⁵⁰.

Тщательному изучению подвергались в советской историографии Марат и его идеи. Этой теме были посвящены труды одного из виднейших советских исследователей французской революции, Г. С. Фридлянда (1896—1940), изучавшего как богатейшее собрание произведений Марата в Институте Маркса и Энгельса, так и коллекцию в Британском музее. Уже в 1926 г. Г. Фридлянд опубликовал работу о дореволюционном Марате и статью о позиции Марата в июне — июле 1793 г. ⁵¹ В 1934 г. он опубликовал большой том «Памфлетов» Марата со своим обширным предисловием и одновременно первый том своей капитальной монографии о Марате ⁵². В этом исследовании был ряд спорных положений, однако тогда же такой авторитетный знаток Марата, как Л. Готшалк, признал работу Фридлянда самой серьезной попыткой изучения идейной биографии Марата ⁵³. В 1956 г. в Москве появился трехтомник «Избранных произведений» Марата, наиболее полное собрание по сравнению со всеми изданиями на французском языке. Подготовка этого издания была начата еще соратником Ленина В. Д. Бонч-Бруевичем во исполнение прямого совета Ленина, данного еще до 1905 г. вскоре пос-

ле того, как Ленин сам изучал «*Ami du peuple*» в Британском музее ⁵⁴. Тогда же В. П. Волгин подверг тонкому анализу первое дореволюционное английское издание «*Chains of slavery*» (1774), сопоставив его с французским изданием «Цепей рабства» 1793 г. ⁵⁵ Новая биография Марата была опубликована А. З. Манфредом ⁵⁶. Заметим попутно, что никто из советских историков не посвящал своих исследований правым лидерам революции в первые годы ее развития ⁵⁷. А. З. Манфред и в этом отношении явился исключением. В своих «Трех портретах...» он нарисовал замечательный образ графа Мирабо; это одно из лучших его произведений, написанное с таким же блеском, как и монография о Наполеоне.

Уже в начале 20-х годов внимание советских исследователей было привлечено к одной из наиболее левых группировок во французской революции, к «бешеным» и Жаку Ру ⁵⁸. Этой теме была посвящена вся научная деятельность другого выдающегося советского знатока великой французской революции, ученика Н. И. Кареева, Я. М. Захера (1893—1963). Уже в 1921—1922 гг. появились первые его брошюры о секциях и Ж. Ру, а в 1925 г. — «Очерки по истории „бешеных“». В 1927 г. Я. М. Захер побывал во Франции, где работал в Национальном архиве. После этой поездки он опубликовал ряд статей о Ж. Ру, Ж. Варле, Т. Леклерке, К. Лакомб, а в 1930 г. — большую книгу «Бешеные» ⁵⁹. Признавая все заслуги «бешеных», Я. М. Захер склонен был все же тогда оценивать их идеологию скорее как «реакционную», противодействовавшую неизбежному

⁴⁹ Лукин Н. М. Максимилиан Робеспьер. 1919 (перепечатано в кн.: Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1); Манфред А. З. Споры о Робеспьере; Он же. Максимилиан Робеспьер. — В кн.: Манфред А. З. Очерки по истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961 (фр. пер.: *Manfred A. Essais d'histoire de France du XVIIIe au XXe siècle*. Moscou, 1969); Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции.

⁵⁰ Робеспьер М. Избр. произведения/Ввод. ст. А. З. Манфреда. М., 1965. Т. 1—3.

⁵¹ Фридлянд Г. Ж.-П. Марат до Великой французской революции. М., 1926; Он же. Классовая борьба в июне — июле 1793 г.: (Якобинцы против Ж.-П. Марата. Ж.-П. Марат против Ж. Ру). — Историк-марксист, 1926, № 1, 2.

⁵² Марат Ж.-П. Памфлеты. М., 1934 (вводная статья Г. С. Фридлянда. Марат — памфлетист революции); Фридлянд Г. С. Марат и гражданская война XVIII в. М., 1934. Т. 1 (2-е изд. М., 1959 — с предисл. А. З. Манфреда). Г. Фридлянд являлся также автором исследования о Дантоне, в котором он в общем высказался против резко отрицательной оценки А. Матьева (Фридлянд Г. Дантон. М., 1934; 2-е изд. М., 1935; 3-е изд. (с нашим предисл.). М., 1965).

⁵³ Gottschalk L. Quelques études récentes sur Marat. — AHRF, 1936, N 74.

⁵⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Письмо К. Е. Ворошилову. — Литературная газета, 1973, 11 июля.

⁵⁵ См.: Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958, гл. IV, см. также: Он же. Социальные и политические взгляды Марата. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения: Памяти А. М. Панкратовой. М., 1958.

⁵⁶ Манфред А. З. Марат. М., 1962.

⁵⁷ Единственным исключением является давняя книга: Попов-Ленский И. Л. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М.: Л., 1924.

⁵⁸ Следует отметить, что еще в 1916 г. Н. И. Кареев опубликовал в «Русских записках» статью «„Коммунистическая“ петиция Жака Ру и секция Гравилье».

⁵⁹ В том же 1930 г. Я. М. Захер опубликовал книгу «Анаксагор Шометт, антирелигиозник XVIII в.» (Л., 1930). Следом появилось и его двухтомное исследование: Захер Я. М. Великая французская революция и церковь. Л., 1930—1931. Т. I, II.

развитию капитализма. Эту точку зрения Я. М. Захер пересмотрел в 50-х годах, когда он снова вернулся к этой теме, опубликовал ряд новых этюдов и издал в окончательной редакции свою книгу о «бешеных», явившуюся как бы завершением его многолетних, упорных исследований этой темы⁶⁰. Высокую оценку трудов Я. М. Захера по истории «бешеных» дал новейший биограф Жака Ру — Вальтер Марков⁶¹.

Ценные работы о «бешеных» дали и другие советские историки, в том числе Н. П. Фрейберг⁶² и позднее С. Л. Сытин, особенно подробно и основательно изучавший роль «бешеных» летом 1793 г.⁶³

Так же как советских историков всегда интересовал вопрос о формировании якобинской диктатуры⁶⁴, их внимание привлекали и проблема крушения революционного правительства, 9 термидора и термидорианская реакция. Как мы уже отмечали, глубокие принципиальные мысли

по этому вопросу высказал Ленин еще в 1921 г. В 1926 г. проблема 9 термидора стала предметом оживленной дискуссии в обществе историков-марксистов, где выступил с докладом Г. С. Фридлянд⁶⁵.

Еще более оживленные споры вызвала книга ученика Н. И. Кареева и Е. В. Тарле, рано скончавшегося П. П. Щеголева⁶⁶. В книге Щеголева были высказаны впервые идеи, распространившиеся позднее в послевоенной Франции. По его мнению, 9 термидора не принесло с собой каких-либо существенных изменений — «термидорианская политика» компромиссов и уступок крупной буржуазии победила уже значительно раньше, весной 1794 г., и проводилась теми же робеспьеристами. Эта точка зрения встретила решительные возражения, прежде всего со стороны Н. М. Лукина, наиболее авторитетного из всех советских историков французской революции в 20—30-е годы. Она была отвергнута и последующими поколениями советских историков.

Серьезные работы по истории термидорианской реакции, в особенности ее экономической политики, опубликовал одесский историк К. П. Добролюбский (1885—1953)⁶⁷. Этой теме была посвящена почти вся его научная деятельность. Во второй половине 20-х годов он опубликовал статьи об экономической политике термидорианского Конвента, вошедшие в его первую книгу «Экономическая политика термидорианской реакции» (1930). К. П. Добролюбский и после выхода этой работы продолжал исследование классовой и идеологической борьбы в термидорианский период. Итогом всех этих исследований явилась опубликованная в 1951 г. в Одессе книга «Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг.». Во всех работах К. П. Добролюбского большое место было уделено парижским секциям. Он дал пространную критику позиции Н. И. Кареева, отрицавшего контрреволюционный характер восстания 13 вандемьера. Сам Кареев, ознакомившись с этой работой, отметил: «Документация этой статьи очень обширна» («Ла

⁶⁰ Захер Я. М. Движение «бешеных». М., 1961; см. также: *Он же*. К вопросу о значении взглядов «бешеных» в предистории социалистических идей. — В кн.: История социалистических учений. М., 1962; *Он же*. Бабеф и «бешеные». — В кн.: Французский ежегодник, 1960. М., 1961; *Он же*. О значении взглядов Шометта для предистории социально-политических идей. — В кн.: Французский ежегодник, 1961. М., 1962; см. также: *Zakher J. Varlet pendant la réaction thermidorienne*. — AHRF, 1960, N 1.

⁶¹ *Markov W.* Op. cit., S. 29, 33.

⁶² Фрейберг Н. П. Декрет 19—20 вандемьера II г. и борьба «бешеных» за конституцию 1793 г. — Историк-марксист, 1927, № 6. Ученица Н. М. Лукина, Н. П. Фрейберг (1893—1933), опубликовала также интересную статью о Шометте (Фрейберг Н. П. Шометт, генеральный прокурор Парижской коммуны в первые годы Великой французской революции. — В кн.: Классовая борьба во Франции. М., 1931). О Н. П. Фрейберг см. статью В. Гавриличева в сборнике памяти Н. М. Лукина (Европа в новое и новейшее время. М., 1966) и некролог Н. М. Лукина (Историк-марксист, 1933, т. 5 (39)).

⁶³ Сытин С. Л. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком... в июле — сентябре 1793 г. — Учен. зап. Ульянов. пед. ин-та, 1956, вып. 8; *Он же*. «Бешеные» и якобинцы после народного восстания 31 мая — 2 июня. — Там же, 1959, т. XV, вып. 3; *Он же*. Политическая программа и тактика «бешеных». — В кн.: Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962.

⁶⁴ См. новейшие работы по этому вопросу: Гордон А. В. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая — 2 июня. — В кн.: Французский ежегодник, 1963. М., 1964; *Он же*. Федералистский мятеж: Из истории гражданской войны летом 1793. — В кн.: Французский ежегодник, 1967. М., 1968; *Он же*. Классовая борьба и конституция 1793 г. — В кн.: Французский ежегодник, 1972. М., 1974.

⁶⁵ Фридлянд Г. С. 9-е термидора. — Историк-марксист, 1928, т. 7 (перепечатано в кн.: Классовая борьба во Франции).

⁶⁶ Щеголев П. П. После термидора: Очерки термидорианской реакции. Л., 1930.

⁶⁷ Добролюбский К. П. Классовая борьба в парижских секциях... после 9 термидора. — В кн.: Классовая борьба во Франции.

documentation de cet article est très abondante)»⁶⁸. К. П. Добролюбского действительно отличали тщательность и добросовестность в изучении документальных источников, почерпнутых им, в частности, из воронцовского фонда, хранящегося в Одессе, обширная эрудиция — именно поэтому его исследования не утратили до сих пор своего значения.

Наиболее крупным достижением советской историографии в изучении термидорианского периода явилась превосходная работа Е. В. Тарле «Жерминаль и прерияль» (1937). Это было его последнее исследование по истории французской революции, и притом свободное от тех недостатков, которые были присущи его дореволюционному «Рабочему классу». Самого историка это исследование чрезвычайно захватило. Он писал в 1928 г. своей жене из Парижа: «Из „Жерминаля и прерияля“ выйдет книга, а не статья. Это уже вполне ясно теперь по материалам, лежащим у меня в шкафу. И это будет в некоторых отношениях еще новее, чем «Рабочий класс». Я на этой работе помещан и ни о чем не могу больше говорить»⁶⁹. В книге дано было несравненно более удачное освещение политической роли плебейства и рабочих, чем в ранних работах автора. Пересмотрел Е. В. Тарле и свой отрицательный взгляд на значение максимума. «Я надеюсь, — писал он в предисловии к своей книге, — более подробно коснуться максимума в подготовленном новом издании моей книги „Рабочий класс во Франции в эпоху революции“, где я коренным образом многое пересмотрел, многое изменил и во многом дополнил то, что относится к влиянию таксации на участь рабочего класса»⁷⁰. По богатству документального материала, по блеску литературного изложения «Жерминаль и прерияль» является одной из лучших работ в обширном научном наследии Е. В. Тарле.

⁶⁸ Отдел рукописных фондов Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. Кареева, 42/9.

⁶⁹ Архив АН СССР, ф. 627, оп. 4, д. 150. Цит. по: Дунаевский В. А. Великая французская революция в довоенной советской историографии. — В кн.: История и историки. М., 1966, с. 74.

⁷⁰ Тарле Е. В. Жерминаль и прерияль. М., 1937, с. 5. Об этих движениях писал и ученик Н. М. Лукина С. М. Моносов (автор «Очерков по истории якобинского клуба». Харьков, 1925); см.: Моносов С. М. Последние восстания парижских предместий. — В кн.: Классовая борьба во Франции. Этой теме касался и П. Шеголев (Шеголев П. Брут Манье. — Проблемы марксизма Л., 1930, № 2/4).

В 50-х годах подвергся также обработке указанный нами архив М.- А. Жюльена, содержащий много материала о термидорианской реакции⁷¹.

Исключительно большой интерес вызывало у советских историков изучение социальных идей накануне и особенно в годы великой революции. Если в области изучения классовой борьбы в этот период ведущую роль среди советских историков занимал Н. М. Лукин и своими собственными трудами, и созданием целой школы советских исследователей, то в области изучения социальных идей такая роль принадлежала В. П. Волгину (1879—1963), крупнейшему, общепризнанному в мировом масштабе знатоку истории социальных идей, в особенности во Франции⁷².

Научная деятельность В. П. Волгина в этой области началась еще в предреволюционные годы. В 1908 г. он

⁷¹ См.: Далин В. Марк-Антуан Жюльен после 9 термидора. — В кн.: Люди и идеи (фр. пер.: Daline V. Marc-Antoine Jullien après le 9 thermidor. — АННФ, 1964, № 176; 1965, N 180; 1966, N 185); см. также: Киселева Е. В. Миссия М.-А. Жюльена в Бордо (1791 г.). — В кн.: Французский ежегодник, 1972.

⁷² Более подробно о работах В. П. Волгина и об исследованиях по истории коммунистических идей в годы революции см. ниже в особой статье.

написал статью, посвященную Жану Мелье и его «Завещанию» — и эта работа была, по существу, в мировой литературе одной из первых попыток освещения социальных, коммунистических идей Мелье. Эта работа увидела свет впервые в 1918 г.⁷³ После этого на протяжении почти 45 лет В. П. Волгин непрерывно работал в области изучения идей французского Просвещения XVIII в., особенно социальных и коммунистических идей (Мелье, Морелли, Мабли и т. д.). Итоги этих многолетних изысканий были подведены В. П. Волгиным в книгах «Социальные и политические идеи во Франции накануне революции» (1940), «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (1958) и в последнем его труде «Французский утопический коммунизм» (1960), где весь первый раздел посвящен утопическому коммунизму XVII и XVIII вв. Все эти труды В. П. Волгина, получившие всеобщее признание, являются гордостью и украшением советской исторической науки.

Особый интерес В. П. Волгин проявлял к Бабефу и истории бабуизма. В 1923 г. он опубликовал ценный этюд, в котором дал совершенно новую трактовку основных идей бабуизма⁷⁴. В позднейшие годы он неоднократно возвращался к этой теме. По его инициативе и с его большой вводной статьей вышло первое русское полное издание Буонарроти⁷⁵. Исследования В. П. Волгина дали толчок к появлению ряда работ о Бабефе и бабуизме, частично вышедшие из его семинара (Г. Зайдель, А. Пригожин). Наибольшую ценность представляли работы П. П. Щеголева «Заговор Бабефа» (1927) и «Грах Бабеф» (1933)⁷⁶, хотя некоторые ее положения являются спорны-

ми. В этой второй работе были использованы и материалы парижского Национального архива.

Интерес к Бабефу вновь оживился в 50-е годы и в русской и международной науке в значительной мере в связи с разработкой ценнейшего рукописного архива Бабефа, хранящегося в Москве с 20-х годов⁷⁷.

Изучение развития коммунистических идей в годы революции далеко не ограничивалось Бабефом. Этой темой на протяжении многих лет занимался ученик В. П. Волгина А. Р. Иоаннисян. Начав с изучения идей Ретифа де ла Бретонна и едва ли не первый открыв в них социальное ядро, А. Р. Иоаннисян приступил к поискам в Национальном и департаментских архивах. В итоге многолетних поисков он опубликовал в 1966 г. превосходный капитальный труд «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции», который оставил далеко позади себя известное исследование А. Лиштанберже⁷⁸.

Заслугой советских историков является также выяснение роли «Cercle Social». Тема эта, до сих пор почти не привлекавшая внимание французских историков, интенсивно разрабатывалась В. С. Алексеевым-Поповым (Одесса) и вызвала оживленные споры⁷⁹.

Проблемам внешней политики революции, и в частности в период якобинской диктатуры, были посвящены интересные статьи А. Л. Нарочницкого⁸⁰.

⁷⁷ См.: Далин В. М. Грах Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963 (фр. пер.: *Daline V. Gracchus Babeuf à la veille et pendant la Grande Revolution française*. Moscou, 1977). См. рецензию А. Соболя (*Humanité*, 1978, 22 juil.).

⁷⁸ Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966. См. рец. В. Маркова, который считает ее «поражительным достижением» («eine erstaunliche Leistung»). — *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, Berlin, 1968, Н. 2, S. 239).

⁷⁹ См.: Алексеев-Попов В. С. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования. — В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1956; Он же. «Социальный кружок» и демократически-республиканское движение 1791 г. — В кн.: Из истории общественных движений. М., 1957; см. также: *Daline V. Babeuf et le Cercle Social*. — In: *Recherches Internationales*. Paris, 1972.

⁸⁰ См.: Нарочницкий А. Л. Крушение дипломатии Дантона. — Доклады и сообщения ист. ф-та МГУ, 1946 вып. 6; Он же. Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1945, № 6; Он же. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики. — Учен. зап. ист. ф-та МГПИ им. В. И. Ленина, 1946, № 3; Он же. Вопросы войны и мира в политике якобинцев

⁷³ См.: Волгин В. П. Революционный коммунист XVIII века (Жан Мелье и его «Завещание»). Живейший интерес к Мелье проявил позднее Б. Ф. Поршнев, см.: *Поршнев Б. Ф.* Мелье. М., 1964. (ЖЗЛ). Ученик Б. Ф. Поршнева, Г. С. Кучеренко, исследовал «Судьбу „Завещания“ Жана Мелье в XVIII веке» (М., 1968); Кучеренко показал, что рукопись Мелье имела в XVIII в. гораздо большее распространение, чем принято было думать.

⁷⁴ См.: Волгин В. П. Идейное наследие бабуизма. — В кн.: Волгин В. П. Очерки по истории социализма. М., 1923; 4-е изд., 1935. Перепечатано в кн.: Волгин В. П. Очерки по истории социалистических идей. М., 1975.

⁷⁵ Книга Буонарроти появилась в созданной В. П. Волгиным серии «Предшественники научного социализма».

⁷⁶ Отметим также оригинальную и очень содержательную статью П. Щеголева о книге Буонарроти и ее влиянии на Россию (Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист. наук. Л., 1940, вып. 6).

Как ни странно, вопрос о влиянии Великой французской революции на развитие русской общественной мысли, хотя и затрагивался попутно рядом авторов (например, В. И. Семевским, М. В. Нечкиной и др.), долго не являлся темой специальных монографических исследований. Первой такой удачной попыткой явилась выпедшая в 1956 г. работа М. М. Штранге «Русское общество и французская революция». Но эта тема явно требует дальнейших исследований⁸¹.

Вся эта многосторонняя и обширная работа советских историков особенно по изучению якобинского периода революции, совпавшая по времени с наиболее ярким периодом в деятельности А. Матьеза, привела к сближению советских историков с «Анналами» и их редактором. В 20-х годах на русский язык был переведен целый ряд работ Матьеза, в том числе его трехтомная «Французская революция» и «Борьба с дороговизной», получившие очень высокую оценку советских историков⁸². Оговорив свои разногласия с Матьезом, Н. М. Лукин отмечал «высокие научные достоинства» этих работ. Он писал по поводу «Дороговизны и социального движения»: «Как самая постановка проблемы, так и ее трактовка свидетельствуют об огромном интересе Матьеза к социально-экономической истории революции, его способности как к кропотливому анализу многообразных исторических материалов, так и к широким обобщениям... В работе Матьеза приятно пора-

жает повышенный интерес к движению народных масс. Можно сказать, что массы у него на первом плане...»⁸³.

А. Матьез в свою очередь следил за исследованиями советских историков и установил личные связи с ними, в особенности во второй половине 20-х годов, когда возобновилась работа советских ученых во французских архивах. В 1927 г. Матьез опубликовал обзор «Русские работы по истории французской революции», в котором писал: «Больше, чем когда-либо, история нашей революции стоит в порядке дня в новой России. Молодые ученые, сгруппировавшиеся вокруг М. Н. Покровского, Тарле, Рязанова, принимают за дело с радостным порывом и многие, не колеблясь, совершают путешествие в Париж, чтобы искать документы для своих исследований. Если французские историки хотят быть в курсе многочисленных и достойных внимания трудов, которые появляются все время, для них вскоре станет совершенно необходимым изучение русского языка. Я никогда так не сожалел, как сейчас, что не использовал своей молодости для того, чтобы приобрести это совершенно необходимое знание».⁸⁴ В 1928 г. А. Матьез опубликовал новый обзор работ советских историков, написанный Н. М. Лукиным, и сам послал в «Историк-марксист» свою статью о революционном правительстве⁸⁵. Матьез высоко ценил труды Е. В. Тарле и содействовал переводу его «Континентальной блокады» на французский язык⁸⁶.

Нам остается вкратце коснуться еще двух аспектов деятельности советских историков в изучении революции. Если не считать работы П. А. Кропоткина, ставившего перед собой особые задачи, в дореволюционной русской литературе не было ни одного общего труда по истории революции. Выпедшая в 1918 г. книга Н. И. Кареева давала

накануне 9 термидора.— В кн.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX вв. М., 1964. Из работ, посвященных анализу влияния французской революции на сопредельные страны, отметим ценное и оригинальное исследование (Мошкова Ю. Я. Георг Форстер, немецкий просветитель и революционер XVIII века. М., 1964), получившее весьма положительные отзывы в германской прессе, и капитальную монографию: Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М., 1962.

⁸¹ См. также: Джемс К. Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972 (см. ряд критических замечаний в рецензии В. Г. Сироткина в журнале «Новая и новейшая история», 1974, № 3); см. также: Итенберг Б. С. Россия на рубеже 70—80-х годов XIX в. и опыт Великой французской революции.— В кн.: Французский ежегодник, 1976. М., 1978.

⁸² Матьез А. Французская революция. М., 1925—1928. Т. 1—3; Он же. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928; Он же. Новое о Дантоне. М., 1928; Он же. Как побеждала революция. М., 1928; Он же. Термидорианская реакция. М., 1931.

⁸³ Лукин Н. М. Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора.— Историк-марксист, 1928, т. 10 (перепечатано в кн.: Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1).

⁸⁴ Mathiez A. Les travaux russes sur l'histoire de la révolution française.— AHRF, 1927, nov.—déc., p. 589. «Si les historiens français veulent se tenir au courant des travaux nombreux et dignes d'attention qui paraissent tous les jours, il leur faudra bientôt de toute nécessité apprendre la langue russe. Je n'ai jamais autant regretté qu'aujourd'hui de n'avoir pas profité de ma jeunesse pour acquérir cette connaissance indispensable».

⁸⁵ Loukine N. La révolution française dans les travaux des historiens soviétiques.— AHRF, 1928, p. 128—138; статью А. Матьеза см.: Историк-марксист, 1936, № 3.

⁸⁶ E. Tarlé à la Sorbonne.— AHRF, 1930, N 37, p. 93.

общий очерк политической истории⁸⁷. Между тем задача создания целостной концепции, охватывающей все экономические, социальные, политические процессы в их органическом единстве, становилась одной из важнейших задач советской историографии. После ряда попыток, лишь частично решавших поставленные задачи (работы С. М. Моносова, С. А. Лотте, Я. М. Захера и др.), накануне войны коллективом историков под руководством В. П. Волгина и Е. В. Тарле был подготовлен большой труд⁸⁸. В этом томе были использованы новые архивные документы, в частности из фонда русского посланника во Франции в годы революции И. М. Симолина⁸⁹. Авторами тома были известные исследователи революции (К. П. Добролюбовский Б. Г. Вебер, Р. А. Авербух, С. В. Фрязинов, Ф. А. Хейфец, сам Е. В. Тарле и др.). Однако большее количество авторов привело к некоторой неравноценности текста и порой внутренним противоречиям. Тем не менее этот труд подводил итоги многолетних изысканий советских историков.

Наилучшей сводной работой по истории революции явилась выпедшая уже после войны работа А. З. Манфреда «Великая французская буржуазная революция»⁹⁰. В. П. Волгин дал ей заслуженную высокую оценку: «Об огромном интересе в Советском Союзе,— писал он,— к истории французской революции свидетельствует обилие научно-популярных работ по этой теме, весьма, впрочем, неоднородных по своим научным и литературным достоинствам. Наиболее ценной и в научном отношении содержательной является работа А. З. Манфреда, основывающаяся не только на тщательном изучении литературы о французской революции, но и на продуманном использовании источников»⁹¹. Важным дополнением к этой книге явились выпедшие уже посмертно «Три портрета эпохи

Великой французской революции» (1978), где А. З. Манфред дал впервые в советской литературе замечательную характеристику Мирабо и внес много нового в свой портрет Максимилиана Робеспьера.

Историографией французской революции до 1917 г. больше всех занимался Н. И. Кареев, очень внимательно следивший за всеми трудами по истории революции в России и за рубежом. Трижды публиковал он обзоры русских работ по истории революции во французских журналах — в 1902, 1912 и 1925 гг.⁹², многократно печатал такие обзоры и в русских журналах. Пожалуй, ни одна скольконибудь заметная работа русского исследователя по истории революции не ускользнула от его внимания. Все эти историографические исследования маститого ученого получили завершение в его трехтомном труде, единственном, пожалуй, во всей мировой историографии революции, — «Историки французской революции»⁹³. Первые два тома были посвящены изучению французской революции в самой Франции, — последний, третий том, озаглавленный «Изучение французской революции вне Франции», посвящен немецким, английским и русским исследователям. Большая часть его (с. 196—300) освещает труды русских историков.

В архивном фонде Н. И. Кареева в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина сохранился последний его незаконченный историографический обзор, написанный, судя по названиям анализируемых им трудов, в 1931 г. — в последний год его жизни⁹⁴. Он написан на французском языке и озаглавлен «La révolution française dans l'historiographie marxiste en Russie». Больше всего места в нем отведено трудам Н. М. Лукина⁹⁵, но обстоятельно изложены также работы В. П. Волгина, Г. С. Фридлянда, Я. М. Захе-

⁸⁷ Кареев Н. И. Великая французская революция. Пг., 1918.

⁸⁸ Французская буржуазная революция. 1789—1794. М.; Л., 1941.

⁸⁹ Архив этот впервые был исследован только в 30-х годах (см.: Лукин Н. М. Царизм и французская революция по донесениям И. М. Симолина. — Избр. труды, т. 1).

⁹⁰ Манфред А. З. Великая французская революция XVIII века. М., 1956 (первое издание книги, которое было потом значительно дополнено и переработано, появилось в 1950 г.). Книга была переведена на французский, немецкий, китайский, венгерский, испанский (Мексика), португальский (Сан-Пауло и Лиссабон) языки.

⁹¹ Французский ежегодник, 1958, М., 1959, с. 499.

⁹² Karéiev N. La Révolution française dans la science historique russe. — La Révolution française, 1902; *Idem*. Les travaux russes sur l'époque de la Révolution française depuis dix ans. — Bulletin de la société d'histoire moderne, 1912; *Idem*. Les derniers travaux des historiens russes... (1912—1924). — ANRF, 1925.

⁹³ Кареев Н. И. Историки французской революции. Л., 1924. Т. I—III.

⁹⁴ ОРФ ГЛБ, фонд Н. И. Кареева, 42/9.

⁹⁵ «Большинство представителей новой школы являются учениками Лукина и Волгина. Я начинаю с Лукина, потому что, еще будучи студентом университета, он написал работу о падении Жиронды... и впоследствии стал главным руководителем новой школы» (Там же, с. 38).

ра, П. П. Щеголева (два последних занимались в его семинарах), И. П. Завитневича, Н. П. Фрейберг, К. П. Добролюбского, С. М. Моносова, С. Д. Куниского, В. Н. Познякова, В. М. Далина и др. Хотя, как известно, Н. И. Кареев не был марксистом, а в 90-х годах довольно резко полемизировал с Г. В. Плехановым, этот последний его обзор, написанный с обычной для него обстоятельностью, отличается спокойным, доброжелательным тоном и признанием большой научной обоснованности многих обзриваемых им работ.

Н. М. Лукин, также чрезвычайно внимательно следивший за литературой о французской революции и в течение нескольких лет ведший семинары по историографии по данной теме, опубликовал ряд ценных этюдов об отдельных историках (Олар, Жорес, Матъез, Лефевр). Из его семинара вышли работы С. Д. Куниского (о Жоресе), С. С. Бантке (об Оларе) и др. Большие историографические обзоры были опубликованы также К. П. Добролюбским⁹⁶ и О. Л. Вайнштейном⁹⁷. Последний по времени специальный обстоятельный обзор довоенной советской историографии Великой французской революции был опубликован В. А. Дунаевским⁹⁸. Дореволюционной русской историографией революции (работами В. И. Герье, Н. И. Кареева, И. В. Луцицкого, М. М. Ковалевского) занимался Б. Г. Вебер, опубликовавший на эту тему целый ряд основательных статей, завершением которых явилась его ценная книга «Историографические проблемы» (М., 1974), последний раздел которой посвящен русским историкам революции.

Совершенно особое место в историографии революции занимает работа И. И. Зильберфарба (1903—1968), представляющая собой попытку исследовать борьбу за идейное наследие Великой французской революции, развернувшуюся в 30-х годах нашего века, в связи с попытками фашистского похода в Италии, Германии и самой Франции против идей и традиций революции. Эту работу И. И. Зильберфарб начал еще в 1939 г.; он продолжал ею заниматься

и в послевоенные годы. Книга его, представляющая большой интерес, появилась уже посмертно⁹⁹.

За последние 20 лет научные связи французских и советских историков революции очень упрочились. Статьи советских историков регулярно публикуются в «Annales historiques de la Révolution française», а французских историков — во «Французском ежегоднике» (Ж. Годшо, М. Домманже, А. Собоуль, Ж.-Р. Сюратто и др.). Отдавая дань глубокого уважения блестящим историкам революции А. Матъезу и Ж. Лефевру, чьи труды всегда высоко ценились в СССР, и подводя итоги столетней плодотворной работе историков нашей страны, проявлявших всегда огромный интерес к истории Великой французской революции, мы выражаем глубокую надежду, что наши совместные исследования будут и дальше успешно развиваться.

⁹⁹ Зильберфарб И. И. Идеи и традиции Великой французской революции в борьбе сил демократии и фашизма. М., 1971.

Некоторые тематически связанные материалы

А.С.Пушкин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#push>
В.И.Герье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#gerie>
А.И.Герцен <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#gertz>
В.Г.Белинский <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#belin>
Н.И.Кареев <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#kareev>
Я.М.Захер <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jz>
Е.В.Тарле <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#tarle>
С.Д.Сказкин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#skazkin>
Н.М.Лукин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#luk>
Н.П.Фрейберг <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#freib>
С.М.Моносов <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#monos>
Р.А.Авербух <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#avr>
А.З.Манфред <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#manf>
В.Г.Ревуненков <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#revun>
Г.С.Фридлянд <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#fridl>
С.Л.Сытин <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p144663647.htm>
П.П.Щеголев <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#shcheg>
К.П.Добролюбский <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dobr>
В.П.Волгин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#luk>
А.Р.Иоаннисян <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns>
А.Л.Нарочницкий <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alnar>
М.М.Штранге <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#schtrange>
А.Матъез <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

⁹⁶ Великая буржуазная революция.

⁹⁷ Французский ежегодник, 1958. М., 1959.

⁹⁸ Французский ежегодник, 1959. М., 1960; История и историки. М., 1966; см. также: Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941. М., 1974, с. 76—113.

Памяти
Альберта Захаровича МАНФРЕДА

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор *Б.Г. ВЕБЕР*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Все материалы о П.А.Кропоткине и ссылки на его тексты:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kropot>

Кропоткин — историк Великой французской революции

Россия, и особенно прогрессивная, революционная Россия XIX в., была исключительно богата людьми выдающихся талантов, огромной умственной энергии, высокой нравственности и величайшей готовности к самопожертвованию во имя своих идеалов. В блестящем созвездии этих людей имя Петра Алексеевича Кропоткина занимает достойное место.

Князь, принадлежавший к старинной дворянской семье, шедшей от Рюриковичей, сын генерала, внук сибирского генерал-губернатора, он еще в детстве обратил на себя благосклонное внимание Николая I, а затем и Александра II, у которого он был камер-пажом. По окончании пажеского корпуса его ожидала блестящая будущность: «в придворных кругах много говорили о моих способностях, о моих дарованиях»¹. Но Кропоткин пренебрег всем этим и, к всеобщему изумлению, отправился простым казачьим офицером в Сибирь. Здесь он быстро разочаровывается в административной деятельности на благо народа, о которой он мечтал, покидая Петербург — дело происходило через год после 19 февраля 1861 г., — но зато нашел себя в науке.

Сперва путешественник-первооткрыватель по долгу службы, Кропоткин становится постепенно блестящим географом. Его исследования об орографии Сибири, раскрытие основных черт строения нагорной Азии, а затем — после возвращения в 1867 г. в Петербург — исследования и замечательные, «величественные», по его собственному выражению, гипотезы о ледниковом периоде навсегда вписывают имя Кропоткина в историю русской и мировой географической науки. Ему едва минуло 30 лет, как его уже прочтат в секретари Российского географического общества, переживавшего тогда полосу замечательного расцвета. Хотя научные открытия доставляют Кропоткину величайшую радость, его уже мучает нравственная проб-

лема: какое право имеет он «на все эти высшие радости, когда вокруг... гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба»².

После короткого пребывания в Швейцарии, где, к сожалению, он подпадает — навсегда! — под влияние идей бакунистской Юрской федерации Первого Интернационала, он возвращается в Россию убежденным социалистом. В течение двух лет (1872—1874) он ведет двойное существование — с всенарастающим успехом князь Кропоткин продолжает свои исследования в Географическом обществе и в то же время примыкает к «чайковцам» и под именем Левашова занимается нелегальной пропагандой среди петерских рабочих. Он попадает в среду «идеально чистых и нравственно выдающихся людей... тесно сплоченных для общей цели», чьи «взаимные отношения были проникнуты... глубокой любовью к человечеству»³.

Во имя этой любви Кропоткин отказывается от своей научной карьеры. В 1874 г. он попадает в тюрьму, в 1876 г. совершает поразительно смелый побег и попадает за границу, где опять ведет революционную деятельность, которая стоит ему четырехлетнего пребывания на этот раз во французских тюрьмах, после чего его высылают из Франции. Он поселяется в Лондоне, так и не став ученым-профессионалом, и отдает всю свою жизнь служению революции, правда своеобразно понимая ее пути и задачи. Только в 1917 г., после Февральской революции, уже глубоким стариком, он возвращается на родину.

Когда же и как Кропоткин становится исследователем и историком Великой французской революции? Это непосредственно связано с его революционной, народнической деятельностью. Почти все мемуаристы, писавшие о деятельности Кропоткина, отмечают, что среди «чайковцев» он был на крайне левом крыле, «гораздо более крайнем, чем большинство его товарищей»⁴. Особенно интересно свидетельство Н. А. Чарушина, вспоминавшего, что Кропоткин, настроенный «весьма воинственно», предлагал и горячо защищал «идею организации боевых крестьянских дружин для открытых крестьянских выступлений, чтобы они своей кровью лучше запечатлели в уме и сердце народа эти проявления народного протеста и таким путем посте-

² Там же, с. 227.

³ Там же, с. 278.

⁴ Лукашевич А. О. В народ. — Былое, 1907, № 3/(15), с. 10.

¹ Кропоткин П. Записки революционера под ред. и с предисл. В. А. Твардовской. М., 1966, с. 165.

ленно революционизировали массы»⁵. Уже тогда, не позднее чем к середине 70-х годов, задумываясь над тем, как развивались и побеждали революции в Европе, Кропоткин с особым интересом отнесся к «крестьянским бунтам», предшествовавшим и сопутствовавшим Великой французской революции.

Правда, его позиция, его оценка этих бунтов и их роли не встречали общей поддержки. Кропоткин сам вспоминает о тех сомнениях, которые выражал по этому поводу его брат Александр, которого сам Петр Алексеевич высоко ценил: «Не понимаю, как можешь ты верить в возможность революции в России, особенно крестьянской... Крестьянское восстание с его крайностями, а подчас и неизбежными зверствами не привлекали его. Он не верил в революционные инстинкты крестьянства»⁶. Но Александр Кропоткин, при всей прогрессивности его взглядов, не был все же революционером; взгляды же П. А. Кропоткина на роль крестьянских восстаний вызывали сомнения и среди его ближайших единомышленников, особенно во второй половине 70-х годов, когда на первый план для них выступил политический террор. Летом 1899 г. Кропоткин писал: «Я глубоко убежден, что в настоящую минуту для России необходимо *крестьянское восстание* как единственный исход из теперешнего положения. Но и теперь, *как двадцать пять лет назад* (курсив наш. — В. Д.), в интеллигентной молодежи не находится никого, кто бы пропитался теми же мыслями. Теперь все взоры обращены на немецкую социал-демократию, успехи которой сильно преувеличиваются в России...»⁷. Эту последнюю часть фразы следует отнести за счет неискоренимой — увы! — неприязни Кропоткина к марксизму и выросшей под его влиянием германской социал-демократии. Но указание на «двадцать пять лет» — т. е. на 1874 г. — говорит о том, что и в то время его оценка роли крестьянских восстаний встречала возражения даже среди ближайших единомышленников⁸.

⁵ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1926, ч. 1; см. также: Твардовская В. А. Предисловие. — В кн.: Кропоткин П. Записки революционера, с. 16.

⁶ Кропоткин П. Записки революционера, с. 307.

⁷ Там же, с. 349.

⁸ «Впоследствии, когда русское революционное движение стало разговором и превратилось в революционную борьбу, всякая мысль о народном движении роковым образом была оставлена. Я же считал, что революционная агитация должна вестись глав-

Но Кропоткину было свойственно упорство — и даже упрямство, в чем его упрекали, как мы еще увидим, даже некоторые его ближайшие друзья. Он продолжал отстаивать свои взгляды, глубоко убежденный в своей правоте. Как только после побега и последующих преследований за рубежом он на короткое время оказался в спокойной обстановке, Кропоткин, по его собственному рассказу, немедленно вернулся к так занимавшей его теме: «В этот раз (в 1877 г. — В. Д.) я опять недолго оставался в Лондоне. По богатым материалам Британского музея я принялся за изучение французской революции, именно, как зачинаются революции»⁹.

Революционное нетерпение скоро прервало эти занятия — Кропоткин снова отправился в Швейцарию (где он, по-видимому, стал членом центра бывшего бакунистского Альянса). Но как только он очутился в 1879 г. в Париже и на квартире П. Л. Лаврова встретился с Н. И. Кареевым, закончившим тогда свою магистерскую диссертацию о крестьянском вопросе во Франции XVIII в. (получившую, как известно, весьма высокую оценку Маркса и Энгельса), он сразу заговорил о так интересовавшей его теме. По воспоминаниям Кареева, Кропоткин выяснял у него «подробности о французском национальном архиве, строил свои расчеты сам там поработать»¹⁰.

Этим расчетам никогда не суждено было сбыться: в 1882—1886 гг. Кропоткин оказался в тюрьме Клерво, и после этого «навсегда» был изгнан из Франции. Но он успел изучить книгу Кареева, а самое главное, ознакомился с выходившими тогда томами Тэна — «Происхождение современной Франции». Хотя в своих заметках о Тэне он и писал, что это историк «вполне враждебный если не самой революции, то формам, в которые она... вылилась», но именно у Тэна с его описанием «шести жакерий» он нашел полное подтверждение своей точки зрения о роли крестьянских восстаний во французской революции. И Кропоткин с торжеством записал в результате чтения Тэна: «Театральная... сторона революции уже теряет для вас интерес... После Тэна формальная история революции уже

ным образом среди крестьян для приготовления крестьянского восстания» (Там же, с. 348).

⁹ Там же, с. 370.

¹⁰ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. — Рукописный отдел Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 119, карт. 44, д. 12, с. 26. (Любезно сообщено Е. В. Старостиным.)

невозможна. Будущая история революции должна быть историей народного движения за этот период»¹¹. Эта запись сделана в 1878 г., и в ней содержится уже вся идея его труда, вышедшего лишь тридцать лет спустя.

* * *

Только в 1886 г., когда Кропоткин — после 10 лет революционной деятельности за рубежом и нового тюремного заключения — поселился в Лондоне (на 30 лет!), он получил возможность вернуться к истории революции. В 1889 г., к ее столетию, он публикует статьи и печатает свою первую, пока небольшую брошюру о Великой революции. Мы не будем останавливаться на последующих 20 годах работы Кропоткина над историей революции — они освещаются в превосходной диссертации Е. В. Старостина, к сожалению, оставшейся в рукописи, «Источники о жизни и деятельности П. А. Кропоткина» (1972), где этому вопросу посвящена специальная глава¹². Мы дополним только это ценное исследование некоторыми любопытными данными о творческой истории кропоткинской книги и спорах, ею вызванных, извлеченными из переписки Кропоткина с его ближайшим другом Джемсом Гильомом, сохранившейся в личном архиве Кропоткина¹³.

Знакомство Кропоткина с Дж. Гильомом, руководителем Юрской федерации Интернационала, состоялось еще во время первой поездки Петра Алексеевича в Швейцарию. Уже тогда Гильом произвел на него сильное впечатление, и впоследствии в своих «Записках революционера» он охарактеризовал его как одного из наиболее умных и широко образованных людей, которых он когда-либо встречал¹⁴. Именно Гильом, исключенный вместе с Бакуниным на Гаагском конгрессе 1872 г. из Интернационала, больше других внушил Кропоткину ту неприязнь к марксизму, которую тот сохранил на всю жизнь. В 1878 г. из-за пре-

следований Гильом покинул Швейцарию и поселился в Париже. На протяжении 20 лет он не занимался политической деятельностью и вернулся к ней только в начале XX в.¹⁵ Но за эти годы Гильом углубился в историю французской революции, очень сблизился с А. Оларом, издал в нескольких томах документы Законодательного собрания и Конвента в области народного просвещения, опубликовал ряд статей, составивших впоследствии двухтомник «*Etudes révolutionnaires*». В конце 90-х годов Гильом пережил психическое заболевание и только в 1901 г. возобновил свои дружеские связи с Кропоткиным.

Их оживленная переписка очень скоро коснулась проблем истории революции. Так, уже в 1902 г. Гильом писал своему другу: «Если у тебя есть время и желание прочесть великолепную историю революции, единственную, которую можно рекомендовать, потому что это единственный труд, который уделяет место — и притом главное место — экономической истории, истории взаимоотношений труда и капитала, то я обращаю твое внимание на тома Жореса, которые открывают эту серию («Социалистической истории». — В. Д.). . . Уже вышло два тома... третий появится в январе, как сообщает мне Жорес». Гильом при этом привел отзыв Олара, который считал труд Жореса «самым обширным, самым прекрасным, самым солидным из всех памятников, воздвигнутых в честь французской революции» (21)¹⁶.

Вполне естественно, что в 1903 г., когда Кропоткин начал печатание серии своих статей по истории революции в анархистском двухнедельнике «*Les Temps Nouveaux*», издававшемся Жаном Гравом, — эта серия была закончена печатанием только в 1906 г. — Гильом сразу же обратил на нее внимание. Однако в первом же письме чувствуется не удовлетворение, а тревога по поводу того, что Кропоткин обратился к этой теме. Гильом, считавшийся уже серьезным специалистом в этой области, явно боялся, что выступление Кропоткина будет носить дилетантский характер. «Я немного напуган, — писал он, прочитав первую статью, — что ты вступаешь на эту столь еще мало изведанную почву истории революции. В естественных

¹¹ ЦГАОР, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 982, с. 8; см. также: *Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793*. М., 1979, с. 454—460.

¹² См. также: *Старостин Е. В.* К истории изучения П. А. Кропоткиным Великой французской революции. — В кн.: *Французский ежегодник*, 1967. М., 1968.

¹³ ЦГАОР, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 950. (В дальнейшем все ссылки на этот фонд даются в тексте с указанием страниц.)

¹⁴ *Кропоткин П.* Записки революционера, с. 257.

¹⁵ См. нашу статью «Бакунист в двадцатом столетии» в кн.: *Французский ежегодник*, 1971. М., 1973.

¹⁶ Кропоткин, кстати, в своем труде неоднократно ссылается на труд Жореса и дает ему высокую оценку.

науках ты у себя дома, ты можешь выступать с полным знанием дела, которое ты всерьез изучал; ты не рискуешь скомпрометировать свою аргументацию каким-нибудь промахом (*par quelque bévue*). Но в этой не изведанной им области Кропоткин легко мог совершить такой промах. Гильом призывал поэтому воздерживаться от поисков аргументов в пользу какой-нибудь теории: «История революции еще не написана... нужно воздержаться от обобщений» (42—43). Право на широкие обобщения дано, по его мнению, только историкам такого калибра, как Мишле, Луи Блан, Кине.

«Общее замечание,— возвращается к этому вопросу Гильом в письме от 15 июля 1905 г.,— у тебя есть теория и ты ищешь факты, которые ты группируешь, чтобы подтвердить свою теорию. У меня в вопросах Французской революции нет никакой теории, я ищу только факты... до сих пор малоизвестные или же вовсе неизвестные, и не беспокоюсь о том, что из этого выйдет» (81). Этой тревогой из-за того, что Кропоткин занялся малознакомой ему темой и может допустить какой-нибудь непростительный промах, проникнуты письма Гильома на протяжении нескольких лет, пока Кропоткин готовил свою книгу и затем знакомил с ней Гильома. Сперва он призывал поменьше обобщать: «Обобщая и все расширяя книгу,— к чему у тебя такая ясная тенденция,— ты рискуешь оказаться в противоречии с действительностью, с упрямыми фактами (*the stubborn facts*), а этого надо избежать» (132).

Но когда статьи в *Les Temps Nouveaux* были закончены печатанием и Кропоткин приступил к подготовке своей книги, Гильом стал призывать только к одному — ограничиться перепечаткой серии статей, изложением «философии революции». Больше всего он боялся расширения книги, связанного с возможностью фактических ошибок: «Основой книги должен быть не пересказ фактов, а философия истории революции; эта философия является темой, нужно сохранить за ней полную оригинальность» (109). Соглашаясь поэтому выполнить просьбу Кропоткина и прочитав его рукопись, он оговаривался, что не будет ни в чем касаться этой «философии», он ограничится только исправлением фактических ошибок. Он надеялся, что при этом между ними «не возникнет никаких споров» (109). Гильом ошибся! Споры возникли, и, как мы увидим, достаточно серьезные.

* * *

Читая рукопись и оценивая ее как «превосходную», Гильом действительно обнаружил ряд промахов, которые Кропоткиным были охотно исправлены. Так, он указал, что «кордельерским трио» называли вовсе не Дантона, Марата, Робеспьера, как думал Кропоткин, а троих крайне левых депутатов Законодательного собрания — Шабо, Базира и Мерлена из Тионвиля (110). Гильом исправил и ошибку о «бешеных» — они никогда не входили в состав Горы; слово «Гора» относится только к депутатам Конвента; никто из «бешеных» не был гильотинирован (132). Не было никакого «заговора» для установления диктатуры Робеспьера. Идею диктатуры защищал только Марат. Робеспьер ее не разделял. «Он не был государственным человеком... по словам г-жи Жюльен, он так же мало способен был стать вождем партии, как раскусить зубами луну» (161). Все, чего добивались Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон накануне 9 термидора,— это было частичное обновление Комитета общественного спасения.

В этой сравнительно спокойной по тону переписке уже в декабре 1907 г. прозвучала тревожная нота — предвестник будущей схватки. В этом году вышла книга Олара против Тэна. Гильом, очень близкий к Олару, отозвался о книге весьма положительно: «Не все в его критике имеет одинаковую ценность, и у него иногда заметно педантизм, но в основном он прав» (150). Но на книгу Олара сейчас же отозвался Гюстав Руане¹⁷, социалист-реформист, знаток истории революции, подчеркнувший, что «анархисты, чтобы оправдать свою тактику частичных выступлений, ссылаются на крестьянские жакерии, которые существовали только в мозгу у Тэна, их излюбленного историка». Этот явный намек на Кропоткина сразу взволновал Гильома, который поспешил призвать своего друга к отказу от Тэна, которого уже с 70-х годов, как мы видели, так высоко ценил Кропоткин, и именно из-за его «жакерий». «Я давно уже тебя предупреждал,— писал Гильом в декабре 1907 г.,— что Тэн абсолютно скомпрометирован как историк и что ссылаться на его мнение и его мнимые труды — значит компрометировать самого себя. Поэтому я

¹⁷ Г. Руане был вице-президентом Общества робеспьеристских исследований, созданного А. Матьезом, и на столбцах журнала общества (тогда называвшегося «*Annales Révolutionnaires*») напечатал серию статей о Робеспьере.

надеюсь, что в своем труде ты абсолютно не будешь опираться на Тэна» (148). Но Кропоткин никак не мог согласиться с этим советом. Отказ от упоминания «крестьянских жакерий» означал бы отказ Кропоткина от одной из основных идей его книги. Вот почему в своей книге он, несмотря на советы Гильома, на Тэна все же сослался.

Новое разногласие возникло в связи с намерением Кропоткина расширить рамки своей книги и подробно осветить историю II года. Это вызвало решительные возражения Гильома. «Ты уже изменил свой план. Ты хочешь охватить всю историю революции, а не только начало крестьянских движений (именно такой план изложил, очевидно, Кропоткин в одном из не дошедших до нас писем к Гильому. — В. Д.). И ты начал изучать 1793, 1794 и 1795 гг., о которых до сих пор ты имел только самое общее представление. Для тебя с точки зрения твоего личного образования это было очень полезно, но дало ли это тебе право на изложение этой столь запутанной истории 1793 и 1794 гг.?» (353). Этот период нужно изучать «день за днем по документам... Собираясь стать рассказчиком событий, ты легкомысленно подставляешь себя под стрелы критики некоторых специалистов, которые упрекнут тебя в том, что ты не знаешь того, что знают они, и на этом основании подвергнут сомнению все твои социальные выводы» (Там же).

«Я содрогаюсь, — писал Гильом уже в 1908 г., — когда вижу, что ты собираешься в путь, усеянный западнями. И ты идешь со смелостью человека, который и не ведает о тех опасностях, которые его ожидают. Было бы лучше, если бы твоя книга представляла собой только сборник журнальных статей без попытки изложения событий. Я боюсь, что это не увеличит значение книги, а только его умалит» (161). В ответ на возражение Кропоткина, что он «должен говорить об этом периоде», Гильом предложил ограничиться главой в 25—30 страниц, «философией истории Конвента», но ни в коем случае не подробным изложением на 300 страницах (174). «Я снова тебе повторяю, — подчеркивал Гильом, — твоя общая точка зрения представляется мне правильной, но изложение фактов — и это было неизбежно — грешит фрагментарностью, непоследовательностью, бессвязностью» (166); «Ты должен изложить свою точку зрения, дать свое личное мнение, а не пытаться давать детальное изложение» (174). В известной мере Кро-

поткин этим советам внял: часть книги, излагающая события после 31 мая — 2 июня, значительно короче всех остальных ее частей.

Когда, наконец, книга пошла в типографию, встал вопрос о предисловии. У Кропоткина мелькнула мысль обратиться за предисловием к Анатолию Франсу: очевидно, между ними были раньше какие-то связи. Гильом решительно это отсоветовал. «Анатоль, — пишет он, — стал полнейшим скептиком. Когда-то его скепсис носил какой-то светлый характер, теперь он преисполнен грусти». Гильом прочел «Остров пингвинов»: «Ты и он антиподы; твой решительный оптимизм находится в полном противоречии с его горьким и ироническим отрицанием» (174). Кропоткин последовал совету Гильома — книга вышла без всяких предисловий в апреле 1909 г. в издательстве Стока. Гильом рекомендовал издателю послать ее Олару и Жоресу.

Книга имела большой успех — почти одновременно она вышла на английском и немецком языках¹⁸. А. М. Горький настаивал на ее русском издании, но из опасения перед «старомодной старой дурой», перед царской цензурой, от этого пришлось отказаться¹⁹. В 1911 г. появилось и итальянское издание²⁰.

* * *

Опасения Гильома, что в книге Кропоткина скажется его дилетантизм как историка, не оправдались. Такой серьезнейший историк революции, как Альфонс Олар, в рецензии на книгу, опубликованной в «*Révolution française*», очень положительно отозвался о ней: «Недавно вышедшая книга г-на П. Кропоткина *очень серьезная, очень умная и очень содержательная по части фактов и идей* (курсив наш. — В. Д.). . . Весьма поучительно посмотреть на революцию глазами Кропоткина»²¹. Ценность

¹⁸ Немецкий перевод, по-видимому, был мало удачным. Н. И. Кареев тогда же обратил внимание на то, что термин «санкюлоты» был переведен «ohne Hosen» — «бесштаники» в полном противоречии с подлинным смыслом слова (см.: Кареев Н. И. Новая книга по истории Французской революции. — Русское богатство, 1910, № 9, с. 138).

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 3, д. 542.

²⁰ Там же, оп. 2, ед. хр. 580/30.

²¹ La Révolution française, 1909, vol. 3, p. 272—276.

книги признавал и такой серьезный историк, как Ф. Саньяк.

Несколько более строго, с «профессиональной» точки зрения, отнесшийся к книге Н. И. Кареев в своей большой статье, появившейся в «Русском богатстве», тоже отмечал достоинства Кропоткина как «добросовестного исследователя». «Наш автор, — писал он, — знаком с главной литературой по истории революции, и в частности там, где ему приходится затрагивать ее политическую сторону; он хорошо осведомлен относительно работ такого историка, как Олар. Не была им оставлена без внимания и литература по частным вопросам; я даже мог бы в доказательство этого сослаться на списки в несколько десятков сочинений, на которые ссылается автор»²².

Уже в советский период такой прекрасный знаток истории революции, как Н. М. Лукин, подвергнув критике некоторые положения Кропоткина, указывал, что «книга Кропоткина (ее русское издание. — В. Д.) имеет ряд неоспоримых достоинств. Прежде всего она знакомит русского читателя с ценным и свежим материалом по истории Конвента, правда уже использованным Жоресом в III и IV томах его «Histoire socialiste», но пока еще недоступным для не знающих французского языка»²³. Уже в наши дни Ричард Кобб назвал Кропоткина «самым проницательным» из всех историков революции²⁴.

Все эти отзывы достаточно убедительны. Конечно, крупнейшим достоинством книги, которое привлекало и будет привлекать к ней читателей, является поразительная увлеченность, с которой она написана. Недаром, по крайней мере, на протяжении 30 лет эта тема владела вниманием Петра Алексеевича. Уже в годы Октябрьской революции Кропоткин сделал по этому вопросу ценнейшее признание. Он писал своей племяннице Е. Н. Половцевой: «То, что я уже пережил раз такую же разруху, когда писал историю французской революции — а ты знаешь, как живо, *вещественно я представляю себе то, о чем пишу*, — спасает меня от пессимизма. Я вижу сквозь эту разруху

новый просвет для всей современной цивилизации» (курсив наш. — В. Д.)²⁵.

Эта необыкновенная увлеченность историка не могла не подкупать и даже волновать его читателей. Но это несколько не отразилось на научной обоснованности книги. Олар был совершенно прав, когда охарактеризовал ее как «серьезный» и «очень содержательный» труд.

Как это уже признал Н. И. Кареев, «главная литература» по истории революции была изучена Кропоткиным в совершенстве. Из книги видно знакомство со всеми «классическими» трудами Минье, Тьера, Бюше и Ру, Ламартина, Луи Блана (которого Кропоткин ценит, хотя и критикует его «робеспьеризм»), Токвиля, Кине, Мишле (его он предпочитает всем остальным историкам), уже упомянутого Тэна. Чрезвычайно внимательно следил Кропоткин за всей литературой, выходившей в конце XIX и начале XX столетия. Он часто ссылается на Олара и Жореса: работы обоих он высоко ценил. В книге есть ссылки на А. Сореля, на Ф. Саньяка («Гражданское законодательство французской революции»), на «Lundis révolutionnaires» Ж. Авенеля (книгу, которую внимательнейшим образом проконспектировал Маркс в последние годы своей жизни), на работы Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого. Кропоткина особенно интересовали парижские секции — он сразу поэтому обратил внимание на книгу Э. Мелье о секциях, вышедшую в 1898 г., очень ее похвалил и широко использовал. Работа Ф. Брэша «La Commune du 10 août» вышла уже тогда, когда книга Кропоткина находилась в печати, но автор успел еще отметить ее в сноске, охарактеризовав как «замечательную работу».

Из парижских газет за годы революции Кропоткин ссылается на «Moniteur», на газету Лустало «Les révolutions de Paris», на газету Камилла Демулена «Les révolutions de France et de Brabant», на «Courrier Français», «Mercure de France», «Chronique de Paris», «Annales Patriotiques» (правда, некоторые газеты он цитирует из вторых рук, иногда из публикаций Олара). Очень внимательно изучал он маратовский «L'Ami du peuple». Говоря о Марате, он ссылается на редкую книгу о нем «маратолюба», его лучшего библиографа — плотника Шевремона (эту книгу ценил и Энгельс). Кстати, Марату Кропоткин придавал очень большое значение и из всего, как он говорил, «три-

²² Кареев Н. Новая книга по истории французской революции. — Русское богатство, 1910, № 9, с. 134; см. также: Он же. Историки Французской революции. М., 1924, т. 3. Изучение Французской революции вне Франции, с. 267—293.

²³ Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1960, т. 1, с. 482.

²⁴ Cobb R. Les armées révolutionnaires. Paris, 1960, vol. 1, p. 13, note 57.

²⁵ РО ГБЛ, ф. 520, д. 87, л. 24 (цит. по дис. Е. В. Старостины, с. 59).

умвирата» крупнейших руководителей якобинцев — Дантона, Робеспьера и Марата — он отдавал предпочтение этому последнему. Н. И. Кареев считал даже, что эта «реабилитация Марата составляет наиболее слабую сторону этой книги»²⁶. В своих высказываниях об Эбере и эбертистах, к которым Кропоткин относился весьма критически, отмечая бедность их идей, он пользуется работой об эбертистах Тридона, притом в редком издании «Oeuvres diverses».

Кропоткин тщательно изучал все печатные издания первоисточников (в частности, оларовские многотомные публикации «Актов Комитета общественного спасения» и протоколов Якобинского клуба). Особенно охотно он цитирует произведения, вышедшие в годы революции, как, например, одну из первых историй революции «Двух друзей революции» («Deux amis de la Révolution» — под этим псевдонимом выступили Ж. Керверсо и Ж. Клавлен). Книги эти изучал и Маркс; они имелись в его библиотеке²⁷. Внимание Кропоткина привлекла брошюра «Les fléaux de l'agriculture», вышедшая в 1789 г. и тогда же прочитанная Бабефом, когда он писал свой «Постоянный кадастр». Изучая «сентябрьские дни» 1792 г., Кропоткин использовал редчайшие брошюры Меэ де ла Туша (Фельемези) Матона де ла Варенна (вышедшую в 1806 г.), двухтомную книгу реакционного журналиста Пелтье, вышедшую в Лондоне²⁸, и т. д.

Кропоткин пользовался семитомной публикацией («особенно прекрасной», как он отметил) С. Лакруа (Кржыжановского) «Les actes de la Commune», двухтомным изданием Лерро, вышедшим в 1837 г., «La Révolution telle qu'elle est. Correspondance du Comité de Salut Public avec ses généraux». Он ссылается также на переписку Людовика XVI и Марии-Антуанетты, изданную в 1864 г. Фейе де Коншем, и переписку шведского атташе Ферзена, близкого друга королевы, опубликованную в 1877 г. Он цитирует «чрезвычайно интересные письма молодого Жю-

льена», изданные Лакруа («Une mission en Vendée») ²⁹ и корреспонденцию его матери.

Само собой разумеется, Кропоткин довольно интенсивно использовал мемуары — чаще других в его книге цитируются воспоминания Байи (мэра Парижа), Бюзо, Бодо (изданные в 90-х годах женой Кине), Луве, Тибодо, Шометта, опубликованные в 1893 г. Оларом. Шометт пользовался особой симпатией Кропоткина в отличие от Эбера.

Кропоткина еще с 70-х годов, как мы помним, особенно интересовали крестьянские движения. Лишенный возможности работать во французских архивах, он с тем большей настойчивостью изучал монографии, посвященные локальной истории. Среди использованных им работ назовем десяти томную историю Лангедока Вика и Весетта (вышедшую в 1840—1846 гг.), четырехтомную политическую историю юга Франции Мари-Лафона (1842—1845), шеститомную «Историю революции в департаментах бывшей Бретани» Дюшателье (1836), книгу Э. Клерка «Опыт истории Франш-Конте» (1870), «Историю Оверни» Дюлора, «Историю города Кастра» А. Комба (1875), «Историю Лимузена» Леймари, истории Эльзаса Рейсса и Штробеля (1881), «Mémoire sur la marche des brigandages dans le Dauphiné en 1789» Ру, «Историю монархических заговоров на Юге» Доде, «Историю Берри» Рейналя и т. д.³⁰

Чрезвычайно важным источником для книги Кропоткина явились обширнейшие коллекции по истории революции в Британском музее. Следует отметить, что ни один из русских историков революции этими коллекциями не пользовался. Кропоткин изучал их с большой тщательностью. Достаточно указать, что только для описания резни в Нанси (в октябре 1790 г.), учиненной над солдатами возмущившегося швейцарского полка Château-Vieux генералом Буйе при содействии парижской национальной гвардии и Лафайета, он изучил пять фолиантов в Британском музее. Для описания бегства короля в Варенн он

²⁶ См.: Кареев Н. И. Историки французской революции, т. 3, с. 290. Кареев писал по этому поводу: «Вся эта реабилитация Марата составляет довольно-таки сильно бросающуюся в глаза черту всей книги, едва ли, однако, имеющую хоть какую-нибудь убедительность» (Русское богатство, 1910, № 10, с. 121).

²⁷ См.: Далин В. М., Пепомнящая Н. И. Исторические книги в библиотеке Маркса. — В кн.: Маркс-историк. М., 1968, с. 608.

²⁸ Peltier J. G. Dernier tableau de Paris ou récit historique de la Révolution du 10 août. Londres, 1792—1793, vol. I, II.

²⁹ Сейчас этот архив Марка-Антуана Жюльена находится в ЦПА ИМЛ и подвергается интенсивному изучению советских историков.

³⁰ Среди цитированных Кропоткиным книг отметим также работы Шассена о парижских наказах и «Гений революции» (1863) историю 14 июля, составленную Фламмермоном, книгу Р. Штурма о финансах старого порядка, Семишона и Дроза о царствовании Людовика XVI, Гранье де Кассаньяка о жирондистах (1860) и т. д.

нашел крохотную (в 7 страниц) книжку, содержащую ценные донесения командира седьмого батальона 2-й дивизии о задержании Людовика XVI. Чтобы обнаружить эту маленькую брошюру среди богатств музея, Кропоткину потребовалось, вероятно, немало труда и терпения!

Кропоткин обнаружил в музее редчайшие издания: предложение, внесенное Робеспьером от имени провинции Артуа о национальных имуществах ³¹, речи Бийо-Варенна и его брошюру «Les éléments du républicanisme» (до того неизвестную), три памфлета Бриссо, изданные в Лондоне. Занимаясь продовольственной проблемой, он нашел в коллекциях музея три тома, озаглавленных «Les subsistances», и редчайшую брошюру видного деятеля парижского демократического движения Моморо (которого, правда, Кропоткин совершенно напрасно относил к числу коммунистов) — «Opinion de Momoro sur la fixation du maximum des prix des grains dans l'universalité de la République Française». Кропоткина особенно интересовали левые — «бешенные» и те, кого он считал коммунистами (Буассель, Доливье, Ланж и др.). В Британском музее он нашел «Катехизис человеческого рода» Буасселя, неизвестное до него произведение Доливье («Le vœu national ou le système politique», 1790), брошюры Варле («Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social» и «Vœux formés par des Français libres»).

В этих упорных поисках новых источников Кропоткину оказывали содействие его друзья: М. И. Гольдсмит, переписавшая для него в Парижской национальной библиотеке брошюры Ланжа (которого Кропоткин также несомненно считал коммунистом), Дж. Гильом, бельгийский профессор Э. Нис, знаток масонства, и известный историк анархизма Макс Неттлау, который прислал ему любопытнейшую статью Буонарроти о Максимилиане Робеспьере, опубликованную в 1842 г. в Париже в необлавиистском органе «La Fraternité».

Разумеется, использовано было далеко не все. Н. И. Кареев, отдавая должное эрудиции Кропоткина, отмечал все же, что он мог бы указать десятки работ, им не использованных, в частности по экономической истории предреволюционной Франции. Но перечисленного нами совершенно достаточно, чтобы подтвердить мнение Олара:

книга Кропоткина действительно «очень серьезный» и «содержательный» труд, потребовавший от автора большой и многолетней исследовательской работы.

* * *

Отдавая должное тщательности исследования Кропоткина, следует все же отметить, что он не избежал фактических ошибок, в частности при изложении аграрных декретов Законодательного собрания. Этот вопрос как раз и послужил поводом для серьезного спора между Гильомом и Кропоткиным. Это недоразумение связано было с общей концепцией Кропоткина. Уже Кареев упрекал его в том, что «вся книга нечто вроде обвинительного акта против буржуазии» ³². Кропоткин действительно — и это его крупнейшая заслуга — разрушил целый ряд легенд старой историографии, преувеличивавшей роль буржуазии в революции, в частности в деле ликвидации феодализма. В книге было подвергнуто серьезной и обоснованной критике аграрное законодательство Учредительного и Законодательного собраний. Но в этом последнем случае Кропоткин допустил ошибку и семантического, и фактического характера. Она была сразу замечена Оларом и позднее Гильомом.

В 1911 г. в связи с итальянским переводом книги Луиджи Бертони задал Гильому ряд вопросов, вызвавших его недоумение. Запрос Бертони вынудил Гильома пересмотреть всю книгу, в особенности те главы, которые касались аграрного законодательства Законодательного собрания и Конвента в его жирондистский период. Вывод его был самый неутешительный. Еще Олар в своей рецензии указал, что Кропоткин допустил ошибку в оценке декрета, принятого Законодательным собранием 14 августа 1792 г. по предложению Франсуа де Нёшато, о разделе общинных земель. Кропоткин считал, что этот декрет уничтожал общинную собственность, наносил тяжелый удар крестьянству, означал его «ограбление» (spoliation). Крестьянские протесты вынудили Законодательное собрание приостановить действие этого закона.

Гильом целиком присоединился к критике Олара: «Олар был совершенно прав,— писал он в июне 1911 г.,— и в гораздо большей степени, чем я это предполагал. Ты

³¹ Motion de Robespierre au nom de la province d'Artois pour la restitution des biens nationaux envahis par les seigneurs. Paris, 1791.

³² Русское богатство, 1910, № 9, с. 154.

допустил очень много фактических ошибок, ты неправильно интерпретировал текст, не зная достаточно обстановку. На этом ошибочном основании ты водрузил целое здание» (244). Главную ошибку Кропоткина, повторявшуюся в ряде глав книги, Гильом видел в неправильной интерпретации декрета от 14 августа 1792 г.

Кропоткин считал, что декрет вводил различие между «bourgeois», которые только и получали право на участие в разделе общинных земель, и «manants», «habitants» — крестьянами, которые этого права лишались. Кропоткину этот «вероломный удар» (coup de Jarnac) показался невероятным. Он подумал даже, что в сборнике законов, изданном Даллозом³³, опубликовано неточное резюме закона. При дальнейшем изучении он убедился, что текст этого «невероятного закона» был опубликован Даллозом правильно — «это был грабеж на пользу сельской буржуазии»³⁴.

Гильом считал эту интерпретацию декрета от 14 августа 1792 г. совершенно неверной и основанной на неправильном истолковании: «Ты плохо понял и ошибочно истолковал декрет». В нем не вводилось никакого различия между «гражданами», «буржуа» и «обитателями». Цель закона состояла в том, чтобы «привлечь народ к революции». Но дело не в единичной ошибке: «Фактическая ошибка, тобой допущенная, привела тебя к капитальной ошибке во всех твоих суждениях, а они составляют одну из основ твоей книги (потому что они повторяются во многих главах). Так как эта основа оказывается ошибочной, то разрушается целая часть здания. Эту часть книги нужно изменить, уничтожив или переделав все, что связано с этой ошибкой» (243). Гильом предлагал уничтожить или капитально переделать всю 48-ю главу книги.

Кропоткин внимательно прочитал письмо, подчеркнул в нем ряд мест. Он отверг все критические замечания. Об этом говорят и последующие письма Гильома, и характерная пометка на письме. Фразе Гильома, что декрет Франсуа имел целью «привлечь народ к революции», Кропоткин противопоставил одно слово: «буржуазию». Расхождение достаточно явное!

Через четыре дня (28 июня) Гильом послал новое письмо. Поскольку Кропоткин не согласился с его возражениями, он апеллировал к крупнейшему специалисту по гражданскому законодательству революции, Ф. Саньяку (впоследствии сменившему Олара на кафедре истории революции в Сорбонне). Саньяк вполне солидаризовался с Гильомом: «Декрет 14 августа 1792 г., принятый без какой-либо дискуссии, был в общем хорошо встречен во Франции. В тексте декрета слова «граждане» и «обитатели» означают одно и то же. То, что утверждает П. Кропоткин, не имеет никакого основания». В заключение Саньяк писал: «Таким образом точка зрения Кропоткина неверна (ne tient pas debout). Тем не менее я признаю ценность книги». «Ты видишь, — добавлял к этому Гильом, — каково мнение специалиста, и ты не можешь не задуматься над этим. Франсуа был образованным человеком, поэтом, а не юристом. Его декрет был импровизацией, а не документом, выработанным в каком-нибудь комитете» (245).

В своих письмах Гильом критиковал и другое утверждение Кропоткина: о проекте закона депутата Майля, внесенном примерно тогда же, 25 августа 1792 г., «превосходном законе», который был, однако, отклонен, а вместо него 28 августа принят другой закон, так же как и закон Франсуа, невыгодный для крестьянских масс. Гильом же утверждал, что обсуждение декрета Майля 25 августа было только отсрочено на три дня, а 28-го он был утвержден, — «декрет 28-го, который ты осуждаешь (совершенно справедливо) совершенно идентичен декрету, предложенному 25 августа Майлем и который ты хвалишь (напрасно!), полагая, что он был отклонен, в то время как он был принят» (245).

Декрет же, предложенный Франсуа, был составлен «в духе эгалитаризма». Речь шла о том, чтобы разделить все общинные земли... между всеми деревенскими обитателями. Ты видишь, что именно так был понят декрет 14 августа» (249). Но Кропоткин был твердо убежден в противоположном, и на этой же странице гильомовского письма есть его решительное возражение: «Конечно нет» («Cert[ainement] non» — 249).

Кропоткин доказывал в своих письмах, что декрет Франсуа состоял предварительно из двух пунктов и только после дискуссии к нему был добавлен третий пункт. Гильом это отрицал: «Как это ты один знаешь о такой дискуссии, тогда как Саньяк, Олар, Жорж Буржен и я, искавшие отчет об

³³ Dalloz M. D. Jurisprudence générale du royaume. Répertoire méthodique et politique; vol. 1—44. Paris, 1845—1870, vol. 9, p. 168 et suiv.

³⁴ Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 325

этой дискуссии во всех газетах, его не нашли» (249). Гильом оспаривал позицию Кропоткина и по вопросу о законе Майля: «Если бы декрет 28 августа уничтожил все последствия ордонанса 1669 г. (о праве «триажа» общинных земель.— В. Д.), к чему тогда нужен был бы июньский закон 1793 г.?». Но Кропоткин отвергал все эти критические замечания.

«Ты раздражен,— в примирительном тоне писал ему Гильом 5 июля 1911 г.— Не нужно вносить страстность, горячность; особенно не нужно вносить в этот вопрос исторической критики современные идеи, и в особенности русские дела» (250). Это Гильом подчеркнул и в конце своего письма: «Все соображения, которые ты приводишь в своем последнем письме относительно России и Думы, не имеют никакого отношения к делу» (254).

По всем спорным вопросам Гильом отстаивал свою точку зрения. Он проверил снова по «Archives parlementaires» — никакой дискуссии по проекту Франсуа не было. В его речи подчеркивалось, что общинные земли слишком часто присваиваются богачами. Пора прекратить эту несправедливость и разделить эти земли среди нуждающихся; между тем Кропоткин по-прежнему считает — Гильом цитирует его слова, — что «было бы лучше не делить общинных земель, не уничтожать старой общины». «Предложение Франсуа, — утверждал Гильом, — было принято с энтузиазмом: его разделяли все друзья революции» (251). Гильом повторил и свои возражения по поводу закона Майля: «Ты считаешь, что проект, внесенный им 25 августа, был хорош, восстанавливал все, отнятое по ордонансу 1669 г., а декрет 28 августа был в пользу сенаторов, а на самом деле это все тот же декрет, обсуждение которого было отложено на три дня».

Спор продолжался и дальше, об этом можно судить по следующему письму Гильома от 11 июля. Гильом снова упрекал Кропоткина, что он «слишком возбужден». «Ты дьявольски настойчиво защищаешься (comme un bon diable), но ты расстреливаешь свои последние патроны; «в твоём мозгу ещё темно» (255). Гильом настаивал на том, что нужны не отдельные поправки, а следует «заново переписать каждую главу» (256). Правда, в одном пункте он вынужден был признать свою неправоту. Кропоткину удалось ему доказать на основании газет, что дискуссия по проекту Франсуа имела место — кстати, это лишнее доказательство научной добросовестности Кропоткина и

тщательности, с которой он изучал коллекции по истории французской революции Британского музея. Гильом вынужден был признать, что к проекту Франсуа был добавлен пункт, внесенный Мерленом, но он касался раздела пустошей (les surcuis et vacants). Существа дела это не меняет: «Смысл декрета был в том, чтобы наделить землей тех, у кого ее не было» (261). «Всю сорок восьмую главу нужно переделать до основания» (264). «От этого зависит твоя репутация как добросовестного историка» (255).

В ходе спора, однако, все более выяснялось, что речь шла не об отдельных, сравнительно второстепенных вопросах, в которых Гильом (как и Олар) был действительно прав, а Кропоткин ошибался. В основном спор шел о более важном — об оценке жирондистов и якобинцев, об одном из основных вопросов в историографии революции. Кропоткин ограничился только незначительным изменением своего текста в последующих изданиях. Он отказался от своего противопоставления «bourgeois» — «manants» (крестьянам). Он признал, что такое противопоставление имело, по-видимому, место лишь в Эльзасе. Но в основном спорном вопросе он остался на своей позиции, связанной со всей его концепцией истории Великой французской революции, именно с тем, за что так высоко оценил эту книгу В. И. Ленин. Именно на этом вопросе нам и нужно несколько подробнее остановиться.

* * *

Главная притягательная сила книги Кропоткина, главное и важнейшее ее достоинство состояли не столько в авторской увлекательности изложения, не столько в тщательной и подчас оригинальной ее документации, сколько в основной ее идее, которая настойчиво, страстно, убежденно и убедительно в ней проводилась. С полным правом эту книгу можно было бы назвать «Роль народа в Великой французской революции». Ведь именно под таким общим названием печатал Кропоткин в «Les Temps Nouveaux» свои статьи о революции.

Позднее, вспоминая о своем пребывании в Сибири, Кропоткин писал: «Путем прямого наблюдения я... понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях... И я пришел к таким же мыслям о вождах и толпе, которую высказывает Л. Н. Толстой в своем великольном произведении „Война и мир“»²⁵.

²⁵ Кропоткин П. Записки революционера, с. 207.

Этот вопрос о роли «героев» в истории, о влиянии «критически мыслящих личностей», о соотношении «элиты» и масс является, как известно, одним из ключевых вопросов «философии истории» и в общей его постановке, и в применении к отдельным «критическим эпохам» в мировом историческом развитии, в частности и даже в особенности по отношению к Великой французской революции. Может быть никто так резко не выразил и не сформулировал полярно противоположной кропоткинской точки зрения, как знаменитый автор «Философических писем» Петр Яковлевич Чаадаев. «Как можно,— писал он А. И. Тургеневу в 1837 г.,— искать разума в толпе? Где видано, чтобы толпа была разумна? Was hat das Volk mit der Vernunft zu schaffen? ³⁶— сказал я когда-то какому-то немцу. Приехал бы к нам ваш г. Ламенне и послушал, что у нас толпа толкует, посмотрел бы я, как он тут приводил бы свой vox populi — vox dei ³⁷. По глубочайшему убеждению Чаадаева, истина возникает не из толпы, а исключительно из среды «избранных или призванных».

Едва ли Кропоткин перечитывал эти горькие строки Чаадаева, когда он размышлял над темой своего труда. Но и в его ближайшем окружении были люди, которые уже в начале XX в., за несколько лет до величайшего народного взрыва 1905 г., отстаивали со всей убежденностью по существу ту же идею, что и Чаадаев. В архиве Кропоткина сохранилась переписка с Максом Неттлау, образованнейшим человеком, лучшим знатоком биографии Бакунина, настроенным чисто по-чаадаевски ³⁸. В одном из писем Неттлау (1902) чрезвычайно скептически оценивалась роль народных масс в истории и в революциях, в частности роль крестьянских восстаний. «Во Франции,— писал он,— было множество крестьянских мятежей до Бастилии, но правительство сумело справиться с ними. Оно и дальше подавляло бы их, издевалось бы над Генеральными штатами и покончило бы со всем этим брожением при помощи

военной силы, если бы не взятие Бастилии» ³⁹. Но это событие имело, по мнению Неттлау, прежде всего моральный характер, исходило оно только от кучки революционеров, от меньшинства.

Ссылаясь на пример и других движений, Неттлау доказывал, что «народ, массы ничего не делают, как в конце концов они никогда ничего не делали ни в одной революции» (курсив наш.— В. Д.). Сначала должно произойти выступление кучки революционеров — «только после этого, на следующий день крестьяне будут жечь замки, но до этого они ничего не будут делать» ⁴⁰.

П. А. Кропоткин ответил Неттлау пространным письмом, которое, к счастью, сохранилось и не так давно было опубликовано ⁴¹. Кропоткин категорически оспаривал взгляды Неттлау и, вновь ссылаясь на Тэна, доказывал все огромное значение крестьянских восстаний во Франции: «Если бы замки не пылали с мая 1789 г., не было бы ни взятия Бастилии в июле, ни ночи 4 августа. И утверждая это, я имею то преимущество, что на моей стороне Тэн — единственный — за исключением отчасти Кареева (который разделяет это мнение), — изучавший движения, предшествовавшие революции 14 июля («Я знаю 300 мятежей до 14-го», — говорит Тэн, который в силу необходимости знал только небольшую часть, поскольку большинство «феодальных материалов» было сожжено). Жакерия, начавшаяся с 1788 г. и продолжавшаяся до 1793 г., шесть жакерий, о которых говорит Тэн, вот фон, на котором развивалась революция и без которого не было бы никакой революции». И здесь Кропоткин приводит такое сравнение: «Личности? Думаете ли вы, что Бакунин не стоил Дантона, а Гильом Робеспьера? Но им не хватало именно этого фона крестьянских и рабочих жакерий, чтобы стать великими историческими фигурами, как их предшественники» ⁴². И Кропоткин развивает свою центральную идею: «Мятежи всегда исходят от угнетенных, от народа. Но наступает момент, когда недовольство (всегда готовое стать активным) у народа совпадает с недовольством (кото-

³⁶ «Что общего между народом и разумом» (нем.).

³⁷ «Глас народа — глас божий» (лат.). — Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1914, т. 2, с. 300—301.

³⁸ Огромный архив Неттлау (чуть ли не 40 тыс. единиц хранения) поступил после его смерти в Амстердамский институт социальной истории. Интересно, что пессимист Неттлау был весьма оптимистически настроен лишь во время испанской революции в 30-х годах нашего века (см.: Lehning A. Necrology of M. Nettlau. — In: Lehning A. From Buonarroti to Bakunin. Leiden, 1970, p. 16—20).

³⁹ ЦГАОР, ф. 1129, оп. 2, д. 1865/14.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Novac D. Une lettre inédite de P. Kropotkine à M. Nettlau. — International Revue of Social History, Amsterdam, 1964, vol. 9, № 2. В распоряжении Новака не было письма Неттлау, хранящегося в Москве.

⁴² Ibid., p. 279.

рое никогда не готово стать активным) у буржуазной „интеллигенции“. Тогда начинается революция.

Жакерии, крестьянские войны, Стенька Разин, Пугачев; Милан, Триест, Лион в 1830 г. и т. д. — вот великие бунты. Но добавьте к этому давление недовольных буржуа — и вы получите революцию 1789 г.»⁴³. Революции совершает меньшинство, но первый толчок никогда не исходит из буржуазной среды. «Ваша основная ошибка, — заключает Кропоткин, — в том, что вы приписываете эволюции, совершаемой элитой, то, что было завоевано именно силой народной революции... Чтобы прийти к этому, нужно было движение масс»⁴⁴. Именно эта центральная идея — «не буржуазия, а народ сделал революцию», — выдвинутая Кропоткиным еще в 1878 г., и положена в основу всей его книги и прекрасно им обоснована.

«...*Парламентская история* революции, — пишет Кропоткин на первых же страницах своей книги, — ее войны и ее политика изучены и рассказаны во всех подробностях. Но *народная история* революции еще не написана. Роль *народа* — деревень и городов — в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, течение *умственное* известно; но другое течение — *народное действие* — еще очень мало затронуто»⁴⁵. Между тем, как подчеркивал Кропоткин, без крестьянских восстаний, «без полной дезорганизации провинциальных деревенских властей, произведенной крестьянами, без той готовности тотчас же вооружаться и идти против королевской власти по первому зову революционеров, которую проявил народ в Париже и в других городах, все усилия буржуазии остались

⁴³ Ibid., p. 280.

⁴⁴ Ibid., p. 284. Эта идея и развита на первых же страницах книги Кропоткина: «Чтобы достичь таких крупных результатов, чтобы движение приняло размеры революции, как это было в 1648—1688 годах в Англии и в 1789—1793 во Франции, еще недостаточно было того, чтобы среди образованных классов проявилось известное идейное течение, как бы это течение ни было глубоко; недостаточно было и одних народных бунтов, как бы они ни были многочисленны и как бы широко ни распространялись. Нужно было, чтобы *революционное действие*, исходившее из народа, совпало с движением революционной мысли, педшим... от образованных классов. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали друг другу руку» (Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 8).

⁴⁵ Там же, с. 9.

бы, несомненно, без результата»⁴⁶. 14 июля, «не будь Парижа, не будь парижского народа, Собрание было бы ничто»⁴⁷. В октябрьские дни 1789 г. народная инициатива сыграла решающую роль, «еще раз, как и 14 июля, *народ* напором своей массы и своим сильным выступлением нанес старому порядку громовой удар»⁴⁸. 10 августа 1792 г., день падения монархии, был «днем торжества *народных* революционеров, торжества народа, получившего теперь возможность вести революцию вперед, в направлении равенства — всегдашней мечты и цели народных масс»⁴⁹.

Петр Алексеевич Кропоткин всю свою жизнь оставался противником взглядов Маркса и Энгельса, которые он, правда, плохо знал. Но эта основная идея его книги целиком и полностью совпадает с теми мыслями о Великой французской революции, которые еще в 1889 г. высказал Ф. Энгельс в своем известном письме к К. Каутскому по поводу его статей к столетию революции: «... буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; ... начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу. ... без его вмешательства 14 июля, с 5—6 октября до 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок (*ancien régime*) неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и. ... таким образом, только эти плебеи и совершили революцию...»⁵⁰.

Таким образом, в извечном споре о «героях» и «толпе» Кропоткин занимал совершенно определенную позицию. И едва ли кто-либо из историков с большей силой и убедительностью обосновывал положение, прямо противоположное чаадаевскому. Это основная идея его философии истории.

Кропоткин, конечно, понимал роль и значение в революции городских народных низов, тех, кого Энгельс — и вслед за ним советские историки — называет «городским плебсом». Но нужно признать, что больше всего его занимали крестьянские движения.

Как мы помним, еще в 70-х годах Кропоткин, мечтавший о крестьянской революции в России, с живейшим

⁴⁶ Там же, с. 17.

⁴⁷ Там же, с. 54.

⁴⁸ Там же, с. 124.

⁴⁹ Там же, с. 217.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 126.

интересом относился к крестьянским бунтам во Франции XVIII века. В своем сборнике «Хлеб и воля» Кропоткин вспоминал, что уже тогда, только еще приступив к изучению истории французской революции, он составил карту городских и особенно крестьянских восстаний в 1789—1792 гг.⁵¹ Естественно, что и в своей книге он уделил им огромное внимание: «Истинной основой революции все время оставалось крестьянское восстание, захватившее и города... Без крестьянского восстания, начавшегося зимой, усилившегося летом 1789 г. и продолжавшегося впредь до 1793 г., никогда королевский деспотизм не был бы свергнут вполне, и никогда за его свержением не последовало бы таких глубоких политических, экономических и социальных перемен, какие произошли во Франции»⁵².

Борьбе за ликвидацию феодальных повинностей Кропоткин придавал вообще огромное значение. Он видел в ней основное содержание революции и считал, что до тех пор, пока эти феодальные отношения не были уничтожены, крестьянство оставалось главной силой революции. «Восстание крестьян с целью уничтожения феодальных прав и возврата общинных земель... это, — как решительно подчеркивал Кропоткин, — *самая сущность, истинная основа Великой революции*... Без крестьянского движения никогда революция не получила бы того глубокого значения, какое она имела в Европе»⁵³. Блестящая монография Жоржа Лефевра «Les paysans du Nord» и ряд других его работ, исследования советских историков, в особенности Н. М. Лукина и А. В. Адо, показали всю справедливость этих утверждений Кропоткина⁵⁴.

Кареев упрекал Кропоткина в том, что его книга является «обвинительным актом» против буржуазии. Кропоткин действительно совершенно обоснованно доказал, что аграрное законодательство и Учредительного и Законодательного собраний отнюдь не привело к окончательной ликвидации феодальных повинностей, что «главный вопрос революции» — вопрос о ликвидации феодальных прав — «был разрешен только в 1793 г. после изгнания жи-

рондистов из Конвента». В этом вопросе он занимал совершенно непримиримую позицию, и именно в этом состояло его основное расхождение с Гильомом. Кропоткин здесь проявил свою добросовестность как ученый.

Как убежденный противник государственной власти и антицентралист, Кропоткин склонен был относиться к якобинцам отрицательно. В письме к одному из своих единомышленников, Гогелия, в 1904 г. он подчеркивал: «Всякая революция есть дело нескольких партий, никогда не одной. Сила Якобинского клуба во время французской революции — *легенда*, которой немцы верят еще, но французы перестали верить»⁵⁵. В своей книге Кропоткин часто характеризует якобинцев как «буржуазных государственныхников», считает, что члены клуба «вербовались в особенности (! — В. Д.) из зажиточной буржуазии» и что уже одно это обстоятельство делало для них «невозможным» руководить народной по существу революцией — они ею «не управляли». И тем не менее, когда в переписке с Гильомом возник спор об оценке жирондистов и их аграрного законодательства, Кропоткин самым решительным образом отдал предпочтение якобинцам.

«Ты знаешь, что я монтаньяр и противник жирондистов, — писал Гильом 28 июня 1911 г.⁵⁶, — но я должен признать, что задолго до 31 мая в Конвенте ставился вопрос о разделе общинных земель *между всеми*, даже батраками (les domestiques) и женщинами. Уже в январе (1793 г. — В. Д.) Фабр (из Эро), монтаньяр, был докладчиком от комитета сельского хозяйства: его доклад был внесен 8 апреля; он был бы сразу принят, если бы не споры и измена, которые парализовали Конвент и помешали ему принять даже конституцию, гораздо более важную, чем закон о разделе общинных земель» (245).

В своем следующем письме Гильом формулировал основные принципиальные возражения, и, к счастью, на этом письме имеются лапидарные, но исчерпывающие четкие пометки Кропоткина. «Победа якобинцев, — писал Гильом, — над жирондистами ускорила триумф идеи... наделения земель и всех тех, кто ее не имел (правда,

⁵¹ Кропоткин П. Хлеб и воля. М., 1922, с. 8.

⁵² Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 39.

⁵³ Там же, с. 75.

⁵⁴ См.: Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1; Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.

⁵⁵ Гапачко Л. В., Старостин Е. В. Архив П. А. и А. А. Кропоткиных. — Записки отдела рукописей ГБЛ, М., 1973, вып. 34, с. 28.

⁵⁶ В одном из своих первых писем Гильом подчеркивал: «Когда я сглаголюсь на историческую почву 1793 г., я вместе с якобинцами против жирондистов» (26).

якобинцы не хотели давать эту землю в индивидуальную собственность. Но какое это имеет значение!) Я не собираюсь спорить об их идеях, я хочу только точно знать, каковы были эти идеи». В этом месте Кропоткин сделал замечание: «А ты их интерпретируешь, чтобы их оправдать».

Главный пункт спора Гильом излагал так: «У меня есть сомнения по одному вопросу: имелось ли в Конвенте еще до изгнания жирондистов большинство, благожелательное к пролетариям деревенских коммун?» (248). Около этой фразы есть категорическое возражение Кропоткина «Non» (нет!). Гильом же считал, что доклад Фабра (из Эро) свидетельствовал о наличии такого большинства. «Если бы декрет 10 июня (1793 г.), — спрашивал он, — был бы поставлен на голосование несколькими месяцами раньше, был бы ли он принят?» Кропоткин отвечал решительно: «Чистейшая фантазия» («Pure fantaisie!»). Гильом же придерживался другого мнения. «Я не далек от того, чтобы ответить: да, и возможно, что многие из тех, кого называют жирондистами, голосовали бы *за*. Вместе с тобой я признаю, однако, необходимость 31 мая для того, чтобы очистить Конвент от «государственных людей» и обеспечить перевес санкюлотов» (248). Но Кропоткин гораздо шире понимал значение 31 мая в развитии революции, и это видно из его замечания на письме: «Нужно было освободиться от тех, кто мешал экономическому, а также политическому законодательству» (248). Кропоткин, таким образом, категорически отрицал предположение Гильома, что жирондисты способны были бы осуществить демократическое аграрное законодательство — это было под силу только *якобинскому* Конвенту. Это свое мнение Кропоткин твердо отстаивал.

«Мы исписали столько бумаги, но не сумели договориться, — не без горечи писал Гильом 20 июля 1911 г. — Не можешь ли ты прийти к такой редакции, которая соответствовала бы исторической правде» (272). Но Кропоткин был глубоко убежден, что именно его текст вполне соответствовал исторической правде.

Упрек Гильома был все тот же: «Ты совершил многочисленные ошибки в политической оценке, вызванные тем, что, по твоему мнению, жирондисты никогда не согласились бы на раздел общинных земель и что только после 2 июня вопрос мог быть поставлен заново в пользу крестьянских масс» (261); «мы спорим... о реальных актах пар-

тий, собраний и комитетов в 1792 и 1793 гг.»; «ты еще убедишься, что ошибался, но тогда уже будет поздно» (265).

Кропоткин внес только самые незначительные изменения в свой текст. Он сохранил полностью 48-ю главу. Ее заключительный абзац и был заключительным выводом всего спора: «Только в Конвенте и то только после восстания 31 мая и изгнания из Конвента главных жирондистов вопрос об общинных землях был пересмотрен и решен в смысле, довольно благоприятном для масс крестьян»⁵⁷. Спор с Гильомом очень характерен для Кропоткина-историка. Несмотря на все свои антиякобинские предубеждения, он оставался верен объективной исторической истине.

В общем и целом это можно сказать и об его отношении к Робеспьеру. Он явно несправедлив к нему, когда пишет, что во время событий в Этампе (убийство мэра Симоно во время продовольственных волнений 1792 г.) Робеспьер «и не подумал стать на сторону тех, кто шел с народом»⁵⁸. Робеспьер как раз в своей газете «Le défenseur de la Constitution» напечатал петицию Пьера Доливье в защиту этампцев. Неточно освещает он и позицию Робеспьера при обсуждении конституции 1793 г. Теперь, когда публикуются сочинения Гракха Бабефа, мы узнали, как высоко ценил тогда «Трибун народа» выступления по этому поводу Робеспьера в Якобинском клубе 21 апреля 1793 г. И все же, оценивая позицию Робеспьера накануне и во время 31 июня, Кропоткин сумел сохранить беспристрастие: «Как бы мало симпатичен ни был нам лично Робеспьер, нужно сказать, что он развивался вместе с революцией и что к страданиям народа он всегда относился сочувственно. Теперь (в мае 1793 г. — *В. Д.*)... Робеспьер открыто стал на сторону народа и революционной Коммуны города Парижа»⁵⁹.

Точно так же «антигосударственник» Кропоткин все же понял и правильно оценил значение «максимума» и государственного регулирования хлебных ресурсов. В приложении к книге он отверг возражения Е. В. Тарле и Н. И. Кареева, считавшего «максимум» мерой, «проводившейся драконовскими способами и притом часто в

⁵⁷ Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 326.

⁵⁸ Там же, с. 191.

⁵⁹ Там же, с. 283.

ущерб интересам производителей»⁶⁰. Первая империалистическая война доказала неизбежность и целесообразность якобинской политики, а в последующей исторической литературе необходимость политики «максимума» была показана в прекрасной работе Альбера Матьеа «La vie chère et le mouvement social au temps de la terreur»⁶¹.

* * *

В одном отношении Гильом был, пожалуй, прав, когда предупреждал Кропоткина о тех трудностях, которые ожидают его при освещении наиболее критического периода в истории революции — от 31 мая 1793 г. до 9 термидора (27 июля 1794 г.). Знакомясь с первыми двумя третями книги, там, где дано освещение событий до 31 мая включительно, советский читатель и даже специалист найдет очень мало спорного или даже недостаточно выясненного — наоборот, эта часть книги поражает своей зрелостью и продуманностью. О последней части книги это сказать трудно — слишком часто в ней сказывается анархическое и подчас идеалистическое мировоззрение автора. Никак нельзя считать, что Франция была готова к коммунистической революции и что якобинцы помешали ее осуществлению, как это считает Кропоткин. Нельзя согласиться с ним — и это было совершенно правильно отмечено Н. М. Лукиным, — когда каждое проявление народной инициативы он склонен считать анархизмом и усматривает в каждой новой, революцией порожденной добровольной организации «то, что теперь проповедуется во Франции анархистами». Только предубежденностью, неприязнью к марксизму можно объяснить утверждение, что при всей неопределенности, проявлявшейся иногда «в стремлении народного коммунизма первых двух лет республики. . . он яснее понимал свои задачи и глубже доходил в своем анализе этих задач, чем современный социализм», который «решительно ничего. . . не прибавил к тем идеям, которые обращались во французском народе в 1789—1794 гг. и которые народ пытался осуществить во время II года республики»⁶².

Несомненной крупной заслугой П. А. Кропоткина был внимательный анализ левых группировок в 1793—1794 гг., в частности «бешеных», которым до него уделялось мало внимания в исторической литературе. Именно книга Кропоткина побудила такого крупнейшего знатока истории французской революции, как Н. И. Кареев, более пристально заняться изучением парижских секций, в частности секцией Гравилье и ее руководителем, вожаком «бешеных» Жаком Ру. Но Кропоткин был неправ, когда оценил «бешеных» как «народное коммунистическое движение этих лет». Тщательное исследование «бешеных» и Ж. Ру советским историком Я. М. Захером и германским историком Вальтером Марковым (ГДР)⁶³, изучившим во французских архивах буквально все сохранившиеся документы о Жаке Ру — очень скудные, к несчастью — совершенно не подтвердили оценки его как «народного коммуниста». Еще меньше это определение применимо к Леклерку и Варле, который неточно был назван Кропоткиным «рабочим пропагандистом» — всех троих никак нельзя назвать «первыми провозвестниками коммунизма». Передовой демократ, «красный священник» П. Доливье коммунистом все же не был, как не был им и Моморо, и даже лионез Ланж, социальные идеи которого все еще остаются загадкой для исследователей.

Если Кропоткин преувеличивает близость всех этих деятелей к коммунизму, то он явно необъективен в оценке такого подлинного коммуниста, как Грахх Бабеф. Он считает его только «оппортунистом коммунизма тех годов. Его представления по этому вопросу, а также предлагавшиеся им способы действия клонились к измельчанию идеи»⁶⁴. По-видимому, Кропоткин в данном случае был недостаточно документирован: он не ссылается даже на книгу В. Адвиелля о Бабефе (правда, она вышла всего лишь в 300 экземплярах в издании автора). Только этим и опять-таки анархистской предубежденностью можно объяснить такое утверждение Кропоткина о Бабефе: «Вообще его представление о коммунизме было так узко и так

⁶³ Захер Я. М. Движение бешеных. М., 1961; Markov W. Jacques Roux und Karl Marx. Berlin, 1965; Idem. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. Berlin, 1966; Idem. Die Freiheiten des Priesters Roux. Berlin, 1967; Idem. Excuse zu J. Roux. Berlin, 1970; Roux Jacques. Scripta et acta. Textes présentés par W. Markov. Berlin, 1969.

⁶⁴ Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 381.

⁶⁰ Кареев Н. И. Новая книга по истории французской революции. — Русское богатство, 1910, № 10, с. 120.

⁶¹ См.: Матьеа А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928.

⁶² Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 448.

искусственно, что он мечтал дойти до него путем заговора нескольких человек, которые овладели бы правительством при помощи тайного общества. Он даже шел дальше и воображал, что единичная личность, лишь бы она обладала сильной волей, могла бы ввести коммунизм в общество и, таким образом, спасти мир»⁶⁵. Но это совершенно не соответствует действительности. Из материалов, опубликованных к Вандомскому процессу в 1796—1797 гг., легко убедиться, что Бабеф был решительнейшим противником единоличной диктатуры (над этим вопросом он, в частности, задумывался при чтении Макиавелли).

Но эти отдельные существенные замечания и возражения носят все же относительно второстепенный характер. Главным при оценке прекрасной книги Кропоткина является основная ее идея, превосходно доказанное в ней положение, что Великая французская революция была революцией народной, что не буржуазия, а народные массы играли в ней решающую роль. Именно такую оценку книги и ее места в литературе о Великой французской революции дал не кто иной, как Владимир Ильич Ленин.

* * *

Неизвестно, когда именно Ленин ознакомился с этой работой. В 1909 г., когда книга вышла на французском языке, Ленин жил в Париже и вполне возможно, что именно тогда он ее и прочитал. В 1916 г. во время войны, работая в библиотеках Берна и Невшателя, Ленин составил библиографические списки, к счастью сохранившиеся. В них много работ по истории Франции, в том числе книга Олара и немецкое издание книги Кропоткина⁶⁶. Была эта книга и в кремлевской библиотеке Ленина. Как бы то ни было, Ленин книгу прекрасно знал.

Об этом сохранилось вполне надежное и достоверное свидетельство, исходящее от друга Ленина, управляющего делами Совета Народных Комиссаров в первые годы Октябрьской революции В. Д. Бонч-Бруевича. Эти воспоминания об отношении Ленина к Кропоткину Бонч-Бруевич трижды публиковал при жизни — в 1925, 1926 и 1930 гг. (в четвертый раз они были опубликованы в сокращенном виде после его смерти), и все три раза сооб-

щение об оценке Лениным кропоткинской книги публиковалось в одной и той же редакции, с самыми ничтожными разночтениями⁶⁷.

Е. В. Старостину удалось в Дмитровском краеведческом музее обнаружить любопытнейший документ, свидетельствующий об отношении Ленина к Кропоткину. Это письмо С. Л. Мильнера, работника кооперации и внешторга, посланного Владимиром Ильичем к Кропоткину для переговоров об издании четырехтомного собрания его сочинений. Мильнер писал: «Владимир Ильич Ленин очень интересуется Вами, с глубоким вниманием и необыкновенным интересом относится к Вам и Вашим словам. Его отношение к Вам меня так поразило, что еще сейчас нахожусь под этим впечатлением. А отношение вполне искреннее, неподдельное».

В четырехтомник наряду с «Записками революционера» предполагалось включить и «Великую французскую революцию». Вот что сообщает В. Д. Бонч-Бруевич об отношении Ленина к этой книге: «Владимир Ильич относился к Петру Алексеевичу с большим уважением. Он особенно ценил его, как автора труда о Великой французской революции, подробно говорил о достоинствах этой замечательной книги и обращал внимание на то, что Кропоткин впервые посмотрел на французскую революцию глазами исследователя, обратившего внимание на народные массы, выдвигая всюду роль и значение во французской революции ремесленников, рабочих и других представителей трудящихся классов. Это исследование Кропоткина он считал классическим и настойчиво рекомендовал его читать и широко распространять. Он говорил, что совершенно необходимо эту книгу переиздать большим тиражом и бесплатно распространять во всех библиотеках страны»⁶⁸.

В воспоминаниях, опубликованных в 1926 г., Бонч-Бруевич передавал, что им «по просьбе Владимира Ильича... была составлена смета на отпечатание этой работы в ста тысячах экземпляров четким и ясным шрифтом, на

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ленинский сборник, XXX, с. 266, 268.

⁶⁷ См.: Огонек, 1926, № 13; Красная нива, 1931, № 5; Звезда, 1930, № 4, 6 (наиболее полное изложение воспоминаний, в которых приведены и все письма Кропоткина к Ленину); см. также: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 3. Воспоминания о Ленине. М., 1963, с. 399.

⁶⁸ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 3, с. 401.

хорошей бумаге, хорошо сшитых, в переплетах — как задал мне задачу Владимир Ильич»⁶⁹.

Вопрос о переиздании книги ставился и во время встреч Ленина с Кропоткиным⁷⁰. Предложение это было очень приятно Кропоткину, но он, исходя из своих принципов, выдвинул одно условие — книга не должна печататься в государственном издательстве Владимир Ильич согласился с этой просьбой Петра Алексеевича. Но в условиях гражданской войны этот план осуществить не удалось.

Переиздание в 1979 г. книги Кропоткина является осуществлением прямой воли и указания Владимира Ильича Ленина, так высоко и с полным на то основанием оценившего этот интереснейший труд.

⁶⁹ Огонек, 1926, № 13

⁷⁰ Старостин Е. В. О встречах В. И. Ленина и П. А. Кропоткина (К вопросу датировки) — В кн. Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор Б.Г. ВЕБЕР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965–1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»
А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

В изучении Великой французской революции, особенно ее социальной и экономической истории, за последние три четверти века были достигнуты крупнейшие успехи. Еще в 1901 г. Альфонс Олар¹, глава буржуазно-либеральной школы, опубликовал свой лучший труд «Политическая история Великой французской революции», в котором ее социальной истории не было уделено почти никакого места. Но в том же 1901 г. началась публикация четырехтомной «Социалистической истории Французской революции» Жана Жореса², которая явилась первой попыткой социальной интерпретации революции. Этот труд Жореса, ставшего вскоре председателем комиссии по изучению экономической истории революции, оказал значительное влияние на двух наиболее видных историков Французской революции в XX в.: Альбера Матьеза (1874—1932) и Жоржа Лефевра (1874—1959).

Альбер Матьез, выходец из небогатой крестьянской семьи, благодаря своему изумительному трудолюбию и страстной увлеченности историей революции очень быстро прошел первые ступени университетской карьеры. Уже в 1904 г. он защитил докторскую диссертацию «Теофилянтропия и декадный культ». Один из талантливейших учеников Олара, он на первых порах шел по стопам своего учителя: в тот период ожесточенной борьбы с клерикализмом в Третьей республике он занимался по преимуществу

¹ Об Оларе см. Лукин Н. М. Избр. труды М., 1960, т. 1, с. 196–218.

² В настоящее время закончена публикация нового, третьего издания «Социалистической истории» под редакцией А. Собуля с его обширными комментариями и введением Э. Лабрусса (*Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française/Ed. revue et annotée par A. Soboul. Préface par E. Labrousse. Vol. 1—6. Paris, 1968—1972*). По инициативе А. З. Манфреда пачато издание (во второй раз) «Социалистической истории» на русском языке. Первый том (два полутома) с предисловием А. З. Манфреда вышел в 1976—1977 гг. Второй и третий тома (под редакцией А. В. Адо) вышли в 1978 и 1979 гг.

(до 1910 г.) религиозной историей революции. Тогда он, по собственному признанию (в письме от 23 ноября 1930 г. к американскому историку Л. Готшалку), не прибегал еще к классовому истолкованию истории³.

Еще в 90-х годах Матъез стал убежденным социалистом, правда тогда еще далеким от марксизма. Из недавно опубликованных писем Матъеза к Шарлю Пеги⁴, редактору известного журнала «Cahiers de la Quinzaine», в кото-

³ «В этот начальный период идея о связи исторического движения с классовой борьбой еще не была у меня доминирующей... хотя уже тогда меня привлекала социальная борьба... и я отдавал предпочтение Робеспьеру, видя в нем наиболее социального из всех революционеров. Антиклерикальная политика привела меня к дантонистской демагогии, от нее к финансистам («коррупция», дело Ост-Индской компании), отсюда к нищете трудящихся классов («дороговизна»), от нее я перешел к экономическим и социальным проблемам (вантозские декреты, распределение собственности и т. д.). Unê lettre d'Albert Mathiez. — Annales Historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1932, p. 218—220.

⁴ О Ш. Пеги см.: Далин В. М. После раскола дрейфусаров. Люсьен Герр и Шарль Пеги. — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970.

ром печатался «Жан Кристоф» Ромена Роллана, видна эта вера Матъеза в идеалы социализма и глубокая враждебность капитализму. «Я не нахожу в номере ничего, — писал Матъез в декабре 1900 г. Ш. Пеги после выхода первой книжки журнала, — что могло бы как-нибудь помочь социалистической пропаганде, ничего, что могло бы содействовать социалистическому воспитанию твоих читателей... Я вновь нахожу тот дилетантизм, в котором я тебя уже упрекал. Я не нахожу той страстной критики капиталистического общества, которой я ожидал... Я не льщу себя надеждой переубедить тебя... Но я тебя предупреждаю, что, если твой следующий номер будет похож на предыдущий, не трудись мне его присылать»⁵.

Именно эта вражда к капиталистическому обществу, ненависть к парламентской коррупции Третьей республики, к «торгашам справа и слева»⁶, социалистические убеждения и связанные с этим различия исторических оценок и обусловили, на наш взгляд, разрыв между Матъезом и Оларом, создание в 1907—1908 гг. Общества робеспьеристских исследований и матъезовского журнала «Annales Révolutionnaires»⁷. Этот разрыв дорого обошелся Матъезу: двери Сорбонны были для него закрыты; вплоть до 1926 г. он вынужден был преподавать в провинциальных, второстепенных университетах (Безансон, Дижон). Когда в 1911 г. издатель выдвинул его книгу «Рим и конституционное духовенство во время Учредительного собрания» на соискание премии Академии наук, он с горечью писал тому же Пеги: «Я очень колебался. Академия отказалась хоть в малейшей мере поощрить мои предыдущие работы: «Теофилантропия», «Революция и церковь». Я боюсь, что под куполом (Академии. — В. Д.) мои работы рассматриваются как разрушительные. Они действительно разрушительны по отношению к чудовищным ошибкам, накопленным на протяжении многих лет историками-предпринимателями, не имеющими ни знаний,

⁵ Feuillet Charles Péguy, N 181, 1972, 1 oct., p. 17—18.

⁶ Friguglietti J. Péguy et Albert Mathiez. — Ibid., p. 23; Idem. Mathiez — historien révolutionnaire. 1874—1932. Paris, 1974.

⁷ Немалую роль в этом разрыве сыграл, конечно, и боевой темперамент Матъеза, его непримиримость. В личной беседе с Матъезом мы слышали от него такую оценку Олара: «Олар — историк? Я такого не знаю. Олар — журналист? Вот это другое дело!» Такую же пристрастную оценку Олара — «Это — не историк» — приводит Р. Шнерб в своих воспоминаниях о Матъезе (AHRF, 1932, p. 255).

ни убеждений. Если в глазах Академии преступление искать истину и полностью ее высказывать, я не стану настаивать и буду продолжать свой одинокий путь (*ma marche solitaire*). Время возьмет свое, и если меня не понимают сегодня, то поймут завтра. Я буду ждать»⁸. В это время в Безансоне у Матьеза было только 12 студентов, и он был этим доволен, так как у его предшественника их было всего три. Но, кроме того, Матьез читал публичный курс «Парламентская коррупция при терроре», привлекавший много слушателей и легший позднее в основу его известной книги. Ее мишенью были не только дельцы — депутаты Конвента, но и парламентарии современной ему Франции.

Первая империалистическая война многое объяснила Матьезу в социально-экономической политике Конвента, вызванной инфляцией и дороговизной. Из статей, которые он печатал в своем журнале в годы войны, составила впоследствии лучшая его книга «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора», где он уже вплотную приблизился к пониманию хода классовой борьбы в годы революции и ее влияния на всю политическую историю.

Большое влияние оказала на Матьеза Октябрьская революция. Когда он узнал о высокой оценке, которую Ленин давал якобинизму, он пришел в восторг. Ближе его знавший Морис Домманже вспоминает, что чтение ленинских «Очерков задач Советской власти» (написанных в 1918 г. — В. Д.) явилось для него откровением. Сходство проблем, которые революция ставила перед обеими великими странами, несмотря на 125-летний интервал, его поразило. Тогда он взялся за написание «Большевизма и якобинизма», переиздание своей брошюры «Социальный вопрос во время Французской революции», за второе аннотированное издание «Социалистической истории Французской революции» Жореса⁹. 20-е годы были лучшим периодом в научной деятельности Матьеза, когда он в наибольшей мере испытывал на себе влияние марксизма. Несмотря на все свои робеспьеристские преувеличения, он в это время яснее, чем кто-либо из его предшественников, вскрывал социальные корни борьбы между

жирондистами и монтаньярами. К тому времени Матьез добился мирового признания, и в 1926 г. он был привлечен для чтения курса в Сорбонне, но заведование кафедрой так и не было доверено этому «профессору с пикой». 26 февраля 1932 г. Матьез, «пламенный историк пламенной революции», скончался на кафедре во время занятий.

Председателем Общества робеспьеристских исследований и редактором журнала стал Жорж Лефевр¹⁰. Жизненный его путь несколько отличался от матьезовского. Внук ткача, уроженец промышленного севера, социалист с ранних лет и притом близкий к гедистскому направлению, Ж. Лефевр долгое время преподавал в провинциальных лицеях. Только в 1904 г. он начал работу над докторской диссертацией (его одноклассник Матьез в это время ее уже защитил) «Крестьяне департамента Нор» — тема, избранная под влиянием Жореса и И. В. Луичко, которого Лефевр высоко ценил. Работа над этой диссертацией отняла у ученого 20 лет — и лишь в 1924 г., в 50-летнем возрасте, он ее защитил. Но она сразу получила восторженное признание. Крупнейший знаток социально-экономической истории, известный бельгийский историк Анри Пиренн назвал ее «жемчужиной французской историографии»¹¹. Положительный отзыв о книге дал А. Матьез; высоко оценили ее и советские историки. Выбор темы был не случаен для Лефевра: с самого начала его интересовала экономическая история, особенно история аграрных отношений, что его явно отличало от Матьеза, у которого не было специально экономических исследований.

Еще до первой мировой войны Лефевр принял деятельное участие в работе жоресовской комиссии по экономической истории революции и издал документы о продовольственном вопросе в дистрикте Берг со своим обширным введением. В 1932 г., вскоре после его избрания председателем общества, Лефевр издал две ценные работы «Великий страх» (*La grande peur*) и «Аграрный вопрос в эпоху террора», где дал исключительно интересный анализ классовой борьбы в деревне во время якобинской диктатуры.

¹⁰ См.: *Собуль А.* Жорж Лефевр — историк Французской революции. — В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1960, с. 375—394.

¹¹ Характерно, что для защиты Лефевру пришлось издать диссертацию за свой собственный счет и всего в 300 экземплярах. Второе издание «Крестьян...» появилось только в 1959 г., причем в Италии и без статистических таблиц, составлявших обширное приложение к тому.

⁸ *Feuilletts...*, N 181, p. 25.

⁹ *Dommanget M.* La Société et les Annales. Cinquante ans d'histoire. — In: *Bi-centenaire de la naissance de Robespierre*. Nancy, 1958, p. 16.

«Аграрный вопрос» сразу привлек к себе внимание советских историков, и Н. М. Лукин писал о ней в том же 1932 г., в год выхода книги, что «впервые публикуемые им (Ж. Лефевром.— В. Д.) документы представляют новый ценнейший материал для марксистского анализа классово-вой борьбы в деревне в эпоху террора в ее сложном переплете»¹².

В 30-х годах появился и ряд других обобщающих статей Лефевра по аграрным проблемам Франции XVIII в. и революции: о размерах крестьянской собственности, об итогах распродажи национальных имуществ, о роли крестьянства в революции¹³. Некоторые положения Лефевра вызывали критику, однако совершенно бесспорно, что вслед за И. В. Лучицким Лефевр внес крупнейший научный вклад в аграрную историю революции, в изучение классовой борьбы во французской деревне.

Как и Матъез, Лефевр придерживался последовательных демократически-социалистических убеждений. С 1935 г. он преподавал в Париже и стал заведующим

¹² Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1, с. 320.

¹³ Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954.

кафедрой истории Великой французской революции в Сорбонне. Лефевр был убежденным сторонником Народного фронта. Один из его слушателей, о котором мы будем говорить дальше, Р. Кобб, вспоминает о преисполненных энтузиазма, битком набитых студенческих аудиториях, восторженно слушавших в эти годы лекции Лефевра. В годы войны он убежденный враг нацизма. Брат его, географ Теодор Лефевр, был зверски казнен — обезглавлен! — гитлеровцами. Позднее, когда Лефевру предлагали стать членом Академии наук, он категорически отклонил это предложение, мотивируя свой отказ тем, что он не хочет находиться вместе с теми, кто «убивал его брата», с коллаборационистами, которых было немало в составе Академии.

Лефевр, как передают все близко его знавшие, с огромным уважением относился к Ленину. Выступая в 1958 г. в Академии наук СССР с докладом «Ленин и уроки французской истории», Ж. Дюкло так говорил о Матъезе и Лефевре: «Надо также упомянуть об одном историке, который вступил в коммунистическую партию во время ее образования в 1920 г. Это Альбер Матъез, который является одним из лучших, если не самым лучшим французским историком Великой французской революции. Кроме того, Жорж Лефевр — один из лучших французских историков; не будучи коммунистом, он является верным сторонником нашей партии»¹⁴.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что под влиянием марксизма, благодаря Матъезу и Лефевру, а также их многочисленным ученикам и единомышленникам, научное изучение Французской революции в первой половине XX в. ушло далеко вперед по сравнению с оларовской «Политической историей». Как же развивается французская историография Великой французской революции во второй половине нашего века, особенно после смерти Лефевра (28 августа 1959 г.)? О некоторых положительных итогах и некоторых тревожных явлениях нам хотелось бы рассказать как раз в связи с новыми работами Ричарда Кобба.

* * *

В историографии Великой французской революции во второй половине XX в. значительным событием явилось

¹⁴ Дюкло Ж. Ленин и уроки французской истории. — В кн.: Французский ежегодник, 1958. М., 1959, с. 24.

почти одновременное появление трех больших монографий, посвященных изучению роли городских народных низов в революции. В 1958 г. вышла монография Альбера Собуля «Парижские санкюлоты во II году. Народное движение и Революционное правительство»¹⁵, получившая сразу общее признание. В 1959 г. появилась книга Джорджа Рюде «Толпа во Французской революции»¹⁶. В 1960—1963 гг. было опубликовано двухтомное исследование Ричарда Кобба «Революционные армии. Орудие террора в департаментах. Апрель 1793 — флореаль II года»¹⁷. Все три монографии были связаны единством тематики, стремлением изучать историю революции не «сверху», а «снизу»; все три автора в той или иной степени были учениками Жоржа Лефевра, успевшего незадолго до своей кончины ознакомиться с монографиями Собуля и Рюде и давшего о них самый положительный отзыв¹⁸.

Казалось, что именно этим историкам предстоит дальнейшая дружная, совместная разработка этих сложных проблем истории революции в ее кульминационный период. Недаром в предисловии к «Революционным армиям» Р. Кобб, выразив благодарность своим учителям Пьеру Карону и Жоржу Лефевру, с особой теплотой писал: «А. Собуль и Дж. Рюде — мои старые спутники по архивам, мои предшественники, подлинные пионеры в изучении истории санкюлотов»¹⁹. Дж. Рюде в свою очередь в конце 60-х годов в предисловии к своей работе «Париж и Лондон в XVIII столетии» отмечал: «Я в течение многих лет высоко ценил дружбу и сотрудничество А. Собуля и Р. Кобба, которые со времени кончины Лефевра сделали больше, чем кто-либо из историков, чтобы стимулировать

во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах интерес к изучению Французской революции»²⁰.

При всей близости позиций трех историков методологические различия между ними обозначились давно. Хотя новейшая исследовательница Алпса Жерар в своей работе «Французская революция, мифы и интерпретация» относит Собуля, Рюде и Кобба к числу историков «марксистов-ленинцев»²¹, Р. Кобб никогда марксистом себя не считал. В автобиографическом введении к сборнику своих статей на английском языке «A Second Identity» он указывал: «Собуль и Рюде — марксисты, но я — ни в какой мере» (nothing at all)²². Однако на своем жизненном пути, живо обрисованном им в этом введении, Кобб в течение долгих лет занимал позицию, сближавшую его с А. Собулем и Дж. Рюде.

Францию, как свою вторую родину, Кобб обрел очень рано. Он попал в Париж в январе 1935 г., после того как познакомился с австрийскими тюрьмами и был выслан из Вены. Он начал сразу заниматься историей Французской революции — изучал Маттеза, Жореса, П. Карона, Ж. Лефевра, генерала Эрло (автора прекрасной работы о Бушотте как военном министре)²³; они подсказали ему тему для научной работы — о Венсане, секретаре военного министерства во II году. Огромное влияние оказал на Кобба Народный фронт, горячим сторонником которого он стал; он участвовал в знаменитых шествиях 14 июля, когда демонстранты, по его словам, шли «рука об руку с Братством и Надеждой»²⁴, и позднее — в выступлениях, участники которых требовали «самолетов для Испании». В охваченных «неистовым энтузиазмом» аудиториях Сорбонны он слушал лекции Жоржа Лефевра и был тогда «убежденным робеспьеристом». Характерно, однако, что летом 1938 г., во время чехословацкого кризиса и объявленной тогда во Франции мобилизации, Кобб, по собственному признанию, испытал какую-то «смертельную панику» и встретил с «подлинным облегчением» заключение

¹⁵ Soboul A. Les sans-culottes parisiens de l'An II. Mouvement populaire et Gouvernement Révolutionnaire. Paris, 1958 (есть со кратенный русский перевод: Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры/ Под ред. и с предисл. А. З. Манфреда. М., 1966).

¹⁶ Rudé G. The Crowd in the French Revolution. London, 1959.

¹⁷ Cobb R. Les armées révolutionnaires. Instrument de la terreur dans les départements. Avril 1793 — floréal An II. Paris, 1960—1963. Vol. I, II. В 1959 г. вышла также работа норвежского историка К. Теннессона «Поражение санкюлотов» (Tønnesson K. D. La défaite des sans-culottes. Paris, 1959), посвященная последним выступлениям парижских предместий в 1795 г.

¹⁸ ANRF, 1959, p. 164—177.

¹⁹ Cobb R. Les armées révolutionnaires..., vol. 1, p. VII.

²⁰ Rudé G. Paris and London in the Eighteenth Century. Studies in Popular Protest. London, 1970, p. 14.

²¹ Gérard A. La révolution française. Mythes et interprétations. Paris, 1970, p. 108—109.

²² Cobb R. A Second Identity. Essays on France and French History. London, 1969, p. 18.

²³ Об Эрло см. некролог Р. Кобба (ANRF, 1965).

²⁴ Cobb R. A Second Identity..., p. 20.

мюнхенских соглашений — «физически и морально я был мюнхенцем»²⁵. С начала войны он пытался уйти добровольцем во «французские патриотические силы». В 1944 г. вместе с британскими вооруженными силами Кобб вернулся во Францию и в конце 40-х годов вновь оказался в Париже. В первые годы после освобождения Франции он проявлял большую политическую активность и поддерживал Французскую коммунистическую партию. Кобб энергично выступал против проамериканских тенденций, против создания Европейского оборонительного сообщества и вооружения Германии; вместе с Дж. Рюде он редактировал обращения, выступал в печати, статьи его перепечатывала «Humanité».

В начале 50-х годов Р. Кобб целиком сосредоточился на исследовательской деятельности. Он вернулся к теме, подсказанной ему Кароном и Лефевром, и стал изучать вопрос о роли эбертистов в парижском народном движении. Он работал параллельно с Альбером Собулем. Оба пришли к одинаковому выводу — не Эбер и эбертисты были «стартером» движения, не они его организовывали. Собуль посвятил свою диссертацию совершенно «автономному», отнюдь не эбертистскому движению парижских санкюлотов, руководимому секциями и Парижской коммуной, и его монография открыла в известной мере новую страницу в историографии Французской революции. Р. Кобб сосредоточил свое внимание на одном из эпизодов этого народного движения, на Революционных армиях, созданных в результате сентябрьского натиска 1793 г. в Париже и ряде других городских центров. Изучая эти Революционные армии, Р. Кобб проявил исключительное трудолюбие и необычайную любознательность.

Не довольствуясь парижскими архивами, которые он тщательно использовал (особенно архив военного министерства), Кобб добросовестно изучил более 40 департаментских и несколько десятков коммунальных архивов. Список использованных им архивных фондов, по преимуществу провинциальных, занимает в его монографии около 50 страниц, притом напечатанных весьма убористым шрифтом. Недаром один из его английских рецензентов подчеркнул, что по знанию архивов Кобб «не имеет себе равных среди французских или иностранных историков, живых

и мертвых»²⁶. Такую же оценку дали и Марсель Рейнар, бывший одно время руководителем кафедры по истории Французской революции в Сорбонне, и Джордж Рюде²⁷. Новизна темы, очень обстоятельная разработка вопроса о роли парижской Революционной армии в продовольственном снабжении Парижа, в «войне за хлеб», исключительное богатство сведений о кадрах Революционной армии и вообще о «санкюлотском персонале» и его судьбах вплоть до наполеоновского времени, извлеченных из всех этих многочисленных архивных фондов, завоевали исследованию Кобба заслуженное место среди лучших монографий по истории революции, вышедших во второй половине XX в. Значительный интерес представляет и изданный в 1965 г. сборник статей Р. Кобба «Террор и продовольствие. 1793—1795»²⁸.

Но уже и в этих лучших работах Р. Кобба можно проследить некоторые отличительные особенности в понимании задач истории, в оценке революции и ряда коренных вопросов ее развития. О них Кобб рассказывал и сам в некрологе Ж. Лефевра, появившемся в 1960 г. То, в чем он упрекал Лефевра и в чем с ним не соглашался, как раз и было ахиллесовой пятой самого Кобба. Главной слабостью Лефевра он считал его «стремление, как и у большинства французских историков, к синтезу». В противоположность этому Кобб и тогда проявлял крайнюю ненависть к тому, что он называл «социологией» (видя в ней «главного врага истории»), к обобщениям, к попыткам создания «научной истории», к поискам каких бы то ни было закономерностей в истории. Кобб уже тогда ставил в вину Лефевру то, что он считал существование классовой борьбы во Франции XVIII в. «исторической реальностью». Кобб называл его «наивным человеком», потому что Лефевр «верил в исторический прогресс». При всем своем громадном уважении к Лефевру как исторiku он считал его все же устарелым французским республиканцем, своеобразным «неоякобинцем». Он с сожалением подчеркивал, что в последние годы своей жизни Лефевр становился все более «догматичным»

²⁶ Times Literary Supplement, 1970, Nov., p. 1373.

²⁷ «Ни один из авторов, — писал Рейнар, — не обладает таким исчерпывающим знанием источников, парижских и провинциальных» (ANRF, 1971, N 204); см. также рецензию К. Тенессона в «Past and Present», сделавшего, однако, в адрес Кобба ряд критических замечаний.

²⁸ Cobb R. Terreur et subsistances. 1793—1795. Paris, 1965.

²⁵ Ibid., p. 21.

по отношению к Робеспьеру. Как признает сам Кобб, «Лефевр ненавидел легкомыслие, которое приводило его в бешенство, и никогда не прощал мне высмеивание санкюлотов и богохульство в отношении Робеспьера»²⁹.

Следы этих разногласий нетрудно обнаружить и в «Революционных армиях». Уже на первых страницах этого труда он выступил с нападками на «неоякобинскую» школу, даже на Жореса, упрекая его в «невероятной, религиозной фразе «Робеспьер — это демократия»»³⁰. С того момента, как непогрешимость Робеспьера «становится догмой неоякобинской часовни, невозможно усомниться в «заговоре» (руководителей Революционной армии. — В. Д.), в диктаторских поползновениях Ронсена и в использовании им в своих мрачных замыслах сил Революционной армии. Робеспьер так сказал, значит это верно»³¹. Но при всей своей неприязни к Робеспьеру Кобб тогда объективно признавал, что Робеспьер первым из всех руководителей Горы самым решительным образом выступал в поддержку требования о создании народной армии³². Неприязнь к Робеспьеру его еще не ослепляла, не превратилась в систематическую ненависть.

Все эти уже тогда существовавшие расхождения отступали сперва на второй план. При всем своем «легкомыслии» Кобб был в те годы одним из талантливейших исследователей истории революции, которого особенно выгодно отличал «неистощимый аппетит», по его собственному определению, к дальнейшим архивным поискам.

В 1963 г., как раз в год выхода «Революционных армий», Р. Кобб опубликовал в «*Annales historiques de la Révolution française*» исключительно теплый некролог о Я. М. Захере, отмечая при этом свою «признательность и благодарность по отношению к народу, которым мы гордимся... советскому народу, бывшему нашим великим союзником в годы борьбы против фашизма». В другом некрологе, опубликованном в том же году и посвященном Жоржу Жавогу, правнуку члена Комвента, казненного в 1796 г. за участие в бабувистской демонстрации в Гренель-

ском лагере, Кобб писал: «Революция не была для него простой семейной традицией... он хранил пламя, убежденность, присущую Матьеzu»³³. Это «пламя», эта убежденность были тогда дороги Коббу. К сожалению, именно этого никак нельзя сказать о его новейших трудах.

* * *

Вплоть до конца 60-х годов все книги Кобба выходили на французском языке. В 1969 г. появился первый сборник его статей на английском языке, составленный в основном из статей, уже ранее публиковавшихся в английских периодических изданиях³⁴. В 1970 г. вышел его оригинальный новый труд «Полиция и народ»³⁵ и вслед за ним, в 1972 г. — «Реакция против Французской революции»³⁶.

Вышедшие почти через десять лет после «Революционных армий», книги эти оставляют совершенно иное впечатление. Прежде всего в структуре обеих книг сказались свойственный Коббу «импрессионизм». «Мой предмет хаотичен, — признает он сам, — и я хочу писать о нем хаотически»; это больше всего соответствует «моему несистематическому уму»³⁷. В основу его книги «Полиция и народ» положены два совершенно отличных по содержанию цикла лекций: один — в Дели на тему о полицейских документах как источнике для изучения истории революций, другой — в одном из французских университетов (в Aix-en-Provence) о дороговизне как факторе, вызывающем народные движения. Этот раздел книги наиболее интересен и богат новыми сведениями, обнаруженными в архивах, в частности о движении протеста на почве дороговизны в наполеоновской Франции 1811—1812 гг. Об этих движениях почти никто еще не писал, и это, несомненно, открытие историка. Рука мастера чувствуется и в некоторых разделах новейшей работы «Реакция против Французской революции». И, однако, далеко не это привлекает внимание читателя.

Основным, как нам кажется, является усиленное подчеркивание Р. Коббом тех разногласий, которые отделяют

²⁹ Cobb R. A Second Identity..., p. 91, 95, 98, 100, 107.

³⁰ Кстати сказать, автором этой фразы (в письме к Ж. Бодсону) был не Жорес, а Бабеф еще в 1796 г. (Copie des pièces saisies dans le local que Babeuf occupait lors de son arrestation, vol. II. Paris, an V (1796), p. 54; см. также: Pages choisies de Babeuf, recueillies... par M. Dommanget. Paris, 1935, p. 286).

³¹ Cobb R. Les armées révolutionnaires..., vol. 1, p. 13.

³² Ibid., p. 35, note 5.

³³ AHRF, 1963, p. 124, 399.

³⁴ Cobb R. A Second Identity...

³⁵ Cobb R. The Police and the People. French Popular Protest, 1789—1820. Oxford, 1970.

³⁶ Cobb R. Reactions to the French Revolution. Oxford, 1972.

³⁷ Cobb R. The Police and the People..., p. XVII—XIX.

его сейчас от прежних единомышленников, прежде всего от А. Собуля и Дж. Рюде. Недаром один из английских рецензентов «Полиции и народа» определил книгу как «динамит, подложенный Коббом под мосты, по которым свободно проходили историки целого поколения, как левые, так и правые»³⁸.

Прежде всего Кобб резко меняет тематику своего исследования и откровенно объясняет причину этого изменения: «Политическая история Французской революции не скучна, она бесконечно увлекательна и является открытым полем для новых исследований... Дело не во Французской революции, а во мне самом (курсив наш.— В. Д.). Я не могу больше проявлять прежний энтузиазм к внутренней истории двух Комитетов — я слишком долго жил ею, — и я нахожу гораздо более привлекательным, даже на высшем уровне, термидорианский период прежде всего потому, что он страшно анархичен и дезорганизован. . . Периоды слабого правительства, очень близкого к анархии, гораздо привлекательнее для исследования, чем периоды действенного и твердого правительства. Самое привлекательное — это периоды слабого правительства, наступающие немедленно после периодов твердого управления»³⁹. Попутно Кобб разъясняет, что привлекало его раньше к теме Революционных армий: «Главная тема моих „Революционных армий“ — это беспомощность даже самого хваленного Революционного правительства перед лицом хорошо организованных групп давления». Даже крепкое Революционное правительство оказывается «пленником и заложником местных незначительных должностных лиц»⁴⁰. Кобб не анализирует классовые пружины этого конфликта — давление крепкого крестьянства на местные органы управления, чтобы удержать хлеб от

централизованного распределения. Теперь для него все сводится к конфликту местных, «полуанархических» властей, которым он явно сочувствует, с централизованным государством. Классовый конфликт, который так ясно вскрывали Матъез и Лефевр и который раньше видел и сам Кобб, исчез, и исторический свет и тени расположены сейчас совершенно неверно; скрыт острый конфликт между голодающим городом, армией, сражающейся за республику, и зажиточной деревней с ее «хлебной забастовкой».

Изменение тематики исследования связано не только с интересом Кобба к «слабым» правительствам. Мы помним о той неприязни, которую он проявлял к Робеспьеру и «неоякобинской часовне», вызывавшей его споры с Лефевром и достаточно ясно сказавшейся в «Революционных армиях». Но тогда он способен был все же объективно признавать роль Робеспьера, хотя бы в вопросе о создании этих армий. Сейчас его отношение к Робеспьеру и Революционному правительству лишено и тени какой бы то ни было исторической объективности. Кобб согласился с мнением рецензента «Times Literary Supplement», что его главная слабость как историка в том, что он не способен проявлять симпатии к людям, которые стремятся к власти независимо от того, руководствуются ли они добрыми или злыми мотивами. Но он не собирается смягчать эту свою позицию: «Я еще готов, — пишет Кобб, — понять тех, кем руководит желание осуществлять зло... но я должен сознаться в своем крайнем отвращении к Робеспьеру не только из-за того, что он делал, из-за того, что он так скучно и вымученно говорил, но и потому, что он представляет собой фарисейство, самодовольство, упрямство, отсутствие понимания других людей и пуританизм»⁴¹.

В «Second Identity» Кобб так изображает эволюцию своего отношения к Робеспьеру: «В середине 1935 г. я был убежденным робеспьеристом; это можно извинить тем, что мне не было еще 18 лет. Я растерял большую часть своего робеспьеризма, когда в середине 40-х годов возобновил свои исследования; сейчас нет исторической личности, которую я считал бы более отталкивающей, чем Робеспьер, за исключением, пожалуй, только Сен-Жюста»⁴². К Сен-Жюсту он действительно совершенно беспощаден; он называет его «бесстрастным кровопийцей»⁴³,

³⁸ Times Literary Supplement, 1970, 22 Nov., p. 1373. Своеобразным «манифестом» называет эту книгу и Олвен Гафтон (Hufton) (English Historical Review, 1971, Oct.); см. также рецензию R. Palmer'a в «American Historical Review» (1973, N 2, p. 453); «Прочитав, нельзя не поразиться тому, во что превратилось в Оксфорде изучение Французской революции после Дж.-М. Томпсона. . . Встает вопрос, какое отношение к Французской революции имеет вообще эта книга». Дж.-М. Томпсон — профессор в Оксфорде (по профессии — священник), превосходный знаток истории революции, занимавший очень левые позиции, защищавший Робеспьера.

³⁹ Cobb R. Reactions..., p. 6—7.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Cobb R. Reactions..., p. 5.

⁴² Cobb R. A Second Identity..., p. 17.

⁴³ Cobb R. The Police and the People..., p. 169.

«воинствующим тоталитаристом», пытавшимся создать «отвратительный спартанский карточный домик»⁴⁴.

В своей запальчивости Кобб настолько далек от объективности, что даже к Бареру проявляет гораздо больше симпатии и противопоставляет его Робеспьеру: «Барер гораздо более удачливый революционер — и пусть нам будет позволено это сказать — гораздо более приятный человек, чем Робеспьер, и к тому же он дожил до 40-х годов»⁴⁵. Барер в самом деле дожил до 1841 г. и пережил почти на полвека Максимилиана Робеспьера. Но когда Лео Джершуа (L. Gershoy) попытался в своей монографии о Барере несколько смягчить общепринятую оценку «политического хамелеона», Ж. Годшо писал: «Его (Барера. — В. Д.) поведение после 1795 г. отличается такой бесхарактерностью, которая не может не вызывать презрения»⁴⁶. Даже 9 термидора Кобб ставит в вину Робеспьеру — он видит в нем сознательное «политическое самоубийство» и именно в этой связи противопоставляет ему «удачливого» Барера.

Этой позиции Кобба мы не можем не противопоставить ту оценку Робеспьера, которую дал ему Лефевр в статье, опубликованной им незадолго до своей кончины, «Памяти Максимилиана Робеспьера». «Этой памяти, — писал Лефевр, — во Франции верны многие. Председатель Общества робеспьеристских исследований с 1932 г., со времени смерти А. Матьеза, я не раз объяснял, почему мы сохраняем по отношению к Робеспьеру наше уважение... С нашей точки зрения, он наиболее выдающийся из первых вождей французской демократии... В силу трагической судьбы этот человек, который пытался отстранить от революции смертельную опасность, вынужден был принять на себя ответственность за общественное спасение. Мы чтим в нем неподкупного вдохновителя революционного сопротивления французской и европейской аристократии, выступившей с оружием в руках по одну и по другую сторону границы». Сравнивая Карно с Робеспьером, Лефевр писал: «Карно был консерваторм; для него было достаточно того, что республика открыла народу двери начальной школы, тогда как Робеспьер и Сен-Жюст отводили республике совсем иную миссию. Оскорбляя их па-

мять после того, как они их убили, термидорианцы хорошо знали, что они делали, они надеялись уничтожить Народный фронт монтаньяров, якобинцев, санкюлотов и навсегда уничтожить народную демократию, прообраз которой появился во II году нашей республики»⁴⁷. В этих словах, преисполненных достоинства, искреннего, глубокого убеждения, основанных на многолетнем изучении революции, неизмеримо больше исторической правды, чем в нападках Кобба.

Отметим попутно, что, хотя Кобб никак не может обвинить в «холодной кровожадности» Бабефа (он сам ссылается на его знаменитое письмо в июле 1789 г.), он не проявляет ни малейшего интереса, никакой симпатии к движению «равных», называя его «бессмысленным» (*inane*)⁴⁸, совершенно лишенным связей с народом. «В нем не было ничего «народного», хотя Бабеф и его друзья были склонны к тому, чтобы использовать народ как пушечное мясо, чтобы завоевать путем кровавого переворота революционную диктатуру»⁴⁹; «Руссо так же бесполезен для понимания санкюлотов, как и Бабеф»⁵⁰; «заговор равных до наших дней продолжает надоедать историкам»⁵¹. С тем самым «легкомыслием», которое, как вспоминает сам Кобб, приводило в бешенство Ж. Лефевра, он пишет в связи с книгой Э. Гобсбаума «The Primitive Rebels»: «бандиты (в отличие от Бабефа) никогда не бывают скучны»⁵².

Неприязнь Кобба к Робеспьеру была известна и раньше, но затем она приняла совершенно невероятные формы. Но самое характерное для его новых работ — это пересмотр взглядов на санкюлотское движение, его роль и значение в революции. Кобб считает, что только изучение событий III года и всего последующего полного упадка народного движения дает объяснение того, чем же являлось это движение (в своей последней книге Кобб неизменно берет это слово в кавычки) во II году. Вопрос вовсе не в том, почему санкюлотское движение потерпело неудачу, почему оно пришло в упадок в 1795 г., как раз тогда, когда

⁴⁷ *Lefebvre G. A la mémoire de Maximilien Robespierre.* — In: Maximilien Robespierre. 2. Aufl. Berlin, 1961, S. 9, 15, 17.

⁴⁸ *Cobb R. Reactions...*, p. 115.

⁴⁹ *Cobb R. The Police and the People...*, p. 194.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 206.

⁵¹ *Ibid.*, p. 17.

⁵² *Cobb R. Reactions...*, p. 12.

⁴⁴ *Cobb R. Reactions...*, p. 19.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 6.

⁴⁶ *AHRF*, 1963, p. 247.

оно набирало полную силу в Англии. Вопрос в том, «в силу какого чуда» санкюлотам удалось, «хотя бы временно и частично, добиться успеха»⁵³. История народных движений вообще — это «история неудач, разочарования и безнадежности»⁵⁴, их отличает «половинчатость, непоследовательность, бесконечная дробность»⁵⁵. И если во II году народному движению на короткий промежуток времени удалось добиться успеха, то это «случайность» (un accident), обусловленная войной.

Самый термин «санкюлот», которым раньше Кобб неизменно пользовался, способен только «вводить в заблуждение», это «неуловимое и скользкое понятие», оно может быть полезно «для интеллектуальных упражнений, но оно способно привести только к дурно написанной истории». Вопреки тому что он утверждал прежде, Кобб считает «скучное и повторяющееся» определение «толпы» у Рюде слишком «респектабельным». Кобб иронизирует над всегдашней готовностью этой толпы у Рюде «выступить во вторник, напиться в кабачке на следующий день, уничтожить молотилку, если есть молотилка, выступить на базаре, если случится базарный день»⁵⁶.

Так же саркастически отзывается он теперь об определении «санкюлотского движения» у Собуля — «неуклюжее, непродуманное, точно дешевая распродажа на рынке» («crude jumble-sale»).

По мнению Кобба, санкюлотов никак нельзя определить по их классовой принадлежности; у них нет единой социальной или политической программы, их отличает «крайний индивидуализм и большая доля анархии»⁵⁷. Только в этом он видит «квинтэссенцию» санкюлотизма.

Кобба тяготят споры о роли санкюлотского движения. «Мы так много занимались санкюлотами, санкюлотизмом... что мы устали и пресыщены им... Может быть, они и слышали об этом слове, может быть, и произносили его, но похоже на то, что о „движении“ они никакого понятия

не имели. В конце концов, — иронизирует Кобб, — они не были читателями „Past and Present“»⁵⁸.

«Санкюлотское движение является исторической абстракцией» — таков его заключительный вывод. В такой же мере «чрезвычайно преувеличен и упрощен, в смысле классовой характеристики политических методов и программы, конфликт между санкюлотами и Революционным правительством. Сами санкюлоты и не знали, что они вступили в такой конфликт. Не представляя собой никакой политической, экономической или социальной общности, могли ли санкюлоты представлять хотя бы мимолетную угрозу для Революционного правительства? Разумеется, они никогда об этом и не думали»⁵⁹.

Можно было бы сказать, что в этих замечаниях Кобба есть какая-то доля истины — конфликт между якобинцами и санкюлотами иногда толкуется слишком прямолинейно, и во всяком случае, несмотря на все противоречия, между ними не произошло разрыва. Но за критическими замечаниями Кобба стоит по существу нечто гораздо большее — он вообще отрицает самостоятельную роль народных масс даже в те исторические эпохи, когда им, по ленинскому определению, удавалось наложить свой отпечаток на ход исторического развития. Кобб усиленно подчеркивает, что и в парижском санкюлотском движении II года, которое он все же рассматривает как счастливое исключение, участвовали только представители ничтожного меньшинства, «элиты». Но тем самым Кобб не только перечеркивает, как справедливо отметил в своей рецензии на «Полицию и народ» Дж. Рюде, все достижения историографии революции последних десятилетий⁶⁰, но и отступает далеко назад от того интуитивного, но во многом весьма прозорливого представления о роли санкюлотов в революции, которое — 135 лет назад! — отстаивал Томас Карлейль, и от тех оценок, которые давал П. Кропоткин, которого сам же Кобб считал «самым проникательным»⁶¹ из всех историков Французской революции.

Кобб предвидит все эти возражения: «Может показаться, что он (Кобб. — В. Д.) сводит санкюлотское движение к таким ничтожно малым размерам, что оно, как шагреневая

⁵³ Cobb R. The Police and the People..., p. 199—200.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid., p. 80.

⁵⁶ Cobb R. Reactions..., p. 121. Недаром Э. Леруа-Ладюри свою рецензию на последнюю книгу Кобба озаглавил «Санкюлоты на скамье подсудимых» (*Le Roy Ladurie E. Les sans-culottes sur la sellette*).

⁵⁷ Cobb R. The Police and the People..., p. 200.

⁵⁸ Ibid. «Past and Present», как известно, исторический журнал в Англии, близкий к марксизму, в котором сотрудничал и Кобб.

⁵⁹ Cobb R. The Police and the People..., p. 200.

⁶⁰ AHRF, 1971, N 204.

⁶¹ Cobb R. Les armées révolutionnaires..., vol. 1, p. 13, note 57.

кожа, почти что исчезает». Против такого толкования Кобб возражает, но все же со всей силой подчеркивает, что это движение «ни в коей мере не имело такого последовательного и прямолинейного характера, который пытаются ему придать»⁶².

В своей последней книге Р. Кобб еще более категоричен: «В конце концов санкюлотизм оказался таким же бесполезным определением... как и старое, когда-то очень почтенное, теперь разрушенное, потерявшее какое-либо уважение в общественном мнении... беззубое определение революционной буржуазии»⁶³. Но тут Кобб уже явно сближается с тем направлением в англо-американской историографии, которое возглавлял А. Коббен, озаглавивший когда-то свою вводную лекцию «Французская революция как миф». Эта точка зрения была во многом поддержана Роланом Мунье, который писал в 1967 г.: «Я просматривал недавно такие знаменитые работы, как труды Лефевра; в свете нынешнего социального анализа они уже отстали. *Нужно полностью пересмотреть вопрос* (курсив наш. — В. Д.). Вероятно, Коббен был прав, и нам предстоит вскоре заново переписать всю историю Французской революции, дав гораздо более глубокий социальный анализ»⁶⁴. В каком духе собирались сторонники А. Коббена пересматривать социальную историю революции, можно судить по статье Франсуа Фюре «Революционный катехизис», в которой один из параграфов озаглавлен «Метафизический персонаж: „буржуазная революция“»⁶⁵.

«Все указательные столбы исчезли, — считает и Кобб, — уничтожены все коллективные определения. Что же остается? Как можно писать историю Французской революции в национальном масштабе, когда каждая местность имеет свои законы и все выглядит не таким, каким оно представлялось с первого взгляда»⁶⁶. По его мнению, остается один метод — биографический подход («personal case history»). После долгих лет исследования социальных структур,

оказавшегося, с точки зрения Кобба, совершенно бесплодным, нужно вернуться к более привычному «биографическому подходу»⁶⁷.

К этому методу он, собственно, уже прибегал. В «Революционных армиях» есть множество биографий «революционеров», деятелей Революционных армий, притом, к чести Кобба, не только офицеров, но и «политических солдат». Упорные архивные поиски давали свои плоды: та задача, которую историк ставил перед собой, — превратить «мертвых в живых» — удачно им решалась. Но сейчас в применении этого метода у Кобба тоже появилось нечто новое.

«На одного человека, который с восторгом прислушивается к звукам военной трубы, — пишет он, — приходится десять человек, которые затыкают уши, не желая слушать эту страшную музыку»⁶⁸. И в 1935 г., и в 50-х годах сам Кобб, как замороженный, прислушивался к этой «музыке», ему было дорого это «пламя», и с величайшим уважением он писал о людях, сохранивших веру и преданность идеям революции, как, например, о генерале Эрло, одном из друзей А. Матьеза⁶⁹. Но сейчас его внимание привлекают те «десять», которые этой музыки страшатся: «Революционные ситуации являются захватывающими сами по себе и как предмет изучения для историка, но я думаю, что они должны быть отвратительны для тех, кто должен жить в это время... Но многим удавалось жить вне этого события, некоторые его почти и не чувствовали. Именно ими я и интересуюсь»⁷⁰. Теперь Кобба привлекают «люди, не связанные никакими группами, не получающие никакой почты, одинокие, без всяких видимых занятий блуждающие по улицам». «Проникнуть в мир за закрытыми дверями, — так формулирует Кобб свою задачу, — в обиталища обездоленных, безымянных, запуганных, лишенных семьи, безразличных, суеверных, слепых, глухих, калек... самых бедных, совершенно одиноких, тех, кто не оставляет после себя никаких следов»⁷¹.

Может быть, Кобб искренен. Но почему же он так презрительно относится к тем, кто, как Бабеф, пожертвовал своей жизнью именно во имя этих «самых обездо-

⁶² Cobb R. The Police and the People..., p. 200.

⁶³ Cobb R. Reactions..., p. 121.

⁶⁴ Niveaux de culture et des groupes sociaux. Paris, 1967, p. 170.

⁶⁵ Furet F. Le catéchisme révolutionnaire. — Annales, 1971, N 2, p. 279 (перепечатана в кн.: Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978). См. интересную критическую рецензию Кобба: Cobb R. Nous, les Annales (перепечатана в кн. «A Second Identity...») на книгу Ф. Фюре и Д. Реше (F. Furet et D. Richet) о Французской революции.

⁶⁶ Cobb R. Reactions..., p. 124.

⁶⁷ Ibid., p. 76.

⁶⁸ Ibid., p. 127.

⁶⁹ AHRF, 1965, N 182.

⁷⁰ Cobb R. Reactions..., p. 12—14.

⁷¹ Ibid., p. 126.

ленных»? Почему Кобб со своих новых позиций считает участников монархических банд «более интересными», чем «бюрократов-террористов», ибо они «не созданы по шаблону и не подвержены давлению какой-либо коллективной ортодоксии»? ⁷² Чем же еще, как не крайним анархо-индивидуализмом Кобба, считающего, что он занимается историей только «для собственного развлечения» (*my own enjoyment*), можно объяснить, что в своих последних исследованиях, в цикле лекций, прочитанных им в Collège de France, он обратился к изучению уголовного мира Парижа?

Р. Кобб считает, что самая большая опасность для историка, переступившего порог 50 лет, — повторять самого себя. Этой опасности он хочет во что бы то ни стало избежать и успокаивает себя надеждой, что хотя он и продвигается «ощупью», но все же по мере того, как делается старше, «становится лучше» ⁷³. Но так ли это? Последняя его работа посвящена изучению «некоторых аспектов уголовной преступности в Париже в годы Директории». Неужели Р. Кобб в самом деле считает, что это шаг вперед по сравнению с «Революционными армиями»? Мы позволили себе глубоко в этом усомниться.

По поводу «Полиции и народа» Дж. Рюде писал: «Эта книга окольными путями, если не прямо, оспаривает ряд основных положений большинства работ, посвященных революции, за последние 50 лет... Это должно вызвать возражения у авторов, воспитанных в республиканской традиции Матьева и Лефевра» ⁷⁴. Последняя книга Кобба может только углубить и обострить эти расхождения между ним и теми, кому дороги научные достижения историографии Французской революции в XX в., ее демократические традиции, кому по-прежнему дорого ее пламя.

Некоторые тематически связанные материалы

В.Далин. О новых работах Ричарда Кобба

http://vive-liberta.narod.ru/journal/dalin_fe-73.pdf

А.Адо. Предисловие к сборнику "Буржуазия и Великая французская революция"

<http://vive-liberta.diary.ru/p176192923.htm?oam#more1>

А.Собуль. Классическая историография

французской революции. О нынешних спорах

http://vive-liberta.narod.ru/journal/soboul_fe-76.pdf

А.Манфред. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/manfred_fe-76.pdf

В.Ревуненков. К истории споров

о Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1989

З.Чеканцева. Эпистемологическая природа

«ревизионистской атаки» на «классическое» видение Французской революции XVIII в.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/chekanz3.pdf>

⁷² Ibid., p. 13.

⁷³ Ibid., p. 16—17.

⁷⁴ ANRF, 1971, N 204, p. 316.

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор Б.Г. ВЕБЕР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal) и Век Просвещения, 2012

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

В. П. Волгин и исследование истории французского социализма в СССР*

В ту эпоху, когда, как писал В. И. Ленин, Франция «разливалась по всей Европе идеи социализма»¹, на развитие социалистической мысли в России сильнейшее влияние оказал французский утопический социализм. А. И. Герцен и Н. П. Огарев, как они сами это многократно подчеркивали, в начале 30-х годов испытали на себе большое влияние Анри де Сен-Симона и сенсимонистов. Совершенно несомненно влияние Шарля Фурье и фурьеристов на формирование социалистических идей у петрашевцев. Н. Г. Чернышевский в замечательном дневнике своих студенческих лет восторженно отзывался о Луи Блане и несколько более критически о Фурье. Но на примере этого наиболее зрелого из всех ранних русских социалистов можно проследить и обратную тенденцию — влияние русской социалистической мысли на французскую. В 70-х годах, после Коммуны, когда Жюль Гед от демократического радикализма начинал переходить к социализму, на первых ступенях этой эволюции именно Чернышевский оказал на него сильнейшее влияние².

В последней трети XIX в. непосредственное влияние французской социалистической мысли в России стало неизмеримо меньшим. Однако живейший интерес к ней всегда был очень велик. В последние десятилетия XIX в. появляется ряд работ, посвященных истории французского социализма. Едва ли заслуживает упоминания двухтомная книга Д. Щеглова «История социальных систем», встретившая единодушное осуждение в тогдашней русской пе-

* В статье рассматривается история французского социализма до первой мировой войны (1914 г.) в работах советских историков.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 271.

² См.: Манфред А. З. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский. — В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955.

риодике как «бессвязная компиляция», чисто злопыхательская и клеветническая работа³. Совершенно иной оценки заслуживают этюды Н. В. Водовозова о Фурье и исследование И. Иванова о Сен-Симоне и сенсимонизме⁵. Но Водовозову, очень рано умершему, так и не удалось при жизни издать своей работы о Фурье, а Иванов после появления в 1901 г. своей книги резко повернул вправо, стал черносотенным профессором, полностью не способным к дальнейшим исследованиям в этой области. Подлинно научный подход к изучению истории французского социализма начинается в России на грани XIX—XX вв. Он неразрывно связан с именем В. П. Волгина, крупнейшего общепризнанного знатока истории социалистической мысли во Франции⁶.

В первые годы XX в., уже принимая участие в социалистическом движении, В. П. Волгин, будучи студентом, приступил к изучению социальных идей И. Г. Фихте. Но когда после нескольких лет ссылки В. П. Волгин вернулся в стены Московского университета, он изменил тему исследования и стал изучать «Завещание» Жана Мелье. К 1908 г. эта работа была закончена. Первую статью о Мелье В. П. Волгин направил в известный демократический журнал «Русское богатство», редактором которого был тогда В. Г. Короленко. Всю жизнь В. П. Волгин хранит переписку с Короленко и редакцией журнала по этому поводу; она была опубликована после его смерти⁷. «Завещание» революционного кюре даже через два столетия, в начале XX в., не могло пройти сквозь Кавдинские ущелья царской цензуры. Только 10 лет спустя,

в 1918 г., эта работа увидела свет, сначала на страницах журнала, а потом и в отдельном издании⁸.

Важнейшее значение для изучения истории социализма вообще и французского в частности имела Великая Октябрьская социалистическая революция. В Советской стране исследованию истории социализма и борьбы рабочего класса был придан широчайший размах, привлечены государственные ресурсы. 11 января 1921 г. при участии В. И. Ленина было принято решение о создании Института К. Маркса и Ф. Энгельса (сейчас Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) — специального научного института, занимающегося изучением истории социализма.

Несмотря на тяжелейшие экономические трудности, Советское правительство предоставило институту значительные средства для приобретения архивных и библиотечных фондов и коллекций. В результате в СССР был создан центр, обладающий ценнейшими материалами для подлинно научного изучения истории социализма. В. П. Волгин, возглавлявший в 20-х годах кабинет по истории социализма во вновь созданном институте, руководивший в Институте красной профессуры и Московском университете рядом семинаров по этим темам и создавший целую школу специалистов, на протяжении более полувека непрерывно работал в области истории социалистических идей, уделяя особое внимание именно французской социалистической мысли. Не было, кажется, ни одного сколько-нибудь видного социалистического мыслителя во Франции XVIII — первой половины XIX в., которому он не посвятил бы специальной работы. В превосходной серии «Предшественники научного социализма», выходящей с 1947 г. (каждому тому предпосылалась его вводная статья), 12 книг посвящены французским социалистам. Почти все серьезные ученые, занимавшиеся историей французского социализма в СССР, были учениками В. П. Волгина. Его усилиям, его непрерывным и глубоким исследованиям советская историческая наука больше всего

³ Щеглов Д. История социальных систем. СПб. 1870. Т. 1 (2-е изд., 1891); 1889. Т. 2.

⁴ Водовозов Н. В. Экономические этюды. СПб., 1907; см. также: Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964, с. 438: «Работа Водовозова, первоначально опубликованная в журналах, а позднее напечатанная и в посмертном издании его экономических этюдов, долго оставалась лучшим из всего написанного о Фурье на русском языке».

⁵ Иванов И. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1901.

⁶ Статьи Г. В. Плеханова о французском утопическом социализме XIX в. были впервые опубликованы в 1913 г. в журнале «Современный мир» (1913, № 6, 7).

⁷ Письма В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненского и В. А. Мякотина В. П. Волгину. — В кн.: История социалистических учений, т. 2. М., 1964.

⁸ Волгин В. П. Жан Мелье и его «Завещание». — Голос минувшего, 1918, № 1—3 (перепечатана в кн.: Волгин В. П. Революционный коммунизм XVIII в. Жан Мелье и его «Завещание». М., 1919); см. также: Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С. К истории публикации исследования В. П. Волгина о Жане Мелье. — В кн.: История и историки, 1976. М., 1979.

обязана достижениями в изучении истории французского социализма⁹.

Великолепный знаток марксистско-ленинской методологии, мастерски применявший ее в своих работах, В. П. Волгин был чрезвычайно строг и требователен, прежде всего к самому себе. Как он сам рассказывал, приступая к изучению взглядов какого-нибудь социалистического мыслителя, он никогда не начинал с литературы, не желая подпадать заранее под влияние чьей-либо интерпретации. Он самым тщательным образом изучал первоисточник — сочинения этого мыслителя, составлял себе ясное представление о внутренней логике системы его воззрений, о месте в истории социалистической мысли

и только после этого, составив свое собственное мнение, приступал к знакомству с литературой вопроса. Поверхностность, поспешность в суждениях, стремление к преждевременным обобщениям, не основанным на добросовестном изучении первоисточников, были совершенно чужды В. П. Волгину. Все это предопределяло исключительно большое значение его трудов для советской и мировой исторической науки.

Мы не в состоянии здесь дать полный обзор работ советских историков в данном направлении. Мы ограничимся лишь характеристикой некоторых из них, причем для большего удобства сосредоточим изложение вокруг отдельных виднейших представителей и школ французского социализма в их хронологической последовательности.

Уже первая работа В. П. Волгина о Мелье была ценным и вполне оригинальным научным исследованием. Основное внимание в ней было обращено на анализ социальных идей «Завещания». Этот труд и последующие этюды В. П. Волгина о Мелье являются наиболее глубокими исследованиями (вплоть до появления в 1960 г. труда М. Домманже) роли и места Жана Мелье в истории коммунистической мысли XVIII в.

Исследования В. П. Волгина получили дальнейшее развитие в работах Б. Ф. Поршнева и его учеников¹⁰. Б. Ф. Поршнева особенно интересовали народные корни мировоззрения Мелье и степень его влияния на развитие французского Просвещения. Советским исследователям, в частности Г. С. Кучеренко, удалось сделать ценные наблюдения, показать влияние философских идей Мелье на Вольтера, Ламеттри, Гольбаха, Нэжона, Марешаля¹¹. Остается, однако, спорным вопрос о степени влияния социальных идей Мелье. В. П. Волгин (как и М. Домманже) считал, что они были забыты в XVIII в. и вновь стали известны только с 1864 г., после опубликования полного текста «Завещания»¹².

⁹ Итоги своей полувековой работы по изучению истории французского утопического социализма он подвел в двух капитальных трудах: *Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке*. М., 1958; *Он же. Французский утопический коммунизм*. М., 1960; см. также: *Он же. Очерки по истории социализма*. 4-е изд. М., 1935; *Он же. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII века*/ Предисл. Б. Ф. Поршнева. М., 1975.

¹⁰ *Поршнев Б. Ф. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье*. — В кн.: *Из истории социально-политических идей; Он же. Мелье*. М., 1964.

¹¹ *Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке*. М., 1968; см. также: *Ям К. Е. Жан Мелье и французский атеизм XVIII в.* М., 1979.

¹² *Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке*, с. 295.

Еще в предреволюционные годы В. П. Волгин начал заниматься изучением Морелли и Мабли. В 1911 г. в «Книге для чтения по истории нового времени» он опубликовал статью «Общественные теории XVIII века», в которой уделил место анализу коммунистических идей обоих мыслителей¹³. В послереволюционный период В. П. Волгин неоднократно возвращался к Мабли и Морелли. Он издал впервые на русском языке «Кодекс природы» и избранные труды Мабли¹⁴. Особый интерес вызывал у него Морелли из-за того влияния, которое «Кодекс природы» оказал на формирование бабувистских идей. Исследования В. П. Волгина в этой области продолжили советские историки А. И. Казарин и С. С. Сафронов¹⁵.

В последние годы своей жизни В. П. Волгин заинтересовался социальными идеями бенедиктинского монаха Л.-М. Дешана¹⁶. Этот интерес вызван был, возможно, и положительными замечаниями об идеях Дешана в переписке Дени Дидро. В. П. Волгина всегда чрезвычайно занимал вопрос об отношении Дидро к идеям коммунизма.

Дешаном занимался и Б. Ф. Поршнев. Знакомясь в муниципальной библиотеке Пуатье и в замке Château des Ormes с рукописями Дешана, Б. Ф. Поршнев сумел восстановить историю проникновения произведений Дешана в Россию. Еще в 1907 г. эти рукописи в Пуатье изучались русской исследовательницей Е. Д. Зайцевой, снявшей копии с «Истинной системы». В 1929 г. вторично полная копия сочинений Дешана была сделана философом Нагиевым. Смерть помешала ему издать их, но в 1930 г. в Баку все же появилась первая, «метафизическая» часть «Истинной системы»¹⁷. Это произошло раньше, чем Ж. Тома

и Франко Вентури впервые опубликовали и «метафизическую» и «социальную» части рукописи, хотя все еще не целиком (1939 г.). Б. Ф. Поршнев и известный советский знаток Просвещения Л. С. Гордон, ныне тоже покойный, подготовили к печати полный текст «Истинной системы»¹⁸, который, таким образом, впервые увидел свет на русском языке.

Большое место в советских исследованиях занимают Бабеф и бабувизм (в 20-х годах в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса существовал даже кружок «Друзей Бабефа» под руководством А. Д. Удадьцова). Пионером и здесь явился В. П. Волгин. Уже в 1922 г. вышел в свет его ценный этюд «Идейное наследие бабувизма»¹⁹ и с того времени он неоднократно публиковал работы по этой теме. Недаром и свой завершающий труд «Французский утопический коммунизм» В. П. Волгин посвятил «двухсотлетию со дня рождения Гракха Бабефа, великого революционера-коммуниста». На Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (1928—1929 гг.) в секции всеобщей истории два доклада (Г. С. Зайделя и П. П. Щеголева) из шести были посвящены Бабефу и бабувизму. В 20—30-х годах появилось несколько работ о Бабефе (П. Щеголева, А. Пригожина, В. Зеймаля и др.).

В 1925—1930 гг. Д. Б. Рязанову удалось приобрести для Института К. Маркса и Ф. Энгельса весь рукописный архив Бабефа, собранный в свое время Поше-Дросшем и распроданный с аукциона в 1882 г. Разработка этого архива началась в 50-х годах. Оказалось, что в богатейшей коллекции Бабефа сохранилось много интереснейших документов, проливающих новый свет на Бабефа как мыслителя и революционера. Впервые, например, был обнаружен его проект, выработанный еще в 1785 г., о создании «коллективных ферм», позволявший в известной мере пересмотреть установившуюся оценку коммунизма Бабефа как чисто потребительского. Новые архивные данные впервые дали возможность во всех подробностях обрисовать роль Бабефа в движении против косвен-

¹³ См.: Дунаевский В. А., Поршнев Б. Ф. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963). — В кн.: История социалистических учений, т. 2.

¹⁴ Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М.; Л., 1947; Мабли Т. Избр. произведения. М.; Л., 1950. Учением Мабли еще в конце XIX в. занимался В. Герье, но этого очень умеренного по своим взглядам историка интересовали не социальные идеи Мабли, а его политические и моральные воззрения.

¹⁵ Казарин А. И. Мабли как гуманист и мыслитель. — Вопросы истории мировой культуры, 1961, № 2; Сафронов С. С. Исторические взгляды Мабли. — В кн.: Французский ежегодник, 1971. М., 1973.

¹⁶ Волгин В. П. «Истинная система» Дешана. — Вопросы истории, 1957, № 12; Он же. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке, с. 344—355.

¹⁷ Дешан Л.-М. Истина, или Достоверная система. Баку, 1930.

¹⁸ Дешан Л.-М. Истина или Истинная система. М., 1973; см. также: Поршнев Б. Ф. Мелье, Морелли, Дешан. — В кн.: Век Просвещения. М., 1970.

¹⁹ Волгин В. П. Идейное наследие бабувизма. — Вестник Соц. академии, 1922, № 1 (перепечатано в кн.: Волгин В. П. Очерки по истории социализма. М., 1923, 2-е изд., 1924; 3-е изд., 1926; 4-е изд., 1935).

ных налогов, в аграрном движении в первые годы революции, его деятельность в 1793 г., его связи с «classes salariales» и т. д.²⁰ 200-летие со дня рождения Бабефа и публикация новых материалов из московского архива содействовали значительному росту интереса к Бабефу. Не только в самой Франции²¹, но и за ее пределами, в ФРГ (Бергман), в Испании (Е. Тьерно-Гальван, Х. Сантамария), в Австралии (Р. Б. Роуз), в Японии (М. Шибата), появились исследования о Бабефе²². Однако интерпретация новых документов вызвала разногласия в среде и советских и французских историков. По мнению некоторых исследователей, уже в середине 80-х годов XVIII в. Бабеф стал убежденным сторонником общества «совершенного равенства», эти взгляды сложились у него под влиянием социально-экономической действительности. По мнению других историков, Бабеф вплоть до 1793—1794 гг. оставался только эгалитаристом, «аграрником», чьи коммунистические симпатии носили еще весьма неопределенный, чисто рационалистический характер. Спор этот продолжается, но несомненно, что работы советских исследователей содействовали значительному расширению сведений о Бабефе.

Советские историки интересовались и другими проявлениями социалистических и коммунистических идей в годы Великой французской буржуазной революции. С этой точки зрения изучалась — в значительной мере впервые — деятельность «Социального кружка» (В. С. Алексеев-Попов, А. Р. Иоаннисян и др.²³). В спорах по этому вопросу

постепенно установилась точка зрения, выдвинутая В. П. Волгиным. Руководители «Социального кружка», в частности Н. Бонвилль, не были, конечно, коммунистами и не эволюционировали в этом направлении. Тем не менее «Социальный кружок» был своеобразной лабораторией социальной мысли, и этим обусловлен интерес к нему со стороны П. Доливье и одно время Бабефа.

В работах Я. М. Захера и А. З. Манфреда исследовался и был решен в отрицательном смысле вопрос об отношении к социалистическим идеям у «бешеных» и Шометта.

Крупнейший вклад в изучение истории коммунистических идей в годы Великой французской революции внесли исследования А. Р. Иоаннисяна, ближайшего ученика В. П. Волгина. Начало им было положено еще в 1931 г. этюдом о Ретиф де ла Бретонне²⁴. А. Р. Иоаннисян много лет занимался изысканиями в парижских архивах, в результате опубликовал в 1966 г. превосходное исследование «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции». Книга эта — сплошная цепь находок и открытий. Автор обнаружил в архивных фондах целый ряд проектов, носивших как радикально-эгалитаристский и «общинный», так иногда и вполне ясно выраженный коммунистический характер (Борнье, Колмар, Шапюи, Дюкрюи, Жирар, Юпей, Греню, Сабаро, Леже и др.). Он открыл загадку, давно занимавшую исследователей Бабефа, — обнаружил автора «Предшественника полного изменения мира» Никола Колиньюна и восстановил его биографию. В разделе книги, посвященном Ретифу де ла Бретонну, впервые дана полная и последовательная характеристика его социальных идей. Наконец, в результате долгих поисков А. Р. Иоаннисян обнаружил богатый архивный фонд Буасселя, автора «Катехизиса человеческого рода». Глава, посвященная Буасселю, является по существу самостоятельной монографией, целиком основанной на впервые открытых материалах²⁵. В целом по сравнению с опубликованными в конце XIX в. работами А. Липштанберже о социалистических идеях в годы Вели-

²⁰ См.: Далин В. М. Грахх Бабеф накануне и в годы Великой французской революции (1785—1794). М., 1963 (фр. пер.: *Daline V. Gracchus Babeuf à la veille et pendant le Grande révolution française*. Moscou, 1976).

²¹ См. новейшую работу: Bruhat J. Gracchus Babeuf et les Egaux ou «Le premier parti communiste agissant». Paris, 1978.

²² Bergman K. H. Babeuf gleich und ungleich. Köln, 1965; Tierno Galvan E. Baboeuf y los Iguales. Madrid, 1967; Santamaria J. Los supuestos ideológicos de la Republica de los Iguales. — Boletín informativo de ciencia política, Madrid, 1971, N 7; Rose R. B. Gracchus Babeuf. The First Revolutionary Communist. London, 1978; Shibata M. The Plot of Babeuf. Iwanami. Tokyo, 1968. На яп. яз.

²³ Алексеев-Попов В. С. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования. — В кн.: Из истории социально-политических идей; Он же. «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г. — В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957;

Иоаннисян А. Р. Джон Освальд и «Социальный кружок». — Новая и новейшая история, 1962, № 3.

²⁴ Иоаннисян А. Р. Утопия Ретиф де ла Бретонна. — Изв. АН СССР, VII сер. Отд-ние обществ. наук, Л., 1931; Он же. Ретиф де ла Бретонн. — В кн.: Ретиф де ла Бретонн. Южное открытие... М., 1936.

²⁵ Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, с. 249—364.

кой французской революции²⁶ исследование А. Р. Иоаннисяна является крупнейшим шагом вперед, и нельзя не пожалеть, что оно до сих пор неизвестно французским историкам²⁷.

Великие французские утописты XIX в. Сен-Симон и Фурье постоянно привлекали к себе внимание советских историков. И в этих исследованиях первое место должно быть отведено работам В. П. Волгина. Уже в 1924 г. он опубликовал книгу «Сен-Симон и сенсимонизм»²⁸ и позднее неоднократно возвращался к данной теме. В его ранних трудах, а особенно в работах его учеников (И. С. Фендель, Г. С. Зайдель и др.) преобладала скорее отрицательная тенденция — Сен-Симон рассматривался как социалист «более чем сомнительный»²⁹.

Однако в позднейших исследованиях В. П. Волгина и других советских ученых эта оценка меняется. Во втором издании книги о Сен-Симоне В. П. Волгин писал, что Сен-Симону следует отвести «почетное место в истории социализма»³⁰. Такую же оценку дает Н. Е. Застенкер в работе, посвященной 200-летию Сен-Симона: «Нет основания видеть в социальной утопии Сен-Симона новое идеализированное царство буржуазии... Нет соответствия между утопической программой „промышленной системы“ Сен-Симона и подлинными взглядами и стремлениями буржуазии его времени, требовавшей неограниченной свободы промышленного предпринимательства». Вывод, что «в своем глубинном течении мысли Сен-Симона направлялись к социалистической цели», представляется «совершенно бесспорным»³¹. О таком понимании сенсимонизма говорит и недавно обнаруженная советскими историками пометка К. Маркса на одной из книг Анфантена: «Таков

секрет сенсимонизма! Промышленный капиталист — это работник. Работник ручного труда»³².

Эта точка зрения нашла свое дальнейшее развитие в новейшем наиболее значительном исследовании на эту тему Г. С. Кучеренко, использовавшего архивные фонды Анфантена, Эйхтала и др. в парижской библиотеке Арсенала, сенсимонистские фонды в Национальной библиотеке и т. д. Он пришел к основному выводу, что «учение Сен-Симона неотделимо от критически-утопического социализма»³³. В книге дан подробный анализ взглядов Базара и Анфантена, выявлены те новые моменты, которые они внесли в критически-утопический социализм Сен-Симона, и те стороны их взглядов, где они выступали не как ученики и продолжатели своего учителя, а, скорее, как его неудачные эпигоны. В книге дан очень обстоятельный обзор всей новейшей литературы о Сен-Симоне и сенсимонизме.

Значительные достижения у советской исторической науки имеются в изучении идейного наследия Фурье (В. П. Волгин, А. Р. Иоаннисян, И. И. Зильберфарб и др.). Остановимся на работах одного из наиболее преданных энтузиастов исследования истории социалистических идей, И. И. Зильберфарба. Изучению трудов Фурье он посвятил несколько десятилетий упорного труда. Начав с истории педагогических идей великих утопистов, в том числе Фурье, он впоследствии сосредоточился на его социальных идеях. Итогом многолетних изысканий явился выпущенный в 1964 г. капитальный труд «Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века» — одно из наиболее серьезных исследований социального учения Фурье во всей мировой литературе. Книга И. И. Зильберфарба по сравнению со считавшимися классическими работами Ю. Буржена³⁴ является заметным шагом вперед. Помимо тщательного анализа «социальной философии» Фурье, в книге дан очерк истории распространения учения Фурье в первой половине XIX в., по своей полноте превосходя-

²⁶ Lichtenberger A. Le socialisme au XVIII siècle. Paris, 1895; *Idem*. Le socialisme et la Révolution française. Paris, 1899.

²⁷ В книге А. Р. Иоаннисяна и в ряде других работ советских исследователей (Х. П. Момдияна, Г. С. Кучеренко и др.) нашли свое освещение и взгляды С. Марешаля.

²⁸ Третье, переработанное издание этой книги вышло в 1961 г.
²⁹ Фендель И. С. Ранний пророк организованного капитализма. — Под знаменем марксизма, 1925, № 5, 6; см. также: Фридлянд Г. А. де Сен-Симон — идеолог индустриализма. — Под знаменем марксизма, 1923, № 10.

³⁰ Волгин В. П. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961, с. 83.

³¹ Застенкер Н. Е. Анри де Сен-Симон. — В кн.: История социалистических учений. М., 1962, т. 1, с. 220—223.

³² «C'est le secret du saint-simonisme! Le Capitaliste Industriel c'est le Travailleur; le travailleur manuel» (Маркс-историк. М., 1968, с. 614).

³³ Кучеренко Г. С. Сенсимонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975, с. 315.

³⁴ Bourgin H. Fourier. Contribution à l'étude du socialisme français. Paris, 1905.

ший все, что было сделано предшествовавшими исследователями. В третьей части книги, скромно озаглавленной «Приложения», дана систематизированная история публикаций произведений Фурье, пространная историографический обзор и библиография. Она включает около тысячи названий, не имеет себе равной во всей литературе о Фурье и является образцом научной добросовестности.

Книга И. И. Зильберфарба, при всех ее неоспоримых достоинствах, вызвала, однако, некоторые возражения. Автор считал, что общесоциологические воззрения Фурье, присущие ему фантастика и мистика являлись только «литературным и пропагандистским приемом», «рекламно-пропагандистской экстравагантностью», что вся своеобразная метафизика Фурье была им сочинена для прикрытия социальной концепции³⁵. С этим положением расходился В. П. Волгин, посвятивший социологическим взглядам Фурье подробный и весьма содержательный этюд, показавший, какое огромное место эти идеи занимают в мировоззрении Фурье и насколько неразрывно связаны они с его «социальной философией»³⁶. Большие разногласия существуют и по вопросу о степени влияния фурьеристских идей в России³⁷.

Выразители всех оттенков социалистической мысли во Франции 20—40-х годов XIX в. (прежде всего сенсимонисты), даже такие сравнительно второстепенные теоретики, как Пьер Леру или Пеккер, находили своих исследователей в советской науке начиная с В. П. Волгина³⁸. Особый интерес вызывали представители наиболее левого течения — «необабувизма»: Т. Дезами, Ж.-Ж. Пийо, Р. Лаотьер и др. Пионером в этих исследованиях явился

Г. С. Зайдель, еще в 20-х годах опубликовавший ряд статей, в которых он попытался определить идеологию «необабувизма» и его роль во французском рабочем движении³⁹. В 40—50-х годах эта тема привлекла особое внимание В. П. Волгина, который в 1958 г. (ему было тогда 79 лет!) во время своей последней поездки в Париж тщательно разыскивал материалы о «необабувистской» прессе. Почти две трети последнего капитального труда В. П. Волгина «Французский утопический коммунизм» посвящены коммунистической прессе 30—40-х годов XIX в. и таким наиболее выдающимся теоретикам утопического коммунизма, как Дезами и Пийо. В серии «Предшественники научного коммунизма»⁴⁰ им были изданы «Кодекс общности» Дезами (причем опубликованы были и замечания К. Маркса на полях книги Дезами) и избранные произведения Пийо.

Огюст Бланки и оценка его идей, вопрос о взаимоотношении марксизма и бланкизма вызвали ожесточенную полемику в первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции⁴¹. Тогда же выступил исследователь биографии Бланки, преждевременно скончавшийся С. М. Красный, использовавший рукописный фонд Бланки в парижской Национальной библиотеке. Еще в 1927 г. С. М. Красный первый опубликовал полностью «Инструкцию к вооруженному восстанию», остававшуюся тогда еще неизвестной французским читателям⁴². Уже посмертно была опубликована статья С. М. Красного⁴³, в которой он дает Бланки чрезвычайно высокую оценку. Это вызвало возражения со стороны Е. С. Николаева⁴⁴. Наиболее полную и аргументированную оценку

³⁵ Зильберфарб И. И. Указ. соч., с. 17, 82—83.

³⁶ Волгин В. П. Социологические взгляды Фурье. — В кн.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1929, т. IV; см. также: Иоаннисян А. Р. Генезис общественного идеала Фурье. М.; Л., 1939; Он же. Шарль Фурье. М., 1958.

³⁷ См.: Семевский В. И. М. В. Бутаевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922; Лейкина-Свиридая В. Р. Утопический социализм петрашевцев. — В кн.: История социалистических учений, т. 2.

³⁸ «Изложение учения Сен-Симона» (в переводе Э. А. Желубовской и с вводной статьей В. П. Волгина) переиздавалось дважды (в 1947 и 1961 гг.). О П. Леру и Пеккёре см. Волгин В. П. Пьер Леру — один из эпигонов сенсимонизма. — В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений; Он же. Пеккер. — Исторические записки. М., 1948, т. 25; Он же. Пеккер после 1848 г. — Вопросы истории, 1948, № 4.

³⁹ Зайдель Г. Теодор Дезами. — Под знаменем марксизма, 1924, № 3; Он же. Жан-Жак Пийо и революционный коммунизм 40-х годов во Франции. — В кн.: Проблемы марксизма. Л., 1928.

⁴⁰ В этой же серии было опубликовано и «Путешествие в Икарию» Э. Кабе, которого как теоретика В. П. Волгин считал очень невысоко: «Кабе — неоригинальный мыслитель... Ему не удалось внести в теорию коммунизма ничего существенно нового» (Волгин В. П. Французский утопический коммунизм, с. 238).

⁴¹ См., например: Печать и революция, 1923, № 5, 7.

⁴² Историк-марксист, 1927, т. III.

⁴³ Красный С. М. Эволюция социально-политических воззрений Бланки. — Историк-марксист, 1930, т. XX.

⁴⁴ Николаев Е. С. Бланкисты и Рабочая партия (1879—1881 гг.). — В кн.: Социалистическое движение во Франции: Сб. статей/Под ред. Н. М. Лукина. М., 1934.

идей Бланки дал В. П. Волгин в вводной статье к Избранным произведениям Бланки ⁴⁵.

П.-Ж. Прудон и его идеи не могли не привлечь к себе внимания советских историков. Правда, это, кажется, единственный из французских мыслителей XIX в., которому В. П. Волгин не посвятил специального исследования, как и не включил его произведения в серию «Предшественники научного социализма». Вероятно, это объясняется тем, что В. П. Волгин не относил Прудона к числу социалистических мыслителей. Но Прудон, в какой-то мере оказавший влияние на А. И. Герцена и русских народников 70—80-х годов, в течение многих лет занимался ученик В. П. Волгина Н. Е. Застенкер ⁴⁶. О его глубоком знании трудов Прудона, тщательном анализе всех сложных и противоречивых извилих его политической и социальной мысли лучше всего свидетельствует серьезная работа Н. Е. Застенкера «Прудон и февральская революция 1848 г.» ⁴⁷.

Развитие социалистической мысли во Франции в эпоху Второй империи, судьбы прудонизма и бланкизма в 50—60-х годах были тщательно изучены на основании архивного материала, хранящегося в Институте марксизма-ленинизма, Э. А. Желубовской в ее ценной монографии «Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции» (М., 1956). Ею начата была также работа над монографией об Огюсте Вермореле и общественно-политической борьбе во Франции в 60-х годах, собран обширный материал из французских архивов, но завершить эту монографию ей не пришлось ⁴⁸.

Замечательная фигура Э. Варлена, игравшего большую роль в развитии французского социалистического движения 60-х годов, давно уже привлекала к себе внимание

советских историков. К сожалению, остались неопубликованными исследования Е. И. Окуловой. К столетию Коммуны о Варлене была опубликована интересная работа Н. Н. Молчанова ⁴⁹.

Внимательно изучая все оттенки в развитии французской социалистической мысли во Франции, советские историки особенно много внимания уделяли развитию массового рабочего движения, росту пролетарского классового сознания, первым проявлениям и постепенному усилению связей между социализмом и движением пролетариата. С этой точки зрения Е. В. Тарле изучал первые шаги рабочего движения в XIX в. в связи с появлением машинного производства ⁵⁰. Лионские восстания 30-х годов были предметом исследований Ф. В. Потемкина ⁵¹, а революция 1848 г. и июньское восстание являлись темой изучения А. И. Молока ⁵². Особенно тщательно под этим углом зрения исследовалось рабочее и социалистическое движение в годы Второй империи, развитие французских секций I Интернационала (Н. М. Лукин, Э. А. Желубовская, И. А. Бах и др.) ⁵³. Парижская Коммуна изучалась советскими историками во всех аспектах, но их особое внимание привлекали движение парижского пролетариата, роль французских социалистов и степень их влияния в рабочих массах, идеологическая борьба в Совете Коммуны (труды Н. М. Лукина, А. И. Молока, О. Л. Вайнштейна, С. Б. Кана, Э. А. Желубовской, А. З. Манфреда, Я. И. Дразниаса, Н. Н. Молчанова) ⁵⁴.

Изучение истории французского социализма в годы III Республики началось в конце 20-х годов. Большую роль

⁴⁵ Бланки Л. О. Избр. произведения. М., 1952.

⁴⁶ Застенкер Н. Е. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом манифесте». — В кн.: Из истории социально-политических идей; Он же. Прудон и бонапартистский переворот 2 декабря 1851 г. — Исторический журнал, 1944, № 11, 12.

⁴⁷ См.: Французский ежегодник, 1960. М., 1961; см. также посмертно опубликованную статью: Застенкер Н. Е. Прудон и его проект «Банка обмена». — В кн.: Французский ежегодник, 1978. М., 1980; о Прудоне в революции 1848 г. см. также: Смирин М. М. Прудон в 1848—1849 гг. — Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. К. Либкнехта, 1937, т. II. Сер. ист. наук, вып. 1.

⁴⁸ Желубовская Э. А. Огюст Верморель. — В кн.: Французский ежегодник, 1970. М., 1972; см. также нашу статью «Новое о коммунаре Вермореле». — Новая и новейшая история, 1977, № 1, 2.

⁴⁹ Молчанов Н. Н. Шарль Делеклюз. Эжен Варлен. М., 1971.

⁵⁰ Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928.

⁵¹ Потемкин Ф. В. Лионские восстания. М., 1937; Он же. Массовые движения со времени лионских восстаний до революции 1848 г. — Учен. зап. по новой и новейшей истории, 1955, вып. 1; Он же. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 1, 2.

⁵² Молок А. И. Июньские дни в Париже. М., 1948; см. также: Революция 1848—1849 гг. М., 1952. Т. 1, 2.

⁵³ Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1962, т. II; Желубовская Э. А. Крушение Второй империи; Бах И. А. Интернационал во Франции. — В кн.: Первый Интернационал. М., 1964, т. 1.

⁵⁴ Подробный историографический и библиографический обзор см. в кн.: Парижская Коммуна 1871 г./ Под ред. Э. А. Желубовской, А. З. Манфреда, А. И. Молока и Ф. В. Потемкина. М., 1961, т. 2; см. также: История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1971.

сыграл в этом Н. М. Лукин. Будучи крупнейшим знатоком истории Великой французской буржуазной революции и Парижской Коммуны, он считал, что уже пришло время для исследования более поздних периодов истории социалистического движения во Франции. Н. М. Лукин создал в 1928—1929 гг. семинар по истории социализма во Франции после Коммуны. Семинар этот сыграл большую роль — из его среды вышли видные советские специалисты по истории французского социализма А. З. Манфред, Э. А. Желубовская, С. С. Бантке, Е. С. Николаев и др. Был опубликован под редакцией Н. М. Лукина и с его большим предисловием том трудов этого семинара «Социалистическое движение во Франции». Три статьи этого сборника относились к последней трети XIX в.: работа уже упомянувшего Е. С. Николаева о бланкистах и Рабочей партии (1879—1881), Э. А. Желубовской — о зарождении французского поппулизма и Т. В. Милицыной — об аллеманистах. Две другие статьи относились к проблемам истории французского социализма в XX в. Сборник этот был первым серьезным научным вкладом советских исследователей в изучение истории французского социализма после Коммуны⁵⁵.

Большая часть дальнейших исследований была посвящена истории Рабочей партии, особенно на ее ранней стадии, и Жану Жоресу. Изучению раннего гедизма содействовало то обстоятельство, что в Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма собрано много ценных документов, относящихся по преимуществу к 70—90-м годам XIX в., в том числе первое письмо Жюль Гед К. Марксу (1879), переписка между Гедом и Полем Лафаргом в 1879—1882 гг., между Лафаргом и Бенуа Маломом, документы, связанные с выработкой первой программы Рабочей партии, переписка французских социалистов с Ф. Энгельсом (в том числе письма одного из виднейших гедистов, Шарля Бонье). Эти документы послужили основой для ряда публикаций, сообщений и статей, освещающих начальный период истории Рабочей партии⁵⁶.

⁵⁵ Социалистическое движение во Франции/Под ред. Н. М. Лукина. М., 1934. О работе семинара Н. М. Лукина см.: *Манфред А. З.* С. С. Бантке. — В кн.: Памяти С. С. Бантке. Кишинев, 1970.

⁵⁶ См.: Переписка деятелей французского рабочего движения (Гед, Лафарга, Малона). — В кн.: Французский ежегодник, 1962. М., 1963; *Чернуха З. В.* Маркс, Энгельс и программа Рабочей партии

В значительной мере на этих материалах была написана монография И. Д. Белкина о Гед и возникновении Рабочей партии⁵⁷.

Особый интерес в СССР вызывали Лафарг и его деятельность. Еще во второй половине 20-х годов под редакцией Д. Б. Рязанова было издано трехтомное собрание сочинений Лафарга — до сих пор единственное в мировой литературе⁵⁸. В журнале «Летописи марксизма» И. К. Луппол опубликовал письма Лафарга к русскому экономисту-народнику Н. Даниельсону (Николай-ону), оставшиеся до сих пор неизвестными французским читателям. Изучалась теоретическая деятельность Лафарга⁵⁹. По новым документам была исследована деятельность Лафарга в Париже и Бордо в период I Интернационала⁶⁰. На основании хранящейся в ЦПА ИМЛ переписки Лафарга с Вильгельмом Либкнехтом, Густавом Делори и другими были выяснены те принципиальные разногласия, которые существовали между Гедом и Лафаргом во время дела Дрейфуса (Лафарг был против тактики «скрещенных рук» и в ряде вопросов — до «казуса Мильерана» — был согласен скорее с Жоресом, чем с Гедом). Эти разногласия вновь обострились в Объединенной социалистической партии, когда Лафарг не соглашался с Гедом в вопросе об антимилитаризме и отношении к синдикализму. Выводы этих исследований совпали с точкой зрения видного французского историка гедизма К. Виллара⁶¹, хотя

Франции. — В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963; *Артемьева Т. Л.* Проект манифеста Французской рабочей партии. — В кн.: Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения. М., 1970.

⁵⁷ *Белкин И. Д.* Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции. М., 1952. Эти документы использованы также в посвященных Франции разделах капитального труда, вышедшего под редакцией Л. И. Зубока: История II Интернационала. М., 1965—1966. Т. 1, 2.

⁵⁸ *Лафарг П.* Соч./Под ред. Д. Б. Рязанова. М., 1925—1931. Т. 1—3.

⁵⁹ См.: *Момджян Ф. И.* Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954; *Он же.* Поль Лафарг и философия марксизма. М., 1978.

⁶⁰ *Баз И. А.* Адресная книжка Поля и Лауры Лафарг за 1868—1870 гг. — В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., 1966; *Новикова Г. П.* Бордоская секция I Интернационала во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны. — Новая и новейшая история, 1961, № 2.

⁶¹ *Willard C.* Les guesdistes. Le mouvement socialiste en France (1893—1903). Paris, 1965 (рус. пер.: *Виллар К.* Социалистиче-

авторы и пользовались различными архивными фондами⁶².

При исследовании судеб гедизма в начале XX в. советские историки исходили из высказывания В. И. Ленина, внимательно следившего за положением во французской социалистической партии. «...Не умирало ли у всех на глазах, — писал В. И. Ленин в 1915 г., — направление Гада в образцово безжизненном, бездарном, не способном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гедистском журнале „Социализм“?»⁶³. Эта оценка В. И. Ленина явилась основополагающей для конкретных исследований (в частности, тактики гедистов в синдикатах и в их цитадели — департаменте Севера)⁶⁴, но она не относилась к Лафаргу.

Исследованиям советских ученых по истории французского социалистического движения мешали в 30—40-х годах некоторые черты догматизма и сектантства. В особенности это проявилось в работах о Жане Жоресе, в которых преобладали чисто негативные оценки. Жорес изображался только как реформист⁶⁵. Большая заслуга в исправлении этой односторонности принадлежит А. З. Манфреду. В статье, написанной в 1944 г. к 30-летию со дня убийства Жореса, прочитанной и одобренной М. Торезом, и в ряде более поздних работ А. З. Манфред обрисовал совершенно своеобразную эволюцию Жореса⁶⁶: в то время как подавляющее большинство французских политических и социалистических деятелей эволюционировало слева направо (достаточно напомнить Ж. Клемансо, А. Бриана, Г. Эрве), эволюция Жореса шла в совершенно противоположном направлении. Не затушевывая реформистских ошибок Жореса (особенно в начале XX в.), А. З. Манфред ярко показал все его крупнейшие заслуги в борьбе против реакции и военной опасности в последние предвоенные десяти-

летия. Эта точка зрения стала преобладающей в советской литературе. Она отражена и в последней советской работе о Жоресе — в книге Н. И. Молчанова⁶⁷.

Проблемы аграрной политики французской социалистической партии освещались в работах советских исследователей (Ю. Г. Трунский, Ю. И. Хаинсон). В работах Ю. Г. Трунского подвергнуты тщательному анализу не только чисто экономические процессы, но и проблемы социальной политики, в частности позиции коммунистической и социалистической партий в аграрном вопросе⁶⁸.

Социалистическое движение в последнее предвоенное десятилетие изучалось рядом советских историков, в том числе ныне покойной А. А. Трембицкой, много лет исследовавшей соответствующие фонды в ЦПА ИМЛ и в Амстердаме⁶⁹. Заслуживают внимания статьи Б. Л. Вульфсона о стачечной и антимилитаристской борьбе французского рабочего класса, в частности в связи с законом о трехлетней военной службе⁷⁰. Следует, однако, отметить, что марксистско-ленинской монографии, охватывающей всю историю Объединенной социалистической партии и основанной на французских архивах (ставших сейчас доступными для исследователей, поскольку истек 50-летний срок, в течение которых допуск к ним был закрыт), у нас пока еще нет.

Сложные проблемы истории французского синдикализма изучались советскими историками начиная с 20-х годов. Первым очерком истории синдикализма во Франции яви-

⁶⁷ Молчанов Н. И. Жан Жорес. М., 1969.

⁶⁸ Трунский Ю. Г. Позиция французских социалистов в крестьянском вопросе. — Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1956, вып. II, ч. 2; *Он же*. Крестьянские движения во Франции в конце XIX в. и французские социалисты. — Учен. зап. по новой и новейшей истории, 1957, вып. III; *Он же*. Основные тенденции экономической эволюции французской деревни (1862—1962). — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Казань, 1969, сб. 2; Хаинсон Ю. И. Революционное выступление французских виноградарей в 1907 году. — Новая и новейшая история, 1957, № 3.

⁶⁹ Трембицкая А. А. К вопросу о кризисе Объединенной социалистической партии во Франции накануне первой мировой войны (1910—1914 гг.). — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1957, т. 109, вып. 6; *Она же*. Социалистическое движение во Франции в 1899—1917 гг. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1964, т. 220.

⁷⁰ Вульфсон Б. Л. Из истории забастовочного движения во Франции (1911—1913 гг.). — Учен. зап. Иркут. пед. ин-та, 1958, вып. XVI; *Он же*. Из истории забастовочного движения во Франции накануне первой мировой войны. — В кн.: Французский ежегодник, 1961. М., 1962.

ское движение во Франции 1893—1905 (гедисты)/ Под ред. А. З. Манфреда. М., 1969).

⁶² Далин В. М. Было ли гедистское направление единым? — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 244.

⁶⁴ Далин В. М. Гедисты и синдикаты Севера. — Историк-марксист, 1933, № 3; *Он же*. Старый синдикат Бали. — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи.

⁶⁵ См. особенно: Богомольный Я. О Жоресе и жоресизме. Л., 1931.

⁶⁶ Манфред А. З. Жан Жорес — борец против реакции и войны. — В кн.: Манфред А. З. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961.

лась работа Г. С. Зайделя⁷¹. В ней большое место отведено идеологии синдикализма, причем автор склонен был расценивать Жоржа Сореля как одного из его основных идеологов. Эта точка зрения не получила поддержки в дальнейших исследованиях. Плодотворным представляется наметившееся позднее стремление к рассмотрению развития французского синдикализма в XX в. «снизу», в теснейшей связи с массовым рабочим, в особенности стачечным, движением. Совершенно очевидно, что подъем синдикализма и его предвоенный кризис стояли в прямой связи с успехами и особенно с поражениями в стачечной борьбе начиная с 1908 г. (Вильнев-Сен-Жорж, почтовики, железнодорожники)⁷². Такой подход к истории синдикализма, примененный советскими исследователями еще в 30-х годах, соответствует указаниям В. И. Ленина и используется советскими и некоторыми зарубежными исследователями французского синдикализма (Р. Трампе, М. Перро). Резкая критика идеологии и тактики анархо-синдикализма не мешала В. И. Ленину видеть в движении «живую струйку» и «с особенной похвалой,— по свидетельству Х. Раппопорта,— отзываться, например, о тогдашнем революционном синдикалисте Мерргейме»⁷³. Личный фонд Мерргейма, приобретенный Институтом марксизма-ленинизма вскоре после его смерти, был изучен советскими исследователями в 60-х годах и оказался ценным источником для истории французского синдикализма и борьбы течений в нем как до войны (конфликт Гриффюэля с «La Vie ouvrière»), так и в первые годы войны⁷⁴. Важным источником для истории синдикализма оказалась также переписка Дикеймса Гильома с П. А. Кропоткиным, сохранившаяся в архиве Кропоткина⁷⁵.

Таковы некоторые итоги изучения в СССР истории французского социализма XVIII — начала XX в. В рамках этого краткого обзора мы имели возможность упомянуть только некоторые наиболее существенные работы и затронуть лишь часть проблем, привлечших внимание советских историков.

⁷¹ Книга для чтения по истории нового времени. Харьков, 1930. Т. 3.

⁷² Далин В. М. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М., 1935.

⁷³ Раппопорт Х. Из воспоминаний. М., 1931, с. 119, 123.

⁷⁴ Далин В. М. А. Мерргейм и его «Конфиденциальная переписка». — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи.

⁷⁵ См.: Французский ежегодник, 1971. М., 1973.

Некоторые тематически связанные материалы

В.П.Волгин (работы о нем и тексты его трудов)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#volg>

См. также материалы о Г.С.Кучеренко

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kuch>

и А.Р.Иоаннисяне

[Http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns)

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор Б.Г. ВЕБЕР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965–1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт» А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Французская историческая наука, историческая мысль на протяжении почти всего XIX в. занимала передовые позиции в развитии мировой исторической науки. Достаточно назвать имена ее крупнейших представителей: О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, А. Токвиля, Фюстеля де Куланжа, оказавших такое большое влияние на мировую науку. Однако в 80–90-е годы стало заметно какое-то замедление в ее развитии. Правда, и здесь можно назвать значительные имена — А. Сореля, А. Олара, А. Вандаля, Э. Лависса, Ш. Сеньобоса и др., но все это представители чисто политической или дипломатической истории. «Удовлетворенная своими успехами, гордясь своими завоеваниями,— писал Люсьен Февр, один из самых страстных борцов за обновление французской истории в XX в.,— история как бы засыпала... Она остановилась в своем развитии. Она пересказывала, повторялась; она больше не творила... Возникало горькое чувство, что заниматься историей, читать исторические книги означает тратить время попусту»¹.

Вероятно, Люсьен Февр был чрезмерно резок в своих суждениях, но совершенно очевиден факт, что к концу столетия с разных сторон во французскую историческую науку врывались новые веяния, что споры об ее обновлении принимали ожесточенный характер. В 1894 г. появилась работа Поля Лакомба «Об истории как науке»². И Ж. Лефевр, и Э. Лабрусс — крупнейшие французские историки XX в.— совершенно единодушны в высокой

* В этой по необходимости краткой обзорной статье мы не имеем возможности остановиться на ряде существенных явлений и ограничиваемся только освещением некоторых тенденций развития исторической мысли во Франции XX в. в основном в связи с возникновением и эволюцией школы «Анналов».

¹ *Febvre L.* Les combats pour l'histoire. Paris, 1953, p. 24–25.

² *Lacombe P.* De l'histoire considérée comme science. Paris, 1894.

оценке этой книги³, подчеркивавшей необходимость поиска новых путей для превращения истории в подлинную науку. П. Лакомб явился активным единомышленником Анри Берра (1863—1954), создателя теории и движения за «исторический синтез»⁴. Именно А. Берру принадлежал ставший впоследствии широко распространенным иронический эпитет «историзирующая история» (*histoire historisante*), выдвинутый им в дискуссии с Л. Альфаном в 1911 г. против тех, кто, по его мнению, основной задачей истории считал собирание единичных, никогда не повторяющихся фактов. Философ по специальности, автор вышедшей еще в 1899 г. книги «Будущее философии. Эскиз синтеза понятия, основанного на истории»⁵, А. Берр с 1900 г. начал издание журнала «*Revue de synthèse historique*» и создал позднее Центр исторического синтеза. В той или иной мере в движении «за синтез» принимали участие Поль Лакомб, Анри Озе (Hauser), Франсуа Симиан, из более молодых историков — П. Манту, Люсьен Февр, позднее Марк Блок.

Именно на страницах «*Revue de synthèse*» в 1903 г. происходил резкий спор между тогда еще молодым социологом, впоследствии экономистом, оказавшим позднее

большое влияние на французскую историческую науку, Ф. Симианом⁶ и будущим историком промышленной революции в Англии П. Манту. Точку зрения Симиана Ж. Лефевр излагал так: «Он (Симиан. — В. Д.) предлагал свести историю к социологии и для этого отказаться от традиционных рамок хронологической истории, изучаемой по столетиям или по царствованиям, свести ее к изучению проблем и таким образом прийти к определению постоянно действующих факторов (*constantes*), не придавая большого значения событиям, фактам, которые происходят только один раз, рассказу, биографии»⁷. П. Манту в своей статье «История и социология» отстаивал необходимость сохранения описательной истории, хронологии, что вовсе не означает отрицания возможности выявления общих, характерных черт эпохи.

Этот спор между социологами и историками вокруг сохранения «событийной истории», как мы увидим, возобновился с еще большим ожесточением к середине XX в., и А. Берр, принадлежавший к числу его инициаторов, бесспорно повлиял на развитие французской исторической мысли. Философ, и притом философ-идеалист, Берр, не будучи историком, стремился по существу только к культурному синтезу, экономике он придавал второстепенное значение (как и глава французской социологической школы Эмиль Дюркгейм, о котором говорили, что он интересуется «всеми, кроме экономики»). Не следует поэтому преувеличивать его роль, но Фернан Бродель был прав, когда утверждал, что между «*Revue de synthèse historique*» 1900 г. и «*Анналами*» 1929 г. — журналом, о котором нам придется еще много говорить, существовала определенная идейно-генеалогическая связь⁸.

С 1920 г. Анри Берр начал издание серии «Эволюция человечества» («*L'Évolution de l'humanité*»). До конца его жизни вышло 80 томов этой серии, каждый из которых он сопровождал своим предисловием⁹. Именно в этой се-

³ «Поль Лакомб, — писал о нем Э. Лабрусс, — философ, историк, социолог, подлинный классик, которого всегда читали, но все еще недостаточно оценили» (*Labrousse E. Le socialisme et la Révolution française. — In: Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française. Paris, 1968, vol. 1, p. 15*). Ж. Лефевр подчеркивал, что «книга Лакомба, преисполненная глубочайшими мыслями, должна быть в руках каждого, кто предан истории в нашей стране» (*Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française. 2e éd. Paris, 1963, p. 28*; см. также: *Idem. La naissance de l'historiographie moderne. Paris, 1971, p. 302*). «П. Лакомб — историк высшего класса», — характеризует его Ф. Бродель (*Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris, 1969, p. 75*). Одним из предшественников Лакомба Ж. Лефевр считал известного французского математика Курно, автора вышедшей в 1872 г. книги «*Considérations sur la marche des idées et des événements*» (*Lefebvre G. La naissance de l'historiographie..., p. 323*).

⁴ Об Анри Берре и его роли в развитии французской исторической мысли см.: *Febvre L. Hommage à Henri Berr. De la Revue de synthèse aux Annales. — In: Febvre L. Les combats pour l'histoire; Braudel F. Personal Testimony. — Journal of Modern History, Chicago, 1972, N 4*; *Таран Л. Теория «исторического синтеза» Анри Берра. — В кн.: Французский ежегодник, 1968. М., 1970*; *Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1955, гл. 8*.

⁵ *Berr H. L'avenir de la philosophie. Esquisse d'une synthèse de connaissance, fondée sur l'histoire. Paris, 1899.*

⁶ *Simiand F. Méthode historique et science sociale. Etude critique d'après les ouvrages récents de M. Lacombe et de M. Seignobos. — Revue de synthèse historique, 1903, p. 1—22, 129—157* (непечатаемая в: *Annales, 1960, N 1*).

⁷ *Lefebvre G. La naissance de l'historiographie..., p. 302.*

⁸ *Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 55.*

⁹ Они были им позднее изданы в двух томах: *Berr H. En marge de l'histoire universelle. Paris, 1934—1953. Vol. I, II. О серии А. Берра Ж. Лефевр высказал довольно скептическое суждение. Он считал, что Берру совершенно не удалась задача осуществления*

рии Люсьен Февр опубликовал в 1922 г. свою известную книгу «Земля и эволюция человечества. Географическое введение в историю»¹⁰, а Марк Блок — уже позднее, в 30-х годах, — два тома своего ценного труда «Феодальное общество».

На развитие французской исторической мысли известное влияние оказывала и социологическая школа Эмиля Дюркгейма, издававшего с 1897 г. «*Année sociologique*», в котором задаче изучения «единичного, неповторяющегося факта» противопоставлялось как раз стремление к изучению социальных детерминант, определяющих все общественное развитие. К школе Дюркгейма примыкали выдающиеся социологи, экономисты, лингвисты, такие, как Мосс, тот же Симьян, Гальбвакс, Мейе, Соссюр, Леви-Брюль и др. Влияние Дюркгейма испытал на себе в молодые годы выдающийся историк французской революции Альбер Матъез, что отразилось в его докторской диссертации о «Теофилаптропии»¹¹, хотя позднее Матъез совершенно уничижительно отзывался о роли социологии.

Л. Февр, Ф. Бродель, П. Вилар единодушно подчеркивают влияние, оказанное на «обновление» французской исторической науки такими виднейшими представителями географии, как Видадь де Лаблаш, и более молодыми блестящими географами — Альбером Деманжоном, уже в 1905 г. издавшим свой прекрасный труд о Пикардии, и Жюлем Сионом, автором «Крестьян Нормандии».

Было бы, однако, совершенно неправильным не видеть и недооценивать другие факторы, вызвавшие поворот в развитии исторической науки во Франции. Их очень точно и правильно определил виднейший французский историк первой половины XX в. Жорж Лефевр: «Развитие капитализма, с одной стороны, социальная критика — с другой, а в особенности деятельность Маркса привели к тому, то историки должны были уделить экономическим и со-

циальным явлениям то внимание, о котором они раньше особенно не заботились»¹².

Во французскую историографию стало просачиваться влияние марксизма, и прежде всего в этом направлении действовал четырехтомник Жана Жореса (хотя он и не был последовательным марксистом) «Социалистическая история французской революции», начавшая выходить в 1900 г. Об этом чрезвычайно тепло и искренне сказал Люсьен Февр в 1953 г. в предисловии к своему сборнику «Битвы за историю». Перечисляя своих первых учителей Э. Реклю, Я. Бургкардта, Стендаля, он напомнил о «социалистической истории Жана Жореса, преисполненной экономической и социальной интуицией». В другой своей статье в том же сборнике Февр указывал, что «экономический аспект истории» был впервые раскрыт для него Жоресом в его «Социалистической истории», которую он «в 20 лет поглощал со всей страстью»¹³.

Жорж Лефевр еще более настойчиво подчеркивал огромное влияние, оказанное на него «Социалистической историей» Жореса: «Я видел и слышал Жореса, — писал он в своей историографической заметке «*Pro domo sua*», — всего один или два раза, затерявшись в толпе. Но, если захотят узнать, что мой учитель, я укажу только его одного»¹⁴. Когда по инициативе Жореса была создана комиссия для собрания материалов по экономической истории революции, Жорж Лефевр (тогда еще преподаватель лицей в Лилле) стал одним из корреспондентов этой комиссии и в этом качестве еще в 1914 г. издал сборник документов о продовольственной политике в департаменте Берг. Жорес и известный русский исследователь аграрных отношений во Франции XVIII в. И. В. Лучинский, по собственному признанию Лефевра, дали ему толчок к выбору темы его докторской диссертации «Крестьяне Севера во время революции», опубликованной им только в 1924 г., после почти 20-летних изысканий. Кстати сказать, тем представителям французской историографии, которые считают, что «подлинная» историческая наука возникла во Франции только в 1929—1932 гг., когда началось применение мате-

«всеобщего исторического синтеза»: «Каждый том сам по себе характеризует период, страну, стремится определить основные черты. Но это только частичный синтез: сравнение между периодами, между странами полностью не проведено, и нет единой идеи всеобщей эволюции человечества» (*Lefebvre G. La naissance de l'historiographie...*, p. 303).

¹⁰ *Febvre L. La terre et l'évolution humaine: Introduction géographique à l'histoire*. Paris, 1922.

¹¹ *Mathiez A. La Théophilantropie et le culte décadaire*. Paris, 1904.

¹² *Lefebvre G. Avenir de l'histoire*. — In: *Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française*. 2e éd. Paris, 1963, p. 26.

¹³ *Febvre L. Les combats pour l'histoire*, p. VI, 345.

¹⁴ *Lefebvre G. Pro domo sua*. — *Annales historiques de la Révolution française* (далее — АНRF), 1947, p. 189.

матических методов, следовало бы не забывать, что инициатором применения этих методов, задолго до «новой», американской школы, были именно И. В. Лучицкий и Жорж Лефевр. Конечно, в их распоряжении не было еще электронных вычислительных машин, но умению «считать» при разработке аграрной истории Франции XVIII в. первыми учили именно они.

Так же высоко оценил значение труда Жореса бывший бакунист, ставший крупным знатоком истории Французской революции, Джеймс Гильом¹⁵.

Наконец, можно не сомневаться, что талантливейший историк Французской революции в первой трети XX в., Альбер Матъез испытал сильнейшее влияние Жореса. Конечно, переход Матъеза от изучения чисто политической и религиозной истории революции к ее социальной и экономической истории был связан со всей обстановкой, переходом Матъеза на социалистические позиции и, наконец, войной. Но во всем этом сложном процессе влияние Жореса неоспоримо, и недаром в начале 20-х годов, в лучший период своей деятельности, Матъез с величайшим пиететом осуществил переиздание труда Жореса¹⁶.

Конечно, в том переломе, который произошел во французской исторической науке к 30-м годам нашего века, сыграли роль и объективные условия, и сдвиги в развитии естественных наук, особенно физики, и такие субъективные факторы, как влияние «исторического синтеза» Анри Берра, социологической школы Дюркгейма и его единомышленников, идеи Видаля де Лаблаша, и все же, как нам представляется, роль — прямая или косвенная — марксизма, передавшаяся через «Социалистическую историю» Жореса, никак не может быть преуменьшена. «История революции» Жореса и «Крестьяне Севера...» Жоржа Лефевра — вот важнейшие вехи в развитии французской исторической науки первой четверти нашего века. Знаменем времени и происходящих перемен было и то, что в 1927 г. Альбер Матъез опубликовал свою лучшую экономико-социальную работу «Дороговизна и социальное движение во время террора» и что в 1929 г. в Страсбурге

появились первые номера журнала «Annales de l'histoire économique et sociale» под редакцией Люсьена Февра и Марка Блока, сыгравшего значительную роль в эволюции французской историографии.

II

В 30-е годы господству чисто политической истории начал приходить конец. Правда, на «командных» постах в той же Сорбонне оставались представители «традиционного» направления — и нам лично в начале 1930 г. привелось увидеть на кафедре Шарля Сеньобоса, с которым еще в 1903 г. полемизировал Франсуа Симьян, — увидеть, но не услышать, так как Сеньобос стал жертвой «chahut» (кошачьего концерта) со стороны реакционной части студенчества. Но именно в 30-х годах изменения сказались очень явственно. В полемике с Раймоном Ароном видный французский историк-марксист Пьер Вилар так охарактеризовал положение к 1938 г., когда он был еще студентом: «Наши авторитеты носили имена Глотца и Лота, Альбера Матъеза и Анри Озе. На нас все еще оказывали мощное влияние Видаль де Лаблаш и его ученики, мы питали почтение к замечательным диссертациям Сиона и Демажона, Люсьена Февра и Поля Манту. Деятельность Марка Блока была в зените. Только 15 лет назад появились „Крестьяне Севера...“ и всего лишь 5 лет как появился „Очерк истории цен и доходов во Франции в XVIII веке“ Эрнеста Лабрусса...»¹⁷

Великая Октябрьская революция, широкое распространение влияния марксизма, огромные социально-экономические сдвиги в послевоенном мире, та роль, которую так явственно играла экономика и в ходе первой мировой войны и после нее, наконец, мировой экономический кризис, захвативший и Францию позже других — в начале 30-х годов, не могли не сломить традиционно пренебрежительное отношение французских историков к изучению экономической истории. Правда, в Сорбонне и раньше существовала кафедра экономической истории, и ею руководил выдающийся ученый Анри Озе. Но, как вспоминает Фернан Бродель, слушавший в 20-х годах курс Озе,

¹⁵ Далин В. М. Бакунист в двадцатом столетии. — В кн.: Французский ежегодник, 1971. М., 1973, с. 160.

¹⁶ Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1960, т. 1, с. 159—178. Об отношении Матъеза к Жоресу см.: Soboul A. Jaurès, Mathiez et l'histoire de la révolution. — AHRF, 1979.

¹⁷ Vilar P. Marxisme et l'histoire dans le développement des sciences humaines. — Studi storici, 1960, N 5, p. 1014, 1017.

в аудитории бывало не больше 6—7 студентов¹⁸. Однако в 30-х годах положение резко изменилось: экономическая история, столь долго остававшаяся во Франции в тени, властно выступила вперед. Этот сдвиг связан прежде всего с двумя именами — уже упоминавшимися нами Франсуа Симианом и Эрнестом Лабруссом.

Симиан, в молодости очень сочувствовавший социалистическим идеям, близкий к Люсьену Герру¹⁹ и Леону Блюму, был не только социологом, но и экономистом. Еще в 1924 г. им была опубликована работа «Заработная плата, социальная эволюция монеты»²⁰. Но на французских историков 30-х годов наибольшее влияние в условиях начавшегося экономического кризиса произвели две работы Симиана, вышедшие в 1932 г. и связанные с изучением экономической конъюнктуры: «Старые и новые исследования движения цен с XVI по XX в.» и «Экономические колебания в течение длительного периода и мировой кризис»²¹. Изучая изменения конъюнктуры начиная с XVI в., Симиан на основании анализа данных о колебаниях цен пришел к выводу о наличии в экономическом развитии двух постоянно сменяющихся фаз: фазы А, когда цены поднимаются и общая экономическая конъюнктура становится благоприятной, и фазы Б, когда вследствие чрезмерного повышения цен спрос сокращается, начинается падение цен и происходит резкое ухудшение конъюнктуры. Эти сменяющие друг друга фазы продолжают иногда по нескольку десятилетий и сопровождаются еще и промежуточными периодами (intercycles). Мы не будем здесь вдаваться в критику взглядов Симиана — они явно связаны с великим экономическим кризисом 1929 г. и совершенно незакономерно перепосились на ранние стадии далеко еще не развитого капитализма. Но в свете экономических явлений 30-х годов можно понять, почему эта

¹⁸ «Потрясающий эрудит, поразительный профессор, замечательный писатель, он был всю свою жизнь во Франции — и, возможно, и вне Франции — историком, не имевшим себе равных. Только Анри Пирени обладал таким же блеском, а после него Марк Блок, Люсьен Февр» (Braudel F. Préface. — In: Hauser H. La modernité du XVI siècle. Paris, 1963).

¹⁹ См. о нем нашу статью «После раскола дрейфусаров» в кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970.

²⁰ Simiand F. Le salaire, l'évolution sociale de la monnaie. Paris, 1924.

²¹ Simiand F. Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement général des prix du XVI au XX siècle. Paris, 1932; Idem. Les fluctuations économiques à longue période et crise mondiale.

схема Ф. Симиана получила такое широкое распространение и почему на протяжении целых десятилетий французские историки заняты были изучением цен и определением хронологических рамок фаз А и Б в изучаемые ими периоды²².

Еще более глубокое влияние оказали вышедшие в 30-х годах во Франции две монографии Эрнеста Лабрусса. На Лабрусса произвела огромное и неизгладимое впечатление Октябрьская революция²³. В молодости он был секретарем коммунистической студенческой федерации, затем в течение нескольких лет одним из редакторов «Humanité». Ученик Альбера Матьева, он стал членом руководящего комитета Общества робеспьеристских исследова-

²² О современных спорах по поводу значения Симиана см.: Lévy-Laboyeur M. L'héritage de Simiand. — Revue historique, 1970, janvier—mars; и ответ ему: Bouvier J. Feu François Simiand? — Annales, 1973, N 3.

²³ См.: Лабрусс Э. Как французская революция блестяще объясняет и оправдывает героическую историю русской революции. — В кн.: Французский ежегодник, 1971, с. 305—315 (публикация С. Н. Гурвич).

ний. Но его подход к изучению истории революции оказался иным, чем у Матьеа, — Лабрусс заинтересовали экономические предпосылки революции. Идя по этому пути, Лабрусс глубоко занялся вопросами истории экономической конъюнктуры, и в результате этого опубликовал в 1933 г. двухтомный труд, оставивший глубокий след, — «Очерк движения цен и доходов во Франции в XVIII в.»²⁴, о котором мы уже упоминали.

И Симиан, и Лабрусс в особенности при изучении движения цен применили статистически-математические методы обработки полученных данных. Вот почему некоторые новейшие исследователи, как Пьер Шоню и Эммануэль Леруа-Ладюри, — нам еще придется подробно о них говорить — датируют появление во Франции «подлинно научной» математизированной истории 1932—1933 гг., — годами появления трудов Симиана и Лабрусса²⁵. П. Вилар, однако, совершенно правильно подметил глубокое методологическое расхождение этих двух авторов: «Симиан исключал „событие“ (événement) вместо того, чтобы попытаться включить его в общую ткань истории». Между тем у Лабрусса «движение цен оставалось, как и у Симиана, основой. Но оно было подчинено общей экономической динамике классового антагонизма»²⁶.

Еще большее значение имел второй труд Э. Лабрусса, опубликованный им в 1943 г. (и защищенный как докторская диссертация в 1944 г.) «Кризис французской экономики к концу Старого порядка и в начале революции»²⁷. Этот первый, чрезвычайно объемистый том был посвящен только виноградарству и виноделию. Предполагался выход последующих томов, но они не появились. Но и этот первый и единственный том произвел глубокое впечатление. Фернан Бродель назвал эту книгу «самым значительным (le plus grand) трудом по истории, появившимся во

Франции за последние 25 лет...»²⁸. После опубликования этих двух трудов Лабрусс стал общепризнанным авторитетом в области экономической истории Франции. Когда Сорбонна вернулась к нормальной жизни после дикой, бесчеловечной казни гитлеровцами в 1944 г. Марка Блока, руководившего кафедрой экономической истории с 1936 г. (после кончины А. Озе), во главе кафедры, естественно, стал Э. Лабрусс²⁹.

Мы, однако, несколько ушли вперед. Понять новые процессы в развитии французской историографии 30-х годов невозможно без освещения той роли, которую сыграли в этом Люсьен Февр и Марк Блок, создавшие, как уже отмечалось, в 1929 г. журнал «Annales d'histoire économique et sociale», возглавившие по существу целое направление, создавшие школу³⁰.

И Февр, и Блок были поразительно талантливыми, яркими, одаренными историками. Их сотрудничество, длившееся десятилетиями, было исключительно плодотворным несмотря на то, что многое — и прежде всего направление научных интересов — их разделяло.

Люсьен Февр (1878—1956) принадлежал к более раннему поколению. Хотя, как мы уже видели, Февр уже после окончания Высшей нормальной школы заинтересовался взглядами Анри Берра и стал в известной мере его единомышленником, его докторская диссертация «Филипп II и Франш-Конте», при всех ее высоких научных качествах, и по теме и по ее разработке носила все же скорее традиционный характер³¹. Сильно влияла на Февра географическая школа Видаля де Лаблаша, из которой вышли его близкие личные друзья, крупнейшие французские географы XX в. Альбер Деманжон и Жюль Сион.

²⁴ Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siècle. Paris, 1933. Vol. I, II.

²⁵ «История, объединяющая наука о человеке нашего времени, родилась между 1929 и началом 30-х годов» (Chaunu P. Dépassement et prospective. — In: Faire l'histoire. Paris, 1974, vol. II, p. 52—53); см. также: Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. Paris, 1973, p. 15 («...C'est vers 1932, avec les grands livres de Simiand et de Labrousse que l'usage systématique de la quantité à pris force de loi chez les historiens»).

²⁶ Vilar P. Op. cit., p. 1017—1018.

²⁷ Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien régime et au début de la révolution. Paris, 1943.

²⁸ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 49.

²⁹ Исследованиям Ф. Симиана и первому труду Лабрусса посвятил в 1937 г. пространную статью Ж. Лефевр. См.: Lefebvre G. Le mouvement des prix et les origines de la Révolution française (перепечатана в кн.: Lefebvre G. Etudes sur la révolution française).

³⁰ Мы никак не можем согласиться с Ж. Ле Гоффом, отрицавшим существование школы «Анналов» вопреки неоднократным высказываниям Л. Февра и Ф. Броделя (см.: Ле Гофф Ж. Существовала ли французская историческая школа «Annales»? — В кн.: Французский ежегодник, 1969. М., 1970).

³¹ Febvre L. Philippe II et la Franche-Comté. Paris, 1911. Франш-Конте посвящены и две другие книги Февра: Idem. Notes et documents sur la Réforme et l'Inquisition en Franche-Comté Paris, 1911; Idem Histoire de Franche-Comté, Paris, 1912.

Наиболее значительным трудом Февра в первый период его научной деятельности была уже упоминавшаяся нами книга «Земля и эволюция человечества», носившая подзаголовок «Географическое введение к истории». Но чем дальше, тем больше интересы Февра сосредоточивались на изучении идейной, культурной истории XVI в. Этому веку посвящена одна из лучших его работ о Мартине Лютере, изданная в 1928 г.³² В годы войны Февр опубликовал целый цикл работ, посвященных проблемам излюбленного им века, в том числе его наиболее интересное исследование о Рабле: «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле»³³. Книга эта вызвала оживленнейшие споры (очень основательные возражения против точки зрения Февра сделал выдающийся советский исследователь М. М. Бахтин³⁴), но она больше других свидетельствовала

о высокой научной эрудиции Л. Февра, о его таланте исследователя. Заметим, что у Февра не было никаких специальных исследований по экономической истории.

Совершенно противоположное нужно сказать о Марке Блоке (1886—1944). Сын виднейшего специалиста по римской истории Гюстава Блока, преподававшего в Высшей нормальной школе (у него учился Л. Февр, посещавший квартиру Блоков, когда будущий его друг был еще подростком), он получил блестящую научную подготовку, овладел невероятным количеством языков (в том числе русским, древнескандинавским, старонемецким), отличался изумительным трудолюбием. Как и Февр, Марк Блок был во время первой мировой войны в армии, окончил ее в чине капитана и был неоднократно награжден за свои боевые заслуги. Его первые работы были посвящены капитинской Франции, а наиболее выдающаяся из них — «Короли — чудотворцы»³⁵, привлекавшая к себе общее внимание, свидетельствовала скорее об интересе к проблемам коллективной психологии. Однако к середине 20-х годов Блок сосредоточивает все свое внимание на изучении средневековой аграрной истории (в этом, может быть, сказалось влияние А. Пиренна) и притом не только французской, но и европейской. В 1931 г. в Осло Блок ведет курс сравнительной аграрной истории. К этому времени он издает один из своих блестящих трудов — «Характерные черты французской аграрной истории»³⁶, прочно закрепивший за ним славу крупнейшего экономического историка Франции³⁷.

В 1939—1940 гг., как уже отмечалось, в той же серии А. Берра были опубликованы два тома другого его крупнейшего труда — «Феодалное общество»³⁸, «самая значительная историческая книга нашего века», как определил ее известный французский историк Поль Вейн (автор нашумевшей книги «Как пишут историю»)³⁹. Как видим, почти все труды Блока (в отличие от Л. Февра) посвящены исключительно экономической или даже уже — аграрной истории. И все же, несмотря на все это как будто

³² *Febvre L.* Un destin. Martin Luther. Paris, 1928.

³³ *Febvre L.* Le problème de l'incroyance au XVI siècle: la religion de Rabelais. Paris, 1942; см. также: *Idem.* Origène et des Périers ou l'énigme du Cymbalum Mundi. Paris, 1942; *Idem.* Autour d'Heptameron: amour sacré, amour profané. Paris, 1944.

³⁴ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

³⁵ *Bloch M.* Les rois thaumaturges. Paris, 1924.

³⁶ *Bloch M.* Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris, 1931.

³⁷ *Braudel F.* Personal Testimony, p. 463 («the greatest economic historian of his country»).

³⁸ *Bloch M.* La société féodale. Paris, 1939—1940. Vol. I, II.

³⁹ *Veyne P.* Comment on écrit l'histoire. Paris, 1971.

бы очевидное различие интересов, между этими двумя исключительно талантливыми и яркими учеными на протяжении долгих лет установилось поразительно дружеское сотрудничество.

В посвящении Л. Февру к написанной в 1941 г. после катастрофы Франции книге «Апология истории или ремесло историка» (напечатанной уже посмертно после окончания войны) М. Блок писал: «Долгое время мы вместе боролись за то, чтобы история была более широкой и гуманной. Теперь, когда я это пишу, общее наше дело подвергается многим опасностям. Не по нашей вине. Мы — временно побежденные несправедливой судьбой. Все же, я уверен, настанет день, когда наше сотрудничество сможет возобновиться... А пока я со своей стороны буду продолжать его на этих страницах, где все полно вами. Я постараюсь сохранить присущий ему строй — в глубине согласие, оживляемое на поверхности поучительной игрой наших дружеских споров. Среди идей, которые я намерен отстаивать, не одна идет прямо от вас. О многих других я и сам, по совести, не знаю, ваши они или мои или же принадлежат нам обоим. Надеюсь, что многое вы одобрите.

Порой, возможно, будете читать с удовольствием. И все это свяжет нас еще крепче»⁴⁰. Эти теплые строки полностью совпадают с тем, что написал позднее Л. Февр о своих отношениях с Марком Блоком⁴¹.

Знакомство Февра и Блока состоялось в 1919 г. в Страсбурге, куда они оба были направлены после окончания первой мировой войны. После воссоединения Эльзаса с Францией правительством были приняты все меры для превращения его в блестящий очаг французской культуры. В Страсбургском университете были сосредоточены крупнейшие ученые: кроме Февра и Блока здесь начали преподавать Жорж Лефевр, Шарль Андлер, Андре Пиганиоль, Габриэль де Бра и др. Несмотря на различие в возрасте Блок и Февр быстро сблизились. Вскоре после окончания войны у Февра — прекрасного организатора — возник план издания международного журнала, посвященного экономической истории. Редактором он намечал А. Пиренна, к которому питал огромное уважение⁴², а секретарем собирался стать сам. Проект этот не осуществился, но в 1928 г. М. Блок снова его выдвинул, предложив, однако, издавать чисто французский журнал. Первые его номера и вышли в Страсбурге в 1929 г. — это и были «Анналы». Нам довелось тогда же знакомиться с первыми книгами журнала, и они производили большое впечатление своей убежденностью и свежестью подхода.

«Совершенно очевидно, что в развитии французской историографии, — писал Ф. Бродель, — создание в 1929 г. Люсьеном Февром и Марком Блоком „Анналов“ было решающим моментом»⁴³. В этих словах виднейшего французского историка, принявшего от Л. Февра в 1956 г. руководство «Анналами», есть, как нам представляется, безусловное преувеличение: «новый дух» — и мы стремились это показать — шел во французскую историческую науку далеко не от одних «Анналов» (да и их создатели сами признавали, что впитывали в себя другие влияния), но

⁴⁰ Bloch M. L'Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris, 1942; 2e éd., 1961 (рус. пер.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 5).

⁴¹ Febvre L. Souvenirs d'une grande histoire. March Bloch et Strasbourg. — In: Febvre L. Les combats pour l'histoire.

⁴² Как раз в 20-х годах вышли интереснейшие работы А. Пиренна: Pirenne H. Mahomet et Charlemagne. Bruxelles, 1922; Idem. Les villes du moyen âge. Bruxelles, 1927 (рус. пер.: Пиренн А. Средневековые города/Под ред. Е. А. Косминского. М., 1937).

⁴³ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 32.

отрицать значительную роль «Анналов» никак не приходится.

Мы не имеем здесь возможности изложить все новые идеи, которые отстаивал журнал ⁴⁴. Люди высокой, рафинированной культуры, Февр и Блок напряженно следили за бурным развитием естественных наук в XX в. и страстно хотели видеть его отражение и в исторической науке, добиваясь изучения более глубинных процессов, не единичных, не кратковременных, не лежащих на поверхности, не «пены истории», а ее основных пластов. Название журнала — «Анналы экономической и социальной истории» было совершенно не случайным — прежде всего и раньше всего «Анналы» страстно звали к изучению именно экономической и социальной истории.

На упреки в «историческом материализме», на то, что его сторонники всегда стремятся при рассмотрении международных конфликтов придать большую роль экономическим факторам в ущерб политическим и моральным, Л. Февр в своей статье-рецензии на вышедшую в 1930 г. «Дипломатическую историю Европы (1871—1914)» со всей резкостью отвечал: «Причем тут „исторический материализм“?... Мир это мир. Ответьте нам: перед войной 1914 г. мир не был таким, каким он стал после 1920 г. ... Но он уже от 1871 до 1914 г. не был таким, каким он был в 1848 г. Почему? Из-за политических факторов? Или моральных? О нет! По экономическим причинам. Это ведь бросается в глаза (*cela saève aux yeux*)» ⁴⁵. Критикуя другого автора дипломатической истории, А. Рубо, Л. Февр писал: «Изображать факты без указания на подлинные причины, глубокие мировые причины... я хочу сказать, на великие революции в промышленной технике, порожденные великими революциями в научной технике, вызывающие великие революции в мировой экономике, не значит ли это биться об заклад и идти на верную неудачу»; «...главные двигатели этого мира носят название капиталов, кредита, организации торговли и обмена...» ⁴⁶; «Разве не под давлением экономических интересов все больше и больше мир опре-

деляет свою позицию, а державы ведут свою игру... Скрытое, но постоянное давление экономики на политику... является одним из решающих факторов, определяющих поведение государств» ⁴⁷. Так же резко критиковал Февр «Историю России», изданную в Париже П. Н. Милюковым в сотрудничестве все с тем же Ш. Сеньобосом, за его концепцию этой книги, в которой «экономика» рассматривалась после «общества». Но это, по мнению Февра, «сразу обрекает „Историю России“ на то, что она становится мертворожденной» ⁴⁸.

Мы привели эти очень яркие высказывания Л. Февра именно потому, что он не был автором специальных экономических исследований в отличие от Марка Блока, все огромное литературное наследие которого (за первое десятилетие существования «Анналов» он опубликовал, кроме двух капитальных трудов, навсегда оставшихся в мировой литературе, около 700 статей, рецензий и заметок ⁴⁹) было почти целиком посвящено проблемам экономической истории.

Руководители «Анналов» призывали к обновлению истории, значительному расширению ее проблематики, изучению глубоких структурных исторических процессов, истории хозяйства, техники, орудий труда (Люсьен Февр издевался над теми историками, по произведениям которых создавалось впечатление, что землю пахут картулями). Их глубоко тревожило резкое несоответствие между огромными успехами точных наук и отставанием истории. Они были сторонниками расширения коллективных форм труда историков. О том направлении науки, которое они отстаивали, можно судить по программе, предложенной ими в 1936 г. предстоявшему в 1938 г. в Цюрихе международному историческому конгрессу:

1. Описание сельских земель и аграрных порядков.

2. Дворянство, его возникновение, дифференциация и становление как класса на средневековом Западе.

3. Развитие техники в Европе до появления научной техники. Влияние материальных изобретений, а в более

⁴⁴ См. содержательную статью А. Я. Гуревича «Марк Блок и „Апология истории“» (послесловие к русскому переводу книги Блока «Апология истории», с. 170—209).

⁴⁵ *Febvre L. Contre l'histoire diplomatique en soi. Histoire ou politique. Deux méditations.* — In: *Febvre L. Les combats pour l'histoire*, p. 68—69

⁴⁶ *Ibid.*, p. 67.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 62.

⁴⁸ *Febvre L. Pour la synthèse historique contre l'histoire-tableau. Une histoire de la Russie moderne. Politique d'abord?* — *Ibid.*, p. 74.

⁴⁹ *Bloch M. Mélanges historiques.* Paris, 1963. Vol. I, II. Библиография трудов Блока составляет 72 страницы (1032—1104) убористого мелкого приффа.

широком плане совокупности всей техники на историю общества.

4. Изменение соотношения размеров домена и держаний в ходе эволюции сеньориального режима.

5. Классификация различных социальных форм, понимаемых под словом „ремесленные корпорации“»⁵⁰.

В этой программе явно чувствуется влияние М. Блока, который, по мнению виднейшего советского медиевиста М. А. Барга, ближе всех подошел к материалистическому пониманию сущности феодальных форм⁵¹.

Ж. Ле Гофф считает, что, помимо этой проблематики, у основателей «Анналов» была еще «жажда» исследования тем, которые М. Блок называл «наши заповедные уголья — история чувств и образа мышления эпох». Более того, по мнению Ле Гоффа, «самое любопытное, что Марк Блок и Люсьен Февр явно пытались сделать эту область, этот пласт самым глубоким, все раскрывающим, подлинной причиной и объяснением истории, сутью истории»⁵². Думается, что это утверждение Ж. Ле Гоффа относится скорее к некоторым из нынешних руководителей «Анналов», но не к их основателям.

Но у М. Блока действительно можно найти некоторые положения, идущие вразрез с той концепцией, которая развита в других его трудах. В статье, опубликованной в 1933 г., «Свобода и личное закрепощение в средние века, в частности во Франции. К вопросу об изучении классов» Блок писал: «Поскольку человеческие учреждения являются действительностью *психологического порядка*, *класс существует только в идее, которую о нем создают* (курсив наш. — В. Д.) (*une classe n'existe jamais que par l'idée qu'on s'en fait*)»⁵³. В годы войны в своей «Апологии истории» М. Блок утверждал в еще более общей форме: «Исторические факты — это факты психологические по преимуществу. Стало быть, их antecedентами, как правило, являются другие психологические факты. Конечно, судьбы людей включены в мир физический и несут его бремя. Но

даже там, где вмешательство этих внешних сил кажется наиболее грубым, их действие осуществляется только как направленное человеком и его разумом. Вирус «черной чумы» был первопричиной уменьшения населения в Европе. Но эпидемия распространилась так быстро лишь благодаря определенным социальным, а значит, по их глубинному характеру, психологическим условиям, и ее моральные следствия могут быть объяснены только особым предрасположением коллективного образа чувств»⁵⁴.

Эту точку зрения разделял, по-видимому, и Л. Февр⁵⁵, и это показывает, насколько в ряде основных вопросов концепция основателей «Анналов» уязвима и требует серьезной критики. В этой связи очень интересны замечания М. Блока и Л. Февра об их отношении к Марксу и марксизму. «Вы не знаете, вероятно, „Капитала“, — писал Блок Февру 25 августа 1941 г. (к этому месту Февр сделал примечание „я умру, не узнав его“). — Опыт для историка очень поучительный»⁵⁶. В другой своей книге, изданной уже посмертно, — «Странное поражение» Блок более подробно объяснил, в чем он видел эту «поучительность»: «Я лично отношусь к творчеству Карла Маркса с живейшим восхищением. В области социального анализа не было никого сильнее его (*comme analyste social nul n'eut plus de puissance*)». С присущей Блоку тонкой иронией он добавил к этой характеристике: «Если когда-либо... сторонники обновленной истории решат создать галерею своих предшественников, бюст бородатого старого рейнского пророка должен занять почетное место в часовне этой корпорации»⁵⁷.

⁵⁴ Блок М. Указ. соч., с. 104. Критику этих положений см. в послесловии А. Я. Гуревича (Там же, с. 207—208).

⁵⁵ В ранних работах Февра можно найти формулировки, почти идентичные приведенным выше мыслям М. Блока. Во вступительной лекции в Страсбурге (1919) он заявил: «В этом смысле наша история идеалистическая, и она ею останется, даже если совершенно неожиданно будет доказан примат экономики, потому что экономические факты, как и другие социальные факты, являются фактами веры и суждения (*d'opinion*); само богатство, и труд, и деньги — разве не являются они вовсе не „вещами“, а человеческими идеями, представлениями, суждениями о „вещах“» (цит. по: Mann H.-D. Lucien Febvre. La pensée vivante d'un historien. Paris, 1971, p. 90). Правда, это суждение раннего Февра, еще до создания «Анналов».

⁵⁶ Annales d'histoire sociale. Hommages à Marc Bloch. Paris, 1945, p. 25.

⁵⁷ Bloch M. L'étrange défaite. Paris, 1946, p. 170.

⁵⁰ Annales, 1936, p. 44—48; см. также: Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 356.

⁵¹ Барг М. А. Концепция феодализма в современной буржуазной историографии. — Вопросы истории, 1965, № 88.

⁵² Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 356.

⁵³ Bloch M. Liberté et servitude personnelles au Moyen age, particulièrement en France. Contribution à une étude des classes. — In: Bloch M. Mélanges historiques, vol. I, p. 355.

Люсьен Февр выразил свое отношение к Марксу и марксизму в 1935 г., в момент подъема Народного фронта, в рецензии на сборник «При свете марксизма», вышедший под редакцией его личного друга психолога Анри Валлона: «Совершенно очевидно, что сейчас каждый сколько-нибудь образованный историк... неизбежно проникнут марксистским образом мышления, пониманием фактов... Даже если он не прочел ни одной строки Маркса, даже если он считает себя самым яростным „антимарксистом“... многие из идей, выраженных Марксом с таким мастерством, уже давно вошли в тот общий фонд, который составляет интеллектуальное сокровище целого поколения»⁵⁸.

Решительный враг гитлеризма, Л. Февр писал в 1936 г.: «Смерть марксизму!» — этот лозунг гитлеровцев, провозглашаемый и повторяемый повсюду в Германии, свидетельствует по меньшей мере о том, что Маркс, тот Маркс, о котором нам каждый день твердят, будто его не существует более, — один из тех неумирающих людей, которых стараются убить или, вернее, создать иллюзию, что их убили»⁵⁹.

Вместе с тем Маркс представлялся Февру только философом. В той же рецензии на сборник «При свете марксизма» он писал: «Читайте Маркса, охотно сказал бы я кое-кому, кто обладает качествами, знаниями и подготовкой, необходимыми для этого, для постижения его сложной мысли. Читайте также Ленина и тех, кто продолжил усилия Маркса в разрешении ряда трудных и решающих проблем. По своему усмотрению собирайте мед со всех этих цветов. Ваш мед, но не наш. И дайте вкусить его нам — историкам, нам, тем, кто не создан для этого труда, иначе мы занимались бы философскими, а не историческими исследованиями. Мы не историки философии... Вы утверждаете, что знаете методы, которые лучше, чем прежние. Раскройте их нам. Объясните их нам ясно, просто, без философских формул, без неумеренных ссылок на Гегеля, Маркса, Энгельса. Говорите конкретно с конкретными тружениками»⁶⁰.

Эти оговорки, это совершенно недостаточное знакомство с Марксом играли, несомненно, весьма отрицательную

роль. И все же в целом «Анналам» первого десятилетия принадлежит значительная положительная роль в развитии французской исторической науки в 30-х годах. Не следует лишь забывать, что этот поворот был вызван не одними «Анналами». Сказывался и общий прогресс науки, и «рывок» в физике, и политическая обстановка, ненависть к фашизму, создание Народного фронта, возрастающее влияние марксизма. И, пожалуй, наиболее ясное выражение все это получило в научном творчестве крупнейшего французского историка этого периода Жоржа Лефевра (1874—1959). Хотя почти все его труды без исключения посвящены истории Французской революции и вслед за трудами Жореса и Матьеза содействовали ее обновлению, они очень влияли на всю историческую науку, расширение ее тематики, углубление ее методов познания исторической действительности.

Мы уже отмечали значение первого труда Лефевра, его «Крестьян Севера во время революции»⁶¹, остающегося до сих пор образцом глубокого исследования, в котором едва ли не впервые во Франции историк показал умение «считать». В начале 30-х годов, после трагической смерти Матьеза, Ж. Лефевр был приглашен в Париж, где стал вскоре руководителем единственной в мире кафедры по истории Французской революции в Сорбонне, председателем Общества робеспьеристских исследований и редактором журнала «Annales historiques de la Révolution française»⁶².

На 30-е годы приходится публикация Лефевром двух ценных и оригинальных работ: «Аграрный вопрос во время террора»⁶³ и «Великий страх в 1789 году»⁶⁴. В «Аграрном вопросе», явившемся как бы продолжением «Крестьян Севера...» и ряда статей Лефевра об итогах распродажи национальных имуществ, с чрезвычайной ясностью и на новом архивном материале была освещена классовая борьба во французской деревне во время якобинской дик-

⁵⁸ Febvre L. Technique, science et marxisme. — Annales, 1935 (непечатаемо в кн.: Febvre L. Pour une histoire à part entière. Paris, 1962, p. 674).

⁵⁹ Annales, 1936, p. 507.

⁶⁰ Febvre L. Technique, science et marxisme, p. 674.

⁶¹ Lefebvre G. Les paysans du Nord pendant la Révolution française. Paris, 1924; 2e éd. Bari, 1959.

⁶² См.: Собыль А. Жорж Лефевр — историк Французской революции (1874—1959). — В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1961. См. также: Labrousse E. Georges Lefebvre. — Annales, 1960, N 1.

⁶³ Lefebvre G. Les questions agraires au temps de la Terreur. Strasbourg, 1932; 2e éd., 1952 (рус. пер.: Лефевр Ж. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936).

⁶⁴ Lefebvre G. La grande peur de 1789. Paris, 1932.

татуры. Эта книга сейчас же после выхода получила высокую оценку советских историков, прежде всего со стороны лучшего знатока истории Французской революции — Н. М. Лукина, и была переведена на русский язык.

«Великий страх», описание той паники, которая внезапно охватила всю Францию летом 1789 г., была замечательным и оригинальным исследованием в малоразработанной области изучения коллективной психологии. Недаром она обратила на себя внимание М. Блока⁶⁵, которого сам Лефевр очень высоко ценил еще со времен Страсбурга и чувствовал всегда по отношению к нему, по сообщению Альбера Собуля, свой «интеллектуальный долг»⁶⁶.

В эти же 30-е годы Лефевр в серии «Peuples et civilisations» опубликовал большие синтетические труды по истории Французской революции и о Наполеоне. Лекции Лефевра, пользовавшегося огромным научным и моральным авторитетом, привлекали большие аудитории.

Как писал в некрологе Э. Лабрусс, благодаря «своей эрудиции, внутренней теплоте, горевшему в нем пламени, своей чистоте» Лефевр мог служить «нашей дорогой эмблемой», «символом научного прогресса»⁶⁷. Лабрусс считал Жоржа Лефевра, Марка Блока и Люсьена Февра «тремя вершинами горной цепи»⁶⁸. К этим именам можно присоединить и имя самого Э. Лабрусса, больше всех других испытавшего на себе влияние Маркса. С деятельностью этих выдающихся ученых — а не только с «Анналами» — следует больше всего связывать тот перелом, который в 30-х годах происходил во французской исторической науке. Война 1939 г., «странное поражение», катастрофа 1940 г. на ряд лет оборвали этот процесс⁶⁹.

III

В эти тяжелые годы французская историческая наука лишилась Марка Блока. «Из всех человеческих потерь, которые понесла Франция между 1940—1945 гг., — писал

Люсьен Февр, — может быть, эта была самой жестокой и невосполнимой»⁷⁰.

Человек кристальной чистоты, редкого душевного благородства, сознававший всю лежащую на нем ответственность, Марк Блок, хотя ему в 1939 г. исполнилось уже 53 года, считал своим долгом принять участие в военных действиях. Он начал войну в том же чине, в каком (так же как и Л. Февр) закончил первую мировую войну, — в чине капитана — «старейшего капитана французской армии», как он грустно шутил. В 1940 г., во время наступления немецкой армии, он был в тех французских военных частях, которым удалось эвакуироваться через Дюнкерк в Англию, откуда он вернулся во Францию. После капитуляции он лишился возможности преподавать в Сорбонне и работал одно время в провинциальных университетах. Катастрофу 1940 г. Блок переживал исключительно тяжело — об этом свидетельствовала его книга «Странное поражение». В эти же годы Блок работал над книгой «Апология истории или ремесло историка», оставшейся незаконченной и уже посмертно изданной Люсьеном Февром. Книга осталась незавершенной еще и потому, что Блок считал своим моральным долгом принять личное участие в движении Сопротивления. Он глубочайшим образом ненавидел гитлеризм со всей его расистской идеологией⁷¹. Блок стал одним из руководителей Сопротивления в Лионе и его округе. Лишь изредка он наезжал в Париж, встречался с Люсьеном Февром и Жоржем Лефевром. В 1944 г. выслеженный гестаповцами Марк Блок вместе с группой единомышленников был арестован и 16 июня расстрелян. Так погиб один из самых блестящих историков Франции первой половины XX в.⁷²

Все годы войны находясь в Париже, Февр стремился продлить существование журнала, выходившего крайне нерегулярно под разными названиями. С 1946 г. журнал

⁶⁵ *Annales d'histoire économique et sociale*, 1933, p. 301.

⁶⁶ См. предисловие А. Собуля к кн.: *Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française*, 2e éd. Paris, 1963, p. 4.

⁶⁷ *Labrousse E. Georges Lefebvre*. — *Annales*, 1960, N 1, p. 8.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 2.

⁶⁹ В этом кратком обзоре соответственно с поставленной задачей мы не касаемся историков внешней политики. Но нельзя не отметить наиболее выдающегося из них, Пьера Ренувена, в свою очередь в некоторой мере испытавшего на себе влияние «Анналов» (см. о П. Ренувене статью М. Н. Машкина в кн.: *Французский ежегодник*, 1976. М., 1978).

⁷⁰ *Febvre L. Les combats pour l'histoire*, p. 410.

⁷¹ Ярчайший представитель французской культуры, Блок перед лицом нацизма считал моральным долгом подчеркивать свое еврейское происхождение. «Для меня было бы отвратительным, — писал М. Блок в своем завещании, — если бы я был заподозрен в трусливом отступничестве. Перед лицом смерти я заявляю, что родился евреем; что я никогда не думал от этого отречься и не находил основания для такой попытки» (см.: *Annales d'histoire sociale. Hommages à Marc Bloch*. Paris, 1945).

⁷² Кроме указанных выше статей о М. Блоке см.: *Davies R. R. Marc Bloch*. — *History*, 1967, oct., vol. LII, N 176.

и всей Западной Европы. На подготовку этого труда Бродель затратил, по словам Февра, около 15 лет.

Фернан Бродель, сын парижского преподавателя математики, родился в 1902 г., в деревне, в восточной Франции (как и Февр) и провел там свое детство. Эти сельские годы оставили в нем, по его признанию, глубокий след. С 1908 г. он жил в Париже, окончил лицей Вольтера и Сорбонну. Из профессоров университета большое влияние оказал на него Анри Озе, руководивший тогда кафедрой экономической истории. Среди немногочисленных слушателей Озе он был одним из самых усидчивых⁷⁵. Его диплом был посвящен локальной теме «Бар-ле-Дюк в первые три года революции». «Как и всех левых студентов того времени, — вспоминает Ф. Бродель, — революция 1789 г. больше всего привлекала меня»⁷⁶.

С начала 20-х годов Бродель преподает в Алжире, в г. Константине. Здесь он уже начинает свое будущее исследование. В 1928—1929 гг. он публикует в «Revue africaine» свои первые большие научные статьи «Испания в Северной Африке». В 1927 г. в письме к Люсьену Февру, этому виднейшему французскому специалисту по истории XVI в., он намечает тему своей диссертации — «Средиземноморская политика Филиппа II» и начинает работать в испанских архивах, захваченных еще при Наполеоне и с тех пор хранившихся во Франции. Февр тут же ответил, что намеченная тема увлекательна, но «еще больше, чем Филиппа II, было бы заманчиво изучить прибрежные государства Средиземноморья»⁷⁷.

В 1930 г. в Алжире состоялся Национальный конгресс французских историков. Бродель был на нем секретарем и докладчиком. Здесь произошло его знакомство с Анри Берром. Позднее Бродель принимал участие в работах берровского Центра синтеза. О своих политических настроениях этого периода Бродель сообщает, что он «как уроженец восточной Франции не доверял Германии». «французский режим в Алжире не казался ему отвратительным»⁷⁸.

начал выходить, теперь уже под редакцией одного Февра, под новым названием: «Annales. Economies. Sociétés. Civilisations». Возможно, что уже в этом изменении названия сказались отсутствие Марка Блока.

После окончания войны историческая наука во Франции начала постепенно оживать. Значительнейшим явлением в исторической литературе первых послевоенных лет явилось появление в 1949 г. книги Фернана Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»⁷³. Книга была посвящена «Люсьену Февру как свидетельство признательности и сыновней привязанности»⁷⁴. С появлением этой книги Бродель сразу же завоевал себе репутацию одного из виднейших и наиболее одаренных историков не только Франции, но, пожалуй,

⁷³ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949 (1160 страниц). В 1966 г. Бродель выпустил второе издание, расширенное и дополненное, на этот раз в двух томах.

⁷⁴ Текст посвящения гласил: «A Lucien Febvre. En témoignage de reconnaissance et filiale affection». Мы пользуемся здесь именно этим первым изданием книги, так как во второе издание были внесены некоторые изменения, характерные для Броделя более позднего периода.

⁷⁵ См. указанное выше предисловие Ф. Броделя к переизданию книги Озе (Hauser H. La modernité du XVI siècle).

⁷⁶ Braudel F. Personal Testimony.— Journal of Modern History, Chicago, 1972, N 4, p. 450.

⁷⁷ Ibid., p. 452.

⁷⁸ Ibid., p. 451.

С 1935 г. в течение трех лет он преподавал в Бразилии. На обратном пути на пароходе произошла встреча с Февром, возвращавшимся из Аргентины. Несколько недель совместного плавания навсегда скрепили их дружбу.

К лету 1939 г. вся подготовительная работа была закончена, и Бродель на даче у Февра в Фуше приступил к писанию своей книги. Но началась война, Бродель оказался на фронте. Во время катастрофы французской армии он был взят в плен. В 1940—1942 гг. он был в лагере в Майнце, но за свою политическую активность переведен в более строгий лагерь в Любек. Обладая исключительной памятью, Бродель, лишенный всех своих материалов, следуя примеру Анри Пиренна, который во время первой мировой войны, тоже находясь в плену, писал там «Историю Европы», возобновил свою работу над «Средиземноморьем» и почти каждую неделю отсылал очередную тетрадку Февру. Этот труд, как вспоминает Бродель, был в известной мере его «прямым ответом на трагические времена»⁷⁹. Позднее, обосновывая свою теорию «longue durée», Бродель ссылаясь на свой собственный пример: «Я лично во время своего достаточно мрачного плена упорно боролся за то, чтобы отойти от повседневности этих трудных лет (1940—1945). Отойти от событий... — это значило подняться над ними, рассматривать их несколько со стороны и не слишком им доверять. От короткого времени перейти к гораздо более длительному»⁸⁰.

Почти сразу же после окончания войны Бродель, благодаря своей предварительной работе в лагере, уже в 1947 г. защитил диссертацию, а в 1949 г. выпустил обширный том, в котором он, однако, по условиям времени, был лишен возможности опубликовать карты, таблицы, воспроизвести полностью весь научный аппарат; он сумел это сделать только много лет спустя, во втором издании.

Появление «Средиземноморья» Люсьен Февр встретил восторженным отзывом. Он озаглавил свою рецензию «Книга, которая возвышает»⁸¹. Он закончил ее призывом к молодым: «Читайте, перечитывайте, обдумывайте эту прекрасную книгу. Сделайте ее вашим постоянным спутником... Это не только книга, которая учит. Это книга,

которая нас возвышает»⁸². В другой статье, опубликованной вскоре после выхода книги Броделя, Л. Февр писал: «Эта книга является манифестом. Симптомом. И я не колеблюсь это сказать — датой. Эта книга — чудо эрудиции. Она результат 15 лет непрерывного труда, упорных поисков во всех архивохранилищах, во всех исторических библиотеках средиземноморского и иберийского миров, подлинный шедевр...»⁸³. В этой книге воплощено то, «чего на протяжении 20 лет добивались все мы, будь то Марк Блок, Анри Пиренн, Жорж Эспинас или Андре Сайу, Альбер Деманжон, Анри Озе или Жюль Сион, — я называю только умерших — в нашем стремлении создать историю более живую, более продуманную, более действенную, более приспособленную к нуждам нашей эпохи»⁸⁴.

Книга Броделя действительно отличается прежде всего своим непривычным, оригинальным построением. Как и советовал ему Февр еще в 20-х годах, она посвящена не одной Испании (первоначальный замысел Броделя), но всем прибрежным средиземноморским странам, всему обширнейшему региону — задача, сама по себе исключительно сложная и кажущаяся непосильной для одного автора. Том состоит из трех разделов, и уже одни их заголовки (труднопереводимые) очень характерны для Броделя. Первый раздел — «La part du milieu» («Влияние среды»), второй — «Destins collectifs et mouvements d'ensemble» («Коллективные судьбы и общее движение») и последний, третий, который, по признанию самого Броделя, ему меньше всего хотелось писать и который он охотно опустил бы: «Les événements, la politique et les hommes» («События, политика и люди») ⁸⁵. Первый раздел посвящен географической среде — горам, равнинам, плоскогорьям, самому морю, климату Средиземноморья. Но кроме этого «физического единства» Бродель в этот же раздел включает и обширную главу «Человеческое единство. Пути и города» (с. 240—309). Было бы ошибочно рассматривать Броделя как сторонника пресловутой немецкой «геоистории», ставшей основой для империалисти-

⁷⁹ Ibid., p. 454.

⁸⁰ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 76.

⁸¹ Febvre L. Un livre qui grandit. — Revue historique, 1950, vol. 3, p. 216—224 (перепечатано в кн.: Febvre L. Pour une histoire à part entière).

⁸² Revue historique, 1950, vol. 3, p. 224.

⁸³ Febvre L. Les combats pour l'histoire, p. 433.

⁸⁴ Revue historique, 1950, vol. 3, p. 224.

⁸⁵ «Рассказ, который составляет третью часть книги и который я писал не без некоторой скуки» (un peu ennuyé à écrire) (Braudel F. Méditerranée..., p. 1098).

ческих притязаний Германии⁸⁶, однако влияние французской географической школы Видаля де Лаблаша (1845—1918)⁸⁷ (а отчасти и Люсьена Февра) со всеми ее сильными и слабыми сторонами совершенно очевидно. Слишком часто географическим понятиям и единицам отводится решающее значение.

Проблемы экономической истории стран Средиземноморья широко освещены во втором разделе труда Броделя. Конечно, и здесь автора можно упрекнуть — и сам Бродель позднее сделал этот упрек своим последователям, например Пьеру Шоню, — что внимание исследователя посвящено по преимуществу обращению, торговле и торговым путям (эта тема освещена в обширной третьей главе II раздела — почти сто страниц — 421—509), а не производству. Только после анализа этих экономических явлений Бродель переходит к рассмотрению государств, прежде всего двух главных враждующих империй: испанской и турецкой. Этот раздел заключают главы о цивилизациях и общественных отношениях (*sociétés*), где он рассматривает — «и тут уже предельно кратко» — роль буржуазии и новое восхождение землевладельческих классов («сеньориальная реакция»). Нельзя не отметить странного соотношения: крушению средиземноморской буржуазии Бродель отводит только восемь страниц, а бандитизму (правда, он дает его интересный социальный анализ) — вдвое больше⁸⁸.

Л. Февр высоко оценил раздел книги «Экономика и пространство»: «...векселя, драгоценные металлы, цены, обращение наиболее ценных продуктов — перца, пряностей, хлеба. Путь пряностей от Ормиза до Алеппо сохранялся до 1600 г., и только когда произошел окончательный упадок торговли Дальнего Востока с Средиземноморьем, только тогда наступила смерть старой царицы — Венеции, низложенной с престола новым властелином мира — Океа-

ном»⁸⁹. В этой связи нельзя не отметить, что у Броделя и здесь проступает влияние «географической» концепции: вместо соперничества торгово-капиталистических центров, разных групп развивающейся буржуазии он говорит о борьбе двух транзитных путей — средиземноморского и океанского, «эта борьба продолжалась больше столетия со своими стадиями упадка и подъема»⁹⁰. Но там, где, хотя и фигурально, Февр и Бродель видят лишь борьбу «моря и океана», Маркс давно, еще в середине XIX в., видел иной, гораздо более глубокий процесс: рождение в XVI в. капитализма, его первого мануфактурного периода.

Что особенно привлекало Февра в книге Броделя — это второстепенное, подчиненное место, отведенное в ней «событийной истории», истории «на поверхности», «пене, волнам, которые иногда искусственно оживляют мощное дыхательное движение океанских глубин». Тот подзаголовок, который получили «Анналы» с 1945 г. — «Экономика, общества, цивилизации» — охотно был воспринят Броделем. Эта классификация положена в основу его книги. «Сломаны самые старые и самые почтенные традиции; хронологический порядок заменен динамическим и генетическим. Изложение переходит от более глубокого и более постоянного к более поверхностному и более эфемерному, но без пренебрежения к этому более эфемерному»⁹¹. Именно эта классификация исторических явлений мешала написанию «глобальной» истории, где все узлы — и экономической, и социальной, и политической истории были бы тесно увязаны.

На книге Броделя отчетливо лежит «виза времени». Он писал ее между двумя войнами и заканчивал уже после второй. Перед европейским общественным мнением все чаще вставала та угроза, которую отчетливо и ярко сформулировал в 1932 г. Поль Валери: «Единственное, что мы теперь знаем, — это то, что мы (европейская цивилизация. — В. Д.) подвержены гибели (*que nous sommes mortelles*)»⁹². Бродель внимательно ознакомился с вышедшей после немецкого поражения 1918 г. и пропумевшей тогда книгой Освальда Шпенглера «Закат Европы», с работами, предвещавшими упадок и даже возможную гибель евро-

⁸⁶ В новом издании «Средиземноморья...» Бродель отказался от применения этого термина.

⁸⁷ О книге Видаля де Лаблаша (*Vidal de Lablache P. Principes de géographie humaine*. Paris, 1922) Бродель говорит: «Мне кажется, что я читал и перечитывал ее от строчки до строчки. Ее суть (*la substance*) отражена в моей книге» (*Braudel F. La Méditerranée...*, p. 1092).

⁸⁸ *Braudel F. La Méditerranée...*, partie II, chapitre VI (I. Faillite de la bourgeoisie — p. 616—624; II. Une réaction seigneuriale — p. 624—643; III. Misère et banditisme — p. 643—661).

⁸⁹ *Revue historique*, 1950, vol. 3, p. 222.

⁹⁰ *Braudel F. La Méditerranée...*, p. 446—447.

⁹¹ *Revue historique*, 1950, vol. 3, p. 224.

⁹² *Valéry P. La crise de l'esprit*. — In: Valéry P. *Oeuvres*. Paris, 1945, p. 358.

пейской цивилизации. «Средиземноморье» было в какой-то мере ответом на эти мрачные предсказания, проявлением броделевского исторического оптимизма, во всяком случае иного понимания природы и хода исторических кризисов. «Некоторые немецкие мыслители,— писал он, явно имея в виду О. Шпенглера,— или питавшиеся немецкой мыслью утверждают, что происходит неизбежный упадок и отдельные исторические кризисы являются только его последовательными вариантами. Я со своей стороны всячески боролся с этой тенденцией, но недостаточно, о чем не могу не сожалеть»⁹³.

Известный английский историк Тревор-Роупер совершенно правильно определил время, которое освещает исследование Броделя: «...упадок Средиземноморья, момент, когда Европа переходит... от средиземноморской к атлантической экономике»⁹⁴. Но Бродель это как раз и оспаривает — он считает, что по крайней мере в тот период, которому посвящена его книга — вторая половина XVI в., — этот упадок еще не наступил: «Неужели достаточно было, чтобы четыре небольших судна обогнули мыс Доброй Надежды, чтобы закончилась тысячелетняя история выгодной торговли и блестящей цивилизации?». По его мнению, только с 1580 г. появляются признаки упадка, и лишь в XVII в. — а не в XVI столетии, вопреки широко распространенному мнению, — заканчивается прелюдная симиановская фаза А и начинается следующая фаза Б⁹⁵.

В этой связи Бродель высказал свои мысли о природе исторических кризисов. «Мне кажется,— писал он на заключительных страницах «Средиземноморья», — что история предстает перед нами как целый ряд кризисов, между которыми существуют какие-то площадки (*paliers*), эпохи равновесия, о которых историки говорят совершенно недостаточно. В осеннюю пору государств-городов, даже в их зиму расцветает итальянский Ренессанс, призванный поразить мир». В осеннюю пору средиземноморских держав — Турции, Испании — развиваются обширные цивилизации. «По-видимому, необходимо, чтобы отмирали какие-то ценности для того, чтобы рождались другие, отлич-

ные от них, но которые ими питаются, следуя беспощадному ритму смены смерти и жизни»⁹⁶. Исходя из такого понимания, Бродель и считал вторую половину XVI столетия своеобразной «исторической площадкой», периодом равновесия, когда только слегка обозначаются симптомы предстоящего тления, заката Средиземноморья.

Разумеется, не здесь решать этот спор. Нам хотелось лишь показать, что проблемы Средиземноморья XVI в. Бродель тесно связывает с проблемами «большой», «глобальной истории», к созданию которой он постоянно стремится.

«Средиземноморье» по самому построению книги, по ее общей методологии, по тому намеренно пренебрежительному отношению к «событийной» истории, которое Бродель всячески подчеркивает, может и должно вызывать споры и достаточно основательные возражения. И все же одно совершенно очевидно: в этой книге Бродель выявил себя как крупнейший мастер исторического исследования, как историк с поразительной эрудицией. Он работал в архивах Франции, Испании, Италии, Австрии; он поднял огромные, никем до него не исследованные фонды не только в Париже и Мадриде, но и в Венеции, Флоренции, Генуе, Риме (в том числе и в Ватикане), Неаполе, Палермо, Марселе, в Рагузе (Дубровник, где его поиск и оказались весьма плодотворными), в Вене, в Алжире, отдельных германских городах (Нюрнберге, Аугсбурге, Лейпциге, Дрездене). Он вел разведку и в турецких архивах. Трудолюбие и пытливость Броделя поразительны. «Его обширнейший горизонт (*panoramic visions*), — писал американский историк Гекстер, — чудо его исторической эрудиции заставляет меня краснеть за мой узкий кругозор и ограниченные знания»⁹⁷.

Уже в 1950 г. Бродель получил кафедру в Collège de France. После кончины Люсьена Февра в 1956 г. он стал руководителем журнала «Annales» и созданной по инициативе Февра VI секции Высшей школы практических исследований, ставшей одним из основных центров исторической науки во Франции. Но хотя Бродель и стал виднейшим ее организатором, он не оставил и своей исследовательской деятельности. Нарушая хронологическую последовательность, мы на ней несколько остановимся.

⁹³ Ibid., p. 1095.

⁹⁴ Trevor-Roper H. R. Fernand Braudel, the Annales and the Mediterranean. — Journal of Modern History, Chicago, vol. 44, N 4, 1972, dec., p. 476—477.

⁹⁵ Braudel F. La Méditerranée..., p. 1094—1096.

⁹⁷ Hexter J. H. Fernand Braudel and the Monde Braudélien. — Journal of Modern History, Chicago, 1972, N 4, p. 538.

В 1954/55 г. Бродель вел в Collège de France курс истории капитализма в новое время и курс истории Франции в XVI в., в 1956/57 г. — экономики XVIII в., в 1960—1962 гг. — курс «Материальная жизнь в XVI—XVIII веках». Все это были подготовительные работы к большому новому труду, первый том которого был издан в 1967 г., — «Материальная цивилизация и капитализм»⁹⁸.

Бродель уже давно задумывался над исследованием темы — «человек лицом к своей повседневной жизни» («L'homme face à la vie quotidienne»). Еще в 1944 г. в рецензии на книгу Максимилиана Сорра «Биологические основы географии человечества. Опыт экологии человека» («Les bases biologiques de la géographie humaine. Essai d'une écologie de l'homme») он в связи с замечаниями Сорра о соединении в питании жителей Средиземноморья хлеба, вина и оливок, писал: «Насколько же эти страницы о географии питания оригинальны и новы. Обычно — увы! — географы вовсе не проявляют внимания, признаваясь в этом, к тому, что люди едят. Но в этом вопросе они не отличаются от современных французских историков»⁹⁹.

К этому месту в рецензии Броделя Люсьен Февр сделал примечание, что под его руководством составляется сейчас «карта пищевых жиров во Франции», и Бродель сопроводил это примечание словами, что «история замены одних жиров другими будет представлять захватывающий интерес» (serait passionnante)¹⁰⁰. «Современные французские историки, — отмечал в той же рецензии Бродель, — в общем уделяют мало внимания истории питания, хотя в конце концов она, возможно, столь же интересна, как (денежная. — В. Д.) система Лоу или какой-нибудь другой классический вопрос. Имеем ли мы историю французской кухни или, вернее, кухонь? Или, например, историю растительного и сливочного масла?.. Многие ли из историков знакомы с трудностью изготовления сухарей, без которых в Средиземноморье... не было бы самых знаменитых армий. Можно было бы сказать — нет хлеба, нет флота»¹⁰¹. Так, уже в 1944 г. у Броделя зрел замысел

нового капитального труда, на который ушло еще 20 лет его жизни.

Книга эта тоже отличается обширностью и необычностью замысла, оригинальностью построения и изложения. Бродель на этот раз не ограничивается одним регионом или тем более одной Францией. Сторонник — и притом убежденный — коллективных методов исследования, он снова берет на себя одну огромную задачу изучения развития материальной цивилизации в XV—XVIII столетиях не только в Европе, но и в Азии, Африке, Америке.

Книга начинается с демографического очерка. Далее следует глава о «хлебе насущном» — то, о чем Бродель думал еще в 1944 г., — его важнейших разновидностях: хлеб, рис, кукуруза. Третья глава посвящена всем другим видам пищи — мясу, тем же жирам, рыбе, овощам, пряностям, сахару, соли и всем видам напитков. Жилищу и одежде посвящена четвертая глава, причем Бродель не оставляет без внимания и, притом на всех континентах, во всем их огромном разнообразии полы, стены, потолки, двери, окна, печи. В пятой и шестой главах Бродель изучает источники энергии и двигатели: животная сила, парус, дерево, уголь, железо, важнейшие технические изобретения. Во всех деталях рассматривается история путей сообщения. Развитию денежного обращения посвящена седьмая глава; восьмая и последняя главы — городам, которые с таким глубочайшим интересом он изучал еще в «Средиземноморье»; но на этот раз он говорит не только об итальянских или испанских городах, но и о Пекине, Санкт-Петербурге, Париже, Лондоне. Попутно он дает, например, при описании британской столицы очень яркое представление о социальных противоречиях, о «пролетарских» (термин Броделя) национальностях того времени, к которым он относит ирландцев и евреев после их изгнания из Центральной Европы.

Замысел всего исследования Бродель уточнил во введении к первому тому «Материальной цивилизации». При чтении его удивляют и вызывают недоумение три аспекта. Бродель отделяет материальную цивилизацию от экономической жизни и от капитализма. Материальная цивилизация — это «нижний этаж», рутинная — все то, что переходит по наследству, «элементарная жизнь», с величайшим

дактирования, где бы речь не шла о хлебе. Хлеб посещал его каждый день» (Braudel F. La Méditerranée., p. 280).

⁹⁸ Braudel F. La civilisation matérielle et capitalisme (XV—XVIII siècles). Paris, 1967. Vol. 1.

⁹⁹ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 163.

¹⁰⁰ Ibid., p. 167.

¹⁰¹ Ibid., p. 170. Недаром еще в «Средиземноморье» Бродель писал: «Не было дня, чтобы на своем загроможденном бумагами столе Филипп II не находил бы документа для ознакомления или ре-

трудом поддающаяся изменениям, это реальности «длительных циклов» — «la longue durée». Под экономической жизнью Бродель понимает «высший этаж», более «привилегированный», стоящий над повседневной жизнью. И наконец, над ней возвышается «третий этаж» — капитализм. Так, в трех планах должно вестись исследование: «Материальная, повседневная жизнь, чисто растительная, малозначительная; экономическая жизнь, более расчлененная, продуманная, представляющая собой как бы сумму правил почти естественной необходимости; и, наконец, функционирование капитализма (le jeu capitaliste), который наступает на все формы и экономической, и материальной жизни»¹⁰². До 1800 г. люди, в общем, живут «в скромном плане материальной жизни»¹⁰³. Этому периоду и посвящен первый том броделевского исследования.

Это разделение, в особенности отделение капитализма от экономической жизни, вызывает недоумение. Бродель ссылается на то, что капитализм¹⁰⁴ первоначально не охватывает все клетки, все звенья экономической жизни. Но ведь это вполне естественно, поскольку в ней «сосуществуют» и ведут между собой борьбу различные формы, различные экономические уклады. Броделю осталось неизвестным ленинское определение, основанное на Марксовой теории, что капитализм вырастает как бы ежедневно, из простейших товарных отношений¹⁰⁵. И это отразилось, конечно, отрицательно на всем построении труда Ф. Броделя.

В замысле «Материальной цивилизации» сказалась и теория «longue durée», выдвинутая Броделем¹⁰⁶. Она вызывает многочисленные толкования, и далеко не ясно

определена самим ее автором. Серьезная критика этой теории и всех вообще построений «глобальной истории» у Броделя дана в недавно вышедшей книге М. Н. Соколовой, хотя данное ею истолкование «longue durée» как некоего подобия «Вселенной, вечной и бесконечной, сжимающейся и разжимающейся в своей собственной безграничности»¹⁰⁷, представляется нам спорным. Бродель отчетливо отделяет «longue durée» от «très longue durée», т. е. отнюдь не рассматривает это понятие как «бесконечность».

В той же статье «La longue durée», говоря о периоде между XV и XVIII столетиями, Бродель указывает, что он «определил или, вернее, вслед за другими напомнил главные черты этого периода в истории Западной Европы как торгового капитализма, этапа большой длительности (étape de longue durée). Эти четыре или пять столетий экономической жизни вплоть до переворота XVIII в. и промышленной революции тесно связаны между собой»¹⁰⁸. Более того, свое понимание этого этапа «longue durée» он непосредственно сближает с пониманием исторического процесса у Маркса. «Мы говорили, — писал он в той же статье, — о торговом капитализме между XIV и XVI столетиями; речь идет об одной из исторических моделей, которые можно найти у Маркса». Таким образом, «longue durée» у Броделя совсем не сводится к «безграничности». Но все же это понятие слишком часто истолковывается им чересчур широко и неопределенно, как в данном случае с материальной цивилизацией. Недаром видный представитель современной буржуазной историографии Д. Барраклаф (Barraclough), при всем его уважении к Броделю, подчеркивает, что очень многие историки не разделяют его концепцию «longue durée» как почти неподвижную историю человека с точки зрения его отношений с окружающей средой.

Понадобилось 12 лет напряженного труда после опубликования в 1967 г. первого тома своей «Материальной цивилизации», чтобы Бродель завершил то, что он впервые задумал еще в 1952 г. В декабре 1979 г. был издан

¹⁰² Braudel F. La civilisation matérielle, vol. 1, p. 11.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Бродель считает, что самый термин «капитализм» появился поздно, не раньше чем в 70-х годах XIX в., а широкое распространение он получил только в «наше столетие». Он полагает, что «Маркс этого термина не знал» (Marx l'a ignoré). — Ibid., p. 10. Такое утверждение можно объяснить только недостаточным знакомством Броделя с Марксом.

¹⁰⁵ Во время дискуссии в Москве с советскими историками по этому вопросу уже после выхода первого тома его книги Ф. Бродель проявил живейший интерес к ленинским высказываниям о том, какую опасность в смысле развития капиталистических отношений представляет «всероссийская Сухаревка», и просил ознакомить его с точными текстами Ленина.

¹⁰⁶ Braudel F. La longue durée. — Annales, 1958, N 4 (перепечатано в кн.: Braudel F. Ecrits sur l'histoire).

¹⁰⁷ Соколова М. Н. Историческая теория Фернана Броделя. — В кн.: Французский ежегодник, 1972. М., 1974, с. 330—331; см. также: Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979.

¹⁰⁸ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 65.

весь его огромный труд в трех томах (в том числе и переработанный первый том) — около 1750 страниц¹⁰⁹. Появление этого трехтомника произвело большое впечатление. Влиятельная французская газета «Le Monde» посвятила труду Броделя целые две страницы и охарактеризовала его автора как самого видного современного французского историка¹¹⁰.

Сейчас еще рано давать оценку этому труду. Однако нельзя не признать, что он поражает эрудицией автора. Достаточно сказать, что по нашим неполным подсчетам в работе дано свыше 5700 ссылок на архивные источники и литературу. Даже если учесть, что в некоторых случаях ссылки на те или иные работы повторяются, эта цифра не может не удивлять; причем надо иметь в виду, что он совершенно свободно пользуется литературой на английском, немецком, итальянском, испанском и португальском языках. Как и в своих предыдущих трудах, он привлек архивы целого ряда стран, в том числе и советские архивы. Любопытная деталь: в Архиве внешней политики России он — едва ли не первый — использовал переписку русского консула в Лиссабоне — пример настойчивости и неиссякаемой любознательности. Характерно для Броделя, что, едва закончив свой трехтомник, он немедленно приступил к работе над «Историей Франции».

При всех этих огромных достоинствах, исследование Броделя вызывает, конечно, и ряд серьезных возражений, начиная прежде всего с его общей «трехэтажной» схемы.

В связи с выходом «Материальной цивилизации» нам хотелось бы остановиться на вопросе об отношении Броделя к Марксу. Еще после появления первого тома он заявил в одном интервью: «Ясно как дважды два четыре, что Маркс является основоположником современной исторической науки»¹¹¹. «Материальная цивилизация» свидетельствует о глубоком уважении к Марксу: более 40 раз он ссылается на него, причем неоднократно подчеркивает согласие с ним в тех случаях, когда Вернер Зомбарт и

Макс Вебер критиковали Маркса, в частности, по вопросу о протестантизме и капитализме¹¹².

В первом томе «Материальной цивилизации» он подчеркивает: «Маркс прав: разве тот, кто владеет средствами производства, землей, флотом, станками, сырьем, готовыми изделиями, разве он не занимает господствующей позиции?.. Это значит вернуться к языку Маркса, быть на его стороне даже тогда, когда отбрасываешь его точные выражения или слишком строгий порядок, в котором, по его мнению, движется все общество, переходя от одной структуры к другой»¹¹³.

Такие высокие оценки встречаются у Броделя чрезвычайно часто. В большой статье «История цивилизации», опубликованной в 1959 г. в XX томе «Французской энциклопедии», созданной Л. Февром, он писал: «Пренебрежение к Марксу... какое же это ребячество»¹¹⁴. О «гении Маркса» и секрете его все еще длящегося влияния, объясняющегося тем, что он был создателем «самого проникновенного социального анализа предшествующего столетия»¹¹⁵, Бродель говорит неоднократно¹¹⁶.

Очень любопытно, что впервые во втором и третьем томах «Материальной цивилизации» Бродель цитирует В. И. Ленина и подчеркивает — может быть, в этом отношении для него оказались полезными контакты с советскими историками — свое согласие с ним по вопросу о корнях капитализма¹¹⁷.

Хотя Бродель и подчеркивает, что он «ни разу не вступая в спор с Марксом»¹¹⁸, не следует придавать этому заявлению преувеличенного значения. К марксизму XX в. Бродель относится несколько скептически; он все еще ждет появления «шедевра марксистской историографии», который докажет возможность и целесообразность применения марксизма в истории.

Конечно, все эти оговорки, спорность ряда методологических положений, неясность столь важного для Броделя понятия «la longue durée», пренебрежение к «собы-

¹⁰⁹ Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV—XVIII siècles*. Vol. 1—3. Paris, 1979. Vol. 1. *Les structures du quotidien*. 538 p.; Vol. 2. *Les jeux de l'échange*. 600 p.; Vol. 3. *Le temps du monde*. 607 p.

¹¹⁰ Le Monde, 1979, 14 déc.

¹¹¹ Le Nouvel observateur, 1967, 12 juil., p. 25.

¹¹² «Мне очень трудно понять Вебера... В действительности я гораздо больше согласен с Марксом» (Le Monde, 1979, 14 déc. Интервью Ф. Броделя).

¹¹³ Braudel F. *La civilisation matérielle*, vol. 1, p. 495.

¹¹⁴ Braudel F. *Écrits sur l'histoire*, p. 297.

¹¹⁵ Ibid., p. 81.

¹¹⁶ Ibid., p. 53, 68, 80, 116, 216, 235, 262, 285, 290, 296, 297.

¹¹⁷ Braudel F. *La civilisation matérielle*, vol. 3, p. 547.

¹¹⁸ Rinascita, 1979, N 47.

тийной» истории дает все основания для критики его как теоретика. Но в историю науки Фернан Бродель войдет, по нашему мнению, прежде всего как автор двух ярких конкретно-исторических интереснейших трудов — «Средиземноморье» и «Материальная цивилизация».

Разумеется, они не свободны от недостатков. Известный английский историк Пламб (Plumb), считающий «Средиземноморье» «одним из важнейших исторических трудов, появившихся в нашем столетии», и чрезвычайно высоко оценивающий Броделя (но не его учеников), указал в рецензии на английское издание «Материальной цивилизации» на ряд слабостей книги и привел убедительные тому доказательства¹¹⁹. Разумеется, в таком труде, охватывающем несколько материков и освещающем такие аспекты, по которым почти не было исторических исследований и, следовательно, часто приходилось прокладывать тропу впервые, такие ошибки были почти неизбежны. Но зато в «Материальной цивилизации» прекрасно представлена та особенность Броделя как исследователя, которая была тонко подмечена Гекстером: «неутомимое стремление к собиранию всех деталей». Бродель, как писал Гекстер, испытывает «огромное удовольствие» и от изложения крупнейших линий развития, и в то же время мельчайших подробностей, иногда подробностей ради подробностей (details for details's sake). У него неудержимое стремление путешествовать повсюду, все видеть и обо всем рассказать, у него, как у Рабле, «интерес ко всему» и в результате «огромная подавляющая эрудиция»¹²⁰.

Гекстер подчеркивал эту особенность Броделя на примере «Средиземноморья». «Материальная цивилизация» принесла новое, весомое тому доказательство. Методологически Бродель — сторонник широчайших обобщений, «глобальной истории», но как исследователь, как историк он, к величайшему счастью, «искатель жемчуга», пытливейший охотник за конкретными, мельчайшими деталями и в этом черпает, как отмечал Гекстер, «величайшее удовлетворение». Это счастливое сочетание и обеспечило Броделю

то высокое место во французской исторической науке XX в., которое он занял несмотря на все спорные стороны его исторической теории.

IV

Мы отмечали противоречивое отношение Броделя (и «Анналов» *тех времен*) к Марксу и марксизму. Но характернейшей чертой французской исторической науки послевоенных лет, в особенности 50-х и начала 60-х годов, было усиление уже вполне зрелой марксистской историографии. Этому в огромной степени содействовали победа Советского Союза во второй мировой войне, его решающая роль в разгроме фашизма и создание мировой социалистической системы. Тот же Барраклаф, подчеркивая усиление влияния марксизма в исторической науке еще с 30-х годов, писал, что после кризиса 1929 г. влияние марксизма распространилось во всех направлениях, и даже те историки, которые отрицают марксистское понимание истории, — а их вне Советского Союза подавляющее большинство — вынуждены пересмотреть свои позиции в свете марксистских идей. В 50-х годах во Франции можно уже говорить не только о влиянии марксизма на историков, не разделяющих марксистских идей, но и о чисто марксистской историографии, стоящей на самом высоком научном уровне и занявшей, наконец, твердые позиции в высшей школе.

Это сказалось прежде всего на истории Великой французской революции — этом важнейшем участке исторических исследований во Франции. Как мы уже отмечали, с начала века появление труда Жореса, а вслед за ним и исследований Альбера Матьеа, Жоржа Лефевра и Эрнеста Лабрусса широко раскрыло двери для проникновения марксистских идей и методов в историографию Великой революции. Их наиболее ярким представителем явился Альбер Собуль (род. 1914). Выходец из народных низов, рано лишившийся родителей (отец — крестьянин-бедняк, погиб на фронте, когда Собулю было всего полгода; мать умерла, когда ему не было и восьми лет), он рос на иждивении государства, как «*orphelin de la nation*» (воспитанник нации). Высшее образование он получил в 30-х годах, во время Народного фронта. Он стал любимейшим учеником Жоржа Лефевра. Так же как сам Лефевр признавал, что

¹¹⁹ New Statesman. London, 1973, 15 juin. По поводу другой статьи Пламба Эммануэль Леруа-Ладюри иронически писал: «Поклонник Броделя и ниспровергатель всех его учеников, Пламб хотел бы беспопашно срубить головы гидры „Анналов“ за исключением одной — головы учителя» (*Le Roy Ladurie E. Maître et disciples vus d'Amérique.* — Le Monde, 1973, 1 mars).

¹²⁰ Hexter J. H. Op. cit., p. 522—524.

находился под влиянием только Жореса, так и Собуль, по его собственным словам, считает Лефевра своим единственным научным вдохновителем ¹²¹. Уже в 1939 г. Собуль опубликовал свою первую работу по истории революции. Он был одним из руководителей студенческой коммунистической организации в Париже и стал членом компартии с того же 1939 г. Солдат-артиллерист в годы войны, Собуль принял активнейшее участие в Сопротивлении. В 1942 г. он был уволен из лицея в Монпелье, где начал преподавать, арестован и до конца войны находился на нелегальном положении ¹²². В 1945 г. Собуль переехал в Париж, где преподавал в лицеях и продолжил работу над докторской диссертацией «Парижские санкюлоты II года. Народное движение и революционное правительство

¹²¹ «Я признаю только двух своих учителей: мою тетку (коммунистку, скончавшуюся в 1963 г. — В. Д.) и Жоржа Лефевра. Они сформировали мой критический дух. Они научили меня любви к свободе и привязанности к обездоленным» (Из письма А. Собуля автору от 4 июня 1965 г.).

¹²² *Soboul A. Curriculum vitae. Paris, s d. [1967].*

(2 июня 1793 г. — 9 термидора II года)» ¹²³, которую он блестяще защитил в ноябре 1958 г. (получив бронзовую медаль Центра научных исследований). Этот капитальный труд (1168 страниц!) сразу же принес Собулю широкую известность и может быть с полным правом отнесен к числу лучших исследований, появившихся в послевоенной Франции.

Собуль избрал чрезвычайно важную и малоработанную тему — роль парижских народных низов в революции, особенно в ее кульминационный период — 1793—1794 гг. «В дополнение к изучению Конвента, — писал он, — и его комитетов, а также Парижской коммуны, которые по преимуществу привлекали внимание историков, мы хотим изучить парижский народ в его общих собраниях и секционных обществах; с изменением освещения появятся новые аспекты, которые пополнят наши знания». Именно эта роль народных (в частности, парижских) низов определила, по мнению Собуля, «оригинальные черты нашей национальной истории» ¹²⁴.

Эта необходимость изучения народных движений в годы революции ощущалась уже давно. Еще в 1878 г. Петр Кропоткин, страстно интересовавшийся историей французской революции, писал: «Будущая история революции должна быть историей народного движения за этот период» ¹²⁵.

Изучение роли крестьянских движений в революции значительно подвинулось вперед благодаря в первую очередь исследованиям Жоржа Лефевра. Но роль городских, и в частности парижских, низов, парижских секций все еще оставалась слабоосвещенной. Ею в XIX в. по первоисточникам занимались Жюль Мишле и консервативный историк Мортимер-Терно. Во время Коммуны произошел пожар в здании парижского муниципалитета, где хранились протоколы парижских секций, и казалось, что исследование их деятельности стало невозможным. Только в 1898 г. Эрнест Мелье обнаружил все же сохра-

¹²³ *Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire. 2 juin 1793—9 Thermidor An II. Paris, 1958 (сокр. рус. пер.: Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры/Под ред. и с введ. ст. А. З. Манфреда М., 1966).*

¹²⁴ *Soboul A. Les sans culottes parisiens, p. 17—48.*

¹²⁵ *Кропоткин П. А. Великая французская революция. 1789—1793. М., 1979, с. 460. См. выше нашу статью «Кропоткин — историк Великой французской революции».*

пившиеся материалы секций, но его внимание привлекли их структура, их будничная практика, но не политическая роль в революции ¹²⁶. Ф. Брэш в 1911 г. в своем исследовании «Коммуна 10 августа» осветил роль парижских секций только с 20 июня до 2 декабря 1792 г. ¹²⁷ П. Кропоткин, понимавший роль секций, был изгнан из Франции еще в 80-х годах и не мог поэтому исследовать парижские архивы. Известных успехов добился Н. И. Кареев, но первая мировая война помешала ему продолжить свои исследования ¹²⁸ (это сделал уже после революции его ученик, Я. М. Захер). К тому же как либерал Кареев и не мог в должной мере оценить самостоятельную революционную роль парижских секций. Именно это впервые и проделал А. Собоуль, который предварительно провел огромную многолетнюю работу по выявлению всех сохранившихся материалов.

На основании этих материалов о парижских секциях ¹²⁹ Собоуль и написал свой труд о роли парижских санкюлотов. Само это понятие подвергалось известной критике — его оспаривали советские историки Я. М. Захер и С. А. Лотте, отдававшие предпочтение старому энгельсовскому термину «плебейские элементы», или «предпролетариат». Но независимо от этой дискуссии, монография А. Собоуля с полным правом закрепила за ним репутацию замечательного знатока истории французской революции и лучшего исследователя роли в ней парижских низов.

Собоуль представил также бывшую обязательной во Франции дополнительную «малую диссертацию» (*la petite thèse*), которая должна была выявить способность к исследованию специальных источников. Он посвятил ее сельской округе Монпелье накануне падения старого порядка ¹³⁰ (как видно, даже тяжелые годы пребывания в Монпелье Собоуль сумел использовать для научных изысканий). Эта работа обнаружила превосходное знакомство ученого с аграрными отношениями во Франции XVIII в. За ней

последовал целый ряд статей, в которых, в частности, Собоуль оспаривал утверждения тех, кто отрицал существование во Франции феодальных пережитков накануне революции и на этом основании оспаривал буржуазный характер великой революции ¹³¹.

Собоуль явился также автором ряда больших обобщающих трудов по истории революции, в том числе «Французская революция и европейская цивилизация» ¹³². Ему принадлежит заслуга опубликования ряда трудов Ж. Лефевра, остававшихся после смерти замечательного историка в рукописи, и переиздания важнейших его книг ¹³³. Он осуществил третье издание «Великой французской революции» Ж. Жореса с весьма пространными примечаниями и библиографическими указаниями новейшей литературы за 70 лет после выхода труда Жореса ¹³⁴.

Признанием научных заслуг Собоуля явилось почти единогласное избрание его (75 голосов из 86) в июне 1967 г. руководителем кафедры по истории революции в Сорбонне, созданной в 1884 г. для Альфонса Олара. «Ответственное и тяжкое наследство, когда думаешь об Альбере Матъезе и Жорже Лефевре», — писал Собоуль после этого избрания ¹³⁵. Но это был не только его личный успех, это было свидетельство признания заслуг марксистской историографии и ее внедрения в университетскую науку в 50—60-х годах. Ведь еще в 20-х годах такой блестящий историк революции, как Альбер Матъез, не был допущен к руководству этой кафедрой, как «профессор с пикой», по определению «*Le Temps*».

¹²⁶ Mellier E. Les sections de Paris pendant la Révolution française. Paris, 1898.

¹²⁷ Braesch F. La Commune du dix août. Etude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792. Paris, 1911.

¹²⁸ Список работ Н. И. Кареева о парижских секциях см.: Кареев Н. И. Историки французской революции. Л., 1924, т. 3, с. 299.

¹²⁹ Soboul A. Les papiers des Sections de Paris (1790 — an IV). Répertoire sommaire. Paris, 1950.

¹³⁰ Soboul A. Les campagnes montpelliéraines à la fin de l'Ancien régime. Propriété et cultures d'après les compoix. Paris, 1958.

¹³¹ Soboul A. La France à la veille de la Révolution, t. I. Economie et société. Paris, 1966; 2e éd., 1974; см. также: Soboul A. Paysans, Jacobins et Sans-culottes. Essais d'histoire révolutionnaire. Paris, 1966* (сб. статей).

¹³² Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. Paris, 1962; 2e éd., 1964; *Idem*. La civilisation et la Révolution française. La crise de l'Ancien régime. Paris, 1970; см. также: *Idem*. La Première République. Paris, 1968 (рус. пер.: Собоуль А. Первая республика/Под ред. А. З. Манфреда. М., 1976).

¹³³ Lefebvre G. Les études orléanaises. Paris, 1962—1963. *Vol. I, II; *Idem*. Cherbourg à la fin de l'Ancien régime. Caen, 1965; *Idem*. La naissance de l'historiographie moderne; *Idem*. La France sous le Directoire. Paris, 1977 (в подготовке издания этой книги участвовал Ж. Б. Сюратто).

¹³⁴ Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française. Edition revue et annotée par Albert Soboul. Paris, 1968—1972. Vol. I—VI.

¹³⁵ Письмо А. Собоуля автору от 29 июня 1967 г.

Другим серьезным достижением марксистской историографии явилось исследование Клода Виллара «Социалистическое движение во Франции (1893—1905). Гедисты»¹³⁶, защищенное с успехом в качестве докторской диссертации.

Клод Виллар (род. 1922) уже очень рано был связан с демократическим движением. Его отец, Марсель Виллар, был видным прогрессивным адвокатом, защитником Георгия Димитрова на знаменитом лейпцигском процессе и французских депутатов-коммунистов в 1940 г. Вместе с отцом Виллар впервые посетил СССР еще в 1934 г. и побывал на Магнитогорском комбинате, тогда только вступившем в строй. Участник Сопротивления, он в феврале 1944 г. вступил во Французскую компартию.

Во время пребывания в Сорбонне он готовил свой университетский диплом о Бабефе под руководством Ж. Лефевра. Кстати, изданные им и Жерменой Виллар Избранные произведения Бабефа произвели очень хорошее впечатление на В. П. Волгина. Как сообщает сам Виллар,

¹³⁶ Willard Cl. Le mouvement socialiste en France (1893—1905). Les guesdistes. Paris, 1965.

на его формирование как историка-марксиста наибольшее влияние оказали Ж. Брюа, Э. Терсен и Ж. Дотри¹³⁷. Свою докторскую диссертацию Виллар готовил под руководством Э. Лабрусса. Совершенно новой была сама тема исследования. Не только в XIX, но и в первой половине XX в. такая тема для докторской диссертации была бы еще совершенно неприемлемой для «сорбоннаров». Только Жорес и тут совершил смелый прорыв. Еще в 1892 г. он представил — и притом на латинском языке! — диссертацию на тему о первых немецких проявлениях социалистической мысли у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля¹³⁸.

Самая тема, избранная Жоресом, не может не вызвать некоторого изумления, и объясняется это, верно, тем, что он тогда только начинал знакомиться с теорией научного социализма. О некоторых социалистических идеях можно говорить лишь по отношению к Фихте, автору «Замкнутого торгового государства», да и то В. П. Волгин, изучавший социальные идеи Фихте, категорически отказывался считать его социалистом¹³⁹. Во всяком случае Жоресу, этому искреннейшему последователю социалистических идей, принадлежала несомненная заслуга первым сделать историю социалистической мысли темой университетского исследования. Однако почти до середины XX в., хотя роль рабочего, массового социалистического и коммунистического движения во Франции стала исключительно велика, серьезных исследований по его истории, написанных во всеоружии новейших методов науки, не было¹⁴⁰. Именно таким исследованием и явилась монография К. Виллара.

¹³⁷ Из письма К. Виллара автору от 7 декабря 1977 г.

¹³⁸ Jaurès J. De primis socialismi germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel Paris, 1892.

¹³⁹ Противоположную точку зрения в советской литературе отстаивала Ю. Я. Мошковская, считавшая, что на Фихте серьезное влияние оказали идеи Бабефа (см. Мошковская Ю. Я. Отклики на процесс Бабефа в Германии — В кн. Французский ежегодник, 1960. М., 1961).

¹⁴⁰ Известным исключением можно считать только серьезную работу Жана Метрона, посвященную истории анархистского движения (Maitron J. Histoire du mouvement anarchiste en France, 1880—1914. Paris, 1951). Работы Лигу (Ligou D. Histoire du socialisme en France, 1871—1961. Paris, 1962) и Ж. Лефранка (Lefranc G. Le mouvement socialiste sous la Troisième République, 1875—1940. Paris, 1963) носят более общий характер и не являются докторскими диссертациями.

«Гедисты» поражают прежде всего исключительным богатством самой разнообразной документации, по большей части впервые использованной (перечень источников и библиография занимают 76 страниц ¹⁴¹). Виллар изучил материалы о Рабочей партии в Национальном архиве (особенно знаменитую серию F⁷ — «Police générale»). Первым — или во всяком случае одним из первых — он использовал интереснейший архив префектуры парижской полиции. Виллар ознакомился, кроме того, и с архивами 74 департаментов. Он использовал личные фонды Ж. Гедо (и коллекцию, собранную его внуком), К. Каутского, Э. Бернштейна, В. Либкнехта в Амстердамском институте социальной истории, П. Лафарга — в Институте марксизма-ленинизма в Москве, богатейший фонд видного гедиста Шарля Брюнеллера (80 томов переписки!) в Парижском институте социальной истории; архивы Габриэля Девиля и Люсьена Роллана в личной коллекции Мориса Домманже. Исключительную ценность представляет изучение локальной общесоциалистической и гедистской прессы — никто до Виллара не брал на себя выполнение этой задачи, которую он осуществил с поразительной тщательностью и полностью. Им изучена была пресса по 42 департаментам, в том числе и самые эфемерные издания, не пошедшие дальше нескольких номеров. Эта богатейшая документация дала возможность К. Виллару написать исчерпывающее исследование — и притом наиболее объективное — о развитии гедизма в самый интересный период его истории, между 1893 и 1905 гг., до создания объединенной социалистической партии. Ни в одной из стран Западной Европы — даже в Германии — нет таких исчерпывающих исследований по истории социал-демократии; и книга Виллара с полным правом может рассматриваться как эталон для создания в будущем таких монографий. Особенное значение имело изучение Вилларом социального состава партии и ее избирателей, попытка исследования «роли структуры рабочего класса в развитии идеологии». Этим вопросам — «имплантации партии» — посвящен большой раздел книги (четыре главы). Большой интерес представляет исследование тактики Рабочей партии во время дела Дрейфуса — Виллар первым осветил разногласия, возникшие в это время между Гедом и Лафаргом.

Руководителем исследования Виллара, как уже отмечалось, был Эрнест Лабрусс, ставший вслед за Марком Блоком заведующим кафедрой экономической истории в Сорбонне. Лабрусс в этот период играл крупнейшую роль в направлении исследований во Франции в области социально-экономической истории. С разных сторон на развитие науки и ее прогресс в эти годы влияли такие виднейшие историки, как Жорж Лефевр, Эрнест Лабрусс, Фернан Бродель. Нам представляется, что 50-е — первая половина 60-х годов были для исторической науки во Франции исключительно плодотворным периодом. Но во второй половине 60-х годов и особенно в 70-х годах во французской исторической науке, при всем ее общем поступательном движении, появляются новые тенденции, идущие вразрез с теми традициями, которые вырабатывались во весь предыдущий рассмотренный нами период.

V.

Те основные тенденции во французской исторической науке 50-х годов, которые мы анализировали, получили свое дальнейшее развитие в 60—70-х годах. Мы приведем здесь только несколько примеров ценных исследований, по преимуществу в области социально-экономической истории, свидетельствующих о дальнейшем поступательном движении, об общем высоком уровне французской исторической науки, большой тщательности в технике исследования. Из числа медиевистов нельзя не упомянуть Жоржа Дюби, пожалуй крупнейшего из всех продолжателей Марка Блока. Уже его докторская диссертация, посвященная деревне района Маконнэ, показала, что Дюби является глубоким знатоком французской средневековой деревни ¹⁴². Вышедший через 8 лет обобщающий труд о деревенской экономике средневекового Запада укрепил эту репутацию Ж. Дюби ¹⁴³. Его работы — Дюби

¹⁴² DUBY G. La société aux XI et XII siècles dans la région mâconnaise. Paris, 1954; 2e éd., 1973.

¹⁴³ DUBY G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval (France, Angleterre, Empire IX—XV siècles). Paris, 1962; 2e éd., 1970. Из новейших работ Дюби, появившихся в 70-е годы, отметим: DUBY G. Hommes et structures du moyen âge. Paris, 1973; *Idem*. Guerriers et paysans VII—XII s. Premier essor de l'économie européenne. Paris, 1973; *Idem*. Le dimanche de Bouvines. Paris, 1973; *Idem*. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris, 1978. См. также: Бессмертный Ю. Л. Три новые книги Ж. Дюби. — В кн.: Средние века. М., 1975, вып. 39.

¹⁴¹ Willard C. Le mouvement socialiste en France, p. 669—745.

является сейчас членом Института (Академия наук) — высоко оцениваются всей французской историографией, хотя отдельные его положения и подвергаются критике¹⁴⁴.

Со времени появления ценнейшего исследования, хотя и локального, но имевшего большое значение для понимания путей исторического развития всей страны, — мы имеем в виду «Крестьян Севера...» Жоржа Лефевра — во Франции в указанные годы появился ряд новых монографий, посвященных отдельным департаментам и даже районам, но обладающих в той или иной мере достоинствами, присущими классической книге Лефевра. К числу таких монографий, безусловно, может быть причислено обширное исследование Пьера Губера, посвященное южной части Пикардии — Бове и его району в XVII и начале XVIII в.¹⁴⁵ Некоторые французские ученые (например, Пьер Шоню — мы еще подробнее будем говорить о нем) считают главной заслугой Губера изучение демографических процессов и использование с этой целью архивов деревенских приходов, ранее не разрабатывавшихся. Они видят в Губере лишь одного из основоположников исторической демографии, чрезвычайно развившейся во Франции в середине XX в. Нисколько не отрицая этих его заслуг, мы придерживаемся несколько иной точки зрения, высказанной нами еще в 1963 г.: «Для понимания социально-экономических процессов, происходивших в Пикардии, большой интерес представляют исследования, публиковавшиеся в последние годы П. Губером... они дают превосходный материал для характеристики истории формирования капиталистических отношений в Пикардии»¹⁴⁶. Не случайно, что так называемая дополнительная диссертация Губера была посвящена двум «капиталистическим семьям», ярким представителям мануфактурной стадии капиталистической промышленности во Франции¹⁴⁷. Более поздний период — XVIII в. — и аграрные отношения, сложившиеся в северной Бургундии, освещает

прекрасная монография П. Сен-Жакоба¹⁴⁸, вышедшая, к сожалению (как в свое время ценный труд Шарля Балло о французской промышленности в XVIII столетии), уже посмертно. Вопрос о «феодальной реакции», ставший теперь чрезвычайно дискуссионным¹⁴⁹, в книге Сен-Жакоба получил совершенно точное, объективное, научное отражение.

Опыт освещения всей многовековой аграрной истории Франции дан в четырехтомнике, опубликованном под общей редакцией Жоржа Дюби¹⁵⁰.

Внимание виднейших французских историков, как и в предыдущие периоды, было сосредоточено по преимуществу на изучении аграрной истории Франции, на судьбах французской деревни. Одним из немногих счастливых исключений явилась работа П. Дейона, посвященная, как и исследование П. Губера, Пикардии — ее столице Амьену¹⁵¹. Эта «столица шерсти», как ее называл А. Деманжон, давно заслуживала специального изучения, и оно с успехом было осуществлено П. Дейоном.

Локальные процессы освещает и лучшее после «Гедистов» Клода Виллара исследование по истории рабочего и социалистического движения во Франции — монография Роланды Трампе, посвященная горнякам Кармо, района, с которым связана была и деятельность Жана Жореса¹⁵². По исключительной тщательности обработки и богатству материалов об экономическом положении шахтеров этого района двухтомное исследование Р. Трампе заслуживает самой высокой оценки. Отметим также двухтомную работу Мишель Перро, тщательно исследовавшую историю стачечного движения во Франции в 1880—1890 гг.¹⁵³

¹⁴⁸ *Saint-Jacob P.* Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien régime. Dijon, 1960.

¹⁴⁹ См., например: *Le Roy Ladurie E.* Revoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788. — *Annales*, 1974, Janv. — Févr.

¹⁵⁰ *L'histoire de la France rurale*; Vol. 1—4. Paris, 1975—1977. Vol. 1. La formation de la campagne française des origines à 1340; Vol. 2. L'âge classique des paysans de 1340 à 1789; Vol. 3. Apogée et crise de la civilisation paysanne de 1789 à 1914; Vol. 4. La fin de la France paysanne de 1914 à nos jours. Подробный критический обзор этого издания см.: *La Pensée*, 1977, N 194.

¹⁵¹ *Deyon P.* Etude sur la société urbaine au XVII siècle. Amiens, capitale provinciale. Paris, 1967.

¹⁵² *Trempe R.* Les mineurs de Carmaux. 1848—1914. Paris, 1971. Vol. I, II.

¹⁵³ *Perrot M.* Les ouvriers en grève. France, 1871—1890. Paris, 1974. Общий уровень работ по истории социализма во Франции (см.

¹⁴⁴ *Бессмертный Ю. Л.* Предпосылки и характер крестьянских движений во Франции XIV в. — В кн.: *Французский ежегодник*, 1974. М., 1976; *Он же.* Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1969, гл. IV, § 5.

¹⁴⁵ *Goubert P.* Beauvais et Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France au XVII siècle. Paris, 1960.

¹⁴⁶ *Далин В.* Графы Бабеф накануне и в годы Великой французской революции (1785—1794). М., 1963, с. 63.

¹⁴⁷ *Goubert P.* Familles marchandes sous l'Ancien régime: les Danse et les Motte de Beauvais. Paris, 1959.

На примере Л. Февра и Ф. Броделя мы уже видели, какой большой интерес проявляли французские историки XX в. к изучению истории Испании. Эта тема — опять же в несколько ограниченном масштабе одной, но, правда, важнейшей испанской провинции, Каталонии — была разработана Пьером Виларом в его трехтомном фундаментальном исследовании «Каталония в Испании нового времени: Исследования экономических основ национальных структур»¹⁵⁴. Уже само название диссертации ясно говорит о методологических основах, из которых исходил Вилар, выступивший на XI Международном историческом конгрессе в Стокгольме (1960) с докладом «Экономический рост и исторический анализ». Вилар — ученик и продолжатель Э. Лабрусса, который после своего перехода на пенсию передал ему руководство кафедрой в Сорбонне и созданным им Институтом экономической и социальной истории. Диссертация Вилара принадлежит к числу лучших исторических трудов, изданных во Франции во второй половине XX в. Большой интерес Вилара к методологическим проблемам¹⁵⁵, та принципиальность, с которой он отстаивает историческую концепцию Маркса, за-

воевали ему большой авторитет во французских научных кругах и свидетельствуют о росте влияния идей марксизма.

Однако со второй половины 60-х годов и особенно в 70-х годах все более проступает и новая тенденция, яснее всего представленная в работах представителей «третьего поколения» «Анналов». Именно на их работах мы и хотим остановиться в этой последней части нашего обзора, посвященной судьбам школы «Анналов». Заранее оговариваем, что вследствие этого мы оставляем в стороне ряд интересных и ценных работ и в области международных отношений (в том числе исследования виднейшего ученика П. Ренувена — Ж. Б. Дюрозелля), и в области чисто политической истории (например, работы, вышедшие из школы Ф. Гогеля), и исследования из области культурной истории (интересные работы Р. Мандру и др.).

Мы начнем эту часть нашего обзора с монографии, вызвавшей к себе, с одной стороны, большой интерес, положительные и даже восторженные отзывы, а с другой — критические и вполне справедливые замечания. Речь идет о докторской диссертации «Крестьяне Лангедока» Эммануэля Леруа-Ладюри¹⁵⁶, играющего большую роль в современной французской исторической науке, в том повороте, который осуществляет новое поколение «Анналов»¹⁵⁷. Родившийся в Нормандии в 1929 г. Леруа-Ладюри в ранней молодости был фанатичным католиком. Так, он участвовал в крестном ходе с участием будущего папы Пия XII по поводу канонизации одной из новых святых. У него было тогда даже намерение стать священником. Но трагические судьбы Франции сказались и на его жизненном пути. В 1949 г. Леруа-Ладюри становится коммунистом — в этот период большое влияние на него оказывал уже упоминавшийся нами Жан Брюа, известный французский историк-коммунист¹⁵⁸. В 1953—1963 гг. Леруа-

¹⁵⁶ Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. Paris, 1966.

¹⁵⁷ Stoianovich T. French Historical Method. The Annales Paradigm. Cornell University Press/With a foreword by F. Braudel. Ithaca a London, 1976. «Вторым поколением» «Анналов» Стоянович считает период 50—60-х годов, когда во главе журнала и всей «школы» стал Фернан Бродель. Леруа-Ладюри представляет «третье поколение» «Анналов».

¹⁵⁸ Автор ряда ценных работ, в том числе биографии Ленина (1960; 3-е изд., 1976), Маркса и Энгельса (1970; 2-е изд., 1971), «Eugène Varlin» (1975), «Gracchus Babeuf et les Egaux» (1978); специалист по истории Парижской Коммуны, один из редакторов коллективного труда «La Commune de Paris» (1970).

работы Д. Лигу, Ж. Лефранка и т. д.) все же еще недостаточно высок. Показательно, что лучшие биографии виднейших деятелей французского социалистического движения написаны зарубежными историками (Г. Гольдбергом о Жоресе; Ж. Зибурой о Леоне Блюме). Отметим вышедшую под редакцией Ж. Дроза четырехтомную историю социализма (Histoire générale du socialisme/Publiée sous la direction de J. Droz. Paris, 1972—1978. Vol. 1—4). Ценнейшим пособием является многотомный «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français» (Paris, 1965. Vol. 1—), выходящий под редакцией Жана Метрона. Укажем также ценный журнал, основанный Ж. Метроном, «Le mouvement social» (вышло уже свыше ста номеров), посвященный истории социализма. В настоящее время его редактором является знаток истории французского социализма Мадлена Реберуи.

¹⁵⁴ Vilar P. La Catalogne dans l'Espagne moderne: Recherches sur les fondements économiques des structures nationales. Paris, 1962. Vol. 1—3.

¹⁵⁵ См., например: Vilar P. Marxisme et l'histoire.— Studi storici, 1960, N 5; Idem. Histoire sociale et philosophie d'histoire.— La Pensée, 1964, N 118; Idem. Pour une meilleure compréhension entre économistes et historiens.— Revue historique, 1965 avril — juin; Idem. Histoire marxiste, histoire en construction.— Annales, 1973 (перепечатано в кн.: Faire l'histoire. Sous la direction de Jacques Le Goff et Pierre Nora. Paris, 1974. Vol. 1) и т. д. Сборник статей П. Вилара издан в Италии (Vilar P. Lo sviluppo economico storico. Bari, 1970). См. также беседу с П. Виларом в кн.: Aujourd'hui l'histoire, p. 121—131.

Ладюри преподает сперва в лицее, а потом в университете Монпелье. С 1956 г. начинает публиковать свои научные статьи — к этому времени он покидает компартию. Позднее он объяснил это не тем, что рвет с Марксом («я всегда считал, что общий подход марксизма чрезвычайно плодотворен»), а тем, что его отталкивали «слишком прямолинейные взгляды» (*le crêdo précis*) сторонников марксизма¹⁵⁹. Одна из его первых статей в «*Annales*», появившаяся в 1959 г., была посвящена климату и истории. Климатология и демография (в частности, «зловещие секреты», ограничивающие деторождение) являются темой и ряда других статей в 60-х годах¹⁶⁰. В 1962 г. появляется его «История Лангедока», и, наконец, его диссертация, опубликованная в 1966 г., закрепляет за ним широкую известность. Почти одновременно, в 1967 г., он публикует и интересное исследование по истории климата¹⁶¹.

Монография Э. Леруа-Ладюри представляет собой, несомненно, оригинальное, не стандартное исследование. В нем использован ценный источник — «*comproix*» (регистры, описи, составлявшиеся при взимании «*taille réelle*»). «*Comproix*» эти в некоторых местностях Лангедока велись с XIV столетия; их использование и обработка потребовали многолетнего труда. Автор проявил большую осведомленность в специальных вопросах климатологии, гляциологии, ботаники, почвоведения. Книга прекрасно написана, в ней бьется новая мысль. Но стремление быть всегда оригинальным хотя и придает большой интерес и «*Крестьянам Лангедока*» и другим работам Ладюри, но часто приводит пусть к эффектным, но поспешным и непроверенным выводам. К тому же на «*Крестьянах Лангедока*» отрицательно сказался тот пересмотр мировоззрения, который происходил в течение этого десятилетия у Ладюри. Как он сам пишет в предисловии, он начал работу, увлеченный стремлением изучить на примере лангедокской деревни «происхождение капитализма» (*les origines du capitalisme*). Но по мере изучения фактического материала (и — добавим — изменения всей его общей концепции) он в корне

пересматривает свою точку зрения. Запутанный, сложный, крайне противоречивый материал как бы «сбил с ног» Ладюри, и он пришел к выводу, совершенно противоположному его начальному тезису, — выводу, сформулированному им в параграфе, озаглавленном «*Выкидыш капитализма*»¹⁶². Капиталистические отношения не получили, по его мнению, дальнейшего развития. Вот почему с 1958 г. историк принял решение отказаться от рассмотрения проблем собственности. Бросается в глаза расхождение между работами русских историков Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого, между классическим трудом Ж. Лефевра «*Крестьяне Севера...*» и «*Крестьянами Лангедока*». В своем содержательном отзыве на монографию Леруа-Ладюри советские историки А. Д. Люблинская и В. Н. Малов указали крупный недостаток книги — «отсутствие главы о социальной структуре»¹⁶³. Как видим, этот недостаток отнюдь не был случаен.

С огромным интересом Леруа-Ладюри рассматривает зато демографические процессы. «Один фактор господствует, — пишет он, — увы, демография»¹⁶⁴. Недаром весь второй раздел книги озаглавлен «*Renaissance malthusienne*» («Мальтузианский ренессанс»). Правда, по мнению Леруа-Ладюри, в тот момент (1798), когда появился труд Мальтуса, для Франции и Лангедока он уже утратил свое значение — уже начался период подъема, и «ножницы» между ростом населения и отсутствием экономического прогресса постепенно исчезают. Но для «отсталых обществ» взгляды Мальтуса были совершенно правильными, а Лангедок с XV и почти до середины XVIII в. переживал, по мнению Ладюри, именно период «отсутствия роста»: при непрерывном демографическом взлете — полная «неподвижность» в развитии техники (*immobilisme technologique*), «окоченение» (*rigidité*) сельскохозяйственной продукции¹⁶⁵. Несколько лет спустя этот вывод Леруа-Ладюри перенесет на всю Францию и почти на всю Западную Европу в своей известной вступительной лекции в Collège de France — «*Histoire immobile*» («Неподвижная история»), но впервые это положение он сформулировал на примере Лангедока.

¹⁵⁹ См.: *Le Monde*, 1973, 21 juin. Беседа с Леруа-Ладюри заканчивается словами: «Есть что-то магическое в этом молодом человеке с седыми волосами, с взглядом, напоминающим лукавого священника (un air de clergyman malicieux)».

¹⁶⁰ *Le Roy Ladurie E. Démographie et funestes secrets: le Languedoc.* — ANRF, 1966.

¹⁶¹ *Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'an mil.* Paris, 1967.

¹⁶² *Le Roy Ladurie E. Les paysans du Languedoc. Deuxième partie. Renaissance malthusienne. Chapitre V. Avortement d'un capitalisme*, p. 326—328.

¹⁶³ Средние века. М., 1971, вып. 34, с. 318—323.

¹⁶⁴ *Le Roy Ladurie E. Les paysans du Languedoc*, p. 328.

¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 630—640.

Свое стремление обязательно представить свой собственный, оригинальный «новый» подход Ладюри проявил и в вопросе о народных, крестьянских движениях в Лангедоке, в своей трактовке знаменитого движения камизаров в начале XVIII в. Весь этот раздел в книге назван «Дикое восстания» («Les rébellions sauvages»). Когда-то по поводу книги Н. И. Кареева о «Крестьянах во Франции» П. Л. Лавров писал: «Западный историк может лучше понять то, что относится к населению городского; русские же исследователи могут яснее и *сочувственнее* (курсив наш. — В. Д.) обработать... другую долю, которая принадлежит населению земледельческому»¹⁶⁶. И как раз этого «сочувствия» у Ладюри нет ни следа.

Маркс говорил о двух типах крестьянского движения, реакционном и передовом, Вандее и Севеннах, имея в виду именно движение камизаров. Но Леруа-Ладюри дает ему совершенно иное освещение. Душой движения он считает «конвульсионеров», людей, подверженных судорогам («convulsions»). Более того, он полагает, что кризисы индивидуальной и коллективной истерии преследуемых крестьян-гугенотов сопровождались «мазохистским (!) чувством виновности»¹⁶⁷. Рисуя портрет одного из вожаков движения, ткача Эспри Сегье (виновного якобы в молодости в изнасиловании девочки), который на костре зубами оторвал часть руки, оставшуюся у него после того, как палач отрубил половину ее, Леруа-Ладюри видит в этом «героический, но весьма мазохистский акт»¹⁶⁸. Война камизаров начинается «сновидениями, конвульсионным безумием (*délire convulsionnaire*), убийствами, кастрациями. Такие побуждения в большинстве случаев появляются по иррациональным мотивам». Их руководители подлежали бы прежде всего попечению врачей-психоаналитиков¹⁶⁹. В конечном счете Леруа-Ладюри видит в движении камизаров смесь «пророческого певроза и антиналогового протеста». Но «певрозу» он уделяет 16 страниц (611—627), а антиналогового протесту — только две (627—629)!

Описывая в еще более гнетущих тонах «карнавал в Романе» (1580), Леруа-Ладюри отмечает, что «через все народные движения того времени... красной нитью прохо-

дит тема похищения бедняками жен богачей и дворянских девушек», чему в Романе должно было предшествовать — по свидетельству одного составителя хроники, которое Ладюри приводит, хотя и сам считает его некоторым преувеличением, — убийство собственных жен¹⁷⁰.

Такова картина «*rebellions sauvages*». Совершенно правы А. Д. Люблинская и В. Н. Малов, отмечая, что «пророчество, колдовство, массовый гипноз и массовый психоз, действия полубезумных... — все это описано с почти клинической точностью. Классовая и социальная борьба тонет в стихии подсознательного, в апокалиптических видениях, в возбуждавших массы патологических эксцессах». Но историк «не может превращаться в психиатра». Между тем Леруа-Ладюри так и поступает, изображая движение камизаров как «разгул религиозного фанатизма и подсознательного начала»¹⁷¹.

В 1972 г. в связи с появлением кинофильма Рене Аллио «*Les maquisards du Dieu*» Ладюри повторил в еще более резкой форме свою оценку движения камизаров. Он осуждает стремление «прикрыть стыдливым занавесом аспекты безумия в лангедокском восстании, которым руководил Жан Кавалье. Молодой Фрейд объяснял это истерическое поведение сексуальным торможением, столь развитым в действительности у гугенотов, янсенистов и пуритан». Аллио показал в своем фильме, по словам Леруа-Ладюри, что «никогда народная война не была в социальном отношении менее революционной, чем эта»¹⁷².

«Крестьяне Лангедока» (как и книга о климате) принесли автору широкую известность. Еще до ее выхода в свет в 1963 г. он переезжает из Монпелье в Париж, где начинает работать в ставшей знаменитой VI секции Высшей школы практических исследований¹⁷³, созданной в 1946 г. Люсьеном Февром, а после его кончины руководимой со всем присущим ему организационным талантом и высоким научным авторитетом Фернаном Бродемом. Леруа-Ладюри становится постепенно одним из членов «*Staff*» — штаба «анналистов». В 1967 г. он отправляется в Соединенные Штаты как «*visiting professor*». Но эта поездка и вынесенные им впечатления связаны уже с новым явлением во французской исторической науке — появлением

¹⁶⁶ Лавров П. Л. История Франции под пером новых русских исследователей — Соч., Пг., 1918, вып. IX, с. 101.

¹⁶⁷ *Le Roy Ladurie F. Les paysans du Languedoc*, p. 624.

¹⁶⁸ *Ibid.*, p. 625.

¹⁶⁹ *Ibid.*, p. 627.

¹⁷⁰ *Ibid.*, p. 398.

¹⁷¹ Средние века. М., 1971, вып. 34, с. 393.

¹⁷² *Le nouvel observateur*, 1972, N 379.

¹⁷³ См. о ней: *Stoianovich T. Op. cit.*

математической, «вычислительной школы» или, точнее, как нам представляется, с французским ответвлением американской «кантитативной» школы «New Economic History», так называемых «клиометристов».

VI

Как мы видели, уже на рубеже XIX—XX вв. в значительной мере под влиянием «Социалистической истории» Жореса во Франции начинает расти интерес к экономической истории. В первой трети столетия об этом наглядно свидетельствуют труды Озе, А. Сэ, «Дороговизна и социальное движение во время террора» Альбера Матьева, в особенности работы Ж. Лефевра. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. в сильнейшей степени укрепил эту тенденцию. «Анналы» Марка Блока и Люсьена Февра, исследования Франсуа Симиана и особенно Эрнеста Лабрусса знаменовали новую фазу в развитии французской исторической науки. Эта тенденция доминировала и после освобождения Франции, в конце 40-х и в 50-е годы. «Эрнест Лабрусс, — констатировал недавно Жан Бувье, один из виднейших исследователей экономической истории Франции, — с 1943 г. и до последних лет был наиболее плодотворным инициатором исследований по экономической и социальной истории. . . Он определял их главное направление. Я горжусь тем, что был его учеником»¹⁷⁴. О сравнительно высоком уровне изучения экономической истории во Франции можно судить по ряду ценных трудов того же Жана Бувье по истории французских банков, в которых впервые были использованы архивы «Лионского кредита» и других банков¹⁷⁵, П. Леона по истории индустрии¹⁷⁶, Ж. Мевре о продовольственной проблеме¹⁷⁷,

¹⁷⁴ Bouvier J. Tendances actuelles des recherches d'histoire économique et sociale en France. — In: Aujourd'hui l'histoire, p. 134.

¹⁷⁵ Bouvier J. Le Crédit Lyonnais de 1863 à 1882. Paris, 1961. Vol. 1, 2; *Idem*. Le krach de l'Union générale, 1878—1889. Paris, 1960; *Idem*. Les Rothschild. Paris, 1960; Бувье Ж. Учреждение отделения Лионского кредита в царской России и предшествовавшие русским займам. — В кн.: Французский ежегодник, 1961. М., 1963; *Он же*. Капиталистическая прибыль во Франции в XIX в. — В кн.: Французский ежегодник, 1968. М., 1970.

¹⁷⁶ Léon P. La naissance de la Grande industrie en Dauphiné. Paris, 1954. По замыслу и под общей редакцией П. Леона (1914—1976) во Франции выходит сейчас шеститомная «Histoire économique et sociale du monde».

¹⁷⁷ Сборник важнейших статей Ж. Мевре (1901—1971) вышел уже посмертно (Meuret J. Etudes d'histoire économique. Paris, 1971).

уже упомянутые нами превосходная монография П. Видара об экономическом развитии Каталонии, труды П. Губера и т. д. Характерной чертой большинства этих исследований являлось то, что экономическая история не отрывалась от общей истории, от истории классовой борьбы.

Положение, однако, изменилось к середине 60-х годов и даже несколько раньше. Труды Симиана и Лабрусса выходили в период кризиса; в них — особенно у Симиана — основное внимание было сосредоточено на конъюнктуре, на сопоставлении цен и денежных ресурсов, — отсюда упомянутая нами концепция смен фаз А и Б в зависимости от колебания цен. Эта схема, навязанная экономикой 30-х годов, долгое время преобладавшая в исследованиях французских историков (того же, например, П. Губера), являлась явно недостаточной и в целом неточной. Но к 60-м годам мировой, и в особенности американский, капитализм, как казалось, вступил в фазу устойчивого, непрерывного роста, и это повлияло на представления некоторых экономистов и историков не только о развитии современного им капитализма, но и о всех предшествующих его фазах. Типичным трудом этой эпохи явился пресловутый «антикоммунистический манифест» Росту и его теория стадий экономического роста¹⁷⁸. Но появление этой теории совпало и с научно-технической революцией, и с применением в изучении истории электронно-вычислительных машин.

В результате в Соединенных Штатах — а вслед за ними и во Франции — стала приобретать все большее значение количественная, «кантитативная» школа в экономической истории, разрабатывавшая концепцию непрерывного экономического роста, по крайней мере с середины XVIII в. Одним из основоположников этой школы в США был профессор Гарвардского университета Симон Кузнец, уже в 30—40-е годы опубликовавший ряд работ о национальном доходе в Соединенных Штатах, сначала в XX, а затем и в XIX в., в которых он стремился математическими методами обосновать «модель» непрерывного роста¹⁷⁹. Симон Кузнец содействовал и финансированию

¹⁷⁸ Rostow W. The Stages of Growth. A non-communist Manifest. Cambridge, 1960.

¹⁷⁹ Kusnets S. National Income and its Composition, 1919—1938. New York, 1941. Vol. 1, 2; *Idem*. National Product since 1869. New York, 1946.

французской группы под руководством Яна Марчевского, которая в 1956 г. приступила к построению французской «модели» роста экономики в национальном масштабе¹⁸⁰. Эта инициатива была поддержана Ф. Перру (Perroux), возглавлявшим Институт прикладной экономики (Institut de science économique appliquée). В результате на протяжении 1961—1969 гг. было опубликовано девять выпусков «Кантитативной истории французской экономики» («Histoire quantitative de l'économie française»).

Мы ни в какой мере не намерены отрицать крупнейшее значение применения математических методов в исторической науке. Наши возражения направлены только против того, чтобы исследования «кантитативной» школы в экономической истории имели определенную «сверхзадачу» — оторвать чисто экономическую историю от истории социальной, от эволюции классовых отношений. Как правильно отметил Ж. Бувье, такой подход к чисто экономической истории «давал возможность, соблюдая утонченно-научную видимость, создавать апологетическую историю вечного роста вечного капитализма»¹⁸¹. Такой же критике подверг методологический подход Марчевского и П. Вилар¹⁸².

Все логические выводы из концепции и методов «кантитативистов» сделало новое направление в американской историографии — так называемых «клиометристов» — «New Economic History». Как отмечает Н. Н. Болховитинов, впервые этот термин появился в конце 1960 г. Это направление один из его виднейших представителей, Дуглас Норт, охарактеризовал как «революцию» в экономической историографии Соединенных Штатов¹⁸³. К этому времени американские историки получили возможность использовать достаточно мощную электронно-вычислительную технику. Так, например, авторы нашумевшего двухтомного исследования «Время на кресте» Робер Уильям Фогел (один из основоположников «клиометрической революции») и Стэнли Л. Энгерман имели в своем распоряжении десят-

ки высококвалифицированных исследователей, собиравших черновой материал, систематизировавших его, составлявших программы для вычислительных машин. «Без преувеличения можно сказать, — пишет Н. Н. Болховитинов, — что Фогел и Энгерман стояли во главе своеобразной фабрики, отдельными цехами которой руководили известные „клиометристы“ Р. Галлмэн, У. Паркер, Д. Сван, Р. Сатг, Дж. Фоуст и др.»¹⁸⁴ Это исследование пришло к поистине сенсационному — и более чем спорному — выводу, что вплоть до гражданской войны в США плантаторское рабовладельческое хозяйство, вопреки всем обычным представлениям, стояло на самом высоком уровне развития.

В своем стремлении доказать непрерывность и имманентность роста они выдвинули гипотезу, согласно которой никакие внешние факторы не подталкивали и не ускоряли этого роста («counter-factual hypothesis»). В частности, тот же Фогел выступил против общепринятого и в общем бесспорного тезиса о крупнейшей роли, которую сыграло в середине XIX в. железнодорожное строительство: «Не паровая машина и не паровоз, а усилия фермера и старое рабство, остававшееся совершенно рентабельным до своего последнего вздоха, создали американское богатство в прошлом столетии»¹⁸⁵. Это положение, которое представители «New Economic History» попытались обосновать в ряде трудов, даже видный французский «канти-таивист» Пьер Шюно — мы еще будем о нем говорить — назвал «абсурдным»¹⁸⁶. Американские «клиометристы» доказывали также, что исход гражданской войны 60-х годов, ликвидация рабовладения вызвали не рост американского капитализма, а скорее регресс в его развитии.

Ряд видных французских историков — П. Вилар, А. Собыль, Ж. Бувье — отнеслись крайне скептически к этим положениям «New Economic History», какими бы эффектными математическими выкладками, графиками, таблицами они ни обосновывались. «Демография, экономика являются только одной из составных частей исторического объяснения, — подчеркивал Альбер Собыль, — нельзя исклю-

¹⁸⁰ Marczewski J. Introduction à l'histoire quantitative. Genève, 1965, p. 40.

¹⁸¹ Bouvier J. Tendances actuelles des recherches d'histoire économique et sociale en France, p. 142.

¹⁸² Vilar P. Pour une meilleure compréhension entre historiens et économistes. «Histoire quantitative» ou économétrie retrospective. — Revue historique, 1965, avril—juin.

¹⁸³ Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, гл. 4. Плантационное рабство.

¹⁸⁴ Болховитинов Н. Н. Клиометристы и рабство в США (о книге Р. У. Фогела и С. Л. Энгермана «Время на кресте»). — Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 170.

¹⁸⁵ Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien, p. 19. См. также указанные работы Н. Н. Болховитинова.

¹⁸⁶ Chaunu P. Dépassement et prospective, p. 65.

чать из него людей. Изучая, например, вложения капитала, нельзя в то же время не заниматься теми, кто осуществлял эти вложения. Под влиянием американской «New Economic History» экономическая абстракция (Собуль явно имел в виду Я. Марчевского и его последователей. — В. Д.) завоевывает почву во французской исторической школе. Экономическая история сводится к статистике, индексам, графическим изображениям, на нее все больше влияют концепции и техника чисто экономических исследований, связанных с настоящим. „Модели“, выработанные для современности, систематически переносят на прошлое. История обезличивается — она теряет при этом свою душу»¹⁸⁷.

Однако идеи «количественной истории», основанной на применении исключительно математических методов, и основные положения «New Economic History» нашли самую восторженную поддержку Эммануэля Леруа-Ладюри, по бывавшего, как уже отмечалось, в 1967 г. в Принстонском университете, и другого представителя «третьего поколения» «Анналов», Франсуа Фюре. В своей книге «Территория историка», вышедшей в 1973 г., Леруа-Ладюри объединил все свои выступления по этому вопросу в первом разделе книги, озаглавленном «Количественная революция в истории»¹⁸⁸.

«В течение последних десяти лет,— заявил Леруа-Ладюри в 1967 г.,— экономическая и количественная история переживает вторую молодость. Она обязана этим омоложением новым теориям роста, введенным в нашу страну совсем недавно... Концепция роста победила. Понятия „промышленной революции“ и „технологических переломов“, которые в течение долгого времени были так популярны, отошли на задний план. Французские историки присоединяются к „клиометристам“ в Соединенных Штатах, среди которых ведущее место занимает Фогел»¹⁸⁹. При этом Леруа-Ладюри отдает решительное предпочтение этой новейшей американской школе даже по сравнению с «Анналами» первого поколения. «В этом отношении тоже

существует „американский вызов“ (un défi américain)¹⁹⁰. В течение 20 или 30 лет французская историческая школа превосходно жила, пользуясь наследством „отцов-основателей“ Люсьена Февра и Марка Блока. И, по крайней мере в области социальной, экономической и количественной истории, эта школа для историков других стран была передовой, авангардной. Техническая революция, которую мы переживаем, грозит все это изменить... Количественная революция совершенно изменила... ремесло историка»¹⁹¹. Будущее принадлежит только математическим методам, «научной историей является только количественная история»¹⁹². Основным инструментом историка становятся «ordinateurs» — электронно-вычислительные машины.

Леруа-Ладюри целиком поддержал положения школы «New Economic History», в том числе «counter-factual hypothesis»: «Ни война за независимость, ни строительство железных дорог, ни даже „новый курс“ Рузвельта не играли сколько-нибудь значительной роли и если бы и не было этих событий... все равно не произошло бы сколько-нибудь существенных изменений в темпах экономического роста»¹⁹³. В этой связи Леруа-Ладюри еще более решительно, чем его предшественники, отрицал и отрицает какое бы то ни было значение за «событийной историей». «Современная историография,— писал он в 1972 г.,— которая хочет быть вычислительной (quantifiée), структурной, вынуждена была... убить, чтобы жить: уже несколько десятилетий назад она осудила почти на полное исчезновение событийную историю и атомистическую биографию. Клио отворачивается теперь от этой долгой цепи событий, слишком простых и слишком легких, которыми упивались историки старого типа. Она ориентируется на изучение структур... собирание данных, которые могут послужить для сериальных или количественных исследований»¹⁹⁴.

Будущее, по его мнению, только за количественной историей. В Соединенных Штатах каждое сколько-нибудь

¹⁸⁷ Soboul A. Problèmes théoriques de l'histoire de la Révolution française.— In: Aujourd'hui l'histoire, p. 263.

¹⁸⁸ Le Roy Ladurie E. La révolution quantitative en histoire.— In: Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien, partie 1.

¹⁸⁹ Ibid., p. 18—19.

¹⁹⁰ Под этим названием в 60-х годах вышла книга известного французского буржуазного публициста и политического деятеля Серванта-Шрейбера, призывавшего к обновлению французской экономики по американскому образцу.

¹⁹¹ Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien, p. 14—15.

¹⁹² Ibid., p. 22.

¹⁹³ Ibid., p. 171—172.

¹⁹⁴ Ibid., p. 165.

серьезное научное учреждение обладает уже своим вычислительным центром. Во Франции предстоит то же самое. В 80-х годах будет развиваться количественная история. Мастер лапидарной формулы (к ней тогда же добродушно-иронически отнесся Ф. Бродель), Леруа-Ладюри закончил одну из своих статей словами: *«Историк завтрашнего дня будет программистом, или его не будет вовсе»* (курсив наш.— В. Д.)¹⁹⁵.

Эту высокую оценку «количественной истории» и даже взглядов «гипотетической» школы полностью подтвердил и другой видный представитель «третьего поколения» «Анналов», Франсуа Фюре (тоже в молодости, как и Леруа-Ладюри, разделявший коммунистические взгляды), побывавший в конце 60-х годов в Соединенных Штатах. Фюре также высоко оценил теорию «роста», занявшую «привилегированное место в развитии современной мысли западного мира». Он коснулся при этом и гносеологических проблем, считая, что «сериальная история» является *«революцией историографического сознания»* (курсив наш.— В. Д.). Применение математических, количественных методов, когда сам историк «программирует» подлежащие обработке «факты», делает совершенно очевидным, что нет какой-то исторической объективности — «историк не может теперь уйти от сознания, что он сам конструирует свои факты»¹⁹⁶.

После выступлений Леруа-Ладюри прошло уже около 10 лет. Он принимал участие в некоторых коллективных попытках количественной разработки истории, в частности данных французской военной статистики¹⁹⁷. Однако эти

¹⁹⁵ Ibid., p. 14 («l'historien de demain sera programmeur ou il ne sera plus»).

¹⁹⁶ Furet F. Le quantitatif dans l'histoire.— In: Faire de l'histoire, vol. II, p. 53 (первоначально статья была опубликована в: «Annales», 1974, N 1. L'histoire quantitative et la construction du fait historique). Франсуа Фюре является сейчас директором Ecole des hautes études en sciences sociales, возникшей на основе VI секции.

¹⁹⁷ Aron J.-P., Dumont P., Le Roy Ladurie E. Anthropologie du recrutement français d'après les comptes numériques et sommaires du recrutement de l'année (1819—1826). Paris, 1972. Леруа-Ладюри участвовал также в разработке данных о французских невообразах 1868 г.; см. также: Demonet M., Dumont P., Le Roy Ladurie E. Anthropologie de la jeunesse masculine en France au niveau d'une cartographie cantonale (1819—1930).— Annales, 1976, N 4. В том же номере журнала напечатана курьезная, с нашей точки зрения, статья: Gloor P. A., Houdaille J. La couleur des yeux à

исследования занимают все меньшее место в его деятельности. Об этом нагляднее всего говорит его последняя работа, которую сам историк охарактеризовал как «этнографический роман»¹⁹⁸.

«Программистом» Леруа-Ладюри отнюдь не стал, но не перестал быть историком. Эффектное предсказание не осуществилось. Математические методы выявили в последние годы свое крупнейшее, подчас решающее значение, особенно при разработке экономической, в частности аграрной, истории. Но «вычислительная история» никак не может устранить или подменить собой историю. «Révolution quantitative» оказалась лишь сенсацией, как и теория «непрерывного роста», вся иллюзорность которой была доказана экономическим кризисом 70-х годов. Тем не менее, когда в 1974 г. Роберт Фогел и Стэнли Энгерман посетили Париж, Э. Леруа-Ладюри вместе с Франсуа Фюре опубликовали беседу с американскими историками, в которой выразилось крайне сочувственное отношение к взглядам авторов «Времени на кресте»¹⁹⁹.

В своей вступительной лекции в Collège de France 30 ноября 1973 г. Леруа-Ладюри также считал нужным поддержать точку зрения Фогела. Южноамериканское рабовладельческое хозяйство отнюдь не было «умирающим», оно было чрезвычайно рентабельным, иногда даже более производительным, чем хозяйство на Севере, основанное на свободном труде. Труд негров-рабов был вполне производительным; уровень их эксплуатации южными плантаторами отнюдь не превышал того, который существовал на капиталистических предприятиях Севера. В экономическом отношении Юг стоял «гораздо выше стран Европейского континента, выше Франции, выше Бельгии».

l'époque du 1er Empire. Quelques commentaires sur l'évolution de ce caractère durant 238 ans. Конечно, при помощи вычислительных машин можно подсчитывать все что угодно, но стоит ли во славу «количественной истории» изучать изменения в окраске глаз за 238 лет?!

¹⁹⁸ Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. Paris, 1975. К этому же типу работ принадлежит и последняя книга Леруа-Ладюри (Le Roy Ladurie E. Le carnaval à Romans. Paris, 1978). См. о ней осторожный, но достаточно критический отзыв Ж. Дюби (Le Monde, 1979, 10 févr.): «Не будем обманываться по поводу жанра... Мы рискуем, что волна неоромантизма увлечет нас... Я жалею, что при той свободе, на которую дает ему (Леруа-Ладюри.— В. Д.) право его талант, он пускается иногда по слишком легкому пути».

¹⁹⁹ Le nouvel observateur, 1974, N 513, 9 sept.

Он отставал только от Англии и северных штатов. Только те историки, которые исходили из памфлетов аболиционистов, могли придерживаться противоположной оценки. Фогел и Энгерман преподали урок историкам Европы²⁰⁰. Все это увлечение американской «клиометрией», «новой экономической историей» оказалось в конечном счете кратковременным, конъюнктурным явлением, но оно было чрезвычайно характерным для «анналистов» «третьего поколения».

VII

Мы подчеркивали раньше, какое огромное значение основатели «Анналов», прежде всего Марк Блок, а также и Люсьен Февр, придавали изучению экономической истории; в этом они видели в значительной мере задачу и особенность своего издания. Л. Аллегро и А. Торре, авторы весьма содержательной, хотя и недостаточно критической работы об «Анналах», вышедшей недавно в Италии, привели очень любопытное высказывание по этому поводу Марка Блока. В рецензии на книгу Озе и Реноде о Ренессансе он писал: «Та часть книги, очень талантливо написанная Реноде, в которой он рассматривает вопросы религиозной, интеллектуальной и художественной истории, совершенно не входит (*échappe entièrement*) в сферу компетенции нашего журнала»²⁰¹.

Уход из жизни Марка Блока не мог не сказаться на направлении журнала. Самое его переименование в «Annales: Economie, Sociétés, Civilisations», как мы уже отмечали, представляется нам не случайным. Но пока во главе «Annales» оставался Ф. Бродель, это изменение сравнительно мало сказывалось на том месте, которое в нем отводилось проблемам экономической истории. С приходом представителей «третьего поколения» положение существенно изменилось. Более чем сочувственно относящийся к «Анналам» Троян Стоянович вполне объективно это отметил: «Экономическая история перестала быть основной темой (*last ground*) для историков школы „Анналов“, и, как уже подчеркнул Франсуа Крузе, интерес к гло-

бальной истории привел к „любительству“ (*amateurism*) и вовсе не обязательному „рассеянию усилий“, что принесло наибольший ущерб экономической истории»²⁰².

Этот перелом вытекал, как нам представляется, из новой методологической позиции, отстаиваемой прежде всего Э. Леруа-Ладюри, в котором А. З. Манфред справедливо видел главу, лидера «новой» школы²⁰³. В своей вступительной лекции в Collège de France, носившей программный характер, Леруа-Ладюри, характеризуя историю Франции от XIV до середины XVIII в., указал: «Упомянувшиеся нами колебания в экономическом развитии в конечном счете порождались резкими демографическими скачками. Они обуславливаются биологией... ею они моделируются. *От XIV до XVIII в. экономика является скорее служанкой, чем хозяйкой* (курсив наш.— В. Д.). Не она ведет, а скорее ее ведут. Как бы она ни была важна, в конце концов она оказывается послушной главным силам жизни и смерти. Что касается велений политики или борьбы классов, время их могущества было еще впереди»²⁰⁴.

В «Крестьянах Лангедока» стержнем всего исследования (после того как Леруа-Ладюри отказался от своего первоначального замысла — изучения происхождения капитализма) стало изучение демографических процессов. В «Неподвижной истории» этим демографическим и биологическим процессам отведена решающая роль в развитии всей Франции за четыре века. В XI—XIII вв. страна переживала расцвет и экономический, и демографический, шел непрерывный рост. Но с XIV столетия наступает длительной застой. Народонаселение в XIV — первой трети XVIII в. находится на одном уровне; объем сельскохозяйственной продукции не возрос. В чем же причина этого застоя? Леруа-Ладюри дает ему неожиданное и чисто биологическое объяснение: из Центральной Азии происходило вторжение в Западную Европу и Францию крыс и чумных блох. С начала XIV в. их заносят караваны с шелком и монгольские армии. Создается — Леруа-Ладюри не может отказаться от неожиданной и эффектной, вполне современной терминологии — «общий рынок (*marché commun*) бацилл и вирусов»; первое «короткое замыкание» — это знаменитая «черная чума» 1348 г. Цепь

²⁰⁰ *Le Roy Ladurie E. Histoire immobile. Léçon inaugurale au Collège de France 30 novembre 1973.* — Annales, 1974, N 3, p. 678—679.

²⁰¹ Annales d'histoire économique et sociale, 1930, p. 591. Цит. по: Allegro L., Torre A. La nascita de la storia sociale in Francia. Dalla Comune alle «Annales». Torino.

²⁰² Stoianovich T. Op. cit.

²⁰³ См.: Манфред А. З. Некоторые тенденции зарубежной историографии. — Коммунист, 1977, № 10, с. 113.

²⁰⁴ *Le Roy Ladurie E. Histoire immobile*, p. 689.

эту завершает вспышка чумы в Марселе в 1720 г. В 1300—1650 гг. происходило «микробное объединение мира» (*l'unification microbienne du monde*)²⁰⁵.

Леруа-Ладюри не отрицает и роль войны; он напоминает о четырех грозных всадниках из Апокалипсиса: война, чума, эпидемии, голод. Но и война связана с тем же биологическим фактором, с тем же нашествием бактерий. Армия Ришелье в XVII в. не превышала 8 тыс. человек, но вызванные ее передвижением по всей стране чумные вспышки, инфекционные болезни уносят миллионы человек. Точно так же уже позднее, в XVIII в., в Анжу дизентерия останавливает начавшийся подъем. Так биологические факторы играют определяющую роль — ими обуславливается экономика. В конечном счете «она дрейфует в зависимости от биологии, от ритма агрессии микробов» (курсив наш. — В. Д.)²⁰⁶.

Леруа-Ладюри никак нельзя отказать в умении найти для своих мыслей блестящую, афористическую форму. Но соответствует ли яркое, запоминающееся определение — «неподвижная история» — подлинной исторической действительности? Мы в этом глубоко сомневаемся. Во всяком случае та тенденция, которая проводится во втором томе «*Histoire rurale de la France*», выпущенном в 1976 г. под редакцией Э. Леруа-Ладюри, встретила серьезные возражения, поскольку эта формула отнюдь не содействовала выяснению тех изменений, которые хотя и медленно, но безусловно происходили в сельскохозяйственной технике²⁰⁷. Дискуссия, развернувшаяся в 1974—1977 гг. между Морино, с одной стороны, и Леруа-Ладюри и Нево — с другой, точка зрения компетентного и авторитетного исследователя Б. Х. Сливхера ван Барта²⁰⁸ и в значительной мере также Ж. Дюби показывают, что тезис о «стагнации» требует еще очень и очень тщательной проверки²⁰⁹. Вместе с тем нельзя не напомнить, что XVI век

с его открытием для мировой торговли Атлантического океана, появлением капиталистического способа производства в его первой, мануфактурной стадии в рамках Западной Европы и Франции меньше всего может быть охарактеризован как период «неподвижной истории». В этой связи вспоминаются великолепные и чрезвычайно объективные исследования Поля Раво, опубликованные почти полвека назад, так наглядно показавшие сдвиги в провинции Пуату, связанные с этими мировыми процессами, которые Леруа-Ладюри совершенно игнорирует²¹⁰.

Зато эта, несомненно, весьма спорная концепция²¹¹ превосходно подходила для обоснования тезиса, столь важного для Леруа-Ладюри, что на протяжении по край-

логия проникается историчностью, когда Ж. Баланже показал, что нет обществ без истории и что идея неподвижных обществ является иллюзией, справедливо ли для историка заниматься вневременной этнологией? Как объяснить тогда рост, самое существенное явление обществ, изучаемых историком... Специалист в области изменений, историк должен остерегаться того, чтобы становиться нечувствительным к изменениям» (*Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. Temps, travail et culture en Occident. Paris, 1977, p. 347*). Любознательно сообщено нам Ю. Л. Бессмертным.

²¹⁰ Raveau P. La crise des prix au XVI siècle en Poitou. — *Revue Historique*, 1929; *Idem*. Essai sur la situation économique et l'état social en Poitou au XVI siècle. — *Revue d'histoire économique et sociale*, 1930; см. также нашу рецензию на статьи П. Раво: *Далин В. XVI век в экономической истории Франции*. — Историк-марксист, 1933, № 2, с. 177—193.

²¹¹ Концепции «неподвижной истории» по отношению к XVI в. противопоставлена другая точка зрения в монографии Ги Буа о «кризисе феодализма» на примере восточной Нормандии (*Bois G. Crise du féodalisme. Economie rurale et démographie en Normandie orientale du début du XIV au milieu du XVI siècle. Paris, 1976*). Ги Буа изучает как раз то, от чего отказался Леруа-Ладюри, — социальную структуру нормандской деревни и приходит к выводу, что в XVI столетии отчетливо наметился капиталистический подъем. Любопытно, что обширная рецензия Леруа-Ладюри на эту, как он считает, последовательно марксистскую монографию, достоинства которой он не отрицает (и даже вообще признает, что «марксистская теория, применительно к этому периоду, за последнее время обращает на себя внимание»), носит скорее оборонительный характер. Он признает, что в Нормандии имел место «сдвиг» прежней «экосистемы к аграрному капитализму семейного типа» (*Le Roy Ladurie E. En Haute Normandie: Malthus ou Marx? — Annales*, 1978, N 1, p. 115). Правда, это противоречит «неомальтузианской» концепции «Крестьян Лангедока». Но Леруа-Ладюри считает, что эти разногласия «в конечном счете носят довольно второстепенный характер» (*Ibid.*, p. 125). С этой оценкой трудно согласиться — разногласия эти, по нашему мнению, отнюдь не «второстепенные».

²⁰⁵ *Ibid.*, p. 681.

²⁰⁶ *Ibid.*, p. 683.

²⁰⁷ *La Pensée*, 1977, N 194, p. 67 (рецензия Ф. Помпони на второй том «*Histoire rurale*»).

²⁰⁸ См.: Бессмертный Ю. Л. Динамика средневекового земледелия в современной западноевропейской историографии. — Вопросы истории, 1979, № 7.

²⁰⁹ Видный французский историк Жак Ле Гофф, критикуя это понятие «неподвижности», писал недавно: «Не должен ли историк учесть критику неподвижности, все более распространяющуюся в науках о человеке, включая этнологию? Сейчас, когда этно-

ней мере четырех веков экономика играла в истории Франции подчиненную роль по отношению к чисто биологическим и демографическим факторам. Более резко и отчетливо — не только по отношению к этому периоду французской истории — Леруа-Ладюри сформулировал эту важнейшую для него мысль в рецензии на книгу Ф. Лебрена «Люди и смерть в Анжу в XVII и XVIII веках»²¹². «Новая антропологическая история (курсив наш. — В. Д.), — писал он, — во всяком случае взрывает ставшие слишком тесными рамки чисто экономической и социальной истории, той, которая с полным правом доставляла наслаждение целому поколению историков. Антропологический историк типа Лебрена хочет превзойти проблемы цен на зерно и колебаний заработной платы. Он применяет в новых областях человеческого прошлого, которые открылись только недавно, — нравы, пол, смерть, преступность, фольклор, физическая антропология — испытанную технику вычислительной истории и структурного анализа... Одна проблема у Клио вызывает сейчас страстный интерес: социальная история смерти»²¹³. Кстати, этой теме в 1977 г. был посвящен специальный номер «Анналов».

Весь этот круг идей Леруа-Ладюри развивает и в сборнике статей «Территория историка»²¹⁴. Первый его раздел посвящен «вычислительной революции» — мы уже знакомы с содержанием основных входящих в него статей. Другой важнейший раздел книги озаглавлен «Значение человека: между биологией и образом мысли: историческая демография» («Le poids des hommes: entre biologie et mentalité: la démographie historique»).

Леруа-Ладюри считает историческую демографию «одной из самых плодотворных дисциплин в новой школе»²¹⁵. На том пути, который история прошла за 150 лет, от «событийной и трескучей историографии XIX в., историчесражения (histoire-bataille) до глобального, молчаливого и математического восприятия всего нашего прошлого»

огромное место Леруа-Ладюри отводит исторической демографии. В ней он видит воплощение и осуществление новых тенденций в истории²¹⁶.

Исходя из того же представления о постоянных «ножницах» между «демографическим напором» и ограниченным ростом продовольственных ресурсов, Леруа-Ладюри проявляет особый интерес к вопросу о тех методах, которыми уже в XIV—XVIII вв. пытались ограничить рост населения («secrets funestes»). Одну из своих статей он озаглавил «От Ватерлоо до Колитона». Его заинтересовала появившаяся в 1966 г. статья одного английского историка, Е. Wrigley, о Колитоне (Colyton) — английской деревне, где нашли способ ограничения рождаемости. И Леруа-Ладюри готов противопоставить и принизить значение Ватерлоо («histoire-bataille») по сравнению с Колитоном, сумевшим обуздать важнейший в истории и могущественнейший демографический фактор.

Но историческая демография следит не только за ростом рождаемости — «она размышляет и о смерти»²¹⁷. Мы уже отмечали интерес Леруа-Ладюри к книге Лебрена о «смерти в Анжу», с такой же похвалой он отозвался о работах М. Вовелля²¹⁸, где на основании математического подсчета тысяч завещаний выяснялся вопрос об изменениях в отношении к похоронным церемониям, к смерти в Провансе в XVIII в. «За историей, — пишет он, — которая в работах Лабрусса, Мевре, Губера сосредоточивала свое внимание на росте или отсутствии роста, последовала сейчас история типа Вовелля или Лебрена, которая интересуется образами смерти в развитии культуры». Французские историки «заворожены сейчас смертью... Нужно ли быть европейцем и происходить из страны Паскаля, чтобы полагать, что история это не только размышление о жизни, но и о смерти?»²¹⁹.

²¹⁶ Ibid., p. 312.

²¹⁷ Ibid., p. 308.

²¹⁸ Vovelle M. Piété baroque et déchristianisation en Provence au dix-huitième siècle. Les attitudes devant la mort d'après les clauses des testaments. Paris, 1973; Idem. Mourir autrefois. — In: Attitudes collectives devant la mort aux XVII et XVIII siècles. Paris, 1974. М. Вовелль — марксист, автор ряда ценных работ по истории Великой французской революции; см. его статью: Vovelle M. Drôles de mentalités. — Humanité, 1979, 26 juin.

²¹⁹ Le Roy Ladurie E. Chaunu, Lebrun, Vovelle: la nouvelle histoire de la mort. — In: La Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien..., p. 402.

²¹² Lebrun F. Les hommes et la mort en Anjou au XVII et XVIII siècles. Essai de démographie et psychologie historique. Paris, 1971.

²¹³ Le Monde, 1972, 21 janv. О работе Лебрена с величайшей похвалой Леруа-Ладюри отзывается в своей книге «Le territoire de l'historien» и в статье «Histoire immobile».

²¹⁴ Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien.

²¹⁵ Ibid., p. 12.

Наконец, последний раздел книги посвящен климатологии. Он озаглавлен: «История без людей, новый домен Клио — климат»²²⁰. В беседе о своей книге Леруа-Ладюри говорил об этом разделе: «Я пытаюсь сделать то, что Поль Вейн назвал космологической историей природы... историей, где человек живет, но не господствует. В конце концов почему же не „история без людей“. Мы присутствуем сейчас при климатических изменениях на юге Сахары, которые вызваны вовсе не одним капитализмом. Это реальный процесс. Я удивляюсь, почему его не изучают». Пользуясь выражением де Голля, Леруа-Ладюри в этой своей беседе настаивал на необходимости исследования «истории окружающей среды по всем азимутам»²²¹.

Но, добиваясь такого чрезвычайного расширения «территории истории», нынешние руководители «Анналов», и прежде всего Леруа-Ладюри, в одном отношении склонны всячески ограничить ее исследования, именно в той области, которая, еще по мнению Гизо, Тьерри и Токвиля, занимала центральное место в человеческой истории — в области изучения истории классовой борьбы.

В чрезвычайно похвальной рецензии на книгу немецкого историка В. Абеля об аграрных кризисах в Европе XIII—XX вв.²²² Э. Леруа-Ладюри писал: «Переход от феодализма к капитализму, которым так дорожат марксисты, не упущен в этом труде, который нисколько не забывает проблемы общественных классов. Но она отходит на второй план (курсив наш.— В. Д.). Она уступает место биению этого огромного целого, которым является европейское сельское хозяйство. Это экологическая система, одновременно колеблющаяся и стабильная, укоренившаяся в природе, с неподвижной техникой, поддающаяся я

лишь вековым изменениям»²²³. Двумя важнейшими показателями В. Абель считал колеблющееся народонаселение и сравнительно негибкое производство. В зависимости от этих двух величин идет погоня за хлебом (*course au pain*), но эта борьба отнюдь не носит характера классовой борьбы, она определяется теми же общеприродными и демографическими факторами. Эту точку зрения Леруа-Ладюри целиком поддерживает.

VIII

Как освещаются «новой школой» проблемы классовой борьбы в истории Франции, легче всего проследить на примере трактовки ею истории Великой французской революции и роли классов на протяжении этого критического периода. Вопрос этот уже нашел отражение в литературе, и мы будем поэтому предельно кратки²²⁴.

Группа исследователей из ядра «Анналов», занимающихся этими проблемами, — прежде всего Франсуа Фюре, Дени Рише, Даниэль Рош и сам Леруа-Ладюри — настаивают на полном пересмотре всех концепций, выработанных, по правильному определению Альбера Соболя, «классической» историографией за полтора века от Минье и Токвиля до Олара, Матьева и Лефевра. Они очень близки к той точке зрения, которую в конце 50-х годов отстаивал Ролан Мунье в его знаменитом споре с Б. Ф. Поршневым, когда он отрицал существование феодализма во Франции XVII в.²²⁵ Во всяком случае они отрицают даже понятие «старый порядок», которым пользовался не только Токвиль, но и достаточно консервативный Ипполит Тэн. В своей последней работе Дени Рише, соавтор двухтомной работы «Революция», выпущенной им совместно с Ф. Фюре²²⁶, избегает даже самого этого термина;

²²⁰ *Le Roy Ladurie E. Histoire sans les hommes: le climat, nouveau domaine de Clio.* — Ibid., p. 415.

²²¹ *Le Monde*, 1973, 21 juin. По поводу этой книги Леруа-Ладюри один из авторов «Annales», Д. Рише, писал: «Родился человек, который проявил себя как хозяин на территории истории» (*Le Nouvel observateur*, 1973, N 446). Нельзя не отметить, что ближайшие сотрудники «Annales» — Э. Леруа-Ладюри, Ф. Фюре, Д. Рише — постоянно обмениваются похвальными рецензиями друг на друга на столбцах газеты «Le Monde» и журнала «Le nouvel observateur». Французским историкам до последнего времени такая практика была чужда.

²²² *Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur: eine Geschichte der Land und Ernährungswirtschaft seit dem hohen Mittelalter.* 1935; 2. Aufl., 1966 (фр. изд.: *Abel W. Crises agraires en Europe, XIII—XX siècles.* Paris, 1974).

²²³ *Le nouvel observateur*, 1974, N 479.

²²⁴ См. статьи А. З. Манфреда и А. Соболя во «Французском ежегоднике, 1976» (М., 1978), *Soboul A. L'historiographie classique de la Révolution française. Sur les controverses récentes.* — *La Pensée*, 1974, N 177; *Ado A. B.* Современные споры о Великой французской революции. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; *Mazauric C. Sur la Révolution française.* Paris, 1970.

²²⁵ *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1958, vol. 5, avr.—juin.

²²⁶ *Furet F., Richet D. La Révolution.* Paris, 1965—1966. Vol. 1, 2; 2e éd., 1973.

он предпочел назвать свою книгу «Новая Франция»²²⁷. В своей рецензии на эту книгу Леруа-Ладюри писал: «Для него (Рише.— В. Д.) понятие десятилетие 1789—1799 — это прежде всего значит поместить его в скобках (*mettre en parenthèses*), забыть, что оно существовало, изучить предшествовавшие три или четыре века сами по себе, а не в телеологическом освещении будущего. „Старый порядок“ — слово, которое автор очень не любит, и предпочитает ему новизну (*modernité*) 1450—1500 гг.». Леруа-Ладюри приветствует это новое освещение и пишет «о своем удовлетворении заменой обычных клише», касающихся «буржуазной революции»²²⁸. Эту точку зрения отстаивает и Франсуа Фюре, наиболее агрессивный противник марксистской концепции революции, чрезвычайно резко выступивший против Альбера Собуля. С его точки зрения, «старый порядок умер еще до того, как он был низвергнут»²²⁹. «Буржуазная революция» для Фюре «метафизический персонаж», «метафизическое чудовище»²³⁰. Отрицая этот «метафизический персонаж», Рише и Фюре отрицают и роль буржуазии в революции. С их точки зрения, решающую роль играли не классы, а «элита»²³¹.

²²⁷ *Richet D.* La France moderne: l'esprit des institutions. Paris, 1973; *Idem.* Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotismes.— *Annales*, 1969, janv. — févr.

²²⁸ *Le Roy Ladurie E.* Elites et révolutions.— *Le Monde*, 1974, févr.

²²⁹ *Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire.— *Annales*, 1971, mars-avril, p. 276 (перепечатана в кн.: *Furet F.* Penser la Révolution française. Paris, 1978). См. рецензию на нее: Ж. Годшо (ANRF, 1979, N 1). Ф. Фюре уже в 60-х годах работал в VI секции. Вместе с Аделиной Домар он опубликовал в 1961 г. исследование о социальных структурах и отношениях в Париже в XVIII в. Под его же руководством в 1965—1970 гг. был опубликован двухтомный труд: *Livre et société dans la France du XVIII siècle*. Paris, 1965—1970. Vol. 1—2.

²³⁰ *Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire, p. 279, 282.

²³¹ Об этом очень неясном и спорном термине «элита» Мишель Вовелль, чей последний труд так расхвалили Э. Леруа-Ладюри и П. Шоню, отзывается весьма скептически: «Что остается от теории элиты Просвещения, выдвинутой в 60-х годах? Претензия заменить догматическо-механическое понимание классов... более неуловимым (*fluide*) и более жизненным понятием «элита»... вовсе не реализовалась. Надо ли отбрасывать... существующие гипотезы только для того, чтобы заменять их тем, что биологи назвали бы искусственными фактами (*artefacts*). Потому что речь идет именно об этом: при сопоставлении с реальными фактами от теории элиты остается только пошлость общего места... или утонченная иллюзия (*l'illusion sophistiquée*) эпохи» (*Vo-velle M.* L'Elite ou le mensonge des mots.— *Annales*, 1974, N 1, p. 72).

«Коммерческая», «предпринимательская» буржуазия вовсе не была главной составной частью этой «элиты» — ее составляли либеральное дворянство, «интеллигенты»; буржуазия находилась скорее в «арьергарде революции». Эту действительно «новую» характеристику соотношения роли дворянства и буржуазии во второй половине XVIII в. сразу же поддержал Леруа-Ладюри. В рецензии на книгу Ж. Мейера «Дворянство Бретани в XVIII в.» он писал: «При Людовике XV и Людовике XVI это дворянство, одно время приниженное, развивается в обратном направлении, вопреки всем историческим прецедентам. *Буржуазия в XVIII столетии становится нисходящим классом, тогда как дворянство является восходящим классом* (курсив наш.— В. Д.). Оно обязано этим экономическому подъему»²³².

Пересмотру вопроса о роли дворянства в XVIII в. и «элиты» посвящена специальная работа одного из сотрудников «*Annales*» Ж. Шоссинан-Ногаре²³³. С его точки зрения, дворянство XVIII в., вопреки установившимся представлениям, вовсе не является уже реакционным, феодальным классом: «Я нисколько не претендую, — пишет он, — на то, чтобы утверждать, что число предприятий, руководимых или финансируемых дворянами, превышало число буржуазных предприятий. Но — и этот критерий является решающим — в этих предприятиях дворянство представляет собой наиболее новаторское направление, наиболее динамичное и наиболее современное (*le plus moderniste des affaires*)»²³⁴.

Шоссинан-Ногаре решительно отрицает, что дворянство в XVIII в. представляло «феодальную реакцию»; наоборот, именно оно в основной своей части поддерживало идеи Просвещения, из него формировалась элита, подготовившая революцию. «Идеи Просвещения выйдут из среды аристократии, и они ее преобразуют»²³⁵.

Книга Шоссинан-Ногаре — хотя она, по мнению Ф. Гунара, отнюдь не представляла собой исследовательской

²³² См. рецензию Леруа-Ладюри на кн.: *Meyer J.* La noblesse bretonne au XVIII siècle.— *Le Monde*, 1972, 26 mai.

²³³ *Chaussinand-Nogaret G.* La noblesse au XVIII siècle. De la féodalité aux Lumières. Paris, 1976. Содержательная критика этой книги дана в пространной рецензии Филиппа Гунара в ANRF, 1977, N 227.

²³⁴ *Chaussinand-Nogaret G.* Op. cit., p. 123.

²³⁵ *Ibid.*, p. 30—31.

монографии — получила самую высокую оценку Э. Леруа-Ладюри. Он посвятил ей специальную рецензию, опубликованную на первой странице газеты «Монд», озаглавленную «Иконоборческая книга»²³⁶. Дворянство представляется в книге Шоссинана-Ногаре «активным, молодым... а его элита весьма просвещенной. Оно сеет ветер, чтобы пожать в 1789 г. бурю... Новаторские труды Франсуа Фюре, Дени Рипе, Даниэля Роша уже показали, что дворянство в основном не было „феодальным“ классом, как некоторым нравилось его изображать». В рамках дворянской сеньории развивался сельскохозяйственный капитализм; «дворяне рядом с купцами и финансистами, а иногда и сами оживляли торговый капитал». Леруа-Ладюри не мог, однако, не поставить вопрос, почему же это «передовое» дворянство, «посеявшее бурю», в ходе революции оказалось ее непримиримым противником. Его ответ — «пусть из-за него на чьих-то головах волосы встанут дыбом» — состоит в том, что, по-видимому, революция была только «интермедией», только «промежуточным» эпизодом, не лишенным, правда, известного значения²³⁷. Вся дальнейшая история Франции привела к тому, что и намечалось в XVIII в. — к господству «нотаблей», блока передового дворянства и буржуазии. Книга Шоссинана, «и это главное, разнесла в прах почтенные лубочные картинки (images d'Épinal). Только иконоборческая книга является хорошей книгой».

Никто никогда не отрицал роль либерального дворянства накануне и в начале революции — и Матьез и Лефевр о ней всегда писали²³⁸. Но отсюда бесконечно далеко до признания дворянства XVIII в. «восходящим классом», а буржуазии — классом «нисходящим». Это такая же ошеломляющая формула, как «неподвижная история», но обе они одинаково далеки от исторической действительности.

Новая — и столь же парадоксальная — оценка дается и крестьянскому движению в годы революции. Наиболее

ярко эту новую точку зрения сформулировал тот же Э. Леруа-Ладюри. Он подчеркивает, что крестьянское движение было очень сильно во Франции в XVII в. Но эти «поршневские крестьяне» — вопреки мнению советского ученого — выступали не против сеньории, а против системы государственного фиска. Однако в XVIII в. «лефевровские крестьяне» действительно выступали против сеньории. Как произошел этот перелом и чем он был вызван?

Э. Леруа-Ладюри не производит собственных изысканий, в своей статье он опирается по преимуществу на уже упоминавшуюся нами превосходную монографию П. Сен-Жакоба о крестьянах северной Бургундии. В XVIII в. крестьянское движение приобретает там большой размах, оно носит антисеньориальный характер, но Леруа-Ладюри дает свое и совершенно неожиданное объяснение этому явлению: «Бургундское крестьянство XVIII в. антифеодально, потому что оно антикапиталистично»²³⁹. Леруа-Ладюри считает, что к тому времени сеньория пережила полную ломку — она «физиократизировалась». Оставшись сеньорией «по форме», она стала «капиталистической по своему содержанию». Главным агентом этой мнимой сеньориальной, а на деле капиталистической эволюции был богатый фермер. Французское сельское хозяйство развивалось по английскому пути, но оно натолкнулось на «фантастическое сопротивление крестьянской массы», успешное, но по существу своему антикапиталистическое и потому объективно реакционное. «Откажемся поэтому, — делает свой вывод Леруа-Ладюри, — от телеологической историографии. *Борьба крестьян против своих сеньоров при Людовике XV и Людовике XVI не была борьбой за демократическое, прогрессивное или буржуазное развитие против реакционного и феодального прошлого, какой ее хотят представить*» (курсив наш. — В. Д.)²⁴⁰. «Антисеньориальная революция» оказывается только «антикапиталистической реакцией».

«Крестьянская революция, — писал Леруа-Ладюри в рецензии на второе издание книги Ф. Фюре и Д. Рипе «Революция», — задержала больше чем на столетие образование французского сельскохозяйственного капитализма по

²³⁶ *Le Roy Ladurie E. Un livre iconolaste. Un nouveau regard sur la noblesse au XVIIIe siècle.* — *Le Monde*, 1976, 12 juin.

²³⁷ *Ibid.* («on peut penser que la révolution n'est qu'un intermède certes capital?»)

²³⁸ Любопытно, однако, что Бабеф еще ранней весной 1789 г. подвиг Александра Ламета, виднейшего представителя либерального дворянства, самой резкой критикой, видя в нем сторонника сохранения феодальных отношений (см. первый том советского и французского издания сочинений Бабефа).

²³⁹ *Le Roy Ladurie E. Révoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788.* — *Annales*, 1974, N 1 (номер, посвященный «новой интерпретации» революции), p. 12.

²⁴⁰ *Ibid.*, p. 17.

английскому типу»²⁴¹. Но такой же по существу реакционный характер носила и «плебейская революция» в городах. Многими своими чертами она напоминает «дикие бунты XVII в.», описанные, как мы помним, в «Крестьянах Лангедока».

Мы не станем здесь останавливаться на работе Фюре и Рише — подробный ее анализ был дан в уже указанных работах А. Манфреда, А. Собуля, К. Мазорика, А. Адо. Фюре и Рише критически оценивают роль народных масс в революции — они считают ее реакционной, приравнивая Вандею к парижским санкюлотам. Особенно критически они оценивают якобинский период. Для Ж. Жореса, А. Матьеа, Ж. Лефевра «II год» был кульминационным, наиболее героическим периодом, спасшим Францию от иностранной интервенции, принесшим наиболее глубокие социальные изменения. Фюре и Рише это категорически отрицают. Конфликт Горы и Жиронды лишен «исторического величия». Для определения этого периода Фюре и Рише прибегают к термину, заимствованному из автомобильного жаргона, «dégarage» — машину «занесло», она «скользит», «буксует»²⁴². Только после 9 термидора это прекращается — революция, особенно в первые месяцы наполеоновского консульства, возвращается в свое нормальное историческое русло. В 1978 г. Ф. Фюре опубликовал книгу «Размышляя о французской революции»²⁴³. Это сборник его статей начиная с «Революционного катехизиса», в котором он повторяет в еще более острой форме свои прежние положения. Так, о предреволюционной монархии он утверждает, что «монархическое государство XVIII в. не было реакционным или пленником эгоистических интересов, а являлось одним из главных факторов изменений и социального прогресса, постоянной строительной площадкой реформ»²⁴⁴. Фюре как будто бы совершенно забыл о трагической неудаче Тюрго! В отношении дворянства он еще резче подчеркивает, что оно «не было группой или классом в состоянии упадка. Никогда еще оно не было столь блестящим и никогда цивилизация

не была столь аристократической, как французская цивилизация в век Просвещения»²⁴⁵.

Пожалуй, новым в книге Фюре является то, что он теперь нашел, кроме Токвиля (которого, как мы уже отмечали, он искажил), еще одного своего предшественника в лице Огюстена Кошена и посвятил ему особую статью. Племянник одного из виднейших правых депутатов в палате депутатов, Дени Кошена, погибший в 1916 г. на фронте, он еще до войны успел войти в историографию революции как представитель крайне реакционных взглядов. В 1909 г., после выхода книги Олара против Тэна, он выступил в защиту последнего с книгой «Кризис революционной истории»²⁴⁶. В 1925 г. уже посмертно была опубликована его книга, на которую и ссылается Фюре²⁴⁷.

Он анализировал в ней деятельность в Бретани «sociétés de la pensée», всевозможных обществ, главным образом масонских лож. Но, по его мнению, их задачей меньше всего было развитие мысли. Кошен, по признанию Фюре, ненавидел якобинизм. В «sociétés de la pensée» он видел его предшественников, инструмент, который служил для постепенной фабрикации «единодушного общественного мнения». «Секретный ключ» к пониманию якобинизма — это представление о нем как о машине, спрятанной в тени «народа», как об «анонимной империи неизвестных посредственных людей», постепенно приходящих к власти путем «манипуляций», «обработки общественного мнения»²⁴⁸. В 1750—1780 гг. происходит «социализация», обобществление мысли, за ней следует «социализация» личности, а в 1793—1794 гг. — «социализация» имуществ.

По мнению Кошена, — и его целиком разделяет Фюре — «революционный взрыв не рожден ни экономическими, ни социальными противоречиями... Это не социальная борьба, не перемещение собственности. В основе его лежат действия „скрытой олигархии“, которая путем унификации, „социализации“ общественного мнения приходит к власти, к диктатуре»²⁴⁹.

Матъез назвал в свое время книгу Кошена собранием «общих мест, разочаровывающей банальностью». Но для

²⁴¹ *Le Roy Ladurie E. Furet et Richet «revisent» la Révolution de 1789. — Le Monde, 1973, 12 avr.*

²⁴² Проблемы якобинской диктатуры. — В кн.: Французский ежегодник, 1970. М., 1972, с. 280.

²⁴³ *Furet F. Penser la Révolution française.*

²⁴⁴ *Ibid.*, p. 149

²⁴⁵ *Ibid.*

²⁴⁶ *Cochin A. La crise de l'histoire révolutionnaire. Paris, 1909.*

²⁴⁷ *Cochin A. Les sociétés de pensée et la révolution en Bretagne. 1925.*

²⁴⁸ *Furet F. Penser la Révolution française, p. 228—229.*

²⁴⁹ *Ibid.*, p. 244, 257.

Фюре (хотя он и приводит этот отзыв Матьеа), а вслед за ним и для Леруа-Ладюри²⁵⁰ — это новое Евангелие, вскрывающее не только смысл революции и якобинизма, но и предсказавшее судьбу любой революционной демократии.

В конце XVIII в. аббат Баррюэль объяснял французскую революцию масонским заговором²⁵¹. Прошло почти 200 лет и Франсуа Фюре извлек работу Кошена, чтобы по существу возродить эту легенду.

Что же принесла французская революция, эта «психодрама», по определению Ф. Фюре?²⁵² Она не уничтожила ни «старый порядок», ни феодализм — они исчезли гораздо раньше. В области сельского хозяйства она задержала прогрессивные, капиталистические тенденции, она на столетие приостановила их развитие. Как считает Пьер Шоню, один из видных представителей направления «Анналов», «английская техническая революция» — вот единственная истинная революция XVIII в., а вовсе не волнение мелкого люда, которое «от Бастилии до садов Тюильри, а затем от Вальми до Аустерлица, Байлена и Москвы не без успеха пыталось затормозить эволюцию Франции и континентальной Европы»²⁵³. В одной из своих работ Шоню назвал французскую революцию «amusette» — «игрушкой», которая не должна привлекать внимание подлинно серьезных историков — «квантитативистов».

В своем «Странном поражении» М. Блок, глубоко переживавший французскую катастрофу 1940 г., писал: «Две категории французов никогда не поймут истории Франции: те, кого не волнует память о коронации в Реймсе, и те, кто без трепета читает о празднике Федерации»²⁵⁴. Может быть, Шоню и волнует память о Реймсе, но к празднику Федерации он и, увы, «клиометристы» из «третьего поко-

²⁵⁰ *Le Roy Ladurie E.* Une nouvelle interpretation de la Révolution. — *Le Monde*, 1979, 12 janv.; «Книга Фюре содержит между прочим размышления по поводу работ давно забытого историка... Речь идет об Огюстене Кошене».

²⁵¹ *Barruel Aug.* Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme. Londres, 1797—1798. Vol. 1—4.

²⁵² *Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire. — *Annales*, 1971, mars—avril, p. 269.

²⁵³ *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1965, p. 329.

²⁵⁴ *Block M.* L'étrange défaite. Блок имеет в виду коронацию в Реймском соборе Жанной д'Арк Карла VII после побед в Столетней войне и праздник 14 июля 1790 г., в первую годовщину взятия Бастилии.

ления» «Анналов» совершенно равнодушны. И в этом, может быть, особенно явственно сказывается их отход от направления «Анналов» М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя.

IX.

Мы не случайно привели высказывание именно Пьера Шоню. Взгляды, им отстаиваемые, нам кажутся характерными для иллюстрации той новой тенденции, которая проявилась в французской исторической науке в последние десятилетия (60—70-е годы). Хотя они далеко не являются господствующими, тем не менее заслуживают несколько более подробного рассмотрения.

Такой авторитетный французский историк, как Жак Годшо, охарактеризовал П. Шоню в связи с выходом его «замечательной» книги «Цивилизация Европы в эпоху Просвещения» как одного из «крупнейших историков нашего поколения»²⁵⁵. Нам это определение кажется спорным, но зато нельзя не согласиться с Трояном Стояновичем, характеризующим П. Шоню как «одного из самых плодотворных историков XX столетия»²⁵⁶. Родившийся в 1923 г. П. Шоню за годы своей научной деятельности (сейчас он профессор одного из парижских университетов) опубликовал свыше 25 книг и 120 статей; его литературная продукция превышает 20 тыс. страниц.

Ученик Фернана Броделя, как он сам себя называет, Шоню начал свою деятельность еще в 1948 г. монографией «Эжен Сю и Вторая республика», но известность ему принес многотомный труд, выполненный совместно с Гюеттой Шоню «Севиля и Атлантика». В 1955—1957 гг. появилась первая часть этого обширнейшего исследования, посвященного торговле Испании в XVI и первой половине XVII в. в 7 томах (8 книгах), общим объемом в 3890 страниц. Вторая часть (из четырех книг) была закончена в 1960 г. и составила 3453 страницы²⁵⁷. Этот труд был положитель-

²⁵⁵ *Godechot J.* La période révolutionnaire. Publications des années 1966 à 1971. — *Revue historique*, 1972, N 504, p. 471. Ученик А. Матьеа Жак Годшо является сейчас одним из крупнейших специалистов по истории Великой французской революции, председателем международной комиссии по ее изучению.

²⁵⁶ *Stoianovich T.* Op. cit., p. 102.

²⁵⁷ *Chaunu H. et P.* Séville et Atlantique (1504—1650). Paris, 1955—1960; t. I. Introduction méthodologique; t. II. Le trafic de 1504 à 1560; t. III. Le trafic de 1561 à 1595; T. IV. Le trafic de 1595

но оценен Ф. Броделем, посвятившим ему особую статью, но мягко упрекнувшим Шоню в чрезмерно больших размерах его исследования (*surabondante écriture*)²⁵⁸. Э. Леруа-Ладюри в своей «Территории историка» охарактеризовал этот труд как «прорыв» (*breakthrough*) в области «количественной» истории; по его мнению, он закрепил за Шоню репутацию одного из отцов «количественной» истории во Франции. Сам Шоню предпочитает термин «сериальная история» (*l'histoire sérielle*), считая что «событие» должно рассматриваться только в «серии», тогда оно поддается математической обработке²⁵⁹, а без математического аппарата «нет научного знания»; история — это социальная наука, которая считает и измеряет»²⁶⁰.

По мнению Шоню, подлинная, научная, в полной мере количественная (*résolument quantitative*) история появилась во Франции только «на горизонте 1929—1930 гг.». Она связана с именами Симьяна и особенно Лабрусса и порождена «тревогой», «мучительной атмосферой кризиса»²⁶¹.

Вторая стадия в развитии «количественной» экономической истории связана, наоборот, с ростом. Она неотделима от успеха книги Ростоу. Правда, Шоню в отличие от Леруа-Ладюри и Фюре отнесся весьма критически к «новой экономической истории»²⁶². «Гипотезу», выдвинутую в 1964 г. Фогелем и в общем поддержанную Леруа-Ладюри, что американская экономика развивалась бы теми же темпами и без роста железных дорог, он считает «близкой к абсурду» и «самым замечательным примером бесплодности этой на шумевшей школы»²⁶³.

Огромное место — и мы еще увидим, в какой связи, — в развитии «количественной» истории Шоню отводит де-

à 1620; T. V. Le trafic de 1620 à 1650; T. VI (2 vol.). Tables statistiques 1504—1650; T. VII. Constructions graphiques; T. VIII (3 vol.). — Structure et conjoncture de l'Atlantique espagnole.

²⁵⁸ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 153; «Если бы Пьер Шоню заставил себя писать коротко... он мог бы занять среди молодых французских историков то первое место, на которое ему уже дает очевидное право его чрезвычайное трудолюбие и страсть к истории».

²⁵⁹ С 1964 г. Шоню стал директором первого во Франции вычислительного исторического центра при Каннском университете.

²⁶⁰ Chaunu P. Histoire science sociale. La Durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. Paris, 1974, p. 54, 325.

²⁶¹ Chaunu P. Faire l'histoire, vol. II, p. 52.

²⁶² Ibid. p. 62—63.

²⁶³ Chaunu P. Histoire science sociale, p. 69.

мографии: «Демографическая история всегда существовала, но теперь нужно отвести ей должное место, которое может быть только первым»²⁶⁴. География и демография представляются Шоню «двумя современными науками, с которыми история французского типа (*l'histoire à la française*) ведет самый постоянный и самый конструктивный диалог»²⁶⁵. На протяжении последних 10 лет «историческая демография является сектором № 1, наиболее плодотворным во всех исторических исследованиях»²⁶⁶. Как видим, в этом он вполне солидарен с Леруа-Ладюри, которого он вообще высоко ценит, видя в нем «историка века электроники»²⁶⁷.

Шоню является самым решительным противником «событийной» истории. Он с исключительным пренебрежением относится к политической истории, к фактам классовой борьбы: «История изменилась... существует научная история», хотя еще не исчезла «архаическая, изжившая себя история... история — забава... история развлекательная...». Революция и Империя являются «излюбленным сюжетом того, что следовало бы назвать *глупой историей* (*histoire bête*, курсив наш. — В. Д.), даже не „историей-сражением“ (*histoire-bataille*), которая может быть разумной. Эта история, которая когда-то вела бои, была поучительной, проповеднической, сегодня имеет так же мало значения, как партия карточной игры»²⁶⁸.

Мы уже приводили уничижительный отзыв Шоню о Великой французской революции. Он настойчиво подчеркивает ее регрессивную роль для французской экономики. Промышленная революция могла бы носить атлантический характер, во всяком случае франко-английский, «если бы политическая революция во Франции вместе с преждевременным мальтузианством не помешали всем шансам Франции»²⁶⁹. Так же пренебрежительно трактует он и гражданскую войну в Соединенных Штатах: она была «великим вызовом единству, но... в конечном счете она оказалась лишь незначительным происшествием (*un accident mineur*)»²⁷⁰.

²⁶⁴ Ibid., p. 292.

²⁶⁵ Ibid., p. 395.

²⁶⁶ Chaunu P. Dépassement et prospective, p. 65.

²⁶⁷ Chaunu P. De l'histoire à la prospective. Paris, 1975, p. 35.

²⁶⁸ Ibid., p. 38.

²⁶⁹ Ibid., p. 186.

²⁷⁰ Ibid., p. 232.

Зато «великой революцией» Шоню признает установление в Англии более позднего возраста вступления в брак — это «предшествовало и определило в большой степени все последующие изменения»²⁷¹, в том числе и промышленный переворот. Не политика и не экономика, а демографические процессы играют решающую роль.

Количественной, «сериальной» экономической историей П. Шоню занимался особенно усиленно в первые примерно 15—20 лет своей научной деятельности — и занимался, следует признать, достаточно интенсивно. С середины 60-х годов научные интересы Шоню перемещаются — его позднейшие труды посвящены по преимуществу истории европейской цивилизации в основном до XIX в.: «Цивилизация в классической Европе», «Европейская экспансия с XIII до XV столетия», «Европейская цивилизация в эпоху Просвещения»²⁷². В этих трудах, как и в книгах, вышедших уже в середине 70-х годов²⁷³, чрезвычайно ясно определились мировоззренческие позиции Шоню. Особенно показательны убежденнейший «европеизм» историка, его преданность «традиционной, западно-европейской христианской» цивилизации, особенно X—XIII вв. Он также отвергает понятие «старый порядок»: «Это выражение, связанное с французской революцией, являющейся только второстепенным эпизодом, плохо подходит к традиционной истории цивилизации, сложившейся в результате длительных процессов»²⁷⁴. При этом Шоню имеет в виду прежде всего европейскую цивилизацию «оригинальную, богатую, динамичную, традиционную христианскую цивилизацию... которая господствовала на протяжении шести столетий с XII—XIII до XVIII — начала XIX в. ... во многих отношениях почти достигла *едва ли не полного совершенства*» (курсив наш. — В. Д.)²⁷⁵. Эта цивилизация была «христианской, атлантической и средиземноморской, но отнюдь не китайской»²⁷⁶.

«Золотым веком» этой эпохи был XIII век — «именно тогда Европа заложила основу своего превосходства»²⁷⁷. В XI и XII вв. был сделан огромный скачок вперед. Только к середине XVIII в. — после длительного периода упадка — на основе «латинского христианства» был вновь достигнут уровень «великого» XIII в.²⁷⁸

Исходя из этой высочайшей оценки роли европейской цивилизации, Шоню отвергает все обвинения в адрес европейской колонизации — процесса, «который чаще всего был положительным, а вовсе не отрицательным»²⁷⁹. Колонизация была «огромным конструктивным событием»; наоборот, «деколонизация очень мало что изменила, в „деколонизацию“ играли так же, как в Сопротивление (!)»²⁸⁰. Чисто антиколониалистское прочтение литературы об истории отношений между Европой и другими мирами в 70-х годах является попросту «глупостью»²⁸¹. «Подлинная история, история научная, строго количественная, — таков вывод Шоню, — не может не оправдать Европу. Отказ от этого наследства вследствие ложного прочтения истории колонизации и деколонизации является смешным и чрезвычайно опасным»²⁸².

Подчеркивая со всей силой значение средневековой европейской цивилизации, — «мира, который мы потережали», «Европы кафедральных соборов», Шоню отмечает при этом, что «Европа не является главным образом экономическим фактом; прежде всего она является культурным фактом»²⁸³. И тут мы подходим к важнейшей принципиальной позиции Шоню.

«Историк числа», как его иногда называли, Шоню, по-прежнему придерживаясь математических методов изучения «сериальной истории», во всех своих методологических высказываниях второй половины 60-х и особенно в новейших исследованиях 70-х годов всячески подчеркивает подчиненное положение экономики; и в этом отношении его взгляды перекликаются с тем, что мы встречали в «Крестьянах Лангедока» и «Неподвижной истории» Леруа-Ладюри. Говоря об историческом развитии в конце

²⁷¹ Ibid., p. 233.

²⁷² Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique; *Idem*. L'expansion européenne du XIII au XVe siècle. Paris, 1969; *Idem*. La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris, 1971.

²⁷³ Chaunu P. Histoire science sociale; *Idem*. De l'histoire à la prospective.

²⁷⁴ Chaunu P. Histoire science sociale, p. 97.

²⁷⁵ Ibid., p. 135 («qui s'est approchée, dans plus d'un secteur, d'un point presque absolu de quasi-perfection»).

²⁷⁶ Ibid., p. 255.

²⁷⁷ Ibid., p. 287.

²⁷⁸ Chaunu P. De l'histoire à la prospective, p. 372—373.

²⁷⁹ Ibid., p. 148.

²⁸⁰ Ibid., p. 153.

²⁸¹ Ibid., p. 156.

²⁸² Ibid., p. 155.

²⁸³ Ibid., p. 186.

XVII в., о переломе в 1680—1715 гг., Шоню всячески подчеркивает, что он был не только чисто европейским, но «в основном интеллектуальным. На пороге XVIII в. больше, чем когда-либо, миром движут Европа и дух (*l'esprit*)»²⁸⁴.

В одной из своих последних книг (изданной в 1974 г., написанной с невероятной быстротой — чуть ли не в полтора месяца) Шоню со всей решительностью подчеркивает подчиненную роль экономики. Психологические факторы, их взаимосвязь играют по крайней мере «не меньшую роль, чем чисто экономические... экономика в основном зависит от социального, психологического и культурного»²⁸⁵. Призывая к изучению «*mentalité*» — не совсем ясный термин, под которым понимается не только идейное развитие, но и почти все, что стоит вне материального мира²⁸⁶, — Шоню указывает, что «*la mentalité*» господствует над экономической системой, «умственное (*le mental*) господствует над способом производства гораздо сильнее, чем производство господствует над умственным»²⁸⁷. Все развитие, по его словам, «блестяще доказывает примат культурного над экономическим. Экономический рост в Японии к 1970 г. уходит своими корнями в духовные вложения (*investissements*) старой Японии, так же как промышленная революция в Европе уходит своими корнями... во времена двух церковных реформ»²⁸⁸. Мы приводили раньше высказывания Люсьена Февра, так глубоко интересовавшегося проблемами идейной истории, об огромной роли именно

²⁸⁴ Chaunu P. Histoire, science sociale, p. 93.

²⁸⁵ Ibid., p. 203.

²⁸⁶ Понятие «*mentalité*» определяется по-разному. Так, Робер Мандру, один из пионеров в применении этого термина, определяет «*histoire mentale*» как «историю видения мира» (*vision du monde*). Более распространенным является определение как «совокупной подсознательной деятельности» (*inconscient collectif*). Ж. Дюби вкладывает в этот термин понятие о «коллективном воображении» (*imaginaire collectif*); свою последнюю книгу он назвал: «*Imaginaire du féodalisme*». Наконец есть еще одно определение: «сила инерции ментальных структур» (см.: *Vouelle V. Drolés de mentalités*. — Humanité, 1979, 20 juin). Некоторые антимарксисты считают только «ментальную историю» подлинно научной историей. Однако историей «*mentalité*» занимаются и марксисты и такие серьезные историки, отнюдь не враждебные марксизму, как Р. Мандру.

²⁸⁷ Ibid., p. 119 («C'est la mentalité qui commande le système économique, qui commande le mode de production bien plus encore que le mode de production ne commande le mental»).

²⁸⁸ Ibid., p. 11).

экономики. Положения, выдвинутые П. Шоню, означают, на наш взгляд, резкий отход от позиций, которые занимали основатели «Анналов», отказ от всех научных достижений в понимании роли экономики в мировом историческом процессе.

Шоню считает, что перед «серийной историей» встали сейчас совершенно новые задачи: «Притязания серийной истории давно превзошли то, что было легче всего достижимо — производство, обмен, все, что поддавалось подсчету. Историческая демография лежит в основе новых притязаний истории сегодняшнего дня»²⁸⁹. Сейчас происходит переход к «серийной религиозной истории, к истории поведения в жизни, к истории брачной пары — основной, самой главной базы общения, к истории любви, жизни и смерти»²⁹⁰. Все это, по мнению Шоню, определяет новый этап в развитии «серийной истории» — на «третьем уровне»²⁹¹ (под первым уровнем — *le niveau* — он понимает чисто «экономический», под вторым — «социальный»).

Мысли Шоню во многом совпадают с теми идеями о «территории историка», которые развивал в своей книге Э. Леруа-Ладюри. Вообще сама необходимость изучения «*mentalité*» подчеркивалась не только историками из школы «*Annales*», но и рядом ученых, никогда не бывших близкими к этому направлению или с ним порвавших. Этим проблемам в той или иной мере были посвящены ценные монографии Робера Мандру²⁹², Жака Ле Гоффа²⁹³, Ми-

²⁸⁹ Ibid., p. 317.

²⁹⁰ Chaunu P. Dépassement et prospective, p. 65

²⁹¹ Chaunu P. Un nouveau champ pour l'histoire sérielle, le quantitatif au troisième niveau. — In: Mélanges Fernand Braudel. Paris, 1972, vol. 2.

²⁹² Mandrou R. Introduction à la France moderne. Essais de psychologie historique. 1500—1640. Paris, 1961; *Idem*. De la culture populaire aux XVII et XVIII siècles. La Bibliothèque bleue de Troyes. Paris, 1964; *Idem*. Magistrats et sorciers en France au XVII siècle. Paris, 1968; *Idem*. Pour une histoire de sensibilité. — Annales, 1959, juil.—sept. Впрочемами «*mentalité*» занимается и Ж. Дюби (*Duby G. Histoire des mentalités*. — In: Histoire et ses méthodes. Encyclopédie de la Pléiade. Paris, 1967). Ж. Дюби подчеркивает, однако, что «история умозрений (des mentalités) и идеологий невозможна без очень глубокого знания экономических, политических и социальных структур» (Aujourd'hui l'histoire, p. 211).

²⁹³ Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Age. Paris, 1957; *Idem*. La civilisation de l'Occident médiéval. Paris, 1964; *Idem*. Les men-

шеля Вовелля ²⁹⁴ и др. Но изучение этих проблем вовсе не требует отказа от изучения экономической истории, признания примата «*mentalité*» над экономической структурой, ухода с той «территории историка», на необходимости освоения которой как раз настаивали Блок, Февр и Бродель.

Почти 20 лет назад П. Шоню завершил свой большой труд «Севилья и Атлантика». Сейчас он опубликовал том, посвященный «Смерти в Париже в XVI, XVII и XVIII столетиях» ²⁹⁵. В это же самое время Фернан Бродель завершил свою «Материальную цивилизацию и капитализм». Расхождение в научных интересах учителя и ученика достаточно определилось.

Шоню считает, что на «третьем уровне» сериальная история, миновав «вчерашнюю» стадию экономической и социальной истории, должна заняться «основным (*essentiel*) — эмоциональным, ментальным, психическим» ²⁹⁶. Мир находится в величайшей опасности: «Самая грозная проблема нашего времени, от чего зависит судьба человека и всего мира, — сохранится ли еще в 2000 г. вера» ²⁹⁷. Кризис церкви стоит в центре всего кризиса цивилизации. Рухнет «самая древняя и самая поразительная» из всех наших структур. «За пределами христианства нет ничего» ²⁹⁸. Вот почему «самый быстрый прогресс исторического сознания стал для всей нашей находящейся под угрозой системы цивилизации вопросом жизни и смерти. Жизнь и смерть в самом деле становятся всем содержанием истории» ²⁹⁹.

Демографическая история приводит к выводу о необходимости сохранения семьи — «основы всей системы нашей цивилизации» (и недаром Шоню становится председателем Ассоциации университетских деятелей в защиту жизни, имеющей целью запрещение абортов). Изучение истории цивилизации, исследование на «третьем уровне» всего «основного» связано прежде и раньше всего с сохранением «веры», религии, по мнению Шоню, — главного

talités: une histoire ambiguë. — In: Faire l'histoire. Paris, 1974, vol. 3.

²⁹⁴ Vovelle M. Mourir autrefois.

²⁹⁵ Chaunu P. La Mort à Paris en XVI, XVII et XVIII siècles. Paris, 1978. 543 p.

²⁹⁶ Chaunu P. De l'histoire à la prospective, p. 73.

²⁹⁷ Ibid., p. 387.

²⁹⁸ Ibid., p. 393.

²⁹⁹ Ibid., p. 77.

богатства европейского человечества. Упадок веры вызывает у Шоню тревожное ожидание «упадка Запада», которое, по словам Леруа-Ладюри, «черной нитью» проходит и через всю его последнюю книгу, сборник его статей «Вычислительная история, сериальная история» ³⁰⁰. Мы не думаем, что эти мрачные мысли Шоню разделяет большинство современных французских историков ³⁰¹.

Пишущий настоящие строки полагает, что он имеет известное право высказаться о судьбах школы «Анналов». Полвека назад он с большой симпатией знакомился с первыми книжками журнала. С радостью мы читали теплые строки Люсьена Февра в 1935 г. в адрес сборника «*A la lumière du marxisme*». Нас глубоко огорчило известие о смерти Февра, и это сказалось на всем содержании нашего некролога, — первой заметки о Февре в советской исторической литературе ³⁰². Глубочайшее уважение вызывал всегда у нас Марк Блок, и это чувство только усилила его трагическая гибель. Тем большее огорчение вызывают «новые», а по существу глубоко старые идеи, так часто развиваемые сейчас в «Анналах».

В предисловии к книге Ж. Лефевра «Директория» А. Собуль в подтверждение понятия закономерности истории недавно привел слова Токвиля: «Не случайно аристократии рождаются и исчезают; как и все... они подчиняются определенным законам, которые, как можно все же надеяться, будут открыты». «Отказ от этой постоянной линии нашей классической историографии, — пишет А. Собуль, — ...это не прогресс в нашем историческом ремесле, а отступление и капитуляция» ³⁰³. Эти слова, по нашему глубокому убеждению, целиком применимы к тому направлению, которое отстаивают сейчас представители «третьего поколения» «Анналов» ³⁰⁴.

³⁰⁰ Chaunu P. Histoire quantitative, histoire sérielle. Paris, 1978. См. рец.: Le Roy Ladurie E. Pierre Chaunu, cet historien de la très longue durée. — Le Monde, 1978, 24 nov.

³⁰¹ См.: Адо А. В., Смирнов В. П. Послевоенная французская историография нового и новейшего времени. — Новая и новейшая история, 1977, № 6.

³⁰² Вестник истории мировой культуры, № 1 (подпись — В. Видаль).

³⁰³ Soboul A. Avant-propos. — In: Lefebvre G. La France sous le Directoire. Paris, 1977, p. 9.

³⁰⁴ Книга уже была сдана в набор, когда мы ознакомились с интересной и содержательной книгой: Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектизма. М., 1980. В оценке этапов развития и эволюции «Анналов» наши точки зрения в основном сошлись.

Некоторые тематически связанные материалы

О Лефевре <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lfebv>

О Собуле <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb>

О Матьезе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

О Блоке <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#MB>

О Л.Февре <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fevr>

Ж. Ле Гофф. Существовала ли французская историческая школа «Annales»?

[Http://vive-liberta.narod.ru/journal/Annales_fe-68.pdf](http://vive-liberta.narod.ru/journal/Annales_fe-68.pdf)

Памяти
Альберта Захаровича МАНФРЕДА

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор Б.Г. ВЕБЕР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Некоторые тематически связанные материалы к этой главе

С.Д.Сказкин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#skazkin>

Н.М.Лукин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#luk>

Н.П.Фрейберг <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#freib>

С.М.Моносов <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#monos>

Р.А.Авербух <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#avr>

А.З.Манфред <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#manf>

В.Г.Ревуненков <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#revun>

Г.С.Фридлянд <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#fridl>

С.Л.Сытин <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p144663647.htm>

П.П.Щеголев <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#shcheg>

К.П.Добролюбский <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dobr>

В.П.Волгин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#luk>

А.Р.Иоаннисян <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns>

А.Л.Нарочницкий <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alnar>

М.М.Штранге <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#schtrange>

А.Д.Люблинская <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#lubl>

С.А.Лотте <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#lotte>

Б.Ф.Поршнев <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#porshn>

История Франции в советской науке (1965—1975 гг.) *

История Франции всегда находилась в центре внимания ученых нашей страны, занимавшихся всеобщей историей. Достаточно назвать имена таких ученых еще дореволюционного времени, как Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский, Е. В. Тарле, чтобы в этом убедиться. Труды наших историков высоко оценивались в самой Франции. Ограничимся лишь двумя примерами.

60 лет назад такой видный знаток аграрной истории Франции, как Анри Сэ (Henri Sée), в статье, озаглавленной «Чем экономическая и социальная история Франции обязана трудам Лучицкого», писал: «В настоящее время совсем нельзя заниматься экономической и социальной историей XVIII в. без изучения этих работ. Нет никого, кто не понимал бы важности этого долговременного труда, этого *страстного искания истины*» (курсив наш. — В. Д.)¹. В предисловии к своему классическому труду «Крестьяне Севера...» Ж. Лефевр назвал имена четырех ученых, подсказавших ему идеи этой книги, и в том числе Кареева и Лучицкого². Эти идеи имели значение не только для изучения аграрной истории XVIII в. Нужно признать, что они имели более общее значение, поскольку именно Лучицкий явился подлинным пионером в применении к изучению аграрной истории Франции столь распространенного сейчас *квантитативного метода*. Он первый применил методы статистического подсчета по массовым источникам и первый с необыкновенным трудолюбием обработал один из таких источников — списки плательщиков так называемой «двадцатины» (les vingtièmes). Эта заслуга Лучицкого совершенно неоспорима.

* В обзор входят только работы по средневековой и новой истории Франции.

¹ Научный исторический журнал/Под ред. Н. И. Кареева, СПб., 1914, № 4, с. 22.

² Lefebvre G. Les paysans du Nord pendant la Révolution française 2e éd. Bari, 1959, p. 11.

Такую же роль «первооткрывателя» современные французские ученые признают и за другим нашим историком. Через 55 лет после опубликования статьи А. Сэ появилась статья известного французского историка Р. Мандру под несколько необычным названием «Двадцать лет спустя, или плодотворное направление исследования. Народные восстания во Франции XVII века». В ней говорилось: «Вот уже 20 лет, как французские народные восстания XVII в. занимают почетное место во французской историографии: в 1948 г. советский историк Борис Поршневу опубликовал свое исследование, теперь уже переведенное и на немецкий (1954), и на французский (1963) языки, которое напомнило западным историкам важность этих движений, некогда бегло отмеченных Марежолем и Пажесом. Почти все специалисты по XVII в. после 1948 г. заинтересовались этой работой и интерпретацией французского старого порядка, предложенной нашим московским коллегой»³. В этих сло-

³ Mandrou R. Vingt ans après, ou une direction de recherches fécondes: les révoltes populaires en France au XVIIe siècle. — Revue historique, 1969, N 491. В некрологе, посвященном памяти В. Тапье (Tapie), П. Шоню отметил, что Тапье «первым во Франции

вах Р. Мандру нет ни тени преувеличения. Едва ли какая-либо книга иностранного автора по истории Франции вызвала за последние десятилетия такую оживленную дискуссию, как труд талантливого советского историка Б. Ф. Поршнева⁴. Отзывы на нее появились не только во французской, но и в немецкой, английской, итальянской, американской, румынской, венгерской исторической прессе. Как бы горячи ни были споры об этой книге, одна заслуга ее автора остается совершенно очевидной. Именно благодаря Б. Ф. Поршневу крестьянские движения — и не только французские — привлекли к себе внимание ряда исследователей, в том числе и страстного оппонента Б. Ф. Поршнева Ролана Мунье.

Разумеется, судьба работ И. В. Лучицкого и Б. Ф. Поршнева является совершенно исключительной. Но та черта этих исследований, которую отметил А. Сэ, — «страстное искание истины» — по-прежнему присуща многим, если не большинству, работ по истории Франции за десятилетие 1965—1975 гг., о которых мы собираемся говорить в настоящем обзоре.

Начнем прежде всего с советской медиевистики.

Следует отметить, что в дореволюционной русской науке наиболее серьезные труды были посвящены аграрной истории средневековой Англии (П. Г. Виноградов, А. Н. Савин, Д. М. Петрушевский). В аграрной истории Франции изучался по преимуществу XVIII в. За немноги-

появил значение исследований Бориса Поршнева, которые он прочел по-русски, и первым ознакомил с ними французских читателей» (*Revue historique*, 1975, N 1, p. 274).

⁴ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.; Л., 1948. Отметим только некоторые из этих отзывов: Р. Мунье (*Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1958, т. 5, avr.—juin; *Revue des travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, 1967, an. 115, sem. 2); Р. Мандру (*Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*, 1959, N 4); Д. Лигу (*Revue d'histoire économique et sociale*, 1964, vol. 42, N 3); Ж. Лемаршана (*Pensée*, 1965, N 121); Ж. Ришара (*Annales de Bourgogne*, 1965, vol. 37, N 2); П. Леона (*Revue historique*, 1966, vol. 236, juil.—sept.); А. Безансона (*Revue d'histoire moderne*, 1967, t. 14) и т. д. Отзывы на книгу появились также в «*American Historical Review*» (1964, N 1), «*Science and Society*» (New York, 1966, N 1), «*Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*» (Berlin, 51, N 3); «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» (1955, N 1); «*English Historical Review*» (1966, N 320); «*Journal of Modern History*» (Chicago, 1964, N 4); «*International Review of Social History*» (1965, pt 3); «*Times Literary Supplement*» (1964, N 324) и т. д. Мы перечислили только часть отзывов.

ми исключениями (А. Д. Удальцов⁵), мы затруднились бы назвать серьезные исследования по более ранней аграрной истории Франции. Иначе обстоит дело в последние десятилетия. Мы предпочтем и здесь сослаться на мнение французского историка Робера Фоссье: «Изучение социальных структур Запада в докапиталистическую эру все больше и больше привлекает внимание советских историков; начиная с первых работ, появившихся после второй мировой войны, их вклад возрастает в такой степени, что, несмотря на трудности сношений между ними и их западными коллегами, представляется чрезвычайно важным знакомство с их работами. Мысли марксистов всегда очень полезны для медиевиста, который, превосходно зная факты... иногда теряет общие перспективы основных фаз социальной истории». При этом Фоссье, характеризуя труд советского историка Ю. Л. Бессмертного (о котором мы еще будем говорить), подчеркивает то же, на что в свое время обращал внимание А. Сэ: «Испытываешь какое-то волнение, встречая столько теплоты, столько внимательного понимания нашего прошлого со стороны иностранного ученого и не можешь не выразить надежду на сближение между всеми *искателями истины* (курсив наш.— В. Д.)»⁶.

Как раз в рассматриваемое нами десятилетие появился обобщающий труд виднейшего советского знатока аграрной истории Франции покойного академика С. Д. Сказкина. Еще накануне первой мировой войны он начал изучение аграрных отношений во Франции XVIII в. в Шампани в семинаре А. Н. Савина. На протяжении последующих десятилетий он непрерывно продолжал свои исследования в области аграрных отношений и истории крестьянства в средневековой Европе, преимущественно на материалах Франции. Итоги этих исследований были им подведены в 1968 г. в работе «Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века», где дана очень четкая картина аграрной истории средневековой Франции⁷.

⁵ Удальцов А. Д. Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. СПб., 1912; см. также: *Он же*. Из аграрной истории каролингской Франции. М., 1935.

⁶ *Annales*, 1971, N 1, p. 1305—1306.

⁷ Эти очерки в 1973 г. были перепечатаны в кн.: *Сказкин С. Д.* Избр. труды по истории. М., 1973. В этот же том вошли и другие статьи С. Д. Сказкина по аграрной истории Франции: «Февдист Эрве и его учение о цензиве»; «Дифференциация крестьянства

Наиболее ранний ее период нашел свое освещение в трудах другого блестящего советского медиевиста, А. И. Неусыхина. Основное внимание на протяжении своей почти полувековой деятельности он сосредоточил на изучении процесса классообразования, перехода от родо-племенного строя к феодальному, возникновения зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. Вопросы аграрного развития раннефеодальной Франции постоянно его интересовали. Каролингскую Францию он считал «колыбелью общеевропейского феодализма»⁸. Превосходный знаток и толкователь актов этой эпохи и наряду с тем человек большого синтетического ума и способности к широким социологическим обобщениям, А. И. Неусыхин в своих последних работах дал образцы сложного анализа отношений переходной к феодализму эпохи, основанного на тщательнейшем изучении конкретно-исторических процессов, составляющих, как он писал, «самую душу исторического развития», а потому являющихся «для историка самыми важными». Мы несколько не ошибемся, определив А. И. Неусыхина как одного из лучших в мире специалистов по истории переходного к феодализму периода в Западной Европе, и в частности во Франции. И в основе всех его осторожных, тщательно взвешенных суждений постоянно лежало именно это стремление к неутомимым поискам истины⁹.

Из школы А. И. Неусыхина вышло и новейшее исследование Ю. Л. Бессмертного, посвященное аграрной истории Франции более позднего периода — XII—XIII в.¹⁰ Автор поставил перед собой задачу выяснить влияние рынка, развития товарно-денежного хозяйства на структуру феодального общества. Он удачно избрал географический ареал своего исследования — междуречье Сены и

Рейна. Нельзя не отметить высокий научный уровень его монографии — Ю. Л. Бессмертный использовал обширный круг печатных первоисточников и проявил превосходное знакомство как со старой, так и новейшей французской литературой (в том числе с трудами Бутрюша, Ж. Дюби, Э. Перруа, Г. Фуркэна, Ш. Шнейдера и др.). Автор прибегнул к математическим методам исследования, проявив большую изобретательность в их применении. Так, для определения удельного веса крестьянского и сеньориального хозяйства на рынке он использовал наиболее часто встречающиеся в описях сведения об извозной повинности и благодаря математической обработке этих данных пришел к любопытным выводам. Как отмечал А. И. Неусыхин в своей рецензии на эту книгу, написанной незадолго до кончины, для своих выводов автор использовал «несколько тысяч описей фьефов при помощи методов высшей статистики и теории вероятности»¹¹.

На основании этого обширного материала, обработанного новейшими методами, Ю. Л. Бессмертный пришел к ряду интересных выводов о сдвигах, происшедших под влиянием развития товарно-денежных отношений в социальной структуре и господствующего класса, и французского крестьянства. Проанализировав вопрос о соотношении денежной и натуральной ренты, он показал доминирующую роль продуктовой ренты, что нисколько не противоречит известному распространению товарно-денежных отношений, поскольку именно продуктовая рента была выгодна для сеньора, связанного с рынком. Большое место в исследовании уделено вопросу об особенностях французского серважа, его ликвидации, «неосерважу», распространившемуся позднее. Начиная свое исследование, Ю. Л. Бессмертный ставил перед собой более общие проблемы: «до какой степени совместимо развитие феодализма с развитием денежно-товарных отношений; до какого момента развитие этих отношений не противоречит господству феодального строя? На какой ступени рост товарного производства ведет к разложению феодализма?». В своей оригинальной по замыслу и построению монографии Ю. Л. Бессмертный и попытался дать ответ на эти сложные проблемы. Самый взыскательный судья, А. И. Не-

во Франции накануне революции 1789 г. „Пахари“ и „подешники“ в Шампани в XVIII веке».

⁸ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974, с. 501 (письмо к Д. М. Петрушевскому), с. 514.

⁹ Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Он же. Собственность и свобода в варварских правдах: Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V—VIII вв. М., 1974.

¹⁰ Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв.: (По северофранцузским и западнонемецким материалам). М., 1969.

¹¹ Вопросы истории, 1970, № 5, с. 182.

усыхин оценил исследование своего ученика как «важный вклад в нашу медиевистику»¹².

Указанными именами и произведениями число исследователей аграрной истории Франции в средние века отнюдь не исчерпывается. Правда, еще в 1946 г. советская медиевистика потеряла одного из своих видных представителей, Н. П. Грацианского¹³, но изучением этого периода занимается еще ряд исследователей: Я. Д. Серовайский, А. В. Конокотин¹⁴, А. Я. Шевеленко и др. Я. Д. Серовайский (Алма-Ата) защитил в 1970 г. докторскую диссертацию на тему «Проблемы развития феодальной собственности во Франции с IX по XII в.» и опубликовал несколько интересных этюдов, в частности по вопросу об уровне французской агрикультуры¹⁵. Бретанью и особенностями ее развития уже много лет занимается А. Я. Шевеленко¹⁶. Крестьянскими и еретическими движениями этого периода в свое время занимался ряд исследователей

¹² Там же; см. также рец. М. А. Барга: Средние века. 1973, вып. 36. После издания монографии Ю. Л. Бессмертный опубликовал ряд статей, в том числе: *Бессмертный Ю. Л.* Северофранцузский серваж: (К изучению общего и особенного в формах феодальной зависимости крестьян). — Средние века, 1970, вып. 33. Он является автором главы «Возникновение Франции» в первом томе «Истории Франции» (М., 1972), см. об этом ниже.

¹³ *Грацианский Н. П.* Бургундская деревня в X—XII столетиях. М., 1935; *Он же.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья: Сб. статей. М., 1960 (см. особенно статью «Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период»).

¹⁴ *Конокотин А. В.* Очерки по аграрной истории северной Франции. — Учен. зап. Иванов. гос. пед. ин-та. Сер. ист. науки, 1958, т. XVI; *Он же.* Жакерия 1358 г. во Франции. — Там же, 1964, т. 35; *Он же.* К вопросу о времени возникновения ценизвы в феодальной Франции. — Средние века, 1973, вып. 36.

¹⁵ *Серовайский Я. Д.* Играла ли мелкая собственность доминирующую роль в бургундской деревне X—XII столетия. — В кн.: Некоторые вопросы всеобщей истории. Алма-Ата, 1967; *Он же.* К вопросу о продуктивности французского земледелия в средние века (IX—XIV вв.). — Вопросы истории, Алма-Ата, 1972, вып. 4; *Он же.* Севообороты средневековой Франции XI—XIII вв. — Средние века, 1972, вып. 35; *Он же.* К истории французского виноградарства в раннее средневековье. — Вопросы истории, Алма-Ата, 1972, вып. 3.

¹⁶ *Шевеленко А. Я.* Становление бретонистики. — В кн.: Французский ежегодник (далее. — Ф. Е.), 1965. М., 1966; *Он же.* Торжество феодальной собственности в Бретани. — Ф. Е., 1971. М., 1973; *Он же.* Начальные формы феодальной собственности в Бретани. — В кн.: Европа в средние века: Сб. в честь С. Д. Сказкина. Л., 1972.

(М. М. Себенцова, А. В. Конокотин, Э. И. Лесохина и др.), но за последнее десятилетие работ по этой теме появилось значительно меньше¹⁷.

Большой интерес вызвал к себе французский средневековый город. В дореволюционной русской литературе почти все внимание было сосредоточено на французской деревне. В советской историографии изучался по преимуществу средневековый немецкий и английский город (В. В. Стоклицкая-Терешкович, Я. А. Левицкий и др.). Для французского средневекового города «урожайным» оказалось именно рассматриваемое нами десятилетие. Наиболее значительным исследованием явилась монография С. М. Стама¹⁸. Книга основана на богатом материале печатных первоисточников. Ее отличает безупречное знакомство со всей зарубежной старой и новой литературой по избранной теме. Если советская медиевистика была вообще бедна оригинальными исследованиями о французских средневековых городах¹⁹, то южнофранцузским городам в отличие от северных не было вообще уделено до сих пор никакого внимания, хотя по своей социальной структуре они представляли много интересных особенностей. Своей монографией С. М. Стам сумел заполнить одну из заметных лакун в советской медиевистике.

В книге С. М. Стама высокий научный уровень исследования сочетается с острой полемичностью. Автор резко оспаривает теорию «континуитета», непосредственной связи и преемственности между античным и средневековым городом. К концу VIII в. южные города почти замирают. Они возникают, как, например, Тулуза, под влиянием других социальных факторов фактически заново в связи с отливом сельского населения. Не «*cités*» — старинный городской центр, а «сальветаты» и «бастиды», заселявшиеся сервами, бежавшими от сеньориальной эксплуатации,

¹⁷ См.: *Керов В. Л.* Народное еретическое движение бегинов юга Франции и Петр Иоанн Оливи. — Ф. Е., 1968. М., 1969; *Шевеленко А. Я.* Движение бретонских крестьян в первой четверти XI века. — Ф. Е., 1967. М., 1968.

¹⁸ *Стам С. М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII веков). Саратов, 1969.

¹⁹ Ср.: *Оттокар Н. Н.* Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919. Тулузе как центру альбигойского движения в русской литературе посвящена работа, выпущенная более ста лет назад: *Осокин Н. В.* История альбигойцев (Тулуза их времени). Казань, 1869—1872. Т. 1, 2.

становились базой новой Тулузы. На этой основе происходило отделение ремесла от сельского хозяйства.

Интересное освещение получил в книге С. Стама вопрос о происхождении цехов: к их созданию стремились ремесленники, а городской патрициат им решительно противодействовал. К XV в. с укреплением позиций мелкого ремесла цеховая система торжествует, но в XVIII в. ее взрывают предприниматели капиталистического типа, широко насаждая деревенскую промышленность. «Наиболее тщательно и убедительно» написанной частью книги С. Д. Сказкин считал историю создания городского патрициата. И здесь С. М. Стам выступил против ряда господствующих концепций, показав всю сложность процесса, который лишь к XV в. приводит к созданию более или менее единой верхушки — землевладельчески-ростовщически-торгового патрициата. В целом, по мнению С. Д. Сказкина, несмотря на некоторые его расхождения с автором, «тщательное исследование С. М. Стамом истории Тулузы в XI—XIII веках является существенным вкладом в изучение раннефеодального города Западной Европы»²⁰.

Саратовский университет стал своеобразным центром «урбанистики» для всей советской медиевистики. В 1968 и 1974 гг. там были опубликованы два выпуска, посвященные средневековому городу, в которые вошли работы не только саратовских авторов, но и историков из других центров²¹. Обращают на себя внимание работы М. Е. Карпачевой, посвященные Каркассону, в которых отстаиваются идеи, близкие к взглядам С. М. Стама²². По ее мнению, «только глубинные процессы, развернувшиеся в феодальной деревне в XI—XII вв., внутренняя колонизация, полное отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие товарно-денежных отношений послужили импульсом градообразовательного процесса, в результате

которого... выкристаллизовалась городская жизнь»; «образование бургов Каркассона как центров товарного производства знаменует собой начало собственно городского этапа развития Каркассона»²³. Теорию «социального континуитета», отстаивавшуюся Е. Машке в его работе, помещенной в «Annales» (1960), оспаривает на примере Страсбурга и Т. М. Негуляева²⁴. В. И. Осипов, используя пример Монпелье, возражает, так же как и С. М. Стам, против теории о происхождении городского патрициата как «прослойки чисто дворянского происхождения»²⁵.

Советская урбанистика не исчерпывается, конечно, Саратовом. Исследования о Монпелье в XII в. велись в Ленинграде Н. В. Ревуненковой, о Марселе в XIII—XIV вв. — Г. М. Тушиной (Горький)²⁶.

Мы не имеем здесь возможности осветить работы по истории французской средневековой культуры, литературы, искусства, хотя в этой области появлялось много интересных работ²⁷. Однако об одном разделе этой исто-

²³ Средневековый город, вып. 2, с. 59—60, 79.

²⁴ Негуляева Т. М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьба в XIII — начале XIV в. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1968; Она же. — Складывание городского патрициата в средневековом Страсбурге. — В кн.: Средневековый город, вып. 2.

²⁵ Осипов В. И. Складывание патрициата в Монпелье (XII—XIII вв.). — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1968, вып. 1; Она же. Судьбы городского дворянства в Монпелье (XII—XIII вв.). — В кн.: Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Саратов, 1968.

²⁶ Тушина Г. М. Торговая и ростовщическая деятельность марсельских купцов в первой половине XIII в. — Учен. зап. Горьк. ун-та, 1968, вып. 88, ч. 1; Она же. Торговые связи Марселя и Монпелье в Северной Африке в XIII—XIV вв. — Там же; Она же. Марсельский торговый флот в XIII в. — Учен. зап. Горьк. ун-та, 1971, вып. 109. Об истории Генеральных штатов и роли в них горожан в начале XIV в. см.: Денисова-Хачатурян Н. А. К вопросу о политической роли горожан на Генеральных штатах Франции начала XIV в. — Вестн. МГУ, 1966, № 3; см. также: Средние века, 1966, вып. 29; Она же. Социально-политические аспекты начальной истории Генеральных штатов во Франции. — В кн.: Европа в средние века. Об истории сословного представительства в средневековой Франции см. статью А. Д. Люблинской в журнале «Вопросы истории» (1972, № 1).

²⁷ Хорошо известно очень ценное исследование (Баттин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965), переведенное на французский язык и вызвавшее к себе живейший интерес. По вопросам изучения того, что принято сейчас называть «mentalité», см. интересную работу: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

²⁰ Вопросы истории, 1970, № 5, с. 178; см. также отзыв Я. Д. Серовайского: Средние века, 1973, вып. 36.

²¹ В 1975 г. появился третий, а в 1978 г. четвертый выпуск этого издания. Французскому городу в нем посвящены статьи М. Е. Карпачевой и М. А. Молдавской.

²² Карпачева М. Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в Каркассоне. — В кн.: Средневековый город, Саратов, 1974, вып. 2; Она же. Возникновение Каркассона как средневекового города. — В кн.: Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971; Она же. Каркассон от античности к средневековью. — В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1972.

рии — французской и латинской палеографии — нам хотелось бы упомянуть хотя бы в нескольких словах.

Наличие в СССР, а особенно в Ленинграде, ценнейшего собрания средневековых документов, рукописных, и в частности иллюминированных, книг ²⁸ уже давно привело к созданию небольшой, но весьма деятельной группы специалистов по французской и латинской палеографии. Создательницей этой школы, как известно, была О. А. Добиаш-Рожественская, автор классического труда, посвященного Корбийскому скрипторию, особенно богато представленному в ленинградском собрании рукописей ²⁹. Ее работу продолжила А. Д. Люблинская. Как раз в последнее десятилетие можно отметить появление ряда новых исследований в этой области. Отметим прежде всего работу самой А. Д. Люблинской ³⁰, в которой содержится большой материал, посвященный Франции. Некоторые разделы этой книги — о готическом книжном письме, о канцелярском письме и т. д. — написаны молодыми исследователями, учениками А. Д. Люблинской: Л. И. Киселевой, В. Л. Романовой, В. Н. Маловым, выпустившими уже и самостоятельные работы. Л. И. Киселева занималась книжным готическим письмом в XII—XV вв. и опубликовала исследование на эту тему ³¹. Французской рукописной книге посвящены работы В. Л. Романовой ³². Ряд оригинальных этюдов по французской палеографии более позднего периода опубликован В. Н. Маловым;

они нашли свое завершение в его книге ³³. Упорная и успешная деятельность этой группы палеографов, как и саратовских «урбанистов», заслуживает, несомненно, самой высокой оценки.

* * *

Ни Столетняя война, ни религиозные войны XVI в. не вызвали большого интереса советских исследователей за последнее десятилетие. Может быть, одной из причин явилось наличие капитальных исследований И. В. Лучицкого по истории религиозных войн ³⁴ — хотя со времени их появления прошло уже около столетия, — оставивших глубокий след и в русской, и во французской литературе. Мы можем все же назвать несколько отдельных работ, посвященных Франции XV—XVI вв.

Так же как в Саратовском университете сложился центр по изучению в основном французской средневековой урбанистики, своеобразное «ядро» историков Франции образовалось и в Уфимском университете под руководством покойного И. С. Гиссельсгофа. В четырех сборниках «Из истории Франции», вышедших в Уфе, были опубликованы работы Р. А. Маслова об образовании французской централизованной монархии в XV столетии, и в частности о присоединении бургундского герцогства ³⁵. Город Ажан в XVI в. явился темой интересного исследования, основанного на архивных материалах, ленинградского исто-

²⁸ См.: Воронова Т. П. Французские средневековые рукописные книги в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Средние века, 1962, вып. 22.

²⁹ Dobias-Rozdestvenskaia O. A. Histoire de l'atelier graphique, de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Léningrad. Léningrad, 1934. О Добиаш-Рожественской см.: Люблинская А. Д. Значение трудов О. А. Добиаш-Рожественской для развития латинской палеографии в СССР. — Средние века, 1966, вып. 29; см. также: Воронова Т. П. К биографии Бориса Вильде: (Из архива Добиаш-Рожественской). — Ф. Е. 1973.

³⁰ Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969.

³¹ Киселева Л. И. Готический курсив XIII—XV вв. Л., 1974.

³² Романова В. Л. Книжное готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. — Средние века, 1966, вып. 29; Она же. Рукописная книга — ценный памятник средневековой городской культуры: (Об особенностях книжного оформления в Франции XIII—XIV вв.). — В кн.: Европа в средние века. См. в этом же сборнике: Неретина С. С. Из истории каролингского минускула в северной Франции в середине IX века.

³³ Малов В. Н. Развитие французского письма XVI—XVIII вв. по каллиграфическим источникам. — Средние века, 1965, вып. 27; Он же. Французские государственные секретари в XVI—XVII вв.: (К вопросу о значении данных палеографии для административной истории). — Средние века, 1966, вып. 29; Он же. Происхождение современного письма: (Палеография французских документов конца XV—XVIII века). М., 1975.

³⁴ Анализ этих работ И. В. Лучицкого см.: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974.

³⁵ Маслов Р. А. Состояние франко-бургундских торговых связей в 60—70-х годах XV в. — В кн.: Из истории Франции. Учен. зап. Башк. ун-та, вып. 49. Серия ист. наук. Уфа, 1970, вып. 3; Он же. Отношение бургундских феодалов к борьбе королевской власти за присоединение герцогства бургундского к Франции. — В кн.: Из истории Франции. (Учен. зап. Башк. ун-та, вып. 64). Уфа, 1972, вып. 4.

рика В. И. Райцеса, автора работы о процессе Жанны д'Арк³⁶.

В том же уфимском издании появился этюд О. В. Трофимовой о социально-политической борьбе в Ла-Рошели в первой трети XVI в. — тема, которая явилась предметом исследования и О. В. Червяковой³⁷. Кульминационному периоду религиозных войн — борьбе в Париже в 70—80-х годах — посвящены работы А. А. Лозинского, готовящего большое исследование по истории заключительного этапа религиозных войн во Франции³⁸.

Если этот период сравнительно слабо представлен в новейшей советской историографии, то этого никак нельзя сказать о XVII в. Советские исследования, и прежде всего работы Б. Ф. Поршнева, явились большим событием в историографии. Народные движения XVII в. выведены из «забвения», по общему мнению, именно благодаря ему. Как бы страстно ни оспаривались отдельные его положения, эта его заслуга является совершенно неоспоримой.

Непосредственным результатом дискуссии вокруг книги Б. Ф. Поршнева явилось опубликование русской и французской части архива канцлера Сегье. Во французскую публикацию, вышедшую под редакцией Р. Мунье³⁹, вошло 409 документов из Парижского национального архива; в русскую публикацию, вышедшую под редакцией А. Д. Люблинской, — 359 документов⁴⁰ (79 из них пол-

ностью или частично были напечатаны в монографии Б. Ф. Поршнева). Эта публикация не охватывает еще всех документов, входящих в состав архива Сегье (их свыше 4200), но во всяком случае в распоряжение исследователей поступила теперь важнейшая его часть.

Продолжая свои исследования XVII в., Б. Ф. Поршнев в 1970 г. опубликовал новую монографию, в значительной мере посвященную Франции, — «Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века»⁴¹. В ней содержатся интересный материал и существенно новые выводы о влиянии английской революции на Францию и на ход событий во время Фронды. Наибольший интерес представляет центральный тезис его исследования. С присущей ему смелостью и оригинальностью мысли Б. Ф. Поршнев попытался установить связь между дипломатической историей и историей социальной. «Первая общеевропейская война, какой была Тридцатилетняя война, вызвала первый общеевропейский революционный подъем». По мнению исследователя, существует «глубокое взаимодействие двух рядов исторических явлений, часто обособляемых друг от друга: социальных движений и международных отношений»⁴². Пересечение этих двух рядов, по мнению Б. Ф. Поршнева, особенно наглядно сказалось в середине XVII в. «Между подъемами народных восстаний во Франции и Вестфальским миром есть закономерная связь, однако только через... политический уровень; только в условиях английской революции и Фронды бурлящая народная масса была косвенным, повторяю, косвенным фактором внешней политики — ускоренного заключения мира»⁴³. Этот новый и необычный подход вызвал, естественно, ряд возражений. Спорам со своими противниками, и прежде всего с тем же Р. Мунье, посвящена заключитель-

³⁶ Райцес В. И. Восстание в южнофранцузском городе Ажане в 1514 г. — Вестн. ЛГУ, 1967, № 8. Сер. истории, вып. 2; *Он же*. О программе восстания в Ажане в 1514 г. — Средние века, 1972, вып. 35; *Он же*. Процесс Жанны д'Арк. Л., 1964.

³⁷ Трофимова О. В. Социально-политическая борьба в Ла-Рошели в первой трети XVI в. — В кн.: Из истории Франции. Уфа, 1972, вып. 4; Червякова О. В. Экономическое развитие и муниципальный строй Ла-Рошели в первой половине XVI века. — В кн.: Из истории западноевропейского средневековья. Гос. пед. ин-т им. Ленина. М., 1972.

³⁸ Лозинский А. А. Генеральный совет Лиги: Из истории Католической лиги во Франции 1584—1596 гг. — Средние века, 1971, вып. 33, 34; *Он же*. О росте населения в Париже в XVI в. — Средние века, 1973, вып. 37.

³⁹ Lettres et mémoires adressées au chancelier Séguier (1633—1649), recueillis et publiés par R. Mousnier. Paris, 1964.

⁴⁰ Внутренняя политика французского абсолютизма/Под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1966. Отметим здесь же две другие публикации, осуществленные под руководством А. Д. Люблинской, посвященные XVI в.: Документы по истории гражданских войн во Франции, 1561—1563 гг. Л., 1962 (документы из коллекции П. П. Дубровского); Документы по истории внешней политики

Франции, 1547—1548 гг. Л., 1963 (документы из коллекции Ла-муаньона, хранящейся в Москве в Центральном государственном архиве древних актов).

⁴¹ Эта книга должна была явиться последней частью трилогии, посвященной истории международных отношений в период Тридцатилетней войны. Первый том этого исследования «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» вышел посмертно в 1976 г. под редакцией Б. Г. Вебера.

⁴² Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970, с. 376—377.

⁴³ Там же, с. 374.

ная глава последнего исследования замечательного советского историка, посвященного Франции ⁴⁴.

Советская историография Франции первой половины XVII в. многим обязана также трудам А. Д. Люблинской. Ученица О. А. Добиаш-Рождественской А. Д. Люблинская много лет заведовала рукописным отделением Ленинградской Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где хранятся ценнейшие средневековые французские рукописи и знаменитая коллекция П. Дубровского. Позднее она опубликовала монографию о Франции в начале XVII в. ⁴⁵, а в рассматриваемое нами десятилетие исследование о французском абсолютизме того же периода, переведенное в 1968 г. на английский язык ⁴⁶. В первых главах этой монографии А. Д. Люблинская подвергает решительной и убедительной критике теории «всеобщего кризиса» в XVII в., а также теорию «всеобщей революции», защищавшуюся английским историком Тровер-Роупером. В последующих главах она дает свое собственное освещение эволюции Франции в первой трети XVII в. Американский рецензент книги Р. В. Грин, оспаривая определение этого периода как наиболее критической фазы в развитии французского абсолютизма, одобительно отозвался о документальной базе монографии, что делает знакомство с этим исследованием совершенно необходимым для «каждого ученого, интересующегося этой эпохой» ⁴⁷.

В понимании движущих сил эпохи А. Д. Люблинская расходится с Б. Ф. Поршневым. В то время как последний рассматривал французский абсолютизм как дворянский и его укрепление исключительно как орудие для противодействия народным, по преимуществу крестьянским, движениям, направленным против феодальной системы, А. Д. Люблинская склонна была подчеркивать прогрессивные черты абсолютизма, его связи с буржуазным развитием страны, с разложением феодализма, начало которого

она датирует XV в. Она полагала, что феодальные институты не в состоянии уже были мешать складыванию и вызреванию капиталистических отношений. Только во второй половине XVIII в., «в период глубокой сеньориальной реакции, феодальные силы попытались восстановить отжившие отношения и создали угрозу дальнейшему прогрессу капитализма» ⁴⁸.

Если Б. Ф. Поршнев проявлял известную односторонность, подчеркивая *только* «феодальные», дворянские корни французского абсолютизма, в чем его справедливо упрекал С. Д. Сказкин ⁴⁹, то А. Д. Люблинская склонна была впадать в иную противоположность. В очень остром споре, ведущемся сейчас среди французских и англо-американских историков, нам представляется верной та точка зрения, которую отстаивает А. Собуль, подчеркивающий все значение сохранившихся во Франции сеньориальных отношений независимо от «сеньориальной реакции» второй половины XVIII в., лежавших тяжелым бременем на французском крестьянстве, сдерживавших развитие производительных сил и вызывавших пауперизацию в деревне.

Но независимо от этих разногласий нам кажется, что советские исследователи французского абсолютизма в известной мере повторяют ошибку, которую делали русские марксисты начала XX в. в работах о русском самодержавии и против которой резко выступал Ленин. Этой ошибкой Ленин считал «сведение ее (монархии.— В. Д.) непосредственно к „чистому“ господству верхних классов» ⁵⁰. «Классовый характер царской монархии,— писал Ленин,— нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“, от Николая II до любого урядника» ⁵¹. «„Почерная силы“ от поддержки верхов буржуазии,— указывал Ленин,— бюрократия рекрутируется не из них, а из старого, совсем старого... дворянства. „Получая мотивы для своей деятельности“ в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто крепостническое, исключительно крепостническое направление и облик буржуазной деятель-

⁴⁴ Отметим, что на очередной советско-французской конференции историков в Москве в 1973 г. именно Р. Мунье выступал с теплым и прочувствованным словом, посвященным памяти незадолго перед тем скончавшегося Б. Ф. Поршнева.

⁴⁵ Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610—1620 гг.). М., 1959.

⁴⁶ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века (1620—1629 гг.). М.; Л., 1965; *Lublinskaja A. French Absolutism: The Crucial Phase, 1620—1629*. New York, 1968.

⁴⁷ *American Historical Review*, 1969, N 4, p. 1294—1295.

⁴⁸ Вессмертний Ю. Л., Малов В. Н. А. Д. Люблинская — историк-медиевист. — Средние века, 1972, вып. 35.

⁴⁹ Сказкин С. Д. Проблемы абсолютизма в Западной Европе. — В кн.: Сказкин С. Д. Избр. труды по истории. М., 1973.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 32.

⁵¹ Там же

ности»⁵². Эти глубокие мысли Ленина, как нам кажется, вполне применимы, с учетом, разумеется, всех особенностей исторического развития, и к французскому абсолютизму XVII—XVIII вв. Как бы то ни было, эти споры свидетельствуют все о том же «страстном искании истины», о котором писал в свое время А. Сэ⁵³.

Французскому абсолютизму второй половины XVII — начала XVIII в. повезло в нашей литературе гораздо меньше. После опубликования уже посмертно курса А. Н. Савина «Век Людовика XIV» (1930) советские исследователи к этому периоду возвращались редко. За последнее десятилетие мы можем отметить лишь докторскую диссертацию Р. Энгельгардта «Очерки по истории Франции конца XVII — начала XVIII в.»⁵⁴.

В литературе о предреволюционном XVIII в. первое место должно быть отведено исследованиям по проблемам Просвещения⁵⁵. Из забытых мыслителей этой эпохи

⁵² Там же, с. 58.

⁵³ Французским абсолютизмом XVII в. много занимался ученик Н. И. Кареева В. В. Бирюкович. См., в частности: *Бирюкович В. В.* Французские «финансисты» в политической борьбе 1622—1624 гг. — В кн.: *Исторические записки*. М., 1938, т. 3.

⁵⁴ Часть диссертации была опубликована в «Ученых записках Кишиневского университета» (1968, т. 104). В ней дан очень обстоятельный историографический обзор. К сожалению, характеристики некоторых авторов (например, Токвиля) даны несколько упрощенно. См. также: *Елманова Н. С.* Антиабсолютистская теория Клода Жано и парижский парламент XVII в. — Ф. Е. 1968. Об аграрном развитии Франции этого времени см. *Червоная Т. М.* Проблемы становления капиталистического фермерства во Франции: (На примере Парижского района XVII в.). — Средние века, 1972, вып. 35; *Она же.* Крестьянство юга Парижского района в XVI—XVII вв.: (К вопросу о дифференциации французского крестьянства). — Средние века, 1968, вып. 33, 34. О городских движениях XVII в. см.: *Молдавская М. А.* «Большой мятеж» 1629 г. в Лионе. — Средние века, 1972, вып. 35; см. также: *Покровская М. А.* К вопросу о налоговой политике французского абсолютизма первой половины XVII в. — Учен. зап. Орлов. гос. пед. ин-та, 1964, т. 22. Ист.-фил. ф-т. О дипломатической истории XVII в. см.: *Беляков Г. Ф.* Из истории франко-германских отношений в 1610—1614 гг. (борьба за юлих-клевское наследство). — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1967, т. 189. Всеоб. ист., вып. 9; *Она же.* Юлих-клевский кризис и позиция Франции. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1968, т. 171, Всеоб. ист., вып. 7.

⁵⁵ Из работ по идейной истории средневековой Франции отметим оригинальное исследование ученицы С. Д. Сказкиной Г. В. Шевкиной (*Шевкина Г. В.* Сигер Брабантский и парижские авер-

роисты. М., 1972), вышедшее уже посмертно. Парижским университетом XIII в. Г. В. Шевкина заинтересовалась еще на студенческой скамье и до своей ранней смерти продолжала свои изыскания о влиянии Аверроэса на французскую философскую мысль XIII в. и об антицерковных тенденциях, проявившихся у Сигера Брабантского и его единомышленников.

Другой группой забытых просветителей второй половины века заинтересовался Л. С. Гордон. Превосходный знаток вольтеровской библиотеки в Ленинграде, он сосредоточил свое внимание на некоторых писателях, как, например, Лабомель (*La Beaumelle*), вызывавших особую неприязнь (как, впрочем, и де Бросс) у Вольтера⁵⁶. В ходе этих исследований Л. С. Гордон пришел к выводу о существовании забытого революционно-демократического крыла французского Просвещения (1750—1780), которому он и посвятил свою докторскую диссертацию. Один из оригинальных этюдов Л. С. Гордона по истории идейной жизни предреволюционной Франции был опубликован в сборнике «Век Просвещения», выпущенном совместно французскими и советскими учеными к XIII Международному историческому конгрессу в Москве⁵⁷. Оригинальные этюды Л. С. Гордона, воскресившего целый ряд забытых писателей и мыслителей (Дюлоран, Тифень Деларош, Лабомель, Гудар и т. д.) были собраны в одном томе и

роисты. М., 1972), вышедшее уже посмертно. Парижским университетом XIII в. Г. В. Шевкина заинтересовалась еще на студенческой скамье и до своей ранней смерти продолжала свои изыскания о влиянии Аверроэса на французскую философскую мысль XIII в. и об антицерковных тенденциях, проявившихся у Сигера Брабантского и его единомышленников.

⁵⁶ Гордон Л. С. Политические максимы Лабомеля. — Ф. Е. 1967.

⁵⁷ Гордон Л. С. Тема «благородного разбойника» Мандрена в идейной жизни предреволюционной Франции. — В кн.: *Век Просвещения/Под ред. Ф. Броделя, А. Губера, А. Манфреда и др.* Москва; Париж, 1970.

опубликованы на немецком языке в Германской Демократической Республике ⁵⁸

Продолжались исследования и о корифеях Просвещения, прежде всего о Вольтере. В. С. Люблинский, посвятивший почти всю свою научную деятельность Вольтеру ⁵⁹, незадолго до смерти опубликовал хранящиеся в Ленинграде «Письма к Вольтеру» (Л., 1970). Влияние Вольтера на русское общество в XVIII—XIX вв. исследовалось в интересных работах П. Р. Заборова ⁶⁰. И. И. Сиволап, занимающаяся изучением социальных идей Вольтера, опубликовала полезный, исчерпывающий указатель «Вольтер в советской литературе, 1917—1972» ⁶¹. В 1978 г. И. И. Сиволап опубликовала и свою содержательную монографию, в которой впервые в советской литературе использовала все новейшие публикации вольтеровских текстов, в том числе и бестермановское издание переписки Вольтера в 51 томе. И. И. Сиволап счастливо избежала односторонности в оценке фернейского мыслителя. Она показала все огромное значение его гуманистических идей, но в то же время все его слабости. Эта идея книги ярко вскрыта в предпосланном к ней эпиграфе из Грибоедова: «Как неравна судьба, так сам был неровен: решительно действовал на умы современников, вел их куда хотел, но иногда, светильник робкий, блудящий огонек, не смеет назвать себя; то опять ярко сверкает реформатор бичом сатиры, — гонимый и гонитель, друг царей и враг их» ⁶².

Не ослабевает интерес советских исследователей и к Руссо. В 1969 г. вышло новое большое, комментированное издание его основных трактатов ⁶³. Общий интерес вызвала работа А. З. Манфреда, посвященная молодому Руссо, превосходно написанная и заново ставящая ряд вопросов об источниках формирования социального мировоззрения Ж.-Ж. Руссо. А. З. Манфред придавал решаю-

щее значение его многообразным формам общения с французским народом — «его убежденный демократизм и республиканизм шли не столько от книг, сколько от собственного жизненного опыта» ⁶⁴. Влияние Руссо на русскую культуру XVIII в. проанализировано в ценной работе Ю. М. Лотмана ⁶⁵. Попытка анализа отношения Бабефа к идеям Руссо на основании сохранившихся в ИМЛ рукописей Бабефа была сделана нами ⁶⁶.

Развитие социальной мысли во Франции XVIII в. всегда являлось предметом исследования советских ученых. Изучение социальных идей Жана Мелье было начато В. П. Волгиным еще в первом десятилетии XX в. Работы В. П. Волгина продолжили Б. Ф. Поршнев ⁶⁷ и Г. С. Кучеренко, опубликовавший специальную работу о влиянии Мелье на французскую общественную мысль XVIII в. ⁶⁸

В последние годы своей жизни В. П. Волгин заинтересовался идеями Дешана. Его исследования и в этой области были продолжены Б. Ф. Поршневым, изучавшим дешановские рукописи в замке Вуайе-д'Аржансона и восстановившим всю историю изучения дешановских рукописей в СССР. По инициативе Б. Ф. Поршнева осуществлено было первое в России полное издание «Истинной системы» Дешана, вышедшее в свет, к сожалению, уже после его кончины ⁶⁹. Вольней и его идеи, их распространение в России, так же как судьба произведений Фонтенелля исследовались в работах К. Е. Яма ⁷⁰.

Великая французская революция была в 20-х годах

⁶⁴ Манфред А. З. Молодой Руссо. — Новая и новейшая история, 1974, № 4, 5. Эти статьи легли в основу первой главы книги А. З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции» (М., 1978).

⁶⁵ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Л., 1967.

⁶⁶ Далин В. М. Руссо в оценке Бабефа. — В кн.: Век Просвещения.

⁶⁷ Поршнев Б. Ф. Мелье. М., 1964.

⁶⁸ См. выше статью «В. П. Волгин и исследование французского социализма в СССР».

⁶⁹ Дешан Л. М. Истина или истинная система (примеч. Л. С. Гордона). М., 1973; см. также: Поршнев Б. Ф. Мелье, Морелли, Дешан. — В кн.: Век Просвещения.

⁷⁰ Ям К. Е. Формирование научной критики религии во французском Просвещении XVIII века. Барнаул, 1972. Социальные и философские идеи С. Марешаля были проанализированы в работе Г. С. Кучеренко (см. выше). См. также: Лихоткин Г. А. Сильвен Марешаль и «Завещание» Екатерины II: (К истории одной литературной мистификации). Л., 1974.

⁵⁸ Gordon L. Studien zur plebeischen demokratischen Tradition in der Erklärung. Berlin, 1972.

⁵⁹ Сборник работ В. С. Люблинского о Вольтере («Voltaire-Studien») был также опубликован в ГДР в 1962 г.

⁶⁰ Заборов П. Вольтер в России конца XVIII — начала XIX в. — В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970; Он же. Вольтер и русское общество. — В кн.: Историографический сборник. Саратов, 1973, вып. 1 (4).

⁶¹ Ф. Е. 1973. М., 1975. Новую попытку жизнеописания Вольтера сделала А. Акимов (Акимов А. Вольтер. М., 1970).

⁶² Сиволап И. И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978, с. 3.

⁶³ Руссо Ж.-Ж. Трактаты/Подгот. В. С. Алексеев-Попов и др.; Предисл. А. З. Манфреда. М., 1969.

центральной темой для советских историков, занимавшихся всеобщей историей. Французской революции были посвящены работы Н. М. Лукина, В. П. Волгина, Е. В. Тарле, Г. С. Фридлянда, Я. М. Захера, Н. П. Фрейберг, П. П. Щеголева, К. П. Добролюбского и др. Как и в самой Франции, с годами эта тема стала терять центральное, ведущее положение, однако она все же по-прежнему продолжает привлекать внимание советских исследователей. Это относится и к изучаемому нами десятилетию ⁷¹.

Известны те споры, которые велись в дореволюционной русской науке по проблемам аграрной истории Франции XVIII в., в частности о роли мелкой крестьянской собственности. Итоги этих споров в известной мере были подведены С. Д. Сказкиным ⁷².

Несмотря на большое количество изданных во Франции локальных этюдов по истории крестьянских движений в годы революции, до сих пор в обширной литературе не было ни одного сводного труда, в котором давалась бы общая картина этих движений и анализировалась бы роль, сыгранная ими в революции. А. Собуль отмечал: «В борьбе за полное освобождение земли крестьянская революция продолжалась в различных формах до 1793 г.; это была подлинная гражданская война, которая еще ждет своего историка» ⁷³. Эта задача выполнена сейчас советским ученым А. В. Адо ⁷⁴.

Ученик Б. Ф. Поршнева А. В. Адо посвятил подготовке своего исследования около 15 лет — его первая печатная работа на эту тему появилась еще в 1957 г. Богатство собранных архивных материалов, тщательность их обработки дали основание для высокой оценки монографии в советской и зарубежной прессе ⁷⁵. Следует при этом отметить, что исследование А. В. Адо отнюдь не имеет чисто описательного характера. В книге поставлен ряд спорных

проблем: о степени сохранения сеньориальных отношений в предреволюционной деревне, о роли мелкой крестьянской собственности и уровне дифференциации, о соотношении классовых групп внутри самого крестьянского движения и т. д. Нужно надеяться, что книга А. В. Адо, как в свое время работы Н. И. Кареева и Б. Ф. Поршнева, будет способствовать появлению новых углубленных исследований по истории крестьянских движений в годы революции.

Живейший интерес вызвала выпшедшая уже посмертно книга А. З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции» (1978). В нее вошли портреты молодого Руссо, Мирабо и Робеспьера. Особое внимание привлекла глава, посвященная Мирабо. Как мы уже отмечали, первый период революции, особенно до 1791 г., мало привлекал к себе советских историков, еще в меньшей мере — биографии «властителей дум» этой эпохи. Блестящая, но исключительно сложная и противоречивая фигура «льва революции» (Маркс) не нашла биографов ни в предреволюционной, ни в советской литературе. А. З. Манфред взял на себя эту труднейшую задачу и справился с ней превосходно.

Темой, издавно привлекавшей внимание именно советских историков, было развитие социальной мысли, коммунистических идей в годы великой революции. Вслед за работами о Бабефе и бабулизме В. П. Волгина в 50—60-е годы началось изучение совершенно уникального, богатейшего личного архива Бабефа, хранящегося в Москве в Институте марксизма-ленинизма. Это вызвало увеличение интереса к Бабефу во всей мировой, и особенно французской, исторической литературе и способствовало успешному научному сотрудничеству, что привело к совместной подготовке четырехтомного издания его сочинений ⁷⁶.

⁷¹ См. выше статью «Изучение Великой французской революции в СССР».

⁷² Сказкин С. Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII века. — В кн.: Европа в новое и новейшее время: Памяти Н. М. Лукина. М., 1966.

⁷³ Soboul A. La Révolution française. Paris, 1965, p. 48.

⁷⁴ Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время великой буржуазной революции XVIII в. М., 1971.

⁷⁵ Soboul A. A propos d'une thèse récente sur le mouvement paysan dans la révolution française. — Annales Historiques de la Révolution française (далее — АНRF), 1973, N 1; см. также: American Historical Review, 1975, N 1.

⁷⁶ Бабеф Грахх. Соч., т. 1. М., 1975; т. 2 — М., 1976; т. 3 — М., 1977 (редколлегия: В. М. Далин, А. З. Манфред, О. К. Сенечина, А. Собуль, Г. С. Черткова); V. Daline, A. Saitta, A. Soboul. Oeuvres de Babeuf. Tome I. Babeuf avant la Révolution. Paris, 1977. Изучением деятельности Бабефа во время термидорианской реакции успешно занимается в последние годы Г. С. Черткова, опубликовавшая во «Французском ежегоднике, 1971» интересный этюд «Грахх Бабеф после 9 термидора (август 1794 — март 1795)»; см. также: Черткова Г. С. Грахх Бабеф в Аррасской тюрьме. — Ф. Е., 1977; см. ее же публикацию в АНRF, 1974, N 3. В 1980 г. опубликована ее ценная монография: Черткова Г. С. Грахх Бабеф во время термидорианской реакции.

Ближайший ученик В. П. Волгина А. Р. Иоаннисян в результате упорных поисков в Национальном и департаментских архивах опубликовал в 1966 г. превосходный труд⁷⁷, оставивший далеко за собой все до сих пор известные исследования на эту тему.

Из новейших работ по истории Великой французской революции отметим исследования А. В. Гордона о якобинской диктатуре.

Советские историки полагают — эта точка зрения развита в ряде работ А. З. Манфреда, — что классовая природа якобинской диктатуры отнюдь не была чисто буржуазной. Якобинцы представляли блок демократической (средней и мелкой) буржуазии, крестьянства и городского плебейства, т. е. классовых сил, жизненно заинтересованных в доведении главных задач революции до конца. Якобинцы были партией революционного блока, со всеми его сильными сторонами и со всеми присущими ему классовыми противоречиями⁷⁸. Крушение революционной диктатуры — именно это подчеркивал Ленин в критические месяцы русской революции в 1920—1921 гг. — явилось результатом натиска буржуазной и мелкобуржуазной стихии, поворота вспять буржуазии и собственнического крестьянства, стремления которого противодействовала якобинская политика «максимума» и других ограничительных мер. Буржуазная революция вышла за пределы своих непосредственных задач. Этим и Энгельс и Ленин объясняли причины 9 термидора⁷⁹.

Именно такое понимание якобинской диктатуры проводится в последних хорошо документированных работах А. В. Гордона, посвященных весенним и летним месяцам 1793 г. — времени создания революционного правительства⁸⁰.

На основании сохранившегося в Москве очень обширного архива П. А. Кропоткина советские ученые изучали

Кропоткина как историка революции (Е. В. Старостин) и опубликовали его труд на эту тему, высоко оцененный в свое время В. И. Лениным⁸¹.

Большое место истории французской революции отводится во «Французском ежегоднике», издании, основанном в 1958 г. под руководством В. П. Волгина. Почти в каждом из томов ежегодника появляются статьи на эти темы. В нескольких томах ежегодника были опубликованы последние этюды «Нестора» (как охарактеризовал его Вальтер Марков) советской историографии революции Я. М. Захера. На страницах этого издания появляются и статьи молодых исследователей (А. В. Гордона, Г. С. Чертовой, Д. М. Туган-Барановского, Е. В. Киселевой) и статьи историков старшего поколения. В ежегоднике печатались также работы видных зарубежных историков революции (С. Бернштейна, Ж. Годино, М. Домманже, Ж. Дотри, В. Маркова, Дж. Рюде, А. Собуля, Ж.-Р. Сюратто и др.).

В советской литературе, столь богатой трудами о Великой французской революции, почти не было общих работ о Наполеоне. Разумеется, трудов, посвященных отдельным сторонам наполеоновской эпохи, особенно походу 1812 г., было много. Но Е. В. Тарле был единственным советским историком, решившимся в 1935 г. написать общее исследование о Наполеоне. Книга Тарле переиздавалась несколько раз и считалась классическим трудом. И только 40 лет спустя появилось новое исследование о Наполеоне, написанное А. З. Манфредом⁸². Книга имела большой успех. Все ее издания разошлись почти мгновенно. Труд А. З. Манфреда отнюдь не повторяет своего предшественника. Он написан совершенно в другой писательской манере, в нем широко привлечены новые материалы, освещены периоды, оставленные в стороне Е. Тарле.

Книга А. З. Манфреда основана не только на многолетнем тщательном изучении печатных первоисточников и всей огромной литературы о Наполеоне, но и на самостоятельных успешных поисках во французских и советских архивах. Особенно много интересных материалов

⁷⁷ Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966.

⁷⁸ Манфред А. З. О природе якобинской власти. — Вопросы истории, 1969, № 5; см. также: *Manfred A. Sur la nature du pouvoir Jacobin.* — *La Pensée*, 1970, N 150.

⁷⁹ См.: Адо А. В. К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры. — Новая и новейшая история, 1972, № 1; см. также: *Dalme V. Lénine et le jacobinisme.* — *ANRF*, 1971, N 203.

⁸⁰ Гордон А. В. Федералистский мятеж: (Из истории гражданской войны летом 1793 г.). — Ф. Е. 1967; *Он же*. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г. — Ф. Е. 1972. М., 1974.

⁸¹ Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793 (статьи и комментарии А. В. Гордона, В. М. Далина, Е. В. Старостина).

⁸² Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971; 2-е изд., испр. и доп. М., 1973. 773 с.; 3-е изд., 1979. См. ниже статью «Мастер исторического портрета».

автор извлек из архива Российской коллегии иностранных дел, ныне хранящегося в Архиве внешней политики России (АВПР). Использованы им и личные фонды, как, например, фонд известного русского историка этой эпохи Н. Шильдера и т. д. Изобилуют многими счастливыми находками главы, посвященные русско-французским отношениям, в частности глава о попытке сближения с Россией, предпринятая Наполеоном в короткое царствование Павла I.

Но помимо того что монография А. З. Манфреда является капитальным научным исследованием, нельзя не отметить ее блестящую литературную форму. Написанная с подъемом и увлечением, книга читается с огромным интересом от первой и до последней строки. Можно без всякого преувеличения сказать, что «Наполеон» А. З. Манфреда является самым ярким произведением во всей советской литературе по истории Франции за последнее десятилетие.

По экономической истории империи ценным дополнением к работе Е. В. Тарле явилось исследование М. Ф. Злотникова⁸³. В литературе до сих пор появлялись только отдельные этюды на эту тему. Исследование М. Ф. Злотникова — первая часть его вышла уже посмертно, а вторая часть до сих пор не опубликована и сохранилась лишь в рукописи — представляет собой капитальный труд, основанный на многолетних архивных изысканиях. М. Ф. Злотников убедительно показал, как ощутим был материальный ущерб, который терпели русские помещичьи и купеческие круги, связанные с экспортом в Англию, поглощавшую основные русские предметы вывоза. Вот почему уже с 1809 г. начались нарушения континентальной блокады, и все больше усиливалась оппозиция со стороны этих кругов русско-французскому сближению, как это показано и А. З. Манфредом в ряде глав его книги⁸⁴.

Для дипломатической истории эпохи важное значение имеет осуществляемая в течение многих лет весьма ценная публикация русских дипломатических документов «Внешняя политика России XIX — начала XX в.». Первая серия этих документов посвящена как раз наполеоновской эпохе (1801—1815 гг.). Они использованы в работе

В. Г. Сироткина⁸⁵. Мы не касаемся здесь работ по военной истории наполеоновской империи — новые исследования на эту тему посвящены в основном действиям русской армии. Из них следует отметить монографию П. А. Жилина⁸⁶.

В последние годы жизни Е. В. Тарле в его адрес выдвигались упреки в связи с вопросом о виновниках поджога Москвы. Необоснованность этих упреков показана в специальном этюде В. М. Холодковского⁸⁷.

Крайне левому, демократическому крылу антинаполеоновской оппозиции, отношению Наполеона к бабувистам, роли «филадельфов» и связям с ними генерала Мале был посвящен ряд этюдов, основанных на новых архивных документах, в том числе записи Бабефа о Наполеоне, сделанной им в Вандомской тюрьме незадолго до казни⁸⁸. Новые источники, в том числе из французских и итальянских архивов, из библиотеки Ватикана, использовал в своих интересных статьях Д. М. Туган-Барановский.

Появление монографии А. З. Манфреда, как и двухсотлетие со дня рождения Наполеона, несомненно, содействовало оживлению интереса к этой эпохе. Так, за последние годы появился ряд статей о Ста днях и дипломатической борьбе, связанной с окончательным падением империи⁸⁹.

Обзор литературы, посвященной истории Франции в посленаполеоновский период, следует начать с двухтом-

⁸⁵ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966; см. также: Грачев В. Ф. Политика Наполеона Бонапарта в восточном Средиземноморье (1796—1802). — Учен. зап. Иванов. гос. пед. ин-та, 1967, т. 43; Он же. Политика Наполеона в восточном Средиземноморье (1802—1805). — Учен. зап. Иванов. гос. пед. ин-та, 1970, т. 58; Он же. Политика Наполеона в восточном Средиземноморье, 1807—1808 гг. — Учен. зап. Рязан. пед. ин-та, 1971, т. 112.

⁸⁶ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968.

⁸⁷ Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? — Вопросы истории, 1966, № 4.

⁸⁸ Далин В. Наполеон и бабувисты. — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970; Туган-Барановский Д. М. Генерал Мале, общество филадельфов и Наполеон. — Ф. Е. 1973. М., 1975; Он же. Якобинцы против Наполеона (1799—1801). — Новая и новейшая история, 1977, № 6.

⁸⁹ См.: Кавтарадзе А. Г. Ватерлоо. — Новая и новейшая история, 1972, № 1; Сироткин В. Г. Изгнание и смерть Наполеона. — Новая и новейшая история, 1974, № 4, 5; Он же. Карно на пути в Россию. — Ф. Е. 1972.

⁸³ Злотников М. Ф. Континентальная блокада в России. М., 1966.

⁸⁴ См. также: Нарочницкий А. Л. Об историческом значении континентальной блокады. — Новая и новейшая история, 1965, № 6.

ной монографии Ф. В. Потемкина⁹⁰. Работа эта начата была еще давно, в 20-х годах. Тогда в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» появились первые работы Ф. В. Потемкина о развитии шелкокрутильного и шелкоткацкого производства в Лионе в первой трети XIX в. и критический анализ незадолго перед тем вышедшей книги Шарля Балло *«L'introduction du machinisme dans l'industrie française»*. Вслед за этим в 30-х годах появилась книга Ф. В. Потемкина, посвященная двум лионским восстаниям, и стали регулярно появляться этюды по основной теме его исследования. Ряд обстоятельств, а затем и болезнь мешали Ф. В. Потемкину быстро закончить свою монографию, которая была опубликована лишь в 1971 г., незадолго до кончины ученого.

Книга Ф. В. Потемкина, итог почти 45-летнего труда, является самым серьезным исследованием по экономической истории Франции, появившимся в нашей стране после работ Е. В. Тарле. Она основана на материалах парижского Национального архива, в особенности фонда F¹² (*«Commerce et industrie»*), чрезвычайно внимательно изученного автором. Для своей монографии Ф. В. Потемкин использовал также широкий круг печатных первоисточников, статистические и технические издания, специальную экономическую французскую и русскую прессу того периода. Автор изучил во всех деталях не только экономическую, но и чисто техническую историю французской промышленности.

Не соглашаясь с выводом Ш. Балло, труд которого он, впрочем, высоко ценил, что торжество «машинизма» определилось уже к 1815 г., Ф. В. Потемкин описал три стадии промышленного переворота во Франции. Первая стадия началась только со времени революции (до нее были лишь опыты механизации в отдельных отраслях текстильной промышленности) и длилась примерно до 1830 г. Фабричная система тогда «впервые приобрела жизнеспособность в значительных, но еще малочисленных отраслях промышленности». Второй этап — от 1830 г. до установления Второй империи — характеризуется утверждением фабричной системы производства во всех главных отраслях легкой промышленности. Завершение промышленной революции, в частности в металлургии и на транспорте, приходится

⁹⁰ Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 1. От мануфактуры к фабрике. 454 с.; Т. 2. Положение трудящихся масс и социальные движения. 322 с.

на третий этап (1852—1870). Детальный анализ развития механизации отдельных отраслей промышленности дан Ф. В. Потемкиным в первом томе его монографии⁹¹. Одновременно с завершением промышленного переворота утверждалось, как показано в исследовании, и капиталистическое земледелие, хотя этот процесс происходит медленнее, чем в Англии.

Весь второй том исследования посвящен социальным сдвигам, происшедшим в результате промышленного переворота. На огромном материале показано бедственное положение фабричного пролетариата, особенно малолетних рабочих. Историк лионских восстаний, Ф. В. Потемкин очень подробно освещает не только забастовочную борьбу, но и крестьянские выступления. Одним из первых — если не первым — в литературе Ф. В. Потемкин описал так называемую «войну демуазелей», «лесные волнения» во Франции. Отметим любопытную находку автора в советских архивах — «меморию», донос царскому послу Палену в Париже о «реорганизации революционной партии в 1837 г.», весьма любопытный для истории тайных республиканских обществ в Париже⁹². В целом труд Ф. В. Потемкина — ценное исследование не только по экономической, но и по социальной истории Франции второй трети XIX в.

В области аграрной истории Франции за целое столетие (1862—1962) следует отметить серьезный труд Ю. Г. Трунского — итог многолетних и упорных исследований⁹³. Автор поставил перед собой сложную задачу — изучить основные тенденции развития за сто лет сельскохозяйственного производства, изменения в его структуре, распределение земельной собственности, процесс дифференциации. Наряду с этим он исследует и движение сельскохо-

⁹¹ Тщательность и детальность этого описания подчеркивает американский рецензент книги, характеризующий монографию Ф. В. Потемкина как «серьезное и хорошо документированное исследование», особенно выделяя главы о шелковой промышленности и металлургии (*American Historical Review*, 1975, N 1, p. 121—122).

⁹² Потемкин Ф. В. Указ. соч., т. 2, с. 124—127 и 144—146.

⁹³ Трунский Ю. Г. Основные тенденции экономической эволюции французской деревни (1862—1962). — В кн.: Проблемы всеобщей истории, вып. II. — Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1969, с. 3—299; Он же. Эволюция структуры сельскохозяйственного производства во Франции за последнее столетие. — В кн.: Проблемы всеобщей истории, вып. 1. Казань, 1967.

зяйственных цен, номинальных и реальных, эволюцию аграрного дохода, ренты, поземельного кредита, заработной платы сельскохозяйственных рабочих и т. д. Ю. Г. Трунский сравнил данные десятилетних сельскохозяйственных переписей от 1840 до 1955/56 и 1963 гг., изучил всевозможные статистические обзоры и издания. Все эти массовые статистические данные — за столетие! — он подверг обработке с помощью современной вычислительной техники; на основании этих сложных расчетов он превосходно показал, что основным процессом в развитии французского сельского хозяйства за столетие явилось вытеснение мелкого хозяйства крупным капиталистическим — именно то положение, которое всегда отстаивал Ленин, анализируя эволюцию сельского хозяйства во Франции. Работы А. В. Адо и Ю. Г. Трунского демонстрируют, что традиции исследований аграрной истории Франции развиваются и обогащаются советскими историками.

Работ по политической истории Франции за этот период появилось очень мало. Следует отметить две интересные монографии О. В. Орлик о русско-французских политических и общественных связях в 20—40-х годах⁹⁴. Они основаны на архивных фондах, в том числе фонде III отделения, российского посольства в Париже, личных архивов братьев Тургеневых, С. Д. Полторацкого, кн. Вяземского, братьев Булгаковых и т. д. В обеих книгах приведено много новых материалов об участии русских людей в июльской революции, об отношении во Франции к движению декабристов, о революционных и общественных связях передовых людей обеих стран в эту эпоху. Нельзя попутно не отметить и исследования по культурной истории Франции этой эпохи — ценную монографию Б. Г. Резизова о Стендале (Л., 1974), работы Г. В. Соколовой «Июльская революция и французская литература, 1830—1831 гг.» (М., 1973) и Е. Ф. Кожиной «Романтическая битва» (Л., 1969), посвященной романтической живописи 20-х годов.

По истории социалистической мысли во Франции этого периода укажем на интересные статьи о Сен-Симоне и сенсимонистах, опубликованные Г. С. Кучеренко, использовавшего французские архивы и библиотеку Арсенала, и

его докторскую диссертацию («Сенсимонизм во французской общественной мысли первой половины XIX века»)⁹⁵ — темы, до сих пор все же недостаточно освещенные в советской исторической литературе.

Немного новых работ было посвящено Второй империи. Ее промышленное развитие было рассмотрено в монографии Ф. В. Потемкина, а аграрные проблемы — в работах М. А. Кудрявцевой⁹⁶. Лучший специалист в СССР по истории Второй империи Э. А. Желубовская, автор известного исследования «Падение Второй империи и установление Третьей республики» (переведенного на французский язык и получившего единодушную высокую оценку), незадолго до кончины опубликовала очень содержательную статью «История Второй империи в произведениях Маркса»⁹⁷. В архиве Института марксизма-ленинизма был обнаружен экземпляр книги Гобино «О неравенстве человеческих рас» из библиотеки Маркса, испещренный его подчеркиваниями и крайне критическими замечаниями, проанализированными нами⁹⁸.

Э. А. Желубовская последние годы своей жизни посвятила подготовке монографии об Огюсте Вермореле и его роли в социально-политической борьбе 60-х годов. Она собрала богатый архивный материал, но, к великому сожалению, ей удалось описать только самый ранний период деятельности Вермореля — начало 60-х годов. Вопрос о взаимоотношениях Маркса и Вермореля был освещен нами в статье «Новое о коммунаре Вермореле», где был

⁹⁵ Кучеренко Г. С. О социально-католических интерпретациях идейного наследия Сен-Симона. — Новая и новейшая история, 1973, № 6; *Он же*. Сен-Симон и Тьерри. — Новая и новейшая история, 1974, № 2; *Он же*. Сенсимонизм в «Политической экономике и политике» П. Анфантена. — Новая и новейшая история, 1974, № 5; *Он же*. Сен-Симон и Фурье. — Вопросы истории, 1975, № 1; *Он же*. Сен-Симон и Базар. — Новая и новейшая история, 1975, № 1; см. также: Левандовский А. П. Сен-Симон. М., 1973.

⁹⁶ Кудрявцева М. А. Положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих во Франции в 50—60 гг. XIX века. — В кн. Проблемы всеобщей истории. Казань, 1967, вып. 1; *Она же*. О концентрации и дроблении земельной собственности во Франции в 50—60-х годах XIX в. — Ф. Е. 1963. М. 1965.

⁹⁷ Маркс-историк / Отв. ред. Э. А. Желубовская. М., 1968, с. 304—347.

⁹⁸ Далин В. У истоков расизма. Маркс и Гобино. — В кн.: Далин В. Люди и идеи. М., 1970.

⁹⁴ См.: Орлик О. В. Россия и французская революция 1830 г. М., 1968; *Она же*. Передовая Россия и революционная Франция в первой половине XIX века. М., 1973.

использован сохранившийся в ЦПА ИМЛ экземпляр книги Вермореля «Les hommes de 1848» с пометками Маркса⁹⁹.

Внешнюю политику империи в преддверии франко-прусской войны изучал Л. М. Шнеерсон¹⁰⁰. Большую и ценную монографию о франко-прусской войне в оценке европейского общественного мнения опубликовала С. В. Оболенская¹⁰¹. Книга поражает богатством и разнообразием использованных в ней источников, в том числе личных фондов Аксаковых, А. М. Горчакова, В. И. Герье, П. Л. Лаврова, Д. А. Милютина, М. П. Погодина, А. В. Станкевича, В. И. Танеева, Е. М. Феоктистова, В. Н. Фигнер, Б. Н. Чичерина, Черкасских и др. С. В. Оболенской удалось показать, как сильна была в России оппозиция поддержке Пруссии со стороны Александра II. Б. Н. Чичерин писал А. В. Станкевичу еще 25 сентября 1870 г.: «Пускай пруссаки берут Париж, пускай они даже жгут его. Это будет недолговременный триумф. Это будет огонь очищения, из которого родится новый феникс. На развалинах Парижа начнется новая эра для человеческого рода»¹⁰². Очень интересны материалы о сервиллизме большинства прусских историков. этой, перифразировав эпитет М. Н. Покровского, «лейб-гвардии» Гогенцоллернов.

Парижская Коммуна всегда была одной из центральных тем в исследованиях советских историков. Она ею оставалась и в последнем десятилетии, особенно в связи со столетием Коммуны. В перечне работ о Коммуне, вышедших в юбилейном году, опубликованном во «Французском ежегоднике», значится около 135 названий¹⁰³. Само собой разумеется, что в нашем обзоре мы можем коснуться только немногих наиболее существенных работ.

⁹⁹ См.: Новая и новейшая история, 1977, № 1, 2.

¹⁰⁰ Шнеерсон Л. М. В преддверии франко-прусской войны. Франко-германский конфликт из-за Люксембурга в 1867. Минск, 1969; *Он же*. Отклики во Франции на результаты германской войны 1866 г.— Новая и новейшая история, 1968, № 6.

¹⁰¹ Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение в Германии и России. М., 1977; см. также: *Она же*. Российские либералы о франко-прусской войне.— Ф. Е. 1969. М., 1971; *Она же*. В. И. Танеев об истории Франции.— Ф. Е. 1973.

¹⁰² Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение в Германии и России, с. 236—237.

¹⁰³ См.: Ф. Е. 1971, с. 333—338. См. также: Гутерман Е. А. и др. I Интернационал и Парижская Коммуна: Указатель литературы, вышедшей в СССР в 1917—1970 гг. Под ред. И. А. Бах, Б. А. Каменецкого. М., 1971.

Самым серьезным исследованием, посвященным Коммуне, является коллективный труд, изданный Институтом всеобщей истории Академии наук «История Парижской Коммуны 1871 года»¹⁰⁴. Труд этот, обобщающий результаты полувековых изысканий советских историков и носящий в известной мере итоговый характер, явился во многом и совершенно оригинальным. Он отразил все новое, что появилось в зарубежной исторической литературе, и все последние достижения советских специалистов, продолжающих поиски в той области, где советской науке всегда принадлежало почетное место.

Оригинально и само построение книги. Авторы исходили из того, что предпосылки возникновения Коммуны нужно искать не только в национальной истории Франции, но и в общеоисторической обстановке этой эпохи. В совершенно особых условиях бурного десятилетия 60-х годов Коммуна возникла как высшее достижение, вершина революционной борьбы рабочего класса XIX в. Эта мысль отчетливо проводится и в вводной главе (А. З. Манфред), и во всей книге вплоть до заключительных ее глав.

В споре между французскими историками о том, была ли Коммуна только «закатом», последним отголоском уходящей эпохи революционных движений XVIII—XIX вв. или «зарей» рабочей революции, советские авторы, не отрицая того, что Коммуна в какой-то мере отражала и пройденный этап, отчетливо защищали вторую точку зрения, убедительно показывая историческую роль 18 марта как рабочей революции, как первой попытки слома старой государственной машины, осуществляемой «гениальным чутьем проснувшихся масс»¹⁰⁵. С большой полнотой в соответствии с общим замыслом книги освещен вопрос о влиянии Коммуны на рабочее и демократическое движение в других странах.

К этому тому непосредственно примыкает и другой коллективный труд «Парижская Коммуна и марксизм» (М., 1973), подготовленный группой историков из Института марксизма-ленинизма (среди авторов — знаток истории французского социалистического движения эпохи

¹⁰⁴ История Парижской Коммуны 1871 года/Редкол.: Э. А. Желубовская и др. М., 1971. 803 с.

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 50.

I Интернационала И. А. Бах¹⁰⁶), в котором сделана успешная попытка изучения непосредственной связи между практикой Коммуны и идеями марксизма, их развитием и распространением. В сборнике тщательно исследовано отношение Ленина к Парижской Коммуне¹⁰⁷. Интернациональное наследие Коммуны, значение ее опыта и уроков для современного международного рабочего движения освещены в другом коллективном труде (вышедшем под редакцией А. М. Румянцева, Т. Т. Тимофеева и др.) — «Интернациональное значение Парижской Коммуны» (М., 1971).

Институтом марксизма-ленинизма издан был к юбилею Коммуны документальный сборник «Первый Интернационал и Парижская Коммуна» (М., 1972). В томе — почти 700 страниц, из которых около 200 занимает последний раздел — переписка Маркса, Энгельса и деятелей международного рабочего движения этой эпохи, где опубликовано 56 новых документов.

Из новых, оригинальных исследований о Коммуне следует назвать работы Я. И. Дразниаса, подвергнувшего обстоятельному анализу октябрьские события 1870 г. и продолжающего упорно заниматься исследованием различных аспектов деятельности Коммуны¹⁰⁸, и монографию Б. С. Итенберга о России и Парижской Коммуне¹⁰⁹. Этот вопрос давно уже исследуется советскими историками, но Б. С. Итенберг, знаток истории русского народничества, сумел привлечь новые архивные документы,

хотя все еще не исчерпал темы¹¹⁰. Очень любопытны находки Б. С. Итенберга в обширном архиве П. Л. Лаврова, хранящемся в Москве.

Для П. Л. Лаврова, бежавшего из царской ссылки и оказавшегося в Париже накануне франко-прусской войны, Коммуна, в которой он принял деятельное участие, была важнейшей вехой его политической биографии. Сам он придерживался глубокого убеждения, что «русское социалистическое движение 1873 г. и следующих годов (знаменитое «хождение в народ». — В. Д.) было косвенно вызвано впечатлением, произведенным... на русские умы событиями Парижской Коммуны»¹¹¹. Книгу Лаврова о Коммуне В. И. Ленин, по словам В. Д. Бонч-Бруевича, «считал лучшей после Гражданской войны во Франции»¹¹². Тем интереснее все новейшие публикации документов о Лаврове и Коммуне¹¹³.

Отношение в Англии к Коммуне до сих пор недостаточно изучено. Н. В. Емельяновой удалось обнаружить в архиве Института марксизма-ленинизма некоторые неизвестные документы из переписки Маркса с Бизли, с энтузиастом Коммуны Робертом Ридом и др. Ее работа об английской интеллигенции и Коммуне¹¹⁴ и использование ею новейших находок в архиве английского министерства иностранных дел — списков англичан, арестованных после подавления Коммуны, удачно дополняют то немногое, что по этому вопросу до сих пор было известно.

В работах ряда историков изучалось также влияние Коммуны на грузинское общественное движение¹¹⁵.

¹⁰⁶ См. ее главы о Франции в коллективном труде «Первый Интернационал»; см. также: *Бах И. А.* Карл Маркс и отношение Парижской Коммуны к крестьянству. — Новая и новейшая история, 1971, № 1.

¹⁰⁷ См. также: *Дунаевский В. А.* Парижская Коммуна в трудах В. И. Ленина. М., 1971.

¹⁰⁸ *Дразниас Я. И.* Восстание 31 октября 1870 г. в Париже. — В кн.: Вопросы истории в школе. Иркутск, 1966; *Он же.* Рождение и исторический смысл Парижской Коммуны. — Ф. Е. 1971; *Он же.* Проблема истоков Парижской Коммуны в современной исторической литературе. — В кн.: История и историки. М., 1966. В юбилейном томе «Французского ежегодника, 1971» опубликована также интересная статья С. М. Маневич «Документы ЦК национальной гвардии: (К истории первых дней Парижской Коммуны)»; см. также ее хорошо документированную работу о печати Коммуны: *Маневич С. М.* Издано Парижской Коммуной. Л., 1978.

¹⁰⁹ *Итенберг Б. С.* Россия и Парижская Коммуна. М., 1971.

¹¹⁰ Ценные находки в архиве известной революционерки Веры Фигнер сделаны С. В. Оболенской. См.: Вопросы истории 1971, № 5.

¹¹¹ См.: *Итенберг Б. С.* Россия и Парижская Коммуна, с. 131; см. также: *Витязев П. П.* Лавров в 1870—73 гг. — В кн.: Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Пг., 1921.

¹¹² *Бонч-Бруевич В. Д.* Избр. соч. М., 1961, т. 2, с. 226.

¹¹³ *Итенберг Б. С.* Парижская Коммуна и П. Л. Лавров: (Новые документы). — История СССР, 1971, № 2; *Альтман В. В.* П. Л. Лавров и Парижская Коммуна: Из архива П. Л. Лаврова. — В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., 1966; *Бах И. А., Рябов Ф. Г.* П. Л. Лавров и Парижская Коммуна: (Из архива П. Л. Лаврова). — Ф. Е. 1971.

¹¹⁴ *Емельянова Н. В.* Участие англичан в Парижской Коммуне. — Ф. Е. 1978; *Она же.* Англия и Парижская Коммуна. М., 1981.

¹¹⁵ *Николашвили Н. Г.* Парижская Коммуна и Грузия. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; *Донадзе В. Б., Кигурадзе Г. Ш.* Парижская

Предметом исследования явились также биографии ряда виднейших коммунаров: Делеклюза, Варлена, Врублевского, Домбровского, Г. Флуранса¹¹⁶. Отметим биографию Г. Флуранса, написанную В. А. Смирновой, тем более что серьезной работы о Флурансе не было до сих пор и во французской литературе. В книге использованы хотя и небольшой, но интересный фонд Флуранса в Институте марксизма-ленинизма, вся периодическая печать, в которой он сотрудничал, его последнее произведение «Paris trahi» (1871). Ее работа является по существу первым опытом научной биографии одного из виднейших деятелей Коммуны¹¹⁷.

Из числа историографических статей и обзоров отметим работы А. З. Манфреда, А. И. Молока, старейшего советского исследователя истории Коммуны, полвека работавшего в этом направлении, В. А. Дунаевского, Я. И. Дразниаса и др.¹¹⁸

Культура в дни Коммуны, ее литература, искусство, театр изучались и в это десятилетие, как и в предшествующие. Много лет революционным искусством Франции

XIX в., и особенно периода Коммуны, занимается Ю. Н. Данилин, опубликовавший в 1974 г. «Очерк французской политической поэзии», последние три главы которой посвящены поэзии Коммуны. С его послесловием вышел перевод пьесы Ж. Валлеса «Парижская Коммуна», опубликованной во Франции только в 1970 г. Живописью и графикой Коммуны давно занимается Н. Н. Калитина, опубликовавшая недавно этюды о Жилле. Любопытное сообщение о Золя как корреспонденте газеты «La Cloche» в 1871 г. сделала С. М. Маневич¹¹⁹.

Для советской историографии Третьей республики за последние десять лет характерна одна новая черта. В первые десятилетия после Октябрьской революции при изучении истории Третьей республики все внимание было сосредоточено исключительно на рабочем и социалистическом движении и совершенно не изучались политические партии, кроме социалистических. В последние годы в этом отношении наметился перелом. С. П. Гурвич, известная своей работой о периоде «левого блока» у власти в 20-х годах нашего века¹²⁰, обратилась к изучению первых лет существования радикальной партии. Опубликованные ею статьи и вышедшая вслед за тем большая монография¹²¹ исследуют первый период истории партии радикалов — от ее образования в 1901 г. до внутреннего кризиса, связанного с приходом к власти Клемансо в 1906 г. С. Н. Гурвич изучила многочисленные источники, в том числе мате-

Коммуна и передовая грузинская общественная мысль второй половины XIX в. — Ф. Е. 1971.

¹¹⁶ Молчанов Н. Н. Шарль Делеклюз. Эжен Варлен. М., 1971; Абрамович В. Е., Дьяков В. А. Валерий Врублевский. М., 1968; Дьяков В. А. Ярослав Домбровский. М., 1969. Интересное письмо Ш. Делеклюза, хранящееся в ИМЛ, опубликовала Э. А. Желубовская в кн.: Европа в новое и новейшее время; см. также: Парижская Коммуна 1871 года: Время, события, люди/Под ред. А. И. Молока. М., 1970. Под редакцией А. И. Молока вышел также сборник документов «Парижские коммунары о религии и церкви» (М., 1971).

¹¹⁷ Смирнова В. А. Гюстав Флуранс. М., 1972.

¹¹⁸ Манфред А. З. Советская историография Парижской Коммуны. — Вопросы истории, 1971, № 5; Молок А. И. К. Маркс за работой над историей Парижской Коммуны. — В кн.: Маркс-историк; Он же. Современная французская историческая литература о Парижской Коммуне. — Новая и новейшая история, 1971, № 4; Слущкий А. Г. Парижская Коммуна 1870 г. в освещении Франца Меринга. — В кн.: Европа в новое и новейшее время; Он же. Франц Меринг. М., 1979, гл. 5; см. также: Он же. Парижская Коммуна. 2-е изд., испр. М., 1971 (раздел о Ленине); Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. М., 1974; Дразниас Я. И. Новейшие публикации по истории Парижской Коммуны. — Учен. зап. Читин. пед. ин-та, 1966, вып. 10; Маркова В. Д. Некоторые проблемы истории Парижской Коммуны в современной французской историографии. — В кн.: Вопросы историографии новой и новейшей истории. М., 1973.

¹¹⁹ Данилин Ю. И. Очерк французской политической поэзии. М., 1974; Он же. Жюль Валлес и его пьеса. — Послесловие к кн.: Жюль Валлес. Парижская Коммуна. М., 1974. Следует отметить, что Ю. И. Данилин — автор монографии «Парижская Коммуна и французский театр» (М., 1963); см. также: Калитина Н. Н. Французская литография. Л., 1969; Она же. Карикатурист Андре Жилль. — Ф. Е. 1973; Она же. Тема Коммуны в творчестве французских художников. — Искусство, 1971, № 3; Маневич Е. С. Эмиль Золя — корреспондент газеты «La Cloche» в дни Коммуны. — В кн.: Европа в новое и новейшее время; Дмитриев В. Г. Поэт-коммунар: Жизнь и творчество Э. Потье. М., 1966; см. также: Гутман Д. С. П. С. Тургенев о франко-прусской войне и Парижской Коммуне. — Новая и новейшая история, 1969, № 2.

¹²⁰ Гурвич С. Н. Рабочее движение и левый блок во Франции (1921—1926). М., 1966.

¹²¹ Гурвич С. Н. Образование республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. — Ф. Е. 1972. М., 1974; Она же. Отделение церкви от государства и партия радикалов (1903—1905 гг.). — Ф. Е. 1973; Она же. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX века. М., 1976.

риалы советских архивов, стенографические отчеты конгрессов партии, которые не исследовал никто из французских историков радикализма. Больше всего внимания уделено противоречивой политике партии, этого «двуликого Януса», в период «левого блока». Тщательно изучена организационная структура партии — и этим книга выгодно отличается даже от специальных французских исследований. Капитальное исследование С. Н. Гурвич является серьезным успехом в изучении темы, еще совершенно новой для советских историков.

Радикальному кабинету Жозефа Кайо, причинам его падения и прихода к власти правительства Пуанкаре посвящено исследование М. М. Наринского, в центре которого стоят опять же радикалы и эволюция этой партии в предвоенные годы ¹²². Новой темой для советской науки является и социальный католицизм, тенденции в его развитии после известной энциклики «*De reum novarum*». Деятельность аббата Лемира, «*Sillon*» и Марка Санье в свою очередь нашли своих исследователей ¹²³.

Колониальной политике Третьей республики на примере экспансии в Тропическую Африку и острова Индийского океана посвящена основательная монография В. А. Субботина ¹²⁴.

Продолжалась исследовательская работа и в области изучения французского социализма и синдикализма этой эпохи. В сборнике «Люди и идеи» опубликованы некоторые наши собственные статьи на эту тему ¹²⁵. Автор намеревался дать историю Объединенной французской социалистической партии (1905—1914). Но в ходе работы он убедился, что решение этой задачи требует предварительного изучения истории стачечного движения за это десятилетие и связанного с ним предвоенного кризиса синдикализма ¹²⁶.

¹²² Наринский М. М. Драма Жозефа Кайо.— Новая и новейшая история, 1973, № 1.

¹²³ Рубинский Ю. И. Католицизм и политическая борьба во Франции на рубеже XIX и XX вв.— Ф. Е. 1972; Хасина Т. В. Социальный католицизм и христианская демократия во Франции в конце XIX — начале XX в. Общество «Сийон», 1894—1910.— Ф. Е. 1974. М., 1976.

¹²⁴ Субботин В. А. Колонии Франции в 1870—1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М., 1973.

¹²⁵ Далин В. М. Люди и идеи: Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970.

¹²⁶ Далин В. М. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М., 1935.

Новейшие исследования (Р. Траппе, М. Перро) показали правильность именно такого подхода. Но в изданной нами монографии о стачках и кризисе синдикализма не хватало живых людей; невозможность использования личных и архивных фондов мешала восполнить этот пробел. В последние годы изучение богатого фонда А. Мерргейма, одного из видных синдикалистских лидеров, хранящегося в Институте марксизма-ленинизма, и его «конфиденциальной переписки» дало возможность гораздо конкретнее проникнуть в историю Всеобщей конфедерации труда, изучить борьбу тенденций в ее руководстве накануне и в первые годы войны ¹²⁷.

Точно так же обнаружение писем Дж. Гильома в архиве П. А. Кропоткина вскрыло еще один источник для изучения французского синдикализма. Отойдя в 80—90-е годы после переезда во Францию от активной политической деятельности, старый бакунист увидел в синдикализме возрождение традиций Юрской федерации и даже попытался в начале XX в. восстановить нечто вроде бакунистского Альянса. В ядре группы «*La Vie ouvrière*», руководимой П. Монатом и А. Мерргеймом, Гильом, по-видимому, играл какую-то роль, но уже в 1913 г. конфликт вокруг резко антигерманской статьи Ш. Андлера привел не только к разрыву между Гильомом и известным историком бакунизма М. Неттлау, но и был провозвестником того раскола, который год спустя произошел во всем социалистическом и синдикалистском движении, и тогда старый бакунист оказался отнюдь не на левом, а на крайне правом его фланге ¹²⁸.

Продолжала свои исследования истории французского социалистического движения А. А. Трембицкая ¹²⁹. Ис-

¹²⁷ Далин В. М. Альфонс Мерргейм и его «конфиденциальная переписка». — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи.

¹²⁸ Далин В. Бакунист в двадцатом столетии (Джеймс Гильом и французский синдикализм). — Ф. Е. 1971; Он же. Гюстав Эрве и Домела Ньювенгуйс. — Ф. Е. 1966; Vuilleumier M. James Guillaume, sa vie, son œuvre. — In: Guillaume J. L'Internationale. 1864—1872. Genève, 1980. Vol. I.

¹²⁹ Трембицкая А. А. Основные направления историографии социалистического движения 1899—1917 гг. во Франции. — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории/Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1967, № 284; Она же. В. И. Ленин, парижская группа большевиков и социалистическое движение во Франции в годы первой мировой войны (1916—1917). — Ф. Е. 1970; Она же. Подъем массового революционного движения во Фран-

пользуя фонды Института марксизма-ленинизма и Амстердамского института социальной истории, она изучала также циммервальдское движение во Франции и роль в нем Ленина, — тема, начало изучению которой было положено около сорока лет назад С. С. Бантке¹³⁰.

Фигура Жореса всегда привлекала к себе внимание советских историков. Однако в некоторых посвященных ему работах в 30—40-е годы преобладали чисто негативные оценки. Несомненная заслуга в исправлении этой односторонности принадлежит А. З. Манфреду. Не затушевывая реформистские ошибки Жореса, он показал его крупнейшие заслуги в борьбе против реакции и опасности войны. Эта точка зрения стала преобладающей в советской науке. Она отражена и в последней советской работе о Жоресе — в книге Н. Н. Молчанова¹³¹. Написанная с большим воодушевлением, эта книга при всех ее достоинствах страдает все же, на наш взгляд, некоторой односторонностью. Она слишком преуменьшает роль и заслуги Геда, который, по мнению автора, «не только не способствовал развитию марксизма, но... невольно иногда отталкивал от него таких людей, как Жорес». Взгляды Геда, по мнению Н. Н. Молчанова, представляли собой «схематичную, вульгарную версию марксизма»¹³². В. И. Ленин так Геда не расценивал. Нельзя, наконец, по нашему мнению, утверждать, что «Жорес возглавлял *левое, революционное* (курсив наш.— В. Д.) направление во Французской социалистической партии»¹³³ по той простой причине, что «революционного» крыла во французской партии как раз и не было в противоположность германской социал-демократии. Все трудности создания во Франции циммервальдского движения это наглядно показали.

Объективную оценку Жореса, его эволюции влево в вопросах колониальной политики мы находим в работах

ции в 1917 г. и начало борьбы левых циммервальдцев за III Интернационал.— В кн.: Проблемы освободительного движения и международной политики. Труды Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1973.

¹³⁰ Бантке С. С. Ленин и циммервальдистское движение во Франции.— Пролетарская революция, 1934, № 3; *Он же*. Борьба за создание коммунистической партии Франции. Циммервальдское движение в годы мировой войны. М., 1936.

¹³¹ Молчанов Н. Н. Жорес. М., 1969 (ЖЗЛ).

¹³² Там же, с. 128 и 271. См. также с. 212, 231, 249, 343.

¹³³ Там же, с. 380.

сибирского историка Ф. Т. Коноваловой¹³⁴ — ученицы известного советского специалиста по истории французского социализма Н. Е. Застенкера.

Отметим, что во «Французском ежегоднике» за 1969 г. были опубликованы И. М. Синельниковой письма Жореса к Жану Лонге, хранящиеся в архиве Института марксизма-ленинизма, а также чрезвычайно интересное письмо Романа Роллана к тому же Ж. Лонге о Жоресе.

История русско-французских отношений — тема, которой постоянно занимались советские ученые. Ряд работ мы уже указывали выше (О. В. Орлик, Б. С. Итенберг и др.). Из общих работ, посвященных этой теме, нужно прежде всего назвать книгу А. З. Манфреда, много лет всесторонне исследовавшего взаимоотношения обеих стран¹³⁵. В нее вошли и статьи о революционных связях России и Франции, в том числе очень интересный этюд о влиянии Н. Г. Чернышевского на формирование социалистических идей Ж. Геда, и о рабочем движении во Франции в 1905 г. в связи с русской революцией. В двух других разделах собраны статьи о культурных и дипломатических связях, а также и о франко-советских отношениях. История образования франко-русского союза (1871—1893) была изложена в новом, вышедшем в 1975 г. прекрасном исследовании А. З. Манфреда¹³⁶, основанном на широчайшем круге впервые используемых советских, а также французских дипломатических документов, в чем советскому ученому многим содействовал покойный П. Ренувен.

За это десятилетие появился ряд отдельных работ, сборников и публикаций, посвященных разным аспектам отношений между обеими странами в различные исторические периоды. Очень любопытная публикация записок русского дипломата Андрея Матвеева, посланного с секретной миссией в 1705 г. к Людовику XIV, осуществлена

¹³⁴ Коновалова Ф. Т. Жорес и первый марокканский кризис.— В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1970, вып. 2; *Она же*. Отношение Французской социалистической партии к колониальной проблеме накануне первой мировой войны.— В кн.: Вопросы всеобщей истории. Красноярск, 1971.

¹³⁵ Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества: Из истории русско-французских и советско-французских отношений. М., 1967.

¹³⁶ Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975.

была в 1972 г. И. С. Шарковой под редакцией А. Д. Люблинской¹³⁷. В публикацию вошел дневник А. Матвеева за время его пребывания в Париже с 5 сентября по 10 ноября 1705 г. Высокий научный уровень публикации был отмечен в международной исторической прессе¹³⁸. К петровской же эпохе, как показано в работе Е. А. Княжецкой, относится и начало установления научных связей между обеими странами¹³⁹. Изучались и франко-грузинские отношения, существовавшие в ту же Петровскую эпоху¹⁴⁰.

Очень интересные замечания о роли России во время Великой французской революции в связи с разделом Польши мы находим в XV томе Архива К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁴¹. В. Г. Сироткин, чьи работы по истории русско-французских отношений в наполеоновскую эпоху были уже нами отмечены, перешел к изучению этих отношений в эпоху Реставрации¹⁴².

Русско-французским экономическим связям в конце XIX — начале XX в. был посвящен сборник работ советских и французских авторов, вышедший одновременно со сборником «Век Просвещения» к XIII Международному историческому конгрессу¹⁴³.

Весьма любопытный эпизод из истории русско-французских отношений освещен в статье Ю. И. Герасимовой об оценке Александром II «Отверженных» Гюго¹⁴⁴, написанной по неизданным документам. Оказалось, что император лично всячески препятствовал переводу «Отверженных» на русский язык и, когда все же, несмотря на все

преграды, некоторые главы романа проникли в печать, сурово распекал за это царских саповников¹⁴⁵.

В заключение несколько замечаний по вопросам историографии. Французской исторической науке был посвящен ряд глав в изданном Московским университетом большом двухтомном труде «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (М., 1968).

Работ, посвященных отдельным французским историкам и школам, появилось сравнительно немного. Французским историкам эпохи Реставрации посвящена наша работа, опубликованная в сборнике «Маркс-историк». На основании ряда архивных фондов (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского) изучался и вопрос о влиянии Гизо на развитие исторической мысли в России. Оно оказалось значительно более глубоким, чем можно было бы предполагать. Уже в 1825 г. имя Гизо было хорошо известно Пушкину. Высоко ценили Гизо и признавали его влияние Н. Г. Чернышевский и С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и И. В. Лучицкий, П. Н. Милоков и Н. П. Павлов-Сильванский. Читателем Гизо был в молодые годы и В. И. Ленин¹⁴⁶.

Развитие французской историографии революции 1848—1849 гг. больше чем за столетие отразила в специальной монографии Л. А. Бендрикова¹⁴⁷. Французской географической школе конца XIX — начала XX в., столь близко связанной с историей, посвящена монография О. А. Александровской¹⁴⁸.

За последние годы заметно усилился интерес к французским историкам XX в. Первую — и пока единственную — статью об Анри Берре опубликовала во «Французском ежегоднике» Л. В. Таран¹⁴⁹. «Исторической теории» Фернана Броделя посвятила свою работу — тоже пока

¹³⁷ Русский дипломат во Франции: (Записки Андрея Матвеева)/ Подгот. И. С. Шарковой; Под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972.

¹³⁸ American Historical Review, 1974, N 5 («Как жаль, — пишет рецензент в заключение, — что так мало из занимающихся французской историей читают по-русски»).

¹³⁹ Княжецкая Е. А. Начало русско-французских научных связей. — Ф. Е. 1972.

¹⁴⁰ Табагуа И. М. Из истории франко-грузинских отношений в первой четверти XVIII в. — Ф. Е. 1969.

¹⁴¹ Архив Маркса и Энгельса. М., 1973. Т. XV.

¹⁴² Сироткин В. Г. Историография и источники франко-русских отношений 1815—1822 гг. — В кн.: Проблемы освободительного движения и международных отношений в новое и новейшее время. М., 1973.

¹⁴³ Франко-русские экономические связи. Москва; Париж, 1970.

¹⁴⁴ Герасимова Ю. И. Александр II и «Отверженные» Гюго. — Ф. Е. 1971.

¹⁴⁵ Общий обзор советской литературы по истории русско-французских и советско-французских отношений дан В. А. Дунаевским и В. В. Гусевым во «Французском ежегоднике, 1967».

¹⁴⁶ Далин В. М. Французские историки эпохи Реставрации. — В кн.: Маркс-историк; Он же. Гизо и развитие русской исторической мысли. — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи.

¹⁴⁷ Бендрикова Л. Французская историография революции 1848—1849 гг. во Франции (1848—1968). М., 1969.

¹⁴⁸ Александровская О. А. Французская географическая школа конца XIX — начала XX в. М., 1972.

¹⁴⁹ Таран Л. В. Теория «исторического синтеза» Анри Берра. — Ф. Е. 1968.

первую в советской литературе — М. Н. Соколова¹⁵⁰. Содержательный очерк о Пьере Ренувене и его роли в развитии французской исторической науки опубликовал М. Н. Машкин¹⁵¹.

Нам следует указать еще на одно издание, о котором мы давно должны были упомянуть. На протяжении предшествовавших десятилетий был издан ряд капитальных, коллективных трудов, посвященных отдельным узловым моментам в истории Франции: Великой французской революции, революции 1848 г., Парижской Коммуне. Однако ни в дореволюционной русской научной литературе, ни в советской не было ни одного общего, сводного, фундаментального труда, охватывающего всю историю Франции — от галльских времен до наших дней. Именно такой трехтомный труд под руководством А. З. Манфреда и был издан в 1972—1973 гг.¹⁵² К участию в этом коллективном труде были привлечены все лучшие советские специалисты по истории Франции: глава о религиозных войнах была написана С. Д. Сказкиным, о французском абсолютизме XVII—XVIII вв. — А. Д. Люблинской, Б. Ф. Поршневым и Л. С. Гордоном, о Великой французской революции — А. З. Манфредом, о Реставрации — А. И. Молоком, об июльской монархии — Ф. В. Потеминым, о революции 1848 г. — Н. Е. Застенкером, о Второй империи — Э. А. Желубовской и т. д. К написанию третьего тома (1918—1973) были также привлечены авторы, хорошо известные своими трудами по истории этого сравнительно короткого, но столь богатого сложнейшими историческими событиями периода. Полной исторической картины этого времени дать еще невозможно, для этого не хватает многих важнейших документов. Тем не менее уже на нынешней ступени исторических знаний можно считать третий том «Истории Франции» наиболее удачной попыткой исследования этого периода точно так же, как все издание в целом, несмотря на известные недостатки, успешным опытом подведения итогов многолетнего изучения истории Франции советскими учеными.

¹⁵⁰ Соколова М. Н. Историческая теория Фернана Броделя. — Ф. Е. 1972. См. также серьезную монографию М. Н. Соколовой (Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979).

¹⁵¹ Машкин М. Н. Пьер Ренувен (1893—1974). — Ф. Е. 1976.

¹⁵² История Франции/Редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.), В. М. Далин, В. В. Загладин, С. Н. Павлова, С. Д. Сказкин. М., 1972—1973. Т. 1—3.

Наконец, нужно остановиться на важнейшем издании для изучения истории Франции — «Французском ежегоднике», издании, созданном В. И. Волгиным и А. З. Манфредом. В 18 томах ежегодника (1958—1978), по подсчетам С. В. Оболенской, было опубликовано 275 статей, 69 сообщений, 25 публикаций. В числе 233 авторов, выступавших на страницах этого издания, было 57 иностранных, в том числе 40 французских историков и видных политических деятелей: Ж. Дюкло, П. Ренувен, Ф. Бродель, Э. Лабрусс, А. Собуль, Ж. Годшо, К. Виллар и др.¹⁵³ Уже одни эти цифровые данные показывают значение «Французского ежегодника» в развитии научно-исследовательской деятельности по изучению истории Франции и в расширении советско-французского научного сотрудничества.

Сколько бы краток, сух и суммарен ни был бы наш обзор¹⁵⁴, но он все же, как нам представляется, неопровержимо свидетельствует, какой живейший интерес вызывает по-прежнему история Франции в советской исторической науке и как остро обсуждаются связанные с ней проблемы.

¹⁵³ Оболенская С. В. «Французскому ежегоднику» — двадцать лет. Рукопись.

¹⁵⁴ Мы не даем здесь обзора работ по истории французской литературы и искусства. Отметим только: Реизов Б. Г. Французский реалистический роман XIX в. М., 1969; Наркьерьер Ф. С. Французская революционная литература. М., 1965; Разумовская М. В. Ларошфуко, автор «Максим». Л., 1971; Обломиевский Д. Французский символизм. М., 1973; Кузнецов В. Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969; Дмитриева Н. А. Пикассо. М., 1971. За рамками нашего обзора остались и вопросы истории школы. Отметим только ценную монографию: Вульфсон Б. Л. Школа современной Франции. М., 1970.

Памяти
Альберта Захаровича МАНФРЕДА

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор *Б.Г. ВЕБЕР*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

А.З.Манфред: материалы о нем и ссылки на его труды:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#manf>

Мастер исторического портрета

«Наполеон Бонапарт» А. З. Манфреда

У каждого подлинного историка, как и писателя, есть произведения, написанные в состоянии огромного интеллектуального подъема, в которых находит выражение весь их талант, все их дарование. Таким трудом для Альберта Манфреда был его «Наполеон Бонапарт». Недаром книга имела такой необыкновенный успех, получила всеобщее признание. В обширном зале Политехнического музея, где проходило обсуждение «Наполеона», не было ни одного свободного места, люди стояли в проходах, но никто не уходил, дожидаясь заключительного слова автора. Аудитория напоминала бурные 20-е годы, когда там выступал Владимир Маяковский. Книга поразила сочетанием крупнейших научных достоинств с блестящим литературным изложением. Замечательно, что она была опубликована, когда А. З. Манфреду было уже 64 года, — возраст, когда даже у самых замечательных ученых творческий подъем, как правило, уже далеко позади. Но чтобы понять секрет обаяния этой книги, нужно вдуматься в особенности жизненного и научного пути ее автора.

Альберт Манфред родился 26 августа 1906 г. в семье петербургского адвоката. Огромное влияние на него оказала мать, родная сестра известного художника Леона Бакста¹, прославившегося не только в России, но и во Франции после того, как он способствовал в качестве театрального художника успеху знаменитых русских оперных и балетных спектаклей, организованных в Париже в предвоенные годы Сергеем Дягилевым. Интерес к Франции, ее культуре шел прежде всего отсюда.

Детей в семье было четверо: три дочери и сын. Их рано учили иностранным языкам, французский с детских лет был почти родным. Альберт был любимцем матери. «Чудный мальчик» — по определению его старшей сестры —

развивался чрезвычайно быстро. Его любимой книгой была сперва знаменитая «Жизнь животных» Брема, но ее очень скоро сменили гомеровские поэмы, целые песни из которых он читал наизусть. Еще на первом году обучения в гимназии Нечаева (вскоре он перешел в одну из самых передовых петербургских школ — Тенишевское училище) десятилетний подросток, писала в 1916 г. его сестра, «для собственного интереса изучил почти всю географию и историю. Прочел „Илиаду“, „Одиссею“ и все, что можно, о Греции». О его интеллектуальном развитии можно судить по стихотворению, написанному в 1921—1922 гг., где он вспоминает лето, проведенное в Териоках в 1916 г., посвященное «В. М.» — Вере Милутиной, с которой он тогда дружил:

*Удивительные мы, правда, оба.
Вам тринадцать, мне десять лет,
Когда спорили, кто лучший слова
Мастер: проза или поэт...
Заключали пари о Блоке,
О значении воды и льда
И решили, что Кромвель в Вудстоке²
Совершенно похож на себя.*

Наступила Февральская революция. Как вспоминает младшая сестра Л. З. Манфред³, школьная дисциплина была сломана, и вместе с братом они с огромным любопытством расхаживали по улицам города, где повсеместно возникали стихийные митинги, «февральское половодье». А. З. Манфред сам рассказывал, как во время одной из таких прогулок они оказались около дворца Кшесинской, с балкона которого выступал В. И. Ленин. Эта речь произвела на него неизгладимое впечатление.

После Октября прежний семейный уклад рухнул. Отец вскоре уехал из Петрограда и поселился в деревне на Волге, недалеко от Саратова, где стал учителем. Мать тяжело болела и в 1918 г. скончалась. Дети сперва остались одни, затем младших отец взял к себе, в деревню. В 1921 г. грянул ужасный поволжский голод. Вся семья собралась в Саратове, но отец ее вскоре покинул и переехал в Псков, где вернулся к юридической деятельности. Дети снова были предоставлены самим себе. Альберт За-

¹ В архиве А. З. Манфреда сохранилась переписка его старшей сестры с семьей Бакста за 1914—1925 гг. — ценнейший документ для знакомства с юностью историка.

² «Вудсток» — известный исторический роман Вальтера Скотта, которым А. З. Манфред в это время увлекался.

³ Ее воспоминания о детских и юношеских годах А. З. Манфреда также переданы в его архив.

харович (ему не было еще и 16 лет) поступил рабочим в кооператив и потом с ужасом вспоминал, с какими крысами он воевал. Семья чрезвычайно бедствовала и недоедала. Юноша ходил в обуви, перевязанной веревочками. Он учился в вечерней школе для взрослых, а днем брался за любую работу, в том числе расклейку афиш и газет. Одно время он переехал в небольшой городок Балашов, где стал распространителем печати. Но все эти материальные невзгоды нисколько его не смущали; он почувствовал в себе литературное дарование и стал выступать со стихами в студии ЛИТО. В 1922 г. в Саратове была устроена выставка литераторов. Альберт Захарович на ней выставил свои произведения и с успехом. «...Об Але, в особенности,— писала его старшая сестра 24 ноября 1922 г.— пишут отзывы, маленькие шаржи, вроде „похож на Пушкина“, и вообще находят, что он очень много успел за это время... стоит выше всех. В общем Аля молодец». Несколькими месяцами позднее, в 1923 г. она сообщает: «...пишет он довольно много и стихи, и прозу. Его здесь знают как самого молодого поэта и вместе с тем талантливого. И мне кажется, что искра поэзии в нем есть». Судя по письму, Альберт Захарович написал тогда поэму «Северный мятеж», «очень хорошую» по отзыву сестры. Он пробует себя и в прозе. 1 августа 1923 г. сестра сообщает: «Аля довольно много пишет и кончает повесть „Распавшаяся глыба“, где описана почти совершенно правдоподобно наша жизнь... революция и т. д. Не знаю, доведет ли он до современных дней или закончит на 20-м году. Но в общем повесть написана с настроением и нам было приятно, хотя и несколько грустно ее слушать». Рукопись недавно обнаружена в архиве А. З. Манфреда.

Известие о смерти Ленина потрясло Альберта Захаровича. (Он описал это в неизданном произведении.) Ночью он написал стихотворение, которое было опубликовано в одном из местных изданий. Это было его первое печатное произведение. С тех пор он почти еженедельно печатал свои стихи. «...Совсем беспристрастно говоря,— писала сестра 26 февраля 1924 г.,— он способный мальчик, т. е. в нем есть дар поэта... я в него верю!» Правда, журнал, где он печатался вскоре закрылся. Но как только он на время поехал к отцу в Новоржев (Псковская губерния), в «Псковском набате» (11 июля 1924 г.) появилось его стихотворение. Казалось, ему предопределена судьба поэта.

Но в 1926 г. наступил внезапный перелом. Альберт Манфред узнал, что в Москве при Институте истории (образовавшемся в составе Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам — РАНИОН) создается аспирантура. Для поступающих, кроме экзаменов, требовалось представление серьезной вступительной работы, свидетельствующей о способностях к научно-исследовательской деятельности. А. З. Манфред решает покинуть Саратов и вернуться в Ленинград для подготовки к экзаменам и написанию вступительной работы. В Ленинграде, где он поселился в семье старых знакомых отца, он снова столкнулся с материальными лишениями, но это его не остановило. Интерес к истории, проявившийся с юных лет, вспыхнул с новой силой. Он избрал тему «Бланки в революции 1848 г.», над которой работал с большим увлечением. Ему пригодилось приобретенное еще в детстве знание французского языка. Он изучал и прессу тех лет, и новую литературу, в том числе только что вышедшее тогда прекрасное исследование Сюзанны Вассерман «Клубы Бланки и Барбеса».

Однако он еще не распрощался с поэзией. 13 февраля 1927 г. в «Комсомольской правде», в газете, которой руководил тогда блестящий журналист и редактор Тарас Костров (Александр Мартыновский) и где печатался Владимир Маяковский, появилось его стихотворение, связанное с пушкинским юбилеем. Его стихи «Поездка к Пушкину» — несомненная удача:

*Я еду к Пушкину. И поневоле стих
От прежних строк, от городского плена...
Ложится прост и тих.*

Из Ленинграда он посылает новые стихотворения, в том числе «Перед штормом (матросское)», своему саратовскому школьному другу А. Апполову (они сохранились) и пишет ему: «Напиши твое мнение, оценку и вообще, как его находишь. Мне оно прежде очень нравилось. И в отличие от того, что я тебе писал, я бы отнес его к циклу (?) о молодости, если бы у меня он был вообще». Совершенно очевидно, что тогда — в 1927 г. — А. З. Манфред о таком цикле еще мечтал.

«Бланки в революции 1848 г.» получил очень положительную оценку лучшего знатока истории социалистических идей В. П. Волгина, относившегося с тех пор и до

конца своей жизни с исключительным вниманием и доброжелательностью к А. З. Манфреду. Но на пути к поступлению в аспирантуру встретилось непредвиденное препятствие — возраст! Ему было меньше 20 лет, а возрастной ценз для поступления в РАНИОН был выше. Пришлось обратиться к тогдашнему заместителю наркома народного просвещения, известному историку М. Н. Покровскому, ведавшему вопросами высшей школы. Покровский принял юношу чрезвычайно доброжелательно — «для революции возраст никогда не является препятствием», и вопрос был легко улажен. Так кончился саратовский период жизни А. З. Манфреда. Он не стал поэтом, как в течение почти 10 лет думал он сам и его близкие. Он стал историком — и одним из самых выдающихся советских историков. Но этот ранний период его биографии очень важен для понимания некоторых особенностей его «Наполеона», потому мы остановились на нем подробно.

В РАНИОНе А. З. Манфред пробыл три года. Он занимался в семинаре В. П. Волгина по истории социальных идей и Н. М. Лукина по истории социалистического движения в Третей республике. Он избрал тему о социалистическом движении во Франции после Парижской Коммуны, о зарождении Рабочей партии. Его особенно заинтересовал вопрос о влиянии Н. Г. Чернышевского на формирование социалистического мировоззрения Жюль Гедэ, и на эту тему он позднее опубликовал исследовательский этюд, появившийся в томе, посвященном 75-летию его учителя⁴. Еще до окончания РАНИОНа А. З. Манфред был привлечен к работе группы по истории Коминтерна при Институте Ленина, которой руководил известный революционер Бела Кун. Альберт Захарович занялся историей циммервальдского движения в Швейцарии. Тогда же или несколько позднее он имел продолжительную и очень поучительную встречу с Н. К. Крупской, о которой он постоянно тепло вспоминал. В 1929 г. появилась его весьма содержательная статья о швейцарском циммервальдском движении, хорошо документированная и сохранившая свое значение до наших дней⁵.

⁴ *Манфред А. З.* Французское революционное движение после Коммуны и Н. Г. Чернышевский. — В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955.

⁵ См.: *Манфред А. З.* Циммервальдское движение в швейцарской социал-демократии. — Пролетарская революция, 1929, № 7.

За три года талантливый саратовский поэт превратился в профессионального историка. Жизнь его пошла по совершенно другому руслу. И все же писатель, литератор никогда в нем не исчезал. В конце 30-х годов он вновь стал писать стихи — сохранилась тетрадь его стихов. В середине 60-х годов он написал превосходную до сих пор не изданную повесть «В стране белых медведей», где частично вернулся к своему замыслу «Распавшейся глыбы» и описал саратовский период своей жизни.

В декабре 1972 г. он посетил парижское кладбище «Пер-Лашез». В его архиве сохранилась запись об этом посещении. Мы позволим себе привести ее: «На кладбище было пустынно. Я шел вдоль казавшихся нескончаемыми неровных рядов серых надгробных памятников: серый мрамор, серый гранит, известняк серого цвета. Холодное хмурое небо и почти одноцветные серые надгробья разных очертаний и форм как-то перекликались. Здесь нет крестов, и памятники по большей части хранят только имя покоящегося под камнем. Ледрю-Роллен, Альфред де Мюссе, Россини, Фульд. Сколько воспоминаний, какие страсти пробуждали когда-то каждое из этих имен. Сегодня это только холодные жесткие надгробья могил. Смерть всех уравнивает. Соперники, враги, друзья — все это в прошлом, и прекрасный, полный глубокой скорби групповой скульптурный портрет скорбящих, плачущих женщин обозначен двумя словами: „Aux morts“ „Мертвым!“». Здесь все равны: удел каждого — лежать глубоко в земле, на узкой полоске в три аршина, придавленным могильной плитой». Эта запись наглядно свидетельствует, что писатель никогда не исчезал в историке. И потому его так неудержимо влекло к историческому портрету, и потому все, даже самые серьезные его исследования всегда были полны описаний живых людей.

После окончания РАНИОНа Манфред был направлен на педагогическую работу в провинцию. Он преподавал и руководил кафедрами в крупных промышленных центрах — в Ярославле, в Иванове (со второй половины 30-х годов он работал в Якутске). Он проявил себя как талантливый лектор, любимец студенческих аудиторий, прекрасный пропагандист, автор ряда газетных статей и брошюр по проблемам международной политики, зарубежного рабочего и коммунистического движения. Но в его научно-исследовательской деятельности это были все же «голые годы». Он пытался написать работу о цим-

мервальдском движении. В его архиве сохранился отзыв Крупской, рекомендовавшей внести некоторые изменения и дополнения, но в условиях провинции это было невозможно, и брошюра не вышла.

Творческий источник забил вновь после возвращения в Москву в 1940 г., особенно после перехода в 1945 г. на работу в Институт истории Академии наук СССР (позже в Институт всеобщей истории). За 30 лет А. З. Манфред, «пишущий человек», по его собственному определению, сделал и написал исключительно много. Ученый чрезвычайно широкого диапазона, А. З. Манфред обладал обширной эрудицией, недаром он был редактором двухтомной «Всемирной истории». Но все-таки прежде всего и раньше всего он был историком Франции, и интерес к этой стране, к ее прошлому и настоящему был для него главенствующим. Не случайно буквально до последнего дня своей жизни — он скончался 16 декабря 1976 г., на другой день после своего возвращения из Франции, где выступал на конференции в Руайомоне, — он был убежденнейшим и активнейшим защитником идей франко-советского сближения.

Не было, пожалуй, ни одного периода новой истории

Франции, где бы он не сказал своего яркого слова. В 20—30-х годах он занимался Бланки и Жюлем Гедом, созданием Рабочей партии. В 40-х годах, вскоре после возвращения в Москву, он увлекся Жаном Жоресом, выступил и победил в спорах об его оценке, преодолел чисто негативистское отношение к нему, укоренившееся в советской исторической литературе в 30-е годы. В 50—60-е годы он занимался Парижской Коммуной, руководил изданием коллективных трудов, вышедших к ее 90-летию и столетию, внес много нового в освещение первых 10 дней ее существования, когда движением руководил Центральный комитет национальной гвардии. Он изучал историю Франции в 1905 г., прослеживая влияние на нее первой русской революции. Ответственный редактор трехтомной «Истории Франции» от галльских времен и до президентства Помпиду, он был душой большого коллектива из десятков высококвалифицированных специалистов-историков, каждому из которых он мог давать полезные советы, предлагать важные изменения и дополнения. Он был пионером в изучении истории франко-советских отношений и вырастил целую школу исследователей этой проблемы.

Но больше всего А. З. Манфреда интересовали два раздела истории Франции. Прежде всего это была внешняя политика Третьей республики в последней трети XIX в. В 1950 г. он защитил докторскую диссертацию «Внешняя политика Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871—1891 гг.)». Его оппоненты, видные советские историки С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле и Б. Е. Штейн, признали высокие научные достоинства этого труда. Ряд статей А. З. Манфреда по этим вопросам был собран им в сборнике «Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей» (1967). По существовавшим в 40-х годах условиям историк мог только ознакомиться с дипломатическими документами, хранившимися в Архиве внешней политики России, но не мог их опубликовать. Недоступны были ему тогда и французские архивы. Ученый поэтому снова вернулся к этой теме и за год до смерти вышло его капитальное, безупречное с точки зрения полноты документации исследование «Образование русско-французского союза» (1975) — труд, без которого еще долгие годы не сможет обойтись ни один историк внешней политики Франции.

Но была и другая область, которая беспрерывно привлекала к себе внимание ученого. «С давних пор, с юношеских лет и на протяжении всей своей жизни,— писал сам А. З. Манфред в предисловии к своей последней книге «Три портрета»,— я всегда проявлял большой и, можно сказать, возраставший с годами интерес к проблемам Великой французской революции 1789—1794 гг.» Как он сам указывал, в разное время ему довелось написать по этим проблемам «разного рода сочинения: и специальные работы, и работы более общего, концептуального характера, и книги, посвященные отдельным страницам истории той эпохи»⁶.

Уже в 1950 г. А. З. Манфред опубликовал очерк по истории революции, значительно им дополненный и переработанный в 1956 г.⁷

Совместно с В. П. Волгиным историк опубликовал в трех томах Избранные произведения Ж.-П. Марата со своей большой вводной статьей. Впервые на русском языке А. З. Манфред издал и трехтомник произведений М. Робеспьера, которого он высоко ценил. Робеспьеру к 200-летию его рождения он посвятил свою работу «Споры о Робеспьере», которую Б. Ф. Поршнев назвал «блистательной». О Робеспьере А. З. Манфред выступал на международных коллоквиумах⁸. Марату он посвятил отдельную книгу, вышедшую в 1962 г.⁹

Свою концепцию французской революции и свою точку зрения по спорным проблемам истории якобинской диктатуры А. З. Манфред особенно последовательно и глубоко изложил в статье «О природе якобинской диктатуры»¹⁰, переведенной и на французский язык.

А. З. Манфред был главой советских историков, занимавшихся Великой французской революцией. Признанием его заслуг в этой области было его избрание одним из трех почетных председателей Комиссии по истории революции при Международном историческом комитете.

Но самую яркую страницу своей научной деятельности А. З. Манфред вписал своим «Наполеоном Бонапар-

том»¹¹. Все предшествовавшие его работы высоко оценивались, они были хорошо написаны. И все же на всех этих, даже лучших, его работах лежала печать какой-то скованности. По-видимому, ему казалось, что этого требовал стиль строгого, академического, научного исследования, и он сознательно подавлял свой писательский талант, проявлявшийся только в отдельных, поражающих читателя метких портретах исторических персонажей, в его стиле, чем-то напоминавшим высоко им ценимых французских историков Альбера Сореля и Альбера Вандоля. «Наполеон» явился первым произведением А. З. Манфреда, в котором нет ни следа скованности, в котором он говорил «во весь голос».

Писать новую книгу о «Наполеоне» было исключительно смелым замыслом. Как известно, литература о Наполеоне неизмерима, к тому же она исключительно противоречива. Известный голландский историк Питер Гейль опубликовал даже любопытнейший том «За и против Наполеона». Ограничимся только двумя иллюстрациями противоречий в оценках. Фредерик Массон, один из наиболее трудолюбивых исследователей биографии Наполеона, автор десятка томов о нем, считал его «подлинным человеческим чудом», «самым поразительным представителем человеческой расы». А в то же время Лев Толстой определил Наполеона как ничтожнейшее орудие истории: «Никогда до конца жизни своей не мог понимать он ни добра, ни красоты, ни истины, ни значения своих поступков, которые были слишком противоположны добру и правде. Слишком далеки от всего человеческого». Даже в изгнании «этот человек в одиночестве на своем острове играет сам перед собой жалкую комедию, интригует и лжет, оправдывая свои деяния»¹². Луи Арагон в своих воспоминаниях о Морисе Гореце писал, что тот, прочтя «Войну и мир», был в восторге, но никак не мог согласиться с толстовской оценкой Наполеона. Итальянский поход 1796 г. большинство историков и биографов считали самым выдающимся событием и с военной и с политической стороны, обнаружившим весь необыкновенный полководческий талант Наполеона. В то же время крупнейший итальянский историк Г. Ферреро озаглавил свою книгу об этом походе

⁶ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978, с. 19.

⁷ Французское издание этой книги вышло в 1961 г.

⁸ Actes du colloque Robespierre (XII congrès international des sciences historiques. Vienne, 1965). Paris, 1967.

⁹ Статьи А. З. Манфреда о Марате и Робеспьере вошли в его сборник «Очерки истории Франции XVIII—XX вв.» (М., 1964).

¹⁰ См.: Вопросы истории, 1969, № 5.

¹¹ Манфред А. З. Наполеон Бонапарт.— М., 1971; 2-е изд., 1973; 3-е изд., 1979.

¹² Толстой Л. П. Война и мир, т. 3, гл. XXXVIII и Эпilog.

коротко и выразительно «Avventura» («Авантюра»)! Все это, естественно, ставило ряд преград для каждого нового биографа Наполеона, для историка этой сложнейшей эпохи.

Было к тому же одно обстоятельство, удерживавшее А. З. Манфреда, и он сам сказал о нем в предисловии к своей книге. В 1935 г. известнейший советский историк Е. В. Тарле опубликовал после серьезных исследований о континентальной блокаде биографию Наполеона. Она имела большой успех, несколько раз переиздавалась и была переведена на ряд языков, в том числе и на французский. Казалось невероятным, что можно написать новую яркую биографию Наполеона, которая не повторяла бы книгу Тарле. Сам А. З. Манфред описал свой разговор с Е. В. Тарле, в котором тот рассказал о своих колебаниях перед тем как взяться за эту тему. «Такие предшественники! Вальтер Скотт, Стендаль, Толстой... было над чем задуматься! И все-таки, — после паузы добавил он, — я решился!»¹³ К числу предшественников А. З. Манфред мог добавить самого Е. В. Тарле, Жоржа Лефевра, Луи Мадлена, Андре Моруа, Эмиля Людвига, Бертрана Рассела — и все же он решился и выдержал испытание с блеском.

Книга эта потребовала от автора огромного труда. В те годы, когда он занят был этой темой, я всегда встречал его с портфелем, наполненным книгами, взятыми по библиотечному абонементу. Не видя у него обычных для историка карточек и листов с выписками из книг, я как-то попросил Альберта Захаровича ознакомить меня с его «лабораторией». Он любезным жестом указал мне на проем между письменным столом и окном его кабинета. Мне никогда в голову не приходило туда заглядывать; оказалось, что там высокой стопкой были уложены объемистые фолианты конторских книг и папок, содержавших выписки.

«Наполеон» свидетельствует об исключительной эрудиции автора. Он тщательно использовал все опубликованные печатные первоисточники: многотомную «Переписку» Наполеона вместе со всеми изданными в последующие годы приложениями (Лесестра и др.); публикации А. С. Травецкого в изданиях Российского общества, советскую публикацию «Дипломатических документов».

Он привлек и архивные рукописные источники из парижского Национального архива (в особенности в главах VI и VII о 18 и 19 брюмера) и Архива внешней политики России, в том числе донесения русских дипломатических агентов в Париже, Вене, Мадриде, Берлине, Дрездене, Флоренции, Турине, Неаполе и т. д. Интереснейшей находкой явились открытые им впервые документы о пребывании в России генерала Дюмуре, этого человека с любопытнейшей судьбой — тайного агента Людовика XV в Польше, министра жирондистского правительства, победителя при Жемаппе войск интервентов, изменившего революции, а в 1801 г. попытавшегося вступить в переговоры с Павлом I. Почти вся IX глава «Поиски союза с Россией» построена на неизданных документах, в том числе тетрадах генерала Спренгпортена, главы русской миссии в Париже в 1800 г.

Мастерски использованы многочисленные мемуары, в том числе Бурьенна, Понтекулана, Гойе, Барраса, Талейрана, Меттерниха, Фуше, Тибодо, Редерера, Шантала, Буле из Мерты, Годена, Коленкура, Савари, Паскье, Марбо, членов наполеоновской семьи — Люсьена, Жозефа, Гортензии, наполеоновских генералов — Мармона, Журдана, Сюше, Макдональда, Лавалетта, Бертрана, Гурго, воспоминания герцогини д'Абрантес, госпожи Ремюза и, конечно, знаменитый «мемориал» Ласказа. Удачно использована пресса не только французская, но и русская того времени — «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», карамзинский «Вестник Европы», «Сын отечества» — и более поздние — «Русская старина», «Русский архив» Бартенева и т. д. Привлечен исключительно широкий круг литературы — и все классические труды, и редчайшие работы начала XIX в., и новейшие издания, появившиеся в связи с 200-летием рождения Наполеона.

Но книга ценна не только эрудицией автора, она интересна мастерским марксистским анализом классовой обстановки эпохи. Между Сциллой и Харибдой, между апологетической оценкой Массона, Дрио, Луи Мадлена и полным негативизмом Льва Толстого он сумел дать наиболее взвешенную оценку, близкую к той, которую в своем последнем труде дал замечательный французский историк Жорж Лефевр. В отличие от Е. Тарле, который уделил в своей работе только десять страниц молодому Наполеону, А. З. Манфред посвятил ему две главы —

¹³ Там же, с. 7.

«Под знаменем идей Просвещения» и «Солдат революции», где превосходно обрисовал раннего Бонапарта, ученика Руссо и Рейналя, якобинца и даже робеспьериста. Но он вовсе не «смыкает печальные строки», выражаясь словами Пушкина, не затушевывает постепенное падение Наполеона и превращение его в «самовластного порабощителя Европы». Он дает подлинный и верный портрет Бонапарта.

Но что придает книге особый блеск, что завоевало ей души сотен тысяч советских читателей — это ее замечательная литературная форма. В этом отношении она стоит выше всех прежних произведений А. З. Манфреда, как бы хорошо они ни были написаны. Именно в ней проявился ничем не скованный его бесспорный и значительный литературный талант. И от этой книги тянутся какие-то невидимые нити к раннему, саратовскому периоду его жизни. Она открыла новую страницу в творчестве историка. Он сам писал о своей книге «Марат»: «Если бы я писал ее сейчас, 13 лет спустя (А. З. писал это в 1976 г. — В. Д.), то она была бы написана несколько иначе»¹⁴. Эта новая манера видна и в последней, опубликованной уже посмертно книге «Три портрета», особенно в замечательной второй главе этой книги «Мирабо», и в фрагменте, написанном не позднее 1974 г., «Конец Жан-Жака».

Известный советский писатель Вениамин Каверин писал о мастере советской прозы Константине Паустовском: «Его любят потому, что по каждой строке, по каждой странице видно, что ему самому необычайно интересно писать — это мгновенно передается читателю»¹⁵. Своего «Наполеона Бонапарта» А. З. Манфред писал с величайшим интересом, чрезвычайно увлеченно. Она написана, как говорят немцы, «aus einem Guß» — из «одного слитка», на одном дыхании, во всю мощь таланта, дарованного Альберту Манфреду, и потому она явилась его шедевром, его «carolavogo»¹⁶.

И читатель это оценил. В архиве историка сохранилось около 500 восторженных писем по поводу его книги — от историков, писателей, дипломатов, военных, учителей, студентов, школьников. Мы приведем только одно письмо, из далекой Австралии, от совершенно неожиданной чита-

тельницы — родственницы Н. М. Карамзина, автора «Истории государства Российского». «Я, русская женщина, Александра Васильевна Алексеева, прочла книгу... и была поражена глубиной и пониманием автора образа Наполеона Бонапарта... Так писать и так понимать историю и человеческую личность, великую человеческую личность и роль простого народа, крестьян и рабочих, могут только в Советском Союзе и иногда в царской России такие, как, например, Н. М. Карамзин „История государства Российского“... мой дальний родственник, чем я очень горжусь»¹⁷.

* * *

«В последнее время, — писал А. З. Манфред в предисловии к „Трем портретам“, — у меня появилась склонность — мне нелегко сказать, хорошо это или плохо, не мне судить — раскрывать внутреннее содержание больших общественных процессов, к которым относятся и революции, через изображение отдельных их деятелей... Порой рассматривая бурные события эпохи „снизу“ и одновременно „сверху“, с той вышки, на которую ход событий поставил того или иного человека, вы начинаете лучше постигать содержание эпохи»¹⁸.

«Плохо или хорошо» — читатель рассудил. Свидетельством тому явился огромный, небывалый для исторических книг успех «Наполеона» и «Трех портретов», — успех и у массового читателя, и специалистов. В лице А. З. Манфреда советская наука имела самого блестящего мастера исторического портрета.

¹⁴ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции, с. 134.

¹⁵ Литературная газета, 1977, 10 авг.

¹⁶ «Главным трудом» (ит.).

¹⁷ Из архива А. З. Манфреда — письмо А. Алексеевой.

¹⁸ Манфред А. З. Три портрета. ..., с. 19.